G 93/57
3a 1908

Д 93/57

64/634

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ

Журналовъ собраній Совѣта

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1908 годъ.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1909.

9 93/57

634

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ

Журналовъ собраній Совѣта

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

за 1908 годъ.

Сергіевъ Посадъ.

Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры.

1909.

Оттиски изъ №№ „Богословскаго Вѣстника“ за 1908 и 1909 г. г.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА С. С. С. Р.
им. В. И. ЛЕНИНА
831261

Печатать разрѣшается. Іюля 2 дня, 1909 года.
Ректоръ Академіи Епископъ *Евдокимъ*.

ЖУРНАЛЫ
СОБРАНІЙ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
за 1908 годъ.

---

31 января 1908 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи — экстраординарный профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (нынѣ временный преподаватель) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и Н. Г. Городенскій.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1907 г. Декаб. 31. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“ — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 декабря 1907 года за № 15574:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 3-го Ноября сего года зъ № 442, съ ходатайствомъ объ увольненіи экстраординарнаго профессора Московской духовной академіи Ивана Андреева, согласно его прошенію, отъ должности редактора академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ и объ утвержденіи

въ означенной должности экстраординарнаго профессора той же академіи коллежскаго совѣтника Александра Покровскаго. Приказали: Въ уваженіе настоящаго ходатайства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: экстраординарнаго профессора Московской духовной академіи Ивана *Андреева*, согласно прошенію, уволить отъ должности редактора журнала „Богословскій Вѣстникъ", а вмѣсто него редакторомъ означеннаго журнала назначить экстраординарнаго профессора той же академіи коллежскаго совѣтника Александра *Покровскаго*, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, и увѣдомить Ваше Преосвященство указомъ, а въ Канцелярію Оберъ-Прокурора передать выписку изъ настоящаго опредѣленія".

Справка: Редакціонныя приходо-расходныя книги, документы и денежныя суммы, находившіяся на рукахъ у бывшаго редактора академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ" — экстраординарнаго профессора И. Д. Андреева, Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 10 ноября 1907 года за № 73 назначеннаго исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, сданы имъ вновь назначенному на эту должность экстраординарному профессору А. И. Покровскому.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью „1908 г. Янв. 29. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи" — указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 9 января 1908 года за № 222:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленные Преосвященными Митрополитомъ Кіевскимъ, отъ 18 Января 1907 г., и Архіепископомъ Казанскимъ, отъ 8 того же Января, за №№ 107 и 11, отчеты о состояніи Кіевской и Казанской духовныхъ академій за 1905—6 учебный годъ. И, по справкѣ, приказали: Означенные отчеты принять къ свѣдѣнію, поручивъ при семъ Совѣтамъ С.-Петербургской и Московской духовныхъ академій представить Святѣйшему Синоду положенные *отчеты о состояніи сихъ академій за 1905—1906 учебный годъ*; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Справка: Отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи за 1905—1906 учебный годъ представленъ былъ Совѣтомъ Академіи Его Высокопреосвященству своевременно—при журналѣ собранія Совѣта 1 октября 1906 года, помѣченномъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 3 ноября 1906 года за № 5164. — Какъ видно изъ сданнаго въ Академію черноваго отпуска, означенный отчетъ представленъ былъ Его Высокопреосвященствомъ Святѣйшему Синоду при донесеніи отъ 3-го ноября 1906 года за № 459.

Опредѣлили: 1) Изложенное въ справкѣ почтительнѣйше представить на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства. — 2) Экземпляръ „Отчета о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1905—1906 учебномъ году", для представленія онаго, въ случаѣ надобности, Святѣйшему Синоду, приложить къ журналу настоящаго собранія.

III. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) *19 декабря 1907 года, № 18*: „1908 г. Янв. 21. По ст. X. Профессорскому стипендіату Семидалову разрѣшается четырехмѣсячный отпускъ съ правомъ пользоваться за это время назначеннымъ ему окладомъ. Прочее принято къ свѣдѣнію".

б) *20 декабря 1907 года, № 19:* „1908 г. Янв. 25. Смотрѣно".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

IV. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *декабрѣ* мѣсяцѣ минувшаго 1907 года, изъ которой видно, что — а) *по болѣзни*: исправляющіе должность доцента и лекторы новыхъ языковъ И. М. Громогласовъ и Д. Г. Коноваловъ опустили по 12 лекцій, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и и. д. доцента Н. Л. Туницкій—по 6 лекцій, экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—5 лекцій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій, экстраординарные профессоры И. В. Поповъ, П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ и и. д. доцента Е. А. Воронцовъ—по 4 лекціи, и. д. доцента А. П. Орловъ—3 лекціи, временный преподаватель—заслуженный ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ, ординар-

ный профессоръ А. И. Введенскій, экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій и и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи и Инспекторъ Академіи экстраординарный профессоръ А. П. Шостьинъ—1 лекцію: б) *по служебнымъ обязанностямъ*: заслуженный ординарный профессоръ А. Д. Бѣляевъ—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

V. Отношеніе Г. Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета отъ 22 января за № 68:

Въ виду состоявшагося назначенія Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству, послѣдовавшимъ 10 ноября 1907 года за № 73, экстраординарнаго профессора Московской Духовной Академіи, магистра богословія, Статскаго Совѣтника Ивана Дмитріевича *Андреева* исп. должн. экстраординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ исторіи церкви, имѣю честь покорнѣйше просить Академію о доставленіи копіи съ формулярнаго о службѣ списка проф. Андреева и личныхъ его документовъ, а также не отказать сообщить, по какое число былъ удовлетворенъ проф. Андреевъ жалованьемъ, квартирными и столовыми деньгами отъ Академіи".

Опредѣлили: 1) Выслать Г. Ректору Императорскаго С.-Петербургскаго Университета копію формулярнаго списка о службѣ и личные документы бывшаго экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ новой гражданской исторіи, Статскаго Совѣтника, И. Д. Андреева и сообщить, что жалованьемъ, столовыми и квартирными деньгами профессоръ Андреевъ удовлетворенъ былъ отъ Академіи по 9-е ноября 1907 года включительно.—2) Временное исполненіе преподавательскихъ обязанностей по каѳедрѣ *новой гражданской исторіи* поручить, съ 1 февраля 1908 года, бывшему (съ 1893 по 1895 г.г.) преподавателю этого предмета, нынѣ ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскому*, съ производствомъ ему, согласно § 60 устава духовныхъ академій, особаго вознагражденія въ размѣрѣ жалованья доцента,—о чемъ и представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VI. Отношенія Г. Начальника Московскаго Почтово-телеграфнаго Округа:

а) отъ 21 декабря 1907 года за № 33993:

„Главное Управленіе Почтъ и Телеграфовъ, разсмотрѣвъ представленную мною переписку по поводу взысканія съ Совѣта Академіи штрафа въ размѣрѣ 24 р. 30 к. за пересылку казеннаго письма съ недозволеннымъ вложеніемъ за № 365, адресованнаго Совѣтомъ въ Казань на имя Высокопреосвященнаго Архіепископа Димитрія, разъяснило, что, согласно ст. 13 закона 16 іюня 1905 года, пересылка по почтѣ періодическихъ казенныхъ изданій всѣмъ безъ исключенія подписчикамъ подлежитъ оплатѣ, посему и предписано взыскать за пересылку въ помянутомъ письмѣ журнала „Богословскій Вѣстникъ“ почтовый сборъ въ ординарномъ размѣрѣ, т. е. по 7 к. за каждый лотъ, а всего за 27 лотъ— 1 р. 89 к. Сообщая объ изложенномъ Совѣту Академіи, вслѣдствіе отношенія отъ 17 сентября с/г за № 962, прошу означенную сумму препроводить ко мнѣ почтовыми марками“.

б) отъ 4 января 1908 года за № 643:

„Присланныя при отношеніи отъ 31 декабря 1907 года за № 1288 одинъ рубль 89 к. (почтовыми марками) мною получены, о чемъ и сообщаю Совѣту Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Отношеніе Черниговскаго Предварительнаго Комитета по устройству XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ, отъ 5 января 1908 года за № 13:

„Комитетъ имѣетъ честь обратиться къ Совѣту Московской Духовной Академіи съ покорнѣйшею просьбою не отказать принять участіе въ предстоящемъ XIV Археологическомъ Съѣздѣ, имѣющемъ быть въ Черниговѣ съ 1-го по 15-е августа текущаго года.

О томъ, кто изъ представителей Академіи имѣетъ пожаловать на Съѣздъ, Комитетъ проситъ заблаговременно увѣдомить его“.

Опредѣлили: 1) Депутатами отъ Академіи для участія въ засѣданіяхъ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ назначить ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики, *А. П. Голубцова* и

экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнова*, изъявившихъ на то свое согласіе.—2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства, предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ профессорамъ А. П. Голубцову и С. И. Смирнову потребной въ пособіе на путевые расходы и содержаніе въ г. Черниговѣ суммы въ размѣрѣ *двухсотъ рублей* (*200 р.*) каждому.

VIII. Отношенія:

а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 18 декабря 1907 года за № 1732, съ препровожденіемъ рукописи изъ Древлехранилища Погодина за № 76 (Пятокнижіе Моисеево XV вѣка).

б) Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, отъ 18 декабря за № 1544, съ препровожденіемъ журналовъ: Всемірный трудъ 1869 г. № 11, Отечественныя Записки 1863 г. № 9, Современникъ 1863 г. № 3—4, Библіотека для чтенія 1862 г. № 12 и Вѣстникъ Европы 1869 г. № 12.

в) Графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой, съ препровожденіемъ двухъ рукописей собранія Графа Уварова за №№ 476 (514) и 670 (806).

Справка: Означенныя рукописи и журналы, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

г) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 18 января 1908 г. за № 106, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописей, возвращенныхъ въ Библіотеку при отношеніи Совѣта Академіи отъ 10-го января 1908 года за №№ 42 (Собранія графа Толстого №№ 240 (460) и 356 (296) и 43 (сочин. князя Одоевскаго въ трехъ папкахъ за №№ 67, 68 и 69).

д) Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, отъ 19 января за № 82, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописей возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи при отношеніи отъ 10 января 1908 г. за № 41 (изъ собранія Ундольскаго № 1026 и изъ собранія Тихонравова № 29).

е) Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 15 января за № 32:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 3 сего января за № 6, Московскій Архивъ Министерства Юстиціи имѣетъ честь сообщить,

что хранящееся въ Архивѣ дѣло объ открытіи Тобольской архіепископіи не можетъ быть выслано въ Совѣтъ Академіи, такъ какъ со времени допущенія постороннихъ лицъ къ занятіямъ въ архивѣ (въ присутственное время отъ 11 до 3 час.), документы изъ него согласно ст. 25 архивныхъ правилъ, утвержденныхъ Министромъ Юстиціи 16 сент. 1889 г., могутъ быть высылаемы лишь въ ученыя учрежденія, имѣющія на то право по своимъ уставамъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Отношенія:

а) Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 26 января за № 114:

„Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи выслать для научныхъ занятій профессора Академіи протоіерея І. Н. Королькова, на три мѣсяца, принадлежащія Академіи рукописи:

№ 3, толкованіе на Лѣствицу Св. Іоанна Лѣствичника (14—15 в.в.).

№ 122 (Іосифовской библіотеки) такое же толкованіе на Лѣствицу (нумерація означена по книгѣ проф. А. И. Соболевскаго, переводная литература 14—17 в.в., стр. 19).

б) Правленія Псковской Духовной Семинаріи отъ 21 января за № 43:

„Вслѣдствіе просьбы преподавателя Псковской Духовной Семинаріи Николая Серебрянскаго, Правленіе Семинаріи честь имѣетъ ходатайствовать предъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи о высылкѣ Правленію Семинаріи изъ Академической библіотеки, на недѣльный срокъ, книги „Гласникъ Српскогo ученаго друштва". Книга III т. XX. У Београду 1866, необходимой для научныхъ занятій преподавателя Серебрянскаго".

Опредѣлили: Выслать въ Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи и въ Правленіе Псковской Духовной Семинаріи означенныя въ отношеніяхъ рукописи и книгу на испрашиваемые сроки.

X. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи *Д. Г. Коновалова* о выпискѣ необходимыхъ для его научныхъ занятій книгъ и рукописей (дѣлъ) изъ Императорской

Публичной Библіотеки и изъ архивовъ: Туркестанской и Симбирской духовныхъ консисторій, Екатеринославскаго Окружнаго, Симбирскаго Окружнаго и Сыръ-Дарьинскаго Областного судовъ.

Опредѣлили: Просить поименованныя учрежденія о высылкѣ въ Академію, на четырехмѣсячный срокъ, означенныхъ въ прошеніи и. д. доцента Д. Г. Коновалова книгъ и рукописей (дѣлъ).

XI. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго:*

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются слѣдующія преміи:

а) Митрополита Московскаго Макарія въ 485 рублей,—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи; *б) Митрополита Московскаго Макарія въ 291 рубль*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и *в) Епископа Курскаго Михаила въ 201 рубль*—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію“.

б) Представленіе ординарнаго профессора Академіи *С. С. Глаголева:*

„Совѣту Академіи въ настоящемъ засѣданіи предстоитъ рѣшить вопросъ о допущеніи къ конкурсу сочиненій преподавателей академіи на премію М. Макарія. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ остановить вниманіе Совѣта на вышедшей въ концѣ прошлаго года книгѣ проф. М. М. Тарѣева—Христіанская проблема и русская религіозная мысль. 1907, какъ работѣ особенно заслуживающей преміи.

Глубоко содержательная книга (245 стр.) М. М. Тарѣева выполняетъ двѣ задачи: авторъ 1) даетъ и обосновываетъ свое пониманіе христіанства и 2) подвергаетъ анализу и критическому разбору пониманіе христіанства у русскихъ мыслителей различныхъ типовъ.

Свои личные взгляды М. М. Тарѣевъ развиваетъ главнымъ образомъ въ предисловіи (1—22) и статьѣ „теорія христіанской свободы“ (206 — 219). Онъ опредѣляетъ христіанство, какъ религію абсолютную, поднимающуюся надъ временемъ, исторіей и природой. Онъ разсматриваетъ далѣе христіанство, какъ религію глубоко индивидуалистическую, въ ко-

торой каждый обращается прямо къ Богу, какъ къ своему небесному Отцу. М. М. Тарѣевъ разграничиваетъ сферу религіозную отъ цикла явленій и фактовъ естественныхъ. Признавая, что въ прошедшемъ смѣшеніе сферы религіозной и нерелигіозной было неизбѣжно, онъ полагаетъ, что это смѣшеніе должно быть уничтожено въ будущемъ и что оно приноситъ вредъ въ настоящемъ. На основаніи своей теоріи онъ устанавливаетъ практическую формулу, которой должно руководиться въ дѣятельности: „свобода въ религіи, солидарность въ общественныхъ дѣлахъ и необходимость въ природно-исторической жизни“ (стр. 212).

Предлагая свое рѣшеніе христіанской проблемы, М. М-чъ вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ, анализируетъ и подвергаетъ критическому разбору взгляды на христіанство выдающихся русскихъ мыслителей: Л. Н. Толстого, Ѳ. М. Достоевскаго, архим. Ѳ. Бухарева, В. С. Соловьева, В. В. Розанова. Попутно при разборѣ воззрѣній Толстого авторъ касается взглядовъ Минскаго и при анализѣ типовъ Достоевскаго воззрѣній Мережковскаго. Писатели, съ которыми имѣетъ дѣло нашъ авторъ, отличаются плодовитостью, каждый изъ нихъ далъ по нѣскольку большихъ томовъ, и однако авторъ изъ многаго съумѣлъ извлечь существенное такъ, что оно улеглось у него на очень немногихъ страницахъ. Весьма поучительно отношеніе проф. Тарѣева къ тѣмъ мыслителямъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Говорятъ, что критика есть дѣло легкое, и дѣйствительно, критика, какъ она обычно поставлена у насъ въ Россіи и на западѣ, является дѣломъ необычайно легкимъ. Обыкновенно критикъ примѣриваетъ разбираемые имъ взгляды къ прокрустову ложу своего лиллипутовскаго міросозерцанія и сообразно съ тѣмъ,—подходятъ или не подходятъ взгляды автора къ его мѣркѣ, высказываетъ ему одобреніе или порицаніе. Иногда, когда критикъ заранѣе задался цѣлью разнести автора, онъ не смущаясь приписываетъ автору нелѣпые взгляды, которыхъ тотъ никогда не держался, и побѣдоносно ихъ опровергаетъ. Проф. Тарѣевъ прекрасно знаетъ ту истину, которую Гамлетъ тщетно пытался выяснить Розенкранцу и Гильденштерну (Hamlet, Act III, Scene II. Pearson's Shaxespeare edited by Howard Staunton, Vol. III, p. 367). Эта истина состоитъ въ томъ, что трудно понять человѣка и необходимо понять его. Глубоко ножомъ

своего анализа проникаетъ нашъ авторъ въ душу мыслителей, о которыхъ говоритъ. Онъ не сравниваетъ ученія Толстого съ богословскими и философскими трафаретками, онъ его анализируетъ, и мы видимъ въ этомъ блестящемъ и художественномъ анализѣ, какъ скудна и бѣдна теорія безрелигіозной жизни Толстого въ первый періодъ его дѣятельности и теорія безжизненной религіи во второй. Нашъ авторъ прежде всего выясняетъ писателя, по возможности вскрываетъ корни его міросозерцанія и затѣмъ, если нужно, полемизируетъ съ нимъ. Путь естественный и единственно правильный, но путь трудный, которымъ идутъ немногіе.

Мнѣ нѣтъ нужды объяснять высокую важность труда проф. Тарѣева. Мыслители, о которыхъ онъ говоритъ, имѣютъ громадный кругъ читателей и почитателей. Они имѣютъ сильное вліяніе на русскую общественную мысль. Устанавливая правильный взглядъ на этихъ мыслителей и правильную оцѣнку ихъ воззрѣній, проф. Тарѣевъ вмѣстѣ съ тѣмъ направляетъ русскую общественную мысль по тому руслу, которое скорѣе и вѣрнѣе всего приведетъ къ истинѣ.

Позволю себѣ остановить вниманіе Совѣта на слѣдующемъ. Вмѣстѣ съ изданіемъ этой своей новой работы проф. Тарѣевъ предпринялъ переизданіе своихъ трудовъ объ основахъ христіанства въ 4-хъ томахъ. Онъ затратилъ на это уже болѣе двухъ тысячъ рублей. Наши скромныя преміи имѣютъ своею задачею служить пособіемъ преподавателямъ для изданія ихъ сочиненій и наградою за лучшія сочиненія. Съ какой-бы точки зрѣнія кто не захотѣлъ рѣшать вопросъ о преміяхъ, каждый, я думаю, долженъ признать, что проф. Тарѣевъ безусловно заслуживаетъ преміи и долженъ получить ее".

в) Представленіе экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*:

„При предстоящемъ присужденіи преміи митрополита Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи прошу Совѣтъ Академіи обратить вниманіе на изслѣдованіе профессора А. П. Голубцова: Соборные чиновники и особенности службы по нимъ. Первая половина изслѣдованія. М. 1907 г. Названное изслѣдованіе—плодъ многолѣтняго труда въ области мало разработанной по первоисточникамъ, въ значительной степени рукописнымъ. Оно выполнено

съ научнымъ самоотверженіемъ и образцовой тщательностью, даетъ много новаго для исторіи христіанскаго богослуженія въ древней Руси. Въ общемъ сочиненіе А. П. Голубцова смѣло можно причислить къ капитальнымъ научнымъ работамъ".

Справка: 1) Правилъ о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія, утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ,—а) *п. п. 10—11*: „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи Совѣта каждый членъ Совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году, онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, при чемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія. — Въ томъ же засѣданіи рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ быть, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, допущены къ соисканію преміи".—б) *п. п. 4—5*: „Второй преміи (въ 291 р.) удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена въ Московской Духовной Академіи, и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей же Академіи. — Воспитанники Академіи, получившіе за свое кандидатское сочиненіе премію Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа (въ 165 р.) или премію протоіерея Невоструева (въ 200 р.), уже не имѣютъ права на полученіе преміи Преосвященнаго Митрополита Макарія за свое магистерское сочиненіе, если оно составляетъ только передѣлку кандидатскаго".—2) Изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи утвержденъ въ 1907-мъ году въ степени магистра богословія преподаватель Калужской духовной семинаріи Иванъ *Троицкій*, представившій и удовлетворительно защитившій диссертацію подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества", 1907 г. — Кандидатское сочиненіе г. Троицкаго на ту же тему удостоено было Совѣтомъ Академіи, по опредѣленію отъ 12 декабря 1902 года, преміи протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 рублей.—3) *Положенія о преміи Епископа Курскаго Михаила § 7*: „Сочиненія поступаютъ на соисканіе преміи только слѣдующимъ порядкомъ: ежегодно, ко времени январскаго засѣданія Совѣта, каждый преподаватель Академіи можетъ внести въ

Совѣтъ, чрезъ предсѣдателя Совѣта, предложеніе, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ въ прошедшемъ году, онъ находитъ заслуживающимъ преміи, при чемъ представляетъ письменное указаніе достоинствъ сочиненія".

Опредѣлили: 1) Труды ординарныхъ профессоровъ Академіи *А. П. Голубцова* („Соборные чиновники и особенности службы по нимъ. Первая половина изслѣдованія", 1907 г.) и *М. М. Тарѣева* („Христіанская проблема и русская религіозная мысль", 1907) имѣть въ виду при назначеніи въ мартовскомъ собраніи преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи.— 2) Магистерскую диссертацію преподавателя Калужской духовной семинаріи Ивана *Троицкаго* допустить къ соисканію преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.—3) Присужденіе преміи Епископа Курскаго Михаила, за отсутствіемъ предложеній о сочиненіяхъ, заслуживающихъ оной,—отложить до слѣдующаго года.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Февр. 15. Смотрѣно".

6 марта 1908 года.

№ 2.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—экстраординарный профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессоры И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.— Отсутствовали: заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарные профессоры А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. а) Сообщенную Правленіемъ Академіи копію указа на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода (сданнаго Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Февр. 16. Въ Правленіе Московской Духовной Академіи") отъ 14 февраля с/г за № 1804:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 8 сего февраля за № 286, журналъ Учебнаго Комитета, № 72, о замѣщеніи должности инспектора Казанской духовной семинаріи, освободившейся за назначеніемъ Василія Бѣликова ректоромъ той же семинаріи. Приказали: Согласно заключенію Учебнаго Комитета, назначить помощника секретаря Совѣта и Правленія Московской духовной академіи Михаила *Бенеманскаго* на должность инспектора Казанской духовной семинаріи; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

б) Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 20 февраля за № 1639:

„Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 13 февраля 1908 года, за № 938, помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Московской Духовной Академіи Михаилъ *Бенеманскій* назначенъ инспекторомъ Казанской духовной семинаріи, о чемъ должно быть сообщено въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію по Инспекторскому Отдѣлу для внесенія даннаго опредѣленія въ Высочайшій приказъ по вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Въ виду сего, Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской духовной академіи сообщить свѣдѣнія о вышеназванномъ лицѣ по прилагаемой при семъ формѣ".

Справка: Требуемыя свѣдѣнія сообщены въ Канцелярію Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода при отношеніи Совѣта отъ 26 февраля за № 114.

в) Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи помощника инспектора Рязанской духовной семинаріи, кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1905 года Николая *Шафранова*:

„Покорнѣйше прошу, Ваше Преосвященство, опредѣлить меня на должность помощника секретаря при Московской Духовной Академіи".

Справка: По произведенной баллотировкѣ оказалось, что кандидатъ Шафрановъ избранъ на вакантную должность помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи, съ 16 августа сего 1908 года, единогласно.

Опредѣлили: 1) Копію съ формулярнаго о службѣ списка и личные документы бывшаго помощника секретаря Совѣта

и Правленія Академіи М. И. Бенеманскаго препроводить въ Правленіе Казанской духовной семинаріи.—2) Просить Правленіе Рязанской духовной семинаріи сообщить Совѣту Академіи, не встрѣчается-ли со стороны Правленія препятствій къ перемѣщенію помощника инспектора семинаріи Николая Шафранова, съ начала будущаго учебнаго года, т. е. съ 16 августа 1908 года,—на должность помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи, и въ случаѣ неимѣнія таковыхъ, вести дѣло о перемѣщеніи установленнымъ порядкомъ.—3) Исправленіе должности помощника секретаря поручить секретарю Совѣта и Правленія Академіи Н. Д. Всѣхсвятскому.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *31 января 1908 года, № 1-й*: „1908 г. Февр. 15. Смотрѣно".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ сего 1908 года, изъ которыхъ видно, что:

1) *въ январѣ* мѣсяцѣ—а) *по болѣзни и домашнимъ обстоятельствамъ*: исправляющіе должность доцента и лекторы новыхъ языковъ И. М. Громогласовъ и Д. Г. Коноваловъ опустили по 12 лекцій; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—2 лекціи; в) *по болѣзни*: ординарный профессоръ А. И. Введенскій—7 лекцій, и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—5 лекцій, экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ—4 лекціи, временный преподаватель—заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій и и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—по 2 лекціи.

2) *въ февралѣ* мѣсяцѣ—а) *по болѣзни*: и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ опустилъ 8 лекцій, экстраординарный пророфессоръ П. П. Соколовъ—4 лекціи, ординарный профессоръ А. А. Спасскій и экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій—по 2 лекціи; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—1 лекцію.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Донесеніе ординарнаго профессора *М. М. Тарѣева* и и. д. доцента Академіи *Д. Г. Коновалова,* ревизовавшихъ академическую библіотеку:

„По порученію Совѣта Академіи отъ 21 сентября 1906 г. мы произвели ревизію академической библіотеки и о результатахъ произведенной ревизіи имѣемъ честь донести Совѣту Академіи слѣдующее:

1) Мы просмотрѣли счетъ на содержаніе библіотеки и выписку періодическихъ изданій по Московской Духовной Академіи за 1906 гражданскій годъ и, свѣривъ его показанія съ фактическими издержками по содержанію библіотеки, нашли, что онъ оправдывается послѣдними.

2) Мы провѣрили отчетъ г. библіотекаря Академіи за 190⁵/₆ академическій годъ, при чемъ оказалось, что онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ показанной въ немъ дѣйствительности.

3) Частичная провѣрка принадлежащихъ академической библіотекѣ книжныхъ богатствъ не дала намъ ни одного случая, когда бы затребованная книга или не оказалась на лицо или не значилась взятою кѣмъ-либо изъ пользующихся библіотекою по мѣстнымъ библіотечнымъ карточкамъ.

4) Выдача и обратный пріемъ книгъ въ библіотекѣ производится въ установленное время и съ точнымъ соблюденіемъ существующихъ на этотъ предметъ правилъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе Канцеляріи Государственной Думы отъ 23 февраля за № 687:

„По распоряженію Секретаря Государственной Думы Канцелярія извѣщаетъ о внесеніи Васъ въ списокъ учрежденій, которымъ будутъ высылаться *стенографическіе отчеты засѣданій Думы.*

Вмѣстѣ съ симъ Канцелярія проситъ Васъ съ своей стороны не отказать въ присылкѣ въ Библіотеку Государственной Думы вашихъ изданій“.

Опредѣлили: Поручить редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“ высылать въ Библіотеку Государственной Думы одинъ экземпляръ журнала, о чемъ и увѣдомить Канцелярію Государственной Думы, съ выраже-

ніемъ благодарности за высылку стенографическихъ отчетовъ засѣданій Думы.

VI. а) Отношеніе Императорской Археографической Коммиссіи отъ 16 февраля за № 127:

„Императорская Археографическая Коммиссія, съ благодарностью возвращая при семъ двѣ рукописи подъ №№ 202 и 218 (по описанію архимандрита Леонида №№ 32 и 33), присланныя при отношеніи Академіи отъ 8 января 1907 г. за № 6, проситъ о полученіи Коммиссію увѣдомить".

б) Отношеніе Правленія Псковской Духовной Семинаріи отъ 25 февраля за № 105:

„Правленіе Псковской Духовной Семинаріи при семъ имѣетъ честь препроводить въ Совѣтъ Академіи 3-ю книгу XX тома „Гласника Српского ученаго друштва" у Београду, 1866,—высланную при отношеніи Совѣта, отъ 16 февраля сего года за № 93, для занятій преподавателя семинаріи Н. Серебрянскаго.

Справка: Означенныя въ вышеизложенныхъ отношеніяхъ рукописи и книга получены и сданы въ фундаментальную академическую библіотеку.

в) Письмо г. ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго Университета *Е. В. Пѣтухова* отъ 14 февраля:

„Въ январской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника" за 1908 годъ, среди протоколовъ Московской Духовной Академіи я прочелъ постановленіе Совѣта оной объ истребованіи отъ меня, черезъ г. Ректора Императорскаго Юрьевскаго Университета, возвращенія взятой мною для научнаго пользованія рукописи изъ Студенческой Библіотеки Академіи, содержащей проповѣди Гавріила Бужинскаго. Не дожидаясь обращенія ко мнѣ г. Ректора нашего Университета, имѣю честь возвратить при семъ, съ благодарностью, означенную рукопись въ Совѣтъ Академіи особой, цѣнной посылкой, но считаю своимъ долгомъ и правомъ объяснить слѣдующее. Рукопись выдана была мнѣ съ разрѣшенія Преосвященнаго Антонія, бывшаго ректора Московской Духовной Академіи, безъ всякаго указанія на срокъ ея возвращенія. Хотя изданіе проповѣдей Гавріила Бужинскаго, для коего академическая рукопись послужила важнѣйшимъ матеріаломъ, было выпущено мною еще въ 1901 году, однако я удерживалъ у

себя самую рукопись, надѣясь ею еще воспользоваться для предположеннаго мною къ изданію изслѣдованія о Гавріилѣ Бужинскомъ. Другія текущія работы задерживали и задерживаютъ появленіе въ свѣтъ этого изслѣдованія. Никакого предварительнаго требованія о возвратѣ рукописи лично ко мнѣ отъ Академіи не поступало, и я считалъ себя вправѣ удерживать ее у себя въ ожиданіи болѣе свободнаго времени для окончанія моей работы. При такихъ обстоятельствахъ постановленіе Академіи является для меня совершенно непонятнымъ и можетъ имѣть такой смыслъ, какъ будто я желаю удерживать у себя рукопись во что бы то ни стало. Не желая допустить относительно себя даже и тѣни подобной мысли, имѣю честь возвратить рукопись на другой же день послѣ прочтенія означеннаго постановленія Академіи, и надѣюсь, что, въ интересахъ справедливости, мое настоящее объясненіе также найдетъ свое мѣсто въ академическихъ печатныхъ протоколахъ.

При семъ имѣю честь приложить 1 экз. моего изданія проповѣдей Гавріила Бужинскаго въ видѣ подарка студенческой библіотекѣ Московской Духовной Академіи; экземпляръ для фундаментальной библіотеки Академіи былъ посланъ мною немедленно послѣ выхода въ свѣтъ означенной книги. Покорнѣйше прошу не отказать о полученіи рукописи меня увѣдомить".

Справка: Означенные въ письмѣ рукопись и экземпляръ изданныхъ проф. Пѣтуховымъ проповѣдей Гавріила Бужинскаго получены и сданы въ студенческую библіотеку.

2) Отношеніе Канцеляріи Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ отъ 26 февраля за № 249 съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи рукописи изъ собранія В. М. Ундольскаго за № 301.

д) Отношеніе Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 30 января за № 86 съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи книгъ:

1) U. Hansen: „Vie de saint Hilaire, Evéque de Poitieres". Luxembourg. 1875.

2) Vielhaufer: Hilarius Pictaviensis". 1860.

3) E. Rosseeuw: „Etudes religieuses". 1863.

4) „Hermes." Zweiter Band. Zweiter Heft. 1867.

е) Письмо графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой отъ 20 февраля и отношенія:

ж) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 8 февраля за № 345, з) Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ отъ 3 марта за № 277, и) Г. Предсѣдателя Екатеринославскаго Окружнаго Суда отъ 15 февраля за № 603, і) Г. Предсѣдателя Симбирскаго Окружнаго Суда отъ 14 февраля за № 216, к) Г. Предсѣдателя Ташкентскаго Окружнаго Суда отъ 18 февраля за 11418, л) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 5, 7 и 26 февраля за №№ 204, 223 и 315, м) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 7 февраля за № 130, н) Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 29 января за № 80 и о) Архангельскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Комитета отъ 27 февраля за № 10—съ препровожденіемъ для научныхъ занятій г.г. профессоровъ и студентовъ Академіи различныхъ рукописей, книгъ, журналовъ и дѣлъ, каковые и сданы, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Прошеніе профессора Московской Консерваторіи и преподавателя Синодальнаго училища церковнаго пѣнія *священника Василія Металлова:*

„Во исполненіе постановленія Совѣта Московской Духовной Академіи 13 декабря 1906 года, по дѣлу о соисканіи мною степени магистра богословія, честь имѣю представить Совѣту мои сочиненія, написанныя мною въ качествѣ семестровыхъ: 1) „Метафизика музыки Шопенгауэра“, 96 страницъ—по метафизикѣ; 2) „Музыка, какъ психологическій фактъ“—96 страницъ—по психологіи и 3) „Музыка и пѣніе въ ветхозавѣтномъ богослуженіи“, 64 страницы—по ветхому завѣту,—каковыя сочиненія почтительнѣйше прошу Совѣтъ, по минованіи надобности, возвратить мнѣ, какъ нужныя мнѣ для изданія въ печати, въ качествѣ литературныхъ моихъ трудовъ“.

Опредѣлили: Представленныя священникомъ Металловымъ семестровыя сочиненія передать для разсмотрѣнія: первое—ординарному профессору по каѳедрѣ метафизики и логики А. И. Введенскому, второе—экстраординарному про-

фессору по каѳедрѣ психологіи П. П. Соколову и третье— и. д. доцента по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи Е. А. Воронцову.

VIII. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора студента I курса Академіи *священника Порфирія Смирнова*:

„Пораженный болѣзнью въ сентябрѣ 1907 г., продолжая болѣть и въ слѣдующіе за симъ мѣсяцы до января включительно, въ своихъ неоднократныхъ съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ прошеніяхъ на имя Вашего Преосвященства я просилъ о разрѣшеніи мнѣ не являться въ Академію для учебныхъ занятій впредь до моего выздоровленія.

Въ настоящее время въ виду того, что я еще до сихъ поръ не слушалъ лекцій I курса Академіи и не подалъ ни одного семестроваго сочиненія, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство оставить меня на второй годъ на томъ же I-мъ курсѣ“.

Справка: § 81 лит. *а* п. 5 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Оставить студента *священника Порфирія Смирнова*, согласно его прошенію, въ I-мъ курсѣ на второй годъ.—2) Казенную стипендію свящ. Смирнова передать студенту I к. *Владиміру Давидовичу*.

IX. Прошеніе бывшаго студента Московской Духовной Академіи *Михаила Попцова*:

„Въ Августѣ мѣсяцѣ 1904 года я былъ уволенъ изъ Московской Духовной Академіи по требованію § 134 академическаго устава, какъ пробывшій на II курсѣ сей академіи два года и не державшій переходныхъ экзаменовъ на III-й курсъ по болѣзни. Въ Сентябрѣ 1905 года поступалъ на III-й курсъ Казанской Духовной Академіи по экзаменамъ II курса. Но сдержалъ экзамены только по 3 предметамъ этого курса: по Патристикѣ, Общей церковной исторіи и Исторіи философіи; по остальнымъ предметамъ II курса не успѣлъ сдержать экзаменовъ по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1) вслѣдствіе обилія лекціоннаго матеріала, предлагаемаго студентамъ Казанской Духовной Академіи Г.г. профессорами ея, значительныхъ особенностей въ его разработкѣ,—мнѣ приходилось вообще употреблять на подготовку къ экзаменамъ II курса при сей Академіи гораздо болѣе времени, чѣмъ

мнѣ понадобилось бы при отсутствіи подобныхъ обстоятельствъ; 2) вслѣдствіе обстоятельствъ, выясненіе которыхъ содержится ниже, мнѣ пришлось 16 дней употребить на подготовку по 4 предметамъ II курса, не сдержавъ ни одного экзамена по какому-либо изъ этихъ предметовъ: а) когда я въ двадцатыхъ числахъ Апрѣля 1905 года пріѣхалъ въ Казанскую Духовную Академію экзаменоваться одновременно со студентами II курса сей Академіи, въ силу таковой моей просьбы и разрѣшенія Святѣйшаго Синода,—на этомъ курсѣ Академіи къ тому времени экзамены уже кончились; въ виду чего Преосвященный Ректоръ Академіи Епископъ Алексій посовѣтовалъ мнѣ пріѣхать въ Академію къ Сентябрю мѣсяцу того же года и экзаменоваться, придерживаясь покурснаго распредѣленія предметовъ, принятаго въ Казанской Духовной Академіи. По пріѣздѣ въ послѣднюю къ означенному сроку и послѣ экзамена по Патристикѣ я сталъ подготовляться къ экзаменамъ по предметамъ II курса Казанской Духовной Академіи: Обличенію Русскаго раскола и Священному Писанію Новаго Завѣта въ надеждѣ въ одинъ день сдержать два экзамена. Но вмѣсто этого непроизводительно потерялъ дней 8 труда и времени. Постановленіе Совѣта Казанской Духовной Академіи о необходимости экзаменоваться мнѣ только по предметамъ II курса, которые я слушалъ въ Московской Духовной Академіи, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ не было объявлено мнѣ, его я узналъ въ академической канцеляріи случайно наканунѣ экзамена по Священному Писанію Новаго Завѣта (по росписанію для вновь поступавшихъ въ Академію), т. е. послѣ того, какъ уже готовъ былъ къ экзамену по этому предмету и по Обличенію Русскаго раскола: б) въ Казанской Духовной Академіи Психологія читается на I и II курсахъ послѣдовательно. Пройдя въ 3 дня первую половину курса по этому предмету, я долженъ былъ экзаменъ по нему отложить за отсутствіемъ тогда въ Академіи второй половины курса, оба экземпляра которой были на рукахъ у студентовъ, не пріѣхавшихъ еще къ тому времени въ Академію. То же произошло со мною и при подготовкѣ по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, по каковому не оказалось въ то время въ Академіи письменнаго продолженія печатной части курса по этому предмету; и 3) къ 1 Октября (1905 г.) начался съѣздъ сту-

дентовъ въ Академію и въ какихъ-нибудь два-три дня вскрылось среди нихъ извѣстное общеакадемическое движеніе за автономію Духовныхъ Академій. Готовиться къ экзаменамъ не было никакой возможности. Вскорѣ послѣдовало и закрытіе самой Академіи Казанской. Проживая дома, 8 января 1906 года узналъ, что инспекціей Казанской Духовной Академіи въ первой половинѣ Декабря 1905 года всѣмъ студентамъ ея посланы были приглашенія явиться въ Академію для занятій. Не получивъ подобнаго приглашенія какъ не студентъ сей Академіи, я надумалъ однако ѣхать въ Академію, какъ только узналъ объ этомъ приглашеніи. Но 12 января сильно простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Для покрытія долга, сдѣланнаго вслѣдствіе этой болѣзни на кумысное леченіе лѣтомъ 1906 года, я принужденъ былъ поступить съ 16 августа означеннаго года на должность надзирателя за учениками Яранскаго духовнаго училища.

Причинами моего поступленія въ Казанскую Духовную Академію послѣ увольненія Московской Академіи были соображенія, вытекавшія изъ тогдашняго состоянія моего здоровья: 1) близость моего мѣстожительства (г. Яранскъ Вятской губ.) къ г. Казани избавляла меня отъ утомительныхъ для меня переѣздовъ отъ г. Яранска до Сергіева Посада и 2) главнымъ образомъ, удобство и доступность спеціальнаго леченія своей болѣзни, если въ томъ оказалась бы какая-либо необходимость, дѣлали для меня возможнымъ пользованіе этимъ леченіемъ безъ всякаго ущерба для моихъ учебныхъ занятій—амбулаторно. Въ настоящее время эти соображенія не имѣютъ уже значенія для меня. По заключенію врача Казанской Духовной Академіи А. Побѣдимскаго, коего свидѣтельство при семъ прилагается, я могу быть признанъ въ настоящее время по состоянію своего здоровья работоспособнымъ.

Посему и осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи принять меня обратно въ число студентовъ III курса ввѣренной Ему Академіи по дополнительнымъ по остальнымъ предметамъ II курса экзаменамъ во время производства пріемныхъ испытаній для вновь имѣющихъ поступить въ Академію въ семъ 1908 году.

При семъ прилагаю слѣдующіе документы: а) увольнительное свидѣтельство отъ Правленія Московской Духовной

Академіи, б) метрическое свидѣтельство, в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности, г) свидѣтельство врача Казанской Духовной Академіи А. Побѣдимскаго о состояніи моего здоровья, д) формулярный о службѣ моей въ должности надзирателя за учениками Яранскаго духовнаго училища списокъ и е) удостовѣреніе отъ Правленія Яранскаго Духовнаго училища".

Опредѣлили: Просьбу бывшаго студента Московской Духовной Академіи Михаила Попцова объ обратномъ принятіи его въ число студентовъ Академіи отклонить, о чемъ и увѣдомить его чрезъ Канцелярію съ возвращеніемъ приложенныхъ къ прошенію документовъ.

X. Разсуждали: О назначеніи изъ процентовъ съ капитала *Митрополита Московскаго Макарія* двухъ премій: а) *въ 485 рублей*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи и б) *въ 291 р.*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

Справка: 1) Въ собраніи Совѣта Академіи 31 января текущаго 1908 года на премію Митрополита Макарія *въ 485 рублей* представлены были труды ординарныхъ профессоровъ Академіи *А. П. Голубцова* („Соборные чиновники и особенности службы по нимъ. Первая половина изслѣдованія", 1907 г.) и *М. М. Тарѣева* („Христіанская проблема и русская религіозная мысль". 1907 г.).—2) Къ соисканію преміи *въ 291 р.* допущена была магистерская диссертація преподавателя Калужской духовной семинаріи Ивана *Троицкаго* подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества", 1907 г.—3) Правилъ о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія—а) *п. 13*: „Чрезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій"; б) *п. 15*: „Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ преміи".—4) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи" отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Премію изъ процентовъ съ капитала Митрополита Московскаго Макарія *въ 485 рублей* за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи раздѣлить на двѣ равныя части,—по *242 р. 50 к.* каждая,—и назначить ихъ ординарнымъ профессорамъ Академіи *А. П. Голубцову* и *М. М. Тарѣеву.*—2) Премію изъ процентовъ съ того же капитала *въ 291 р.* за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи присудить преподавателю Калужской духовной семинаріи *Ивану Троицкому.*—2) Постановленія сіи сообщить, для зависящихъ распоряженій, Правленію Академіи.

XI. *О вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LXVII) академическаго курса.*

Справка: 1) § 109 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ Академіи предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть пріемѣ въ академію, для желающихъ поступить въ оную".—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 4 мая—3 іюня 1887 года для каждаго курса академіи положено по 30 казенныхъ вакансій.

Опредѣлили: 1) Представить установленнымъ порядкомъ Святѣйшему Синоду о вызовѣ на казенный счетъ въ составъ новаго академическаго курса *20-ти* лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода, съ предоставленіемъ остальныхъ 10-ти казеннокоштныхъ вакансій волонтерамъ.—2) Объ имѣющемъ быть пріемѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ" и академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ".

XII. Слушали: а) Сообщеніе Правленія Академіи о томъ, что три своекоштныхъ студента III курса Академіи, шесть студентовъ II курса и семь студентовъ I курса, не смотря на данныя имъ отсрочки, къ послѣднему, назначенному имъ сроку—4 марта 1908 года—не внесли *сполна* причитающейся

съ нихъ платы за содержаніе въ академическомъ общежитіи въ текущемъ 2-мъ полугодіи 1907—1908 учебнаго года и потому, на основаніи § 151 академическаго устава, подлежатъ увольненію изъ числа студентовъ Академіи.

б) Списокъ упомянутыхъ шестнадцати студентовъ съ обозначеніемъ числящейся за каждымъ изъ нихъ недоимки, общая сумма которой достигаетъ 1023 рублей.

Справка: 1) § 151 устава духовныхъ академій: „Пансіонеры вносятъ годичную плату въ два срока: въ сентябрѣ и январѣ; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ академіи“.—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „зачисленіе въ студенты академіи, увольненіе по прошеніямъ и исключеніе изъ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Поименованныхъ въ спискѣ студентовъ: III курса—Николая *Нечаева* (сумма числящейся недоимки—55 рублей), Макарія *Новицкаго* (30 р.) и Павла *Севастьянова* (60 р.); II курса: Василія *Воскресенскаго* (110 р.), Василія *Вязовскаго* (80 р.), Павла *Иллювіева* (30 р.), Василія. *Лимачева* (27 р.), Николая *Попова* [1]) (80 р.) и Петра *Уарова* (95 р.); I курса: Ѳеодора *Бунтина* (110 р.), Владиміра *Дубчука* (55 р.), Сергѣя *Житникова* (55 р.), Владиміра *Каширенинова* (31 р.), Александра *Лебедева* (20 р.), Ивана *Меліоранскаго* (75 р.) и священника Александра *Степанова* (110 р.)—уволить изъ числа студентовъ Академіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Марта 24. Смотрѣно.“

4—5—27 марта 1908 года

№ 3.

Въ собраніи Совѣта 4-го марта, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, въ присутствіи членовъ Совѣта: Инспектора Академіи—экстраординарнаго профессора А. П. Шостьина, заслуженнаго ординарнаго профессора А. Д. Бѣляева, ординарныхъ про-

---

[1]) Студентъ Николай Поповъ во время подписанія журнала внесъ числящуюся за нимъ недоимку и посему не подлежитъ увольненію.

фессоровъ—А. П. Голубцова, С. С. Глаголева, А. А. Спасскаго и М. М. Тарѣева, экстраординарныхъ профессоровъ—И. В. Попова, С. И. Смирнова и А. И. Покровскаго,—преподаватель Калужской духовной семинаріи, магистръ богословія, *Иванъ Троицкій* прочиталъ, согласно опредѣленіямъ Совѣта Академіи отъ 7 сентября и 19 декабря 1907 года, двѣ пробныя лекціи по *Священному Писанію Ветхаго Завѣта*, одну на тему, данную, по порученію Совѣта, исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи Е. А. Воронцовымъ: „Спиноза, какъ критикъ и толкователь Ветхаго Завѣта", другую—на тему по собственному избранію: „Библія и наука о происхожденіи человѣка".

За позднимъ временемъ и утомленіемъ присутствующихъ, обсужденіе лекцій отложено было Преосвященнымъ Предсѣдателемъ до особаго засѣданія, которое и назначено было на слѣдующій день—5 марта, при чемъ повѣстка объ этомъ засѣданіи разослана была лишь тѣмъ членамъ Совѣта, которые присутствовали при чтеніи лекцій.—Всѣ они явились въ собраніе, но, въ виду заявленнаго экстраординарными профессорами П. П. Соколовымъ, И. В. Поповымъ и С. И. Смирновымъ протеста по поводу неприглашенія членовъ Совѣта, по тѣмъ или инымъ причинамъ не присутствовавшихъ въ собраніи 4 марта, оффиціальное засѣданіе Совѣта было закрыто Предсѣдателемъ и обсужденіе лекцій продолжалось въ частномъ совѣщаніи г.г. членовъ Совѣта, которое и пришло къ заключенію: отложить окончательное рѣшеніе вопроса о замѣщеніи каѳедры Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта до новаго собранія Совѣта Академіи, на которое должны быть приглашены всѣ члены онаго, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложить г. Троицкому предоставить подлинники прочитанныхъ имъ лекцій въ распоряженіе Совѣта Академіи, для ознакомленія съ ними тѣхъ г.г. профессоровъ, которые ихъ не слушали.—Г. Троицкій изъявилъ на это согласіе и, отбывая на мѣсто службы, оставилъ подлинники лекцій въ Академіи, сдѣлавъ лишь оговорку, чтобы съ нихъ не были снимаемы копіи и не дѣлалось выписокъ.

Въ собраніи 27 марта 1908 года, на повѣстку котораго, разосланную *всѣмъ* членамъ Совѣта, вновь поставлено было обсужденіе пробныхъ лекцій преподавателя Троицкаго, подъ

предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи, присутствовали члены Совѣта: Инспекторъ Академіи—экстраординарный профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.

Въ самомъ началѣ собранія выслушано было представленное Преосвященному Предсѣдателю ординарными профессорами *С. С. Глаголевымъ* и *М. М. Тарѣевымъ* письменное „мнѣніе о лекціяхъ г. И. Й. Троицкаго“ слѣдующаго содержанія:

„Лекціи г. Троицкаго вызвали въ насъ глубокое недоумѣніе. Мы не могли выяснить себѣ: глумился ли г. Троицкій надъ аудиторіей или онъ на самомъ дѣлѣ страдаетъ исключительнымъ умственнымъ дальтонизмомъ, позволяющимъ соединять несоединимое и свою личную очень спорную вѣру провозглашать за фактъ, противъ котораго—по его утвержденію—можетъ идти лишь невѣжество и неспособность самостоятельно мыслить.

1-ая лекція г. Троицкаго (по назначенію Совѣта) была посвящена изложенію взглядовъ Спинозы на Библію и методы ея толкованія по его „трактату теологико-политическому“. Эта лекція для слушателей оставляла совершенно открытымъ вопросъ: знакомъ ли самъ г. Троицкій съ Библіею и съ методами ея изслѣдованія. Лекторъ цитировалъ 2 Самуил., говорилъ, что въ 1 гл. кн. царствъ повѣствуется о построеніи храма, вмѣсто 4-ой кн. называлъ вторую. Такъ съ трактатомъ Спинозы могъ поступить и человѣкъ, который никогда не видалъ Библіи. Въ лекціи была непонятная фраза: Геркулесъ сказалъ: изъ ядущаго вышло ядомое. Г. Троицкій допустилъ легкую критику Спинозы, но она совершенно потонула въ похвалахъ пониманію Библіи предложенному амстердамскимъ философомъ—похвалахъ очень странныхъ какъ со стороны ученаго, который обязанъ знать, что Спиноза въ данномъ случаѣ говорилъ лишь то, что давно утверждали англійскіе деисты, такъ равно странныхъ

и со стороны православнаго, взглядъ котораго на Библію долженъ радикально расходиться съ взглядомъ Спинозы. Получалось впечатлѣніе, какъ будто похвалы расточаются Спинозѣ за то, что онъ низводитъ Библію съ того мѣста, которое ей отводитъ вѣрующее сознаніе, за то, что онъ указывалъ въ Библіи противорѣчія, несогласованность, пропуски, утверждалъ о ней, что въ ней не содержится никакихъ высокихъ истинъ кромѣ самыхъ простыхъ и обще извѣстныхъ положеній. Подсказывался вопросъ, хотя можетъ быть его и не имѣлъ въ виду лекторъ: по какому недоразумѣнію Библія предлагается людямъ въ качествѣ религіознаго руководства.

Отдѣльныя выраженія лектора содержатъ утвержденіе, что Библія есть божественное откровеніе. Но слушателю, знающему религіозную философію XVI и XVII в., это ничего не объясняетъ. Въ своихъ сочиненіяхъ тогда Библію называли откровеніемъ мыслители, отрицавшіе откровеніе. Таковъ и Спиноза, который не вѣрилъ въ богооткровенность Библіи, таковъ и упоминавшійся лекторомъ Гоббесъ, вѣра котораго считается болѣе, чѣмъ сомнительной.

2-ая лекція г. Троицкаго (по собственному избранію) была посвящена вопросу о происхожденіи человѣка по Библіи и наукѣ. Г. Троицкій забылъ одобренный имъ на первой лекціи совѣтъ Спинозы—не вкладывать своихъ теорій въ букву Библіи. По взгляду г. Троицкаго 1-ую и 2-ую главу кн. Бытія нужно понимать дарвинистически, т. е. въ томъ смыслѣ, что человѣкъ естественнымъ образомъ произошелъ отъ обезьяны. Анализу библейскаго текста было отведено очень мало вниманія. Лекція была посвящена главнымъ образомъ раскрытію положенія, что взгляды Дарвина и Геккеля не противорѣчатъ нравственности и вѣрѣ въ Бога.

Ученіе о происхожденіи человѣка отъ обезьяны, по утвержденію г. Троицкаго, необходимо принять, потому что это происхожденіе—фактъ. Здѣсь передъ слушателями долженъ былъ естественно возникнуть вопросъ: намѣренно ли мистифицируетъ аудиторію г. Троицкій или на самомъ дѣлѣ не знаетъ той вѣры, которую фанатически исповѣдуетъ. Его вѣра—дарвинизмъ. Но если г. Троицкій вздумалъ бы поучиться у дарвинистовъ ученыхъ, они бы сказали ему, что фактически не установлено происхожденіе ни одного расти-

тельнаго или животнаго вида по принципамъ дарвинизма, что дарвинизмъ—имѣющій за собою твердыя основанія, есть выводъ изъ фактовъ, а не фактъ. Но свѣтъ не сошелся клиномъ на однихъ дарвинистахъ. Есть общества натуралистовъ, есть спеціальные естественно-научные журналы, которые борятся съ десцендентной теоріей происхожденія человѣка. Многіе антропологи—независимо отъ дарвинизма и Библіи—выставляютъ тезисъ, что вопросъ о происхожденіи человѣка не есть вопросъ научный, какъ не наученъ вопросъ о происхожденіи жизни въ біологіи или о происхожденіи солнечной системы въ астрономіи. Вопросы эти ненаучны, потому что не имѣется матеріала для ихъ рѣшенія. Вопросы эти рѣшаются на основаніи общихъ религіозныхъ или философскихъ воззрѣній рѣшающаго, но для науки рѣшеніе ихъ есть идеальная задача, для выполненія которой теперь она не располагаетъ данными.

Но г. Троицкій смотритъ на дѣло гораздо проще. Для него рѣшено все. А чтобы совсѣмъ заградить уста невѣжественнымъ богословамъ и несамостоятельнымъ умамъ, онъ заявилъ, что въ 1894 г. найдено на Явѣ промежуточное звено между человѣкомъ и обезьяной—pithecanthropus erectus (по произношенію г. Троицкаго érectus). Здѣсь, по г. Троицкому, мы стоимъ передъ фактомъ. Позволительно думать, что онъ не знаетъ, въ чемъ заключается фактъ. Сущность дѣла такова. Въ отложеніяхъ (довольно новыхъ) былъ найденъ обломокъ черепа, въ разстояніи $1^1/_2$ аршина отъ него два зуба и черезъ годъ въ 7 саженяхъ отъ прежняго мѣста была найдена бедровая кость. Прежде всего естественъ вопросъ и онъ остался вопросомъ—принадлежатъ ли эти кости одному индивидууму. Затѣмъ, допустивъ такую принадлежность, какъ реставрировать владѣльца этихъ костей? Онъ былъ реставрированъ по принципамъ дарвинизма и въ 1900 г. реставрація была выставлена на парижской выставкѣ. Но далеко не всѣ антропологи признали правильнымъ такое толкованіе этой, такъ называемой тринильской находки. Сужденія о ней въ научной литературѣ разнообразны (назовемъ: † Вирхова, Мануврье, Арслена, Гузе, Фольба) и замѣтно оцѣнка значенія ея все болѣе и болѣе приближается къ нулю. У г. Троицкаго иная вѣра и иныя впечатлѣнія. Это—его дѣло. Но во всякомъ случаѣ науч-

нымъ фактомъ нельзя называть того, что не признается безспорнымъ фактомъ въ наукѣ.

Соглашая свой „фактъ“ съ Библіею, г. Троицкій принялъ, что Богъ въ какой-то моментъ сообщилъ какимъ-то обезьяноподобнымъ существамъ образъ божій. Этотъ образъ божій выразился въ способности ихъ къ прогрессу, къ безконечному прогрессу, каковой способности нѣтъ у животныхъ. Здѣсь опять необходимо возникаетъ вопросъ: глумится Троицкій надъ слушателями или ничего не понимаетъ? Теорія происхожденія видовъ по Дарвину и Геккелю или—еще шире—эволюціонная теорія есть именно теорія прогресса въ органическомъ мірѣ. Горилла въ духовномъ отношеніи не то же, что заяцъ или щука, и червь не то же, что монера. Сообщать человѣку способность къ прогрессу съ точки зрѣнія этой теоріи не зачѣмъ: вся исторія міра есть исторія прогресса.

Г. Троицкій принялъ предложеніе занять въ Академіи каѳедру по Ветхому Завѣту, т. е. одну изъ важнѣйшихъ богословскихъ каѳедръ и свое вступленіе въ Академію онъ ознаменовалъ тѣмъ, что обличалъ всѣхъ богослововъ въ невѣжествѣ и далъ богатый,—хотя, правда, старый и шаблонный—матеріалъ для глумленія надъ Библіей. Мы не понимаемъ, какъ можно безъ глубокаго порицанія отнестись къ такому факту. Явленіе, имѣвшее мѣсто въ Академіи 4 марта, не допустимо ни въ одной высшей школѣ. Представимъ себѣ, что въ медицинской академіи вошелъ на каѳедру человѣкъ, который заявилъ бы, что всѣ медики невѣжественны, обнаружилъ бы крайнее пренебреженіе къ медицинѣ, ничѣмъ не показавъ, что онъ имѣетъ о ней хотя самое элементарное понятіе. Такому человѣку немедленно указали бы двери. Но если перемѣнимъ слово „медицина“ на слово „богословіе“, то мы и будемъ имѣть случай съ г. Троицкимъ.

Но въ лекціяхъ г. Троицкаго была и еще сторона. Онъ ввелъ непозволительный и нечестный пріемъ игры на невысокихъ инстинктахъ. У него фигурировали костры, инквизиція, тюрьмы, фабричные, переоцѣнка цѣнностей (примѣненная къ Библіи). Г. Троицкій представилъ изъ себя предъ аудиторіей Спинозу или Галилея № 2 (1-ая лекція закончена словами Спинозы примѣненными къ себѣ, вторая словами, приписываемыми Галилею, тоже скромно примѣнен-

ными лекторомъ къ себѣ). Во имя науки г. Троицкій выступилъ на борьбу съ невѣжествомъ, жестокостью и тупоуміемъ.

Но г. Троицкому нужно обратить оружіе на самого себя. Онъ жестокъ. Онъ съ нетерпимостью относится ко всѣмъ, кто не хочетъ видѣть въ библейскомъ повѣствованіи о созданіи Адама и Евы признанія происхожденія человѣка отъ обезьяны. Какъ бы онъ сталъ относиться къ студентамъ, которые не захотѣли бы повѣрить въ его обезьяну? По его теоріи они—невѣжественны и тупоумны.

Но невѣжественень онъ самъ. Ни одинъ ученый толкователь Библіи—каковы бы ни были его религіозныя убѣжденія—не будетъ толковать Библію, какъ онъ. И ученый дарвинистъ не позволитъ себѣ отнестись къ своимъ противникамъ такъ высокомѣрно и пренебрежительно, какъ это сдѣлалъ г. Троицкій.

Въ лицѣ г. Троицкаго на академическую каѳедру вступили наглость и невѣжество. Имъ не мѣсто въ Академіи, и мы рѣшительно протестуемъ противъ того, чтобы г. Троицкому была дана каѳедра".

Послѣ бывшихъ разсужденій и преній, въ которыхъ принимали участіе почти всѣ присутствующіе въ собраніи, вопросъ объ удовлетворительности пробныхъ лекцій г. Троицкаго подвергнутъ былъ голосованію и большинствомъ 8 голосовъ противъ 1, при 1 воздержавшемся отъ подачи голоса, рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Опредѣлили: 1) Признать пробныя лекціи по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, прочитанныя въ собраніи Совѣта Академіи 4 марта 1908 года преподавателемъ Калужской духовной семинаріи Иваномъ Троицкимъ, неудовлетворительными.—2) Каѳедру Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта считать вакантною и озаботиться принятіемъ новыхъ мѣръ къ ея замѣщенію [2]).

27 марта 1908 года.

№ 4.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Ака-

[1]) Журналъ этотъ въ Академію не возвращенъ и резолюція Его Высокопреосвященства на немъ неизвѣстна.

деміи—экстраординарный профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, и экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій. Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.

Слушали: I. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *6 марта, № 2:* „1908 г. Марта 24. Смотрѣно".

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства, принять къ свѣдѣнію.

II. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Согласно § 91 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія академіи, въ которомъ, сверхъ чтенія отчета, раздаются студентамъ награды и предоставляется преподавателямъ произносить рѣчи".—Въ виду сего считаю долгомъ предложить Совѣту озаботиться избраніемъ изъ числа наставниковъ Академіи лица, на которое возложено будетъ *составленіе рѣчи къ 1-му октября сего 1908 года*—дню воспоминанія объ основаніи Московской Духовной Академіи и храмоваго академическаго праздника, обычно соединяемому съ торжественнымъ годичнымъ актомъ Академіи".

Опредѣлили: Составленіе рѣчи ко дню торжественнаго собранія Академіи—1 октября 1908 года—поручить Преосвященному Ректору Академіи *Епископу Евдокиму,* изъявившему на то свое согласіе.

III. Заявленіе Г. Инспектора Академіи—экстраординарнаго профессора *А. П. Шостьина*:

„Знакомясь ближе — по должности инспекторской — съ жизнію студентовъ Академіи, я прихожу къ убѣжденію въ неотложной надобности пересмотрѣть и исправить прежнія „Правила объ обязанностяхъ учащихся въ Московской духовной Академіи" (изд. 1901 г.),—о чемъ имѣю честь заявить Совѣту Академіи".

Справка: Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „составленіе правилъ: а) объ обязанностяхъ студентовъ академіи и б) о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Пересмотръ „Правилъ объ обязанностяхъ учащихся въ Московской Духовной Академіи“ и „Правилъ о взысканіяхъ со студентовъ академіи за нарушеніе ими студенческихъ обязанностей“ поручить коммиссіи изъ Инспектора Академіи—экстраординарнаго профессора *А. П. Шостьина*, ординарныхъ профессоровъ—*А. И. Введенскаго и А. А. Спасскаго*, съ тѣмъ, чтобы выработанный проэктъ измѣненій въ §§ дѣйствующихъ „Правилъ“ коммиссія внесла на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта Академіи.

IV. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 4 марта за № 481:

„Императорское Московское Археологическое Общество, препровождая при семъ 10 экз. Правилъ XIV Археологическаго Съѣзда, созываемаго въ городѣ Черниговѣ съ 1-го по 15-е Августа с. г., имѣетъ честь покорнѣйше просить Московскую Духовную Академію по возможности распространить извѣстіе о Съѣздѣ и преслѣдуемыхъ имъ научныхъ цѣляхъ среди ученыхъ и любителей старины и не отказать командировать изъ числа г.г. Профессоровъ и Приватъ-Доцентовъ Академіи представителей на Съѣздъ, которые пожелали бы принять участіе въ Съѣздѣ и пожаловали бы въ Черниговъ съ цѣлію заняться разработкой памятниковъ родной старины.

Новые „вопросы и запросы“ покорнѣйше просятъ направлять въ Московское Археологическое Общество“.

Справка: По приглашенію Черниговскаго Предварительнаго Комитета по устройству XIV Археологическаго Съѣзда, отъ 5 января 1908 года за № 13, Совѣтомъ Академіи, въ собраніи 31 января с. г., уже назначены депутатами отъ Академіи для участія въ засѣданіяхъ Съѣзда—ординарный профессоръ—*А. П. Голубцовъ* и экстраординарный профессоръ *С. И. Смирновъ* (о чемъ и сообщенно Предварительному Комитету отношеніемъ отъ 11 февраля за № 92) и возбуждено ходатайство объ отпускѣ имъ изъ суммъ Святѣйшаго Синода

пособія на путевые расходы и содержаніе въ г. Черниговѣ, въ размѣрѣ 200 р. каждому.

Опредѣлили: О назначеніи представителей отъ Академіи на XIV Археологическій Съѣздъ въ г. Черниговѣ сообщить и Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

V. Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 5 января с. г. за № 27:

„Вслѣдствіе ходатайства Директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ о командированіи для научныхъ занятій въ означенный Институтъ окончившаго въ 1907 году курсъ кандидата Московской Духовной Академіи Владиміра *Семидалова,* Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Академіи сообщить Комитету свой отзывъ по содержанію изложеннаго ходатайства Директора Археологическаго Института въ Константинополѣ“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1902 года за № 7388 постановлено: „ежегодно одного стипендіата одной изъ духовныхъ академій, вмѣсто оставленія при академіи въ теченіи одного года, командировать на это время для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ, съ назначеніемъ на его содержаніе 1500 рублей въ годъ, вмѣсто стипендіатскаго оклада въ 700 руб., и съ сохраненіемъ за нимъ всѣхъ правъ службы по званію профессорскаго стипендіата, при чемъ дополнительный къ стипендіатскому окладу расходъ по 800 руб. въ годъ отнести на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1 пар. 1 ст. 2. смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы сумма эта ассигновалась поочередно въ распоряженіе академій: С.-Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской“.—2) Въ первую очередь Московской Духовной Академіи, падавшую на 1904—1905 учебный годъ, Совѣтомъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, командированъ былъ для занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Академіи *М. И. Бенеманскій.*—Вторая очередь падаетъ, такимъ образомъ, на слѣдующій 1908—1909 учебный годъ.—3) По указу Святѣй-

шаго Синода отъ 23 августа 1907 года за № 9651 кандидатъ Владиміръ *Семидаловъ* оставленъ при Академіи сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ на *1907—1908 учебный годъ*, съ ассигнованіемъ на его содержаніе, по 16 августа 1908 года, особой суммы изъ духовно-учебнаго капитала.

Опредѣлили: Увѣдомить Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, что въ виду близкаго уже окончанія 1907—1908 учебнаго года, на который кандидатъ Владиміръ Семидаловъ оставленъ при Академіи сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ, и наступленія для Московской Духовной Академіи очереди командировки одного изъ профессорскихъ стипендіатовъ въ Константинополь, для занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ, лишь въ будущемъ 1908—1909 учебномъ году, Совѣтъ Академіи считаетъ болѣе удобнымъ избрать для сей цѣли другое лицо.

VI. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій *А. П. Орлова*:

„Представляя при семъ свое сочиненіе: „Тринитарныя и христологическія воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго“ въ качествѣ диссертаціи на соисканіе степени магистра богословія, прошу Ваше Преосвященство дать дѣлу надлежащее движеніе“.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію и. д. доцента Академіи А. П. Орлова передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по каѳедрѣ патристики *И. В. Попову*.

VII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи и. д. доцента Академіи А. П. Орлова онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отношеніе Церковнаго Историко-Археологическаго Общества Казанской епархіи отъ 4 марта за № 61:

„Открывшееся 15 октября 1906 года въ г. Казани Церковное Историко-Археологическое Общество долгомъ почитаетъ препроводить при семъ въ Московскую Духовную Ака-

демію Уставъ Общества, брошюру объ открытіи Общества и свои первыя изданія: три брошюры о Святѣйшемъ Патріархѣ Гермогенѣ, брошюру о селѣ Болгарахъ, Спасскаго уѣзда, и историко-археологическій очеркъ г. Свіяжска и его святынь.

Общество было бы весьма признательно, если бы Московская Духовная Академія благоволила сдѣлать пожертвованія своими изданіями въ образующуюся библіотеку Общества".

Опредѣлили: 1) Выразить Церковному Историко-Археологическому Обществу Казанской епархіи благодарность за присланныя брошюры.—2) Предложить г.г. профессорамъ и преподавателямъ Академіи,—не пожелаетъ ли кто изъ нихъ пожертвовать свои труды въ образующуюся библіотеку Общества.

X. Отношеніе Тобольской Духовной Консисторіи отъ 5 марта за № 3607:

„Консисторія имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ возвратить отосланное при отношеніи, отъ 14 февраля 1906 г. за № 1920, архивное дѣло подъ № 131—1760 г. о квакерахъ".

Опредѣлили: Просить Тобольскую Духовную Консисторію продлить срокъ пользованія архивнымъ дѣломъ 1760 г. подъ № 131 (о квакерахъ), такъ какъ, по заявленію и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалова, оно крайне необходимо ему для окончанія его магистерской диссертаціи.

XI. Отношеніе Г. Предсѣдателя Благовѣщенскаго Окружного Суда отъ 29 февраля за № 234:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 28 января сего года за № 77, имѣю честь просить Совѣтъ Духовной Академіи возвратить мнѣ дѣло о Василіи Поповѣ по истеченіи трехъ мѣсяцевъ".

Справка: Отношеніемъ отъ 28 января за № 77 Совѣтъ Академіи просилъ Г. Предсѣдателя Суда продлить и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову срокъ пользованія дѣломъ о Василіи Поповѣ, такъ какъ оно необходимо ему для окончанія магистерской диссертаціи.

Опредѣлили: Содержаніе отношенія сообщить и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову.

XII. а) Отношеніе Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 21 марта за № 733, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи славянскихъ рукописей за №№ 93 и 696.

б) Отношеніе Духовнаго Собора Кіево-Печерской Успенской Лавры, отъ 17 марта за № 4696, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи уставной рукописи Лаврской библіотеки за № 145.

в) Отношеніе Совѣта Кіевской Духовной Академіи, отъ 10 марта за № 334, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописей Московской академической библіотеки за №№ 49 и 462, препровожденныхъ для научныхъ занятій профессора протоіерея І. Н. Королькова.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. а) Отношенія Симбирской Духовной Консисторіи отъ 29 февраля за № 2734, съ препровожденіемъ дѣла № 27|24 1876 года объ открытіи въ г. Алатырѣ вредной секты, именуемой „Кораблемъ", и Туркестанской Духовной Консисторіи отъ 25 февраля за № 1399, съ препровожденіемъ дѣлъ Консисторіи за №№ 166—1893 г. и 551—1903 г. о крестьянинѣ Ермоленко—для научныхъ занятій и. д. доцента Д. Г. Коновалова.

б) Отношеніе Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ, отъ 3 марта за № 277, съ препровожденіемъ журналовъ: „Дѣло" 1879 г. кн. 1, „Атеней", 1859 г. т. 2, „Отечественныя Записки" 1859 г. Май и Іюнь, и „Недѣля" 1879 г.—для занятій студента Бѣлоусова.

Опредѣлили: Дѣла и журналы сдать (и сданы), для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

XIV. Прошенія бывшихъ студентовъ III курса Академіи:

а) *Макарія Новицкаго*: „Постановленіемъ Совѣта Московской Духовной Академіи отъ 6 марта сего 1908 года, я былъ уволенъ изъ числа студентовъ за невзносъ платы за содержаніе меня въ Академіи.

Теперь же вся плата за мое содержаніе полностію внесена въ экономію Академіи; поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять меня обратно въ число студентовъ Московской Духовной Академіи".

б) *Павла Севастьянова:* „Постановленіемъ Совѣта Академіи отъ 6 марта сего 1908 года я уволенъ изъ числа студентовъ за невзносъ платы въ экономію Академіи. Такъ какъ теперь мною внесена плата за содержаніе, то покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять меня обратно въ число студентовъ“.

Опредѣлили: Зачислить Макарія Новицкаго и Павла Севастьянова обратно въ списки студентовъ III курса Академіи.

XV. Прошеніе благочиннаго монастырей 1-го округа Нижегородской епархіи *архимандрита Іереміи:*

„Со времени вдовства своего я стремился къ одной цѣли—поступить въ Академію, но осуществленію сего завѣтнаго желанія препятствовали семейныя обстоятельства. Устроивъ семью, я принялъ монашество, занялъ въ ономъ видное мѣсто—какъ настоятель и благочинный монастырей. Открылось широкое поле для духовно-просвѣтительной дѣятельности. Настало время говорить и дѣйствовать и съ каѳедры церковной, и въ школѣ церковно-приходской, и въ обществѣ. Чувствовалась слабость, отсталость, робость тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить и съ достоинствомъ отвѣчать на запросы и возраженія; молчать приходилось въ такіе моменты, когда голосъ исходящій извнутрь говорилъ: настой, обличи, вразуми, заради уста суесловов, глаголющихъ, яже не подобаетъ, и развращающихъ души невинныя. Гдѣ взять силъ, орудій для борьбы со врагами сильными въ словѣ? Вооружиться книгами, но и при книгахъ нужны живые разумные руководители. И для монашества много книгъ написано, но живые руководители—авторитеты необходимы для усвоенія духа иноческаго. Обстоятельства службы, время переживаемое обществомъ возбудили во мнѣ горячее желаніе послужить Церкви Святой. Хотя дни жизни моей склоняются уже къ закату, но и въ единонадесятый часъ хочется поработать въ вертоградѣ Христовомъ. Жатва многа, но дѣлателей на нивѣ Христовой мало. Принести посильную пользу, поддержать и спасти отъ погибели хотя одну душу заблудшую—достойная цѣль. Вотъ это стремленіе и привело меня къ дверямъ храма науки академической. Не затворяйте оныхъ предо мной для научныхъ цѣлей. Возвратившись въ среду

своего служенія, съ пополненнымъ пробѣломъ знаній, я могъ бы съ большей пользой продолжать трудъ. Нужно откровенно сказать, что монашество среднее и низшее стоитъ на очень слабомъ уровнѣ развитія и крайне нуждается въ просвѣщенныхъ управителяхъ и руководителяхъ. Помогите мнѣ удовлетворить доброе стремленіе. На предметъ проживанія въ Академіи и исполненія завѣтной мечты я хранилъ свои сбереженія. Уже академическій годъ оканчивается, то покорнѣйше прошу зачислить меня вольнымъ слушателемъ въ курсъ слѣдующаго года. Получивъ увѣреніе въ томъ, что къ цѣли своей приближаюсь, я могъ бы лѣто провести въ подготовкѣ—запастись извѣстными руководствами. Монаху не удобно жить на вольной квартирѣ, то ходатайствую о томъ, въ случаѣ пріема, чтобъ мнѣ позволено было жить въ студенческомъ общежитіи въ качествѣ пансіонера съ извѣстной платой за содержаніе и право слушанія лекцій.

При семъ прилагаю аттестатъ объ окончаніи курса наукъ въ семинаріи и формуляръ, засвидѣтельствованный братіей Троицкаго Островоезерскаго монастыря, въ Нижегородской епархіи, гдѣ служилъ 5 лѣтъ".

Справка: 1) § 115 устава духовныхъ академій (въ новой редакціи).—2) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737.

Опредѣлили: Архимандрита Іеремію допустить къ слушанію академическихъ лекцій, безъ предоставленія ему какихъ-либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Апр. 17. Смотрѣно".

24 апрѣля 1908 года.

№ 5.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—экстраординарный профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры: А. Д. Бѣляевъ. Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры—П. П.

Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовалъ ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ.

Слушали: I. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) *6 марта, № 2*: „1908 г. Марта 24. Смотрѣно".

б) *27 марта, № 4:* „1908 г. Апр. 17. Смотрѣно".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.

II. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *мартѣ* и первыхъ числахъ (до 4-го) *апрѣля* мѣсяца текущаго 1908 года, изъ которой видно, что:

а) *по болѣзни*: и. д. доцента и лекторъ французскаго языка Д. Г. Коноваловъ опустилъ 8 лекцій, сверхштатный заслуженный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ и экстраординарный профессоръ С. И. Смирновъ—по 4 лекціи, экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, исправляющіе должность доцента А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи и ординарный профессоръ А. А. Спасскій—1 лекцію; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: исправляющій должность доцента И. М. Громогласовъ—8 лекцій и экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

III. Прошенія:

а) Исправляющаго должность доцента по каѳедрѣ древней гражданской исторіи *Ѳ. М. Россейкина*:

„Двухгодичный срокъ, предоставляемый по § 55 уст. дух. акад. исправляющимъ должность доцента для написанія магистерскаго сочиненія, истекаетъ для меня въ сентябрѣ настоящаго года. Къ указанному сроку моя работа закончена быть не можетъ. Изученіе предмета моей каѳедры и выполненіе ближайшихъ преподавательскихъ обязанностей поглотили большую половину моего рабочаго времени; а въ рамкахъ оставшагося досуга не было возможности справиться съ трудной работой, обусловливаемой сложностью темы, обиліемъ источниковъ и обширностью литературы вопроса. Въ

виду изложеннаго, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи мнѣ срока подачи сочиненія на одинъ годъ, т. е. до сентября 1909 года".

б) Исправляющаго должность доцента по каѳедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества *священника Д. В. Рождественскаго*:

„По окончаніи курса Академіи въ 1905 году, занявъ должность приходскаго священника въ г. Тамбовѣ, я не имѣлъ ни свободнаго времени, ни нужныхъ пособій для переработки моего кандидатскаго сочиненія въ магистерское, съ каковымъ намѣреніемъ я покинулъ стѣны Академіи. По избраніи меня Совѣтомъ Академіи въ Сентябрѣ 1906 г. на каѳедру гомилетики и исторіи проповѣдничества, я вынужденъ былъ сосредоточить все свое вниманіе на такого рода занятіяхъ (составленіе курса лекцій по гомилетикѣ и ознакомленіе съ литературою предмета), которыя не имѣютъ никакого отношенія къ предмету моей кандидатской работы (по ветхозавѣтной исагогикѣ).

Въ виду совершенной невозможности довести до конца работу, къ которой я могу приступить только по окончаніи истекающаго учебнаго года, къ началу Февраля 1909 г., когда исполнится двухлѣтіе со времени утвержденія меня въ званіи и. д. доцента, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи не отказать мнѣ въ ходатайствѣ предъ Св. Синодомъ объ отсрочкѣ представленія магистерскаго сочиненія на одинъ годъ".

Справка: 1) По § 55 устава духовныхъ академій,—срокъ для полученія исправляющими должность доцента академіи степени магистра назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность.—2) Г. Россейкинъ состоитъ исправляющимъ должность доцента Академіи съ 17 сентября 1906 года, а священникъ Димитрій Рождественскій — съ 10 февраля 1907 года.

Опредѣлили: Признавая просьбы исправляющихъ должность доцента Академіи Ѳ. М. Россейкина и священника Д. В. Рождественскаго заслуживающими уваженія, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи имъ указаннаго § 55 академическаго устава срока для полученія степени магистра

богословія на одинъ годъ, т. е. Россейкину —до 17 сентября 1909 года, а священнику Рождественскому—до 10 февраля 1910 года.

IV. Отношеніе Правленія Казанской духовной семинаріи отъ 24 марта за № 259:

„На отношеніе отъ 19 марта т./г. за № 144, Правленіе Казанской духовной семинаріи честь имѣетъ увѣдомить, что документы бывшаго помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи, нынѣ инспектора Семинаріи Михаила Ильича *Бенеманскаго*: 1) Послужной списокъ за № 143, 2) Кандидатскій дипломъ за № 582, 3) метрическое свидѣтельство за № 6795, 4) Свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку за № 284 и 5) Свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности за № 2330, Правленіемъ семинаріи получены.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе Правленія Подольской духовной семинаріи отъ 29 марта за № 388:

„Правленіе Подольской духовной семинаріи покорнѣйше проситъ сообщить ему—дѣйствительно ли состоялъ профессорскимъ стипендіатомъ при Академіи, въ 1906—1907 академическомъ году, кандидатъ богословія Николай Матвѣевичъ *Смирновъ*, нынѣ преподаватель Подольской духовной семинаріи“.

Опредѣлили: Увѣдомить Правленіе Подольской духовной семинаріи, что кандидатъ Академіи выпуска 1906 года Николай Смирновъ состоялъ профессорскимъ стипендіатомъ Академіи съ 5 августа 1906 года по 15 августа 1907 года включительно.

VI. а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею отъ 5 апрѣля за № 4640:

„Съ глубокою благодарностью возвращая вмѣстѣ съ симъ особою посылкою принадлежащія академической библіотекѣ рукописи за № 185 и 492, присланныя при отношеніи Вашего Преосвященства, отъ 15 февраля 1906 года за № 256, имѣю честь покорнѣйше просить о полученіи рукописей не отказать меня увѣдомить“.

Справка: Означенныя въ отношеніи рукописи получены и сданы въ фундаментальную академическую библіотеку.

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

б) Отношенія: 1) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 2 апрѣля за № 563, 2) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 17 марта за № 276 и 3) Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею отъ 2 апрѣля за № 4502, при которыхъ препровождены, для научныхъ занятій г.г. профессоровъ Академіи, различныя книги и рукописи, которыя и сданы,—для храненія и пользованія ими, — въ фундаментальную академическую библіотеку.

в) Письмо заслуженнаго ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи и Императорскаго Московскаго Университета *В. О. Ключевскаго*:

„О рукописи Свято-Троицкой Сергіевой Лавры за № 573 честь имѣю заявить, что рукопись эту для обезпеченія ея сохранности я просилъ доставить лично въ Академію казначея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Сергѣя Алексѣевича Бѣлокурова, что онъ любезно согласился сдѣлать на приближающейся Святой недѣлѣ. Ему же покорнѣйше прошу передать надлежащее удостовѣреніе въ полученіи отъ меня означенной рукописи“.

Справка: О полученіи рукописи библіотеки Свято-Троицкія Сергіевы Лавры за № 573 заслуженному ординарному профессору В. О. Ключевскому сообщено отношеніемъ отъ 21 апрѣля за № 213; самая же рукопись возвращена въ Духовный Соборъ Лавры при отношеніи отъ того же 21 апрѣля за № 216.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что дѣйствительный студентъ Академіи выпуска 1902 года, греческій уроженецъ, *Константинъ Фотопулосъ* представилъ новое семестровое сочиненіе по русской церковной исторіи и получилъ на немъ баллъ 4—.

Справка: 1) Опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 5 іюня 1902 года, утвержденнымъ резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 30-го числа того же мѣсяца, греческій уроженецъ Константинъ Фотопулосъ, по окончаніи полнаго курса наукъ въ Московской Духовной Академіи и представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія, удостоенъ былъ званія дѣйствительнаго студента Академіи *без-*

предоставленія ему права на соисканіе степени кандидата богословія, въ виду того, что Фотопулосъ, получившій въ теченіе академическаго курса неудовлетворительные для степени кандидата баллы ($2^1/_2$) на двухъ семестровыхъ сочиненіяхъ—по нравственному богословію и русской церковной исторіи и при окончаніи курса воспользовавшійся правомъ представить, взамѣнъ ихъ, новыя семестровыя сочиненія по тѣмъ же предметамъ, на одномъ изъ этихъ сочиненій (по русской церковной исторіи) снова получилъ баллъ ниже 3 (3—).—2) 14-го декабря 1906 года, по выслушаніи прошенія г. Фотопулоса, Совѣтомъ Академіи постановлено было: „По вниманію къ иностранному происхожденію просителя, ради котораго Совѣтомъ Академіи уже оказано было, при присужденіи степени кандидата богословія, снисхожденіе его товарищамъ по курсу — сербскимъ уроженцамъ Светиславу Давидовичу и Симону Саввичу, — разрѣшить дѣйствительному студенту Константину Фотопулосу еще разъ представить новое семестровое сочиненіе по русской церковной исторіи и затѣмъ, въ случаѣ, если таковое признано будетъ удовлетворительнымъ, — имѣть сужденіе объ утвержденіи Фотопулоса въ степени кандидата богословія“.—3) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи“.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1902 года, греческаго уроженца, Константина Фотопулоса утвердить въ степени кандидата богословія и выдать ему установленный дипломъ на означенную степень.

VIII. Сообщенную Правленіемъ Академіи копію отношенія Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 26-го марта за № 487:

„По поводу требованія Правленіемъ Академіи отъ студентовъ I-го курса — Ивана Павловскаго, Гавріила Богоявленскаго, Павла Плѣшанова и Николая Соколова, субсидируемыхъ Лаврою, доплаты на первоначальное обзаведеніе по тридцати рублей съ каждаго Духовнымъ Соборомъ опредѣлено: „выдать вышепоименованнымъ четыремъ студентамъ по тридцати рублей каждому, для взноса въ Правленіе

Академіи требуемой съ нихъ доплаты, и на будущее время *студентамъ перваго курса, вмѣсто 220 рублей, выдавать по 250 рублей.* Но за то субсидію отъ Лавры неимущимъ студентамъ назначать на будущее время не четыремъ человѣкамъ каждый годъ, какъ было предположено раньше, а въ теченіи четырехъ лѣтъ назначать таковую вновь (т. е. студентамъ перваго курса) *одинъ годъ троимъ, а остальные три года четыремъ каждый годъ*, такъ что всего субсидируемыхъ отъ Лавры студентовъ на всѣхъ курсахъ Академіи будетъ, вмѣсто 16-ти, *только 15 человѣкъ*, чѣмъ и уравновѣсится расходъ Лавры на этотъ предметъ, съ небольшою даже экономіей въ пользу Лавры, что и необходимо, въ виду оскудѣнія ея средствъ.

О настоящемъ опредѣленіи Собора, въ случаѣ утвержденія онаго Его Высокопреосвященствомъ, увѣдомить Правленіе Московской Духовной Академіи, для объявленія кому слѣдуетъ".

На протоколѣ по сему дѣлу послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства отъ 20 сего Марта за № 1241, таковая:

„Согласенъ съ мнѣніемъ Духовнаго Собора".

О чемъ Духовный Соборъ имѣетъ честь увѣдомить Правленіе Московской Духовной Академіи, для объявленія названнымъ четыремъ студентамъ, что они могутъ явиться къ казначею Лавры за полученіемъ требуемой съ нихъ доплаты, для представленія таковой въ Правленіе Академіи".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Прошенія бывшихъ студентовъ Академіи: III курса—Николая *Нечаева;* II курса—Василія *Воскресенскаго*, Василія *Вязовскаго*, Павла *Иллювіева*, Василія *Лимачева* и Петра *Уарова;* I курса—Владиміра *Дубчука*, Сергѣя *Житникова*, Владиміра *Каширенинова*, Александра *Лебедева*, Ивана *Меліоранскаго* и священника Александра *Степанова*, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 марта сего 1908 года уволенныхъ за невзносъ платы за содержаніе въ текущемъ второмъ полугодіи 1907—1908 учебнаго года и нынѣ уплатившихъ сполна числившіяся за ними недоимки,—объ обратномъ принятіи ихъ въ Академію.

Опредѣлили: Поименованныхъ студентовъ зачислить обратно, по принадлежности, въ списки III, II, I курсовъ Академіи и допустить ихъ къ переводнымъ испытаніямъ.

X. Заявленіе Г. Инспектора Академіи—экстраординарнаго профессора А. П. Шостьина о томъ, что студенты первыхъ трехъ курсовъ Академіи, не смотря на постановленіе Совѣта Академіи отъ 6 сентября 1907 года (подтвержденное затѣмъ 19 декабря того же года), которымъ студентамъ означенныхъ курсовъ назначено было на 1907—1908 учебный годъ, согласно § 123 академическаго устава, по *три* семестровыхъ сочиненія, представили лишь по *два* сочиненія, не подавъ: студенты I курса—третьяго (по библейской исторіи), студенты II курса—второго (по психологіи) и студенты III курса—также второго (по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій) семестроваго сочиненія.

Опредѣлили: Объявить студентамъ первыхъ трехъ курсовъ Академіи, что никто изъ нихъ не будетъ удостоенъ Совѣтомъ Академіи ученой степени или званія, если къ концу академическаго курса не представитъ самовольно неподаннаго въ текущемъ 1907—1908 учебномъ году семестроваго сочиненія по тому самому предмету, по которому онъ обязанъ былъ подать, и на одну изъ тѣхъ темъ, какія своевременно даны были подлежащими г.г. наставниками Академіи.

XI. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Преосвященнаго Назарія, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, отъ 7 апрѣля за № 2512:

„Вслѣдствіе отношенія Вашего Преосвященства отъ 29 минувшаго Марта за № 158, объ увольненіи *архимандрита Іереміи* отъ службы въ Нижегородской епархіи для причисленія къ Св.-Покровской академической церкви, имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, съ препровожденіемъ копіи съ послужного списка, что архимандритъ Іеремія уволенъ мною отъ службы во ввѣренной мнѣ Нижегородской епархіи“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 27 минувшаго марта благочинный монастырей 1-го округа Нижегородской епархіи архимандритъ Іеремія принятъ, согласно его прошенію, съ начала будущаго учебнаго года, въ число вольныхъ слушателей академическихъ лекцій.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Составленный секретаремъ Совѣта проэктъ *росписанія переводныхъ и выпускныхъ испытаній* студентовъ Академіи въ текущемъ учебномъ году, въ предѣлахъ отъ 25-го апрѣля по 7-е іюня 1908 года включительно.

Справка: Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи" отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Проэктъ росписанія переводныхъ и выпускныхъ устныхъ испытаній студентовъ Академіи въ текущемъ учебномъ году утвердить, поставивъ о семъ въ извѣстность какъ г.г. наставниковъ, такъ и студентовъ Академіи.

XIII. Разсуждали: о замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи каѳедръ:

а) *Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта*, при чемъ было выслушано предложеніе заслуженнаго ординарнаго профессора *А. Д. Бѣляева* слѣдующаго содержанія:

„Профессору по любой изъ наукъ необходимо обладать нѣкоторыми качествами, безъ которыхъ онъ не можетъ стать хорошимъ профессоромъ. При теперешнемъ состояніи наукъ, не исключая и богословскихъ, когда каждая наука разрослась до огромныхъ размѣровъ какъ по разнообразію направленій, въ которыхъ она раскрывается, такъ и по множеству книгъ на разныхъ языкахъ, посвященныхъ ея разработкѣ, первѣйшимъ качествомъ профессора должно быть неутомимое трудолюбіе, наклонность и способность къ упорному, усидчивому, продолжающемуся изо дня въ день во всю жизнь труду. Даже и талантливый, но неспособный заставить себя часами и цѣлыми днями сидѣть за книгой и бумагой человѣкъ, будучи посаженъ на профессорскую каѳедру, въ лучшемъ случаѣ будетъ только бойкимъ публицистомъ и поверхностнымъ популяризаторомъ верховъ науки, но не сдѣлается основательнымъ ученымъ, знающимъ свою науку съ профессорскимъ достоинствомъ, а въ худшемъ случаѣ онъ окажется неудачникомъ, для котораго профессорство будетъ тяжкимъ бременемъ, да и самъ онъ будетъ ненужнымъ бременемъ для академіи.

Должно еще упомянуть, что для профессора требуется трудолюбіе особаго рода. Есть люди очень дѣятельные, по практики. Таковые долго засиживаться за книгой не могутъ; а потому они не могутъ ни сдѣлаться хорошими знатоками своей науки, ни написать крупныхъ ученыхъ сочиненій. У кандидата въ профессоры должна быть наклонность и способность къ труду именно книжному, умственному.

Желательна, но только рѣдко встрѣчается и еще одна особенность, которая быть можетъ важнѣе даже всѣхъ другихъ качествъ, необходимыхъ для хорошаго профессора и серьезнаго ученаго. Говоримъ о любознательности. Это благородное свойство души человѣка, возводящее ее на безмѣрную высоту надъ душею животныхъ, по нашему мнѣнію, есть врожденный талантъ, даваемый людямъ въ разной мѣрѣ. Даръ этотъ привлекателенъ во всякомъ человѣкѣ. Но особенно онъ цѣненъ въ тѣхъ, которые учатся, а еще цѣннѣе въ тѣхъ, которые учатъ другихъ, такъ какъ послѣдніе несутъ два труда: учатъ другихъ и учатся сами. Почему любознательность особенно нужна учащимъ? Да потому, что любознательность чрезвычайно облегчаетъ тяжесть книжнаго труда. Этотъ трудъ, какъ и всякій другой трудъ, тягостенъ, даже невыносимъ для человѣка, который несетъ его по необходимости, напр., изъ-за куска хлѣба, и онъ же становится игомъ легкимъ и даже пріятнымъ, если совершается съ охотой, а неизсякаемый источникъ охоты есть любознательность. Любознательный человѣкъ настолько привязывается къ ученому труду, что онъ не промѣняетъ его ни на какія удовольствія или блага.

Отъ чего нерѣдко бываетъ, что студенты, выдававшіеся своими способностями, занимавшіе первыя мѣста, съ окончаніемъ курса кончали и свои отношенія къ наукѣ и литературѣ? Причины этого могутъ быть самыя разнообразныя, но мы едва-ли ошибемся, если наиболѣе частой и обыкновенной причиной этого печальнаго явленія признаемъ отсутствіе ученой любознательности, безкорыстной любви къ книгѣ.

Я не преувеличу, если скажу, что по трудолюбію, по наклонности къ книжному труду, по любознательности, выдается изъ ряда другихъ А. М. Туберовскій. Трудолюбіе его таково, что мнѣ приходилось сдерживать его отъ излише-

ства въ трудѣ, напр., я совѣтовалъ ему на вакацію брать книгъ поменьше, побольше отдыхать, совѣтовалъ ему, хотя и не всегда успѣшно, уѣзжать непремѣнно домой къ святкамъ и къ пасхѣ. Его любовь къ книгамъ прямо трогательна. Лишь только онъ сталъ получать некрупное при теперешней дороговизнѣ стипендіатское жалованье, какъ остающіеся отъ прожитія гроши онъ сталъ употреблять не на пополненіе костюма, хотя бы столь необходимаго, какъ шуба, а на покупку книгъ. Къ новому году у него уже была полка своихъ книгъ. А узнавши о присужденіи ему преміи Митрополита Іосифа, онъ радостно заявилъ, что теперь затрудненіе по пріобрѣтенію многихъ нужныхъ книгъ устраняется.

Кромѣ трудолюбія и ученой любознательности для профессора нужна еще талантливость. Конечно, труженикъ науки, даже и не талантливый, не будетъ безполезенъ; но чтобы держать знамя профессора и ученаго высоко, славно, для этого требуется сочетаніе трудолюбія съ талантливостью. Степень умственныхъ способностей А. М. Туберовскаго достаточно оцѣнена академической корпораціей: Туберовскій кончилъ курсъ вторымъ. Но я, какъ читавшій его кандидатское сочиненіе и потому болѣе прочихъ членовъ академической корпораціи знакомый съ его умственнымъ строемъ, считаю своимъ долгомъ сообщить членамъ Совѣта нѣкоторыя свѣдѣнія о качествахъ его, какъ ученаго изслѣдователя.

Главнѣйшее достоинство его сочиненія—самостоятельность. Книги, которыми онъ пользовался, служили ему только пособіями, доставлявшими ему матеріалъ, уяснявшими тему и обогащавшими его собственную мысль, но не порабощавшими ее. Замыселъ, планъ сочиненія и раскрытіе его, постановка и разработка вопросовъ, аргументація—все это его собственное.

Другая хорошая черта его труда—добросовѣстность, честность. Онъ пишетъ открыто. Присутствуешь какъ бы при самомъ процессѣ его домашней работы. Получается впечатлѣніе, что онъ не рѣшится что-либо заимствовать изъ чужого сочиненія, не сдѣлавши ссылки на него.

Третья хорошая черта его сочиненія та, что онъ никогда не высказываетъ своихъ мнѣній догматически. Прежде чѣмъ перейти къ раскрытію слѣдующаго положенія, онъ подготовляетъ для этого почву въ развитіи предшествующаго по-

ложенія. Съ неуклоннымъ постоянствомъ онъ обставляетъ свои взгляды разъясненіями, соображеніями, доказательствами.

Четвертое качество его труда то, что взявшись за изслѣдованіе какого-либо пункта, напр., за объясненіе текста, онъ исчерпываетъ предметъ до дна.

Онъ какъ бы постоянно держитъ въ умѣ вопросъ—все ли я сказалъ, хорошо ли я разъяснилъ, достаточно ли доказалъ, не упустилъ ли чего-либо изъ вида. Эту наклонность исчерпывать тему до конца вглубь и вширь я считаю осязательнымъ признакомъ способности къ настоящему ученому труду. Она свидѣтельствуетъ о добросовѣстномъ и серьезномъ отношеніи къ дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ о настойчивости, постоянствѣ въ трудѣ.

Нельзя, наконецъ, не похвалить и тона сочиненія, всегда спокойнаго, выдержаннаго, а также и характера его критики, трезвой и дѣловитой. Нѣтъ у него излишней боязливости въ высказываніи своихъ взглядовъ, а съ другой стороны нѣтъ заносчивости и въ оцѣнкѣ чужихъ взглядовъ.

Обладая многими задатками, чтобы сдѣлаться хорошимъ профессоромъ, А. М. Туберовскій особенно пригоденъ для богословской каѳедры. Онъ имѣетъ привязанность къ богословію, а это не часто встрѣчается. Кандидатское сочиненіе его—догматико-экзегетическое и въ немъ онъ проявилъ основательность и серьезность въ толкованіи Св. Писанія. Нахожу его особенно пригоднымъ для замѣщенія каѳедры Св. Писанія Ветхаго Завѣта".

Справка: Кромѣ рекомендуемаго профессоромъ А. Д. Бѣляевымъ 1) профессорскаго стипендіата выпуска 1907 года Александра *Туберовскаго*, г.г. членами Совѣта въ качествѣ вполнѣ достойныхъ и правоспособныхъ кандидатовъ для замѣщенія каѳедры Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта предложены были слѣдующія лица: 2) занимающій нынѣ въ Академіи каѳедру гомилетики и исторіи проповѣдничества съ званіемъ исправляющаго должность доцента священникъ Димитрій *Рождественскій*, 3) профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1907 года Владиміръ *Страховъ*, 4) кандидатъ Академіи выпуска 1906 года, нынѣ студентъ Вѣнскаго университета, сербскій уроженецъ, венгерскій подданный, Иванъ *Тиричъ*, 5) воспитанникъ Академіи выпуска 1892 года, нынѣ

преподаватель Вологодской духовной семинаріи, магистръ богословія, Иванъ *Тюрнинъ*, и 6) кандидатъ Академіи выпуска 1897 года, нынѣ преподаватель Кіевской духовной семинаріи Александръ *Волнинъ*.

б) *Новой гражданской исторіи.*

Справка: Въ качествѣ вполнѣ достойныхъ и правоспособныхъ кандидатовъ для замѣщенія означенной каѳедры г.г. членами Совѣта названы были слѣдующія лица: 1) профессскій стипендіатъ Академіи выпуска 1906 года, нынѣ преподаватель Ставропольской духовной семинаріи, Николай *Чернявскій*, 2) профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1901 года, нынѣ преподаватель Воронежской духовной семинаріи, Александръ *Мишинъ*, и 3) воспитанникъ Академіи выпуска 1892 года, нынѣ преподаватель богословія въ Московскомъ Императорскомъ Инженерномъ Училищѣ и приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета, магистръ богословія, священникъ Николай *Поповъ*.

в) *Латинскаго языка и его словесности*, при чемъ было выслушано предложеніе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *Н. А. Заозерскаго* слѣдующаго содержанія:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи въ качествѣ кандидата на свободную каѳедру Латинскаго языка и Римской литературы магистра богословія Михаила Ильича *Бенеманскаго*.

Свое представленіе основываю на дознанныхъ и опытомъ доказанныхъ свойствахъ ученаго таланта г. Бенеманскаго, дающихъ ему полное право на замѣщеніе означенной каѳедры, а именно:

1) Г. Бенеманскій доказалъ на опытѣ способность въ сравнительно короткое время овладѣвать обширнымъ ученымъ матеріаломъ благодаря своей отличной лингвистической подготовкѣ, навыку къ критическому анализу памятниковъ и здравой умѣренности въ обобщеніяхъ. Его магистерская диссертація, по отзывамъ оффиціальныхъ рецензентовъ и частнымъ рецензіямъ, представляетъ выдающееся ученое произведеніе въ разсужденіи новизны и богатства содержанія, эрудиціи, логической стройности, ясности и точности изложенія.

2) Г. Бенеманскій владѣетъ блестящимъ даромъ слова,

какъ это доказала его рѣчь на магистерскомъ его диспутѣ, въ которой онъ съумѣлъ на продолжительное время заинтересовать весьма обширную аудиторію, не смотря на спеціальность ученаго предмета ея. Онъ можетъ быть отличнымъ лекторомъ.

3) Командировкою въ Константинополь Г. Бенеманскій доказалъ, что онъ обладаетъ способностью быстро и умѣло оріентироваться, при совершенно для него новой и далеко неблагопріятной внѣшней обстановкѣ, въ этой странѣ памятниковъ классической древности и съ успѣхомъ использовать для ознакомленія съ ними имѣющіяся тамъ ученыя средства, предлагаемыя учеными учрежденіями русскими и иностранными. Онъ можетъ съ успѣхомъ исполнять такого рода ученыя порученія".

Справка: 1) Въ собраніи 21-го сентября 1906 года Совѣтомъ Академіи постановлено было: „На каѳедру *латинскаго языка и его словесности* имѣть въ виду оканчивающаго въ наступившемъ 1906—1907 учебномъ году курсъ воспитанника Академіи Сергѣя *Знаменскаго*". Нынѣ кандидатъ Знаменскій состоитъ сверхштатнымъ профессорскимъ стипендіатомъ Академіи и, съ разрѣшенія Совѣта Академіи отъ 20 сентября 1907 года, слушаетъ лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго С.-Петербурскаго Университета.—2) Кромѣ г.г. Знаменскаго и рекомендуемаго профессоромъ Н. А. Заозерскимъ инспектора Казанской духовной семинаріи Михаила *Бенеманскаго*, въ качествѣ правоспособнаго кандидата для замѣщенія означенной каѳедры названъ былъ еще профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска 1907 года Владиміръ *Страховъ*.

г) *Русской гражданской исторіи.* — Поставленный на повѣстку настоящаго собранія вопросъ о замѣщеніи означенной каѳедры снятъ былъ Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Совѣта безъ объясненія причинъ.

Опредѣлили: Всѣхъ поименованныхъ выше кандидатовъ подвергнуть баллотированію при окончательномъ рѣшеніи вопроса о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ въ ближайшемъ собраніи Совѣта Академіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Мая 12. Читано и принято къ свѣдѣнію".

10 іюня 1908 года.

№ 6.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. П. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовалъ экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Слушали: I. Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, кандидата богословія, *А. П. Орлова* подъ заглавіемъ: „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго. Историко-догматическое изслѣдованіе". Сергіевскій Посадъ, 1908 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ патристики *И. В. Попова:*

„Обширная диссертація г. Орлова, представляющая собою книгу въ 547 страницъ, состоитъ изъ введенія, главной части и двухъ приложеній. По своему содержанію она распадается на два отдѣла—историко-литературный и историко-догматическій. Въ первомъ, къ которому нужно отнести введеніе и два приложенія, на ряду съ біографическими данными объ Иларіи, сообщаются свѣдѣнія объ его сочиненіяхъ, временной послѣдовательности ихъ составленія и ихъ подлинности. Изъ страницъ, относящихся къ этому отдѣлу, наибольшее значеніе и по важности затронутаго вопроса и по интенсивности труда, затраченнаго для его разрѣшенія, имѣетъ обстоятельный трактатъ о происхожденіи и характерѣ такъ называемыхъ фрагментовъ ex opere historico Иларія (приложеніе 2, стр. 7—78). Главный интересъ автора тѣмъ не менѣе сосредоточенъ на второмъ, историко-догматическомъ отдѣлѣ. Ставя своею задачей выясненіе тринитарныхъ воззрѣній Иларія въ связи съ разнообразными бо-

гословскими теченіями Запада и Востока, авторъ группируетъ весь относящійся сюда матеріалъ въ двухъ большихъ главахъ. Въ первой онъ даетъ историческій обзоръ церковнаго ученія о Тріединомъ Богѣ со 2 по 4 вѣкъ и вскрываетъ философскія предпосылки этого ученія въ различныхъ богословскихъ школахъ и теченіяхъ. Во второй онъ излагаетъ ученіе Иларія о Тріединомъ Богѣ.

Изъ представленнаго краткаго обозрѣнія содержанія книги г. Орлова видно, насколько широко было задумано имъ изслѣдованіе избраннаго предмета. Подобная широкая постановка вопроса требуетъ отъ автора, кромѣ вдумчиваго и кропотливаго изученія памятника, большихъ познаній въ исторіи догматовъ, разностороннихъ способностей и выдающагося трудолюбія.

Выполненіе задачи, поставленной для себя авторомъ, отличается большими достоинствами. Сочиненія Иларія Пиктавійскаго прочтены имъ очень внимательно и изучены съ достаточною полнотою. Не менѣе тщательно и съ полною критическою независимостью усвоена авторомъ литература, такъ или иначе затрогивающая Иларія и его литературную дѣятельность. Основныя идеи богословія ревностнаго борца за православіе отмѣчены авторомъ правильно и изложены съ ясностью и опредѣленностью, которыя свидѣтельствуютъ о проникновеніи въ духъ изучаемаго писателя.

Въ изложеніи тринитарныхъ воззрѣній Иларія и другихъ церковныхъ писателей авторъ пользуется вполнѣ научнымъ методомъ, къ сожалѣнію далеко еще не сдѣлавшимся обычнымъ явленіемъ по крайней мѣрѣ въ русской богословской литературѣ. Большинство патристическихъ изслѣдованій русскаго происхожденія обыкновенно довольствуются простыми выписками цитатъ и формулъ, не задаваясь цѣлью проникнуть въ глубину этихъ формулъ, наполнить ихъ опредѣленнымъ реальнымъ содержаніемъ, выяснить, какой смыслъ и значеніе влагалъ въ нихъ самъ изучаемый писатель. Такія книги, написанныя безъ метода и безъ анализа, ничего не даютъ читателю. Богословская терминологія всегда отличалась необыкновенною устойчивостью. Слова оставались неизмѣнными на протяженіи вѣковъ, но смыслъ ихъ, понятія съ ними соединяемыя переживали постепенныя и глубокія измѣненія. Отсюда понятно, что пат-

ристическія монографіи ничего не вносятъ въ пониманіе древней литературы, если не идутъ далѣе словъ и формулъ. Въ сочиненіи г. Орлова мы имѣемъ дѣло не съ этой поверхностной систематизаціей выписокъ, а съ настоящимъ изслѣдованіемъ. Въ отношеніи къ каждому термину, къ каждой болѣе или менѣе важной богословской концепціи онъ ставитъ вопросъ объ ихъ подлинномъ смыслѣ и для отвѣта на него привлекаетъ богатый философскій и историко-догматическій матеріалъ.

Другимъ важнымъ преимуществомъ книги г. Орлова служитъ прагматическій характеръ его изслѣдованія. Стремясь объяснить происхожденіе оттѣнковъ богословской мысли, онъ разсматриваетъ всѣ относящіеся сюда факты въ связи съ историческими прецедентами и потребностями даннаго момента церковной жизни. Въ этомъ стремленіи разсматривать особенности ученія Иларія въ связи съ общей исторіей догматовъ имѣетъ свое оправданіе подготовительная глава, содержащая въ себѣ историческій обзоръ тринитарныхъ споровъ со II по IV вѣкъ.

Наконецъ, въ качествѣ несомнѣннаго достоинства не можемъ не отмѣтить ясности мысли и прозрачности общей схемы сочиненія. Читая трудъ автора, чувствуешь, что переплетающіяся нити богословскихъ теченій находятся въ твердыхъ рукахъ, что авторъ никогда не упускаетъ ихъ изъ вида и неуклонно подвигается къ доказательству принятаго имъ основного положенія.

Но наряду съ перечисленными несомнѣнными достоинствами изслѣдованія г. Орлова рецензентъ не можетъ не указать и нѣсколько довольно крупныхъ недостатковъ книги.

Въ историко-догматической части сочиненія, даже при поверхностномъ ознакомленіи съ диссертаціей, бросается въ глаза несоотвѣтствіе по объему между общею частью—обозрѣніемъ тринитарныхъ споровъ съ II по IV в. и главною частью—изложеніемъ ученія Иларія. Фундаментъ зданія (276 стр.) оказывается вдвое выше, чѣмъ самое зданіе (129 стр.); на изготовленіе фона для картины живописецъ потратилъ вдвое болѣе труда, чѣмъ на самую картину. Принципіально противъ умѣстности общихъ обозрѣній въ патристическихъ изслѣдованіяхъ возразить, конечно, нечего. Какъ было сказано ранѣе, они нужны и составляютъ даже достоинство из-

слѣдованія, но авторъ долженъ сохранять въ этомъ отношеніи умѣренность и не выступать за предѣлы необходимаго для главной цѣли—объясненія генезиса идей изучаемаго памятника. Образцомъ для него должна бы служить превосходная во всѣхъ отношеніяхъ книга В. В. Болотова „Ученіе Оригена о Св. Троицѣ". Правда, все изложенное въ первой главѣ г. Орловъ долженъ былъ знать, чтобы хорошо написать книгу объ Иларіи, но ему не было необходимости излагать всѣ эти знанія въ своей диссертаціи. Если бы каждая монографія, посвященная тринитарнымъ воззрѣніямъ отдѣльныхъ писателей, предварялась подобными обширными вступленіями, то въ своей богословской литературѣ мы имѣли бы безконечное повтореніе одного и того же по разнымъ поводамъ.

Трудность патристическихъ работъ въ томъ именно и состоитъ, что каждый изслѣдователь въ этой области долженъ обладать широкими общими познаніями, для пріобрѣтенія которыхъ нужно много времени, труда и усидчивости, а между тѣмъ обнаружить эти знанія во всемъ ихъ объемѣ предъ обыкновеннымъ читателемъ онъ не можетъ, но спеціалистъ и безъ этого, конечно, пойметъ, что лежитъ въ основѣ анализа изучаемаго памятника.

Расширивъ до такихъ предѣловъ общую—вступительную часть своего историко-догматическаго изслѣдованія, авторъ раскинулъ свои позиціи на огромное пространство и этимъ открылъ себя для нападенія со всѣхъ сторонъ. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить свои силы на сочиненіяхъ Иларія, самостоятельно и со вниманіемъ изученныхъ, и остаться господиномъ положенія, онъ вдался въ подробное обозрѣніе всѣхъ богословскихъ теченій за два вѣка, которыхъ онъ не могъ изучить самостоятельно по памятникамъ. Отсюда возможность разнообразныхъ возраженій какъ противъ общей концепціи труда, такъ и противъ характеристики отдѣльныхъ писателей и направленій.

Правильный по существу методъ анализа богословскихъ понятій и выясненія ихъ реальнаго значенія изъ сопоставленія ихъ съ общими философскими онтологическими представленіями изучаемаго писателя въ книгѣ г. Орлова не нашелъ для себя вполнѣ безукоризненнаго примѣненія.

Во-первыхъ, чисто философской онтологіи онъ приписы-

ваетъ слишкомъ много значенія. Очень часто особенности извѣстнаго ученія обусловлены не столько философскими предпосылками, сколько чисто церковными интересами. Такъ напр. онтологическія воззрѣнія св. Иринея, какъ они изложены г. Орловымъ на стр. 55—58, не только не объясняютъ ученія Ліонскаго епископа о св. Троицѣ, но и стоятъ съ нимъ въ полномъ противорѣчіи.

Во-вторыхъ, авторъ не принимаетъ въ разсчетъ тѣхъ путей, которыми извѣстныя философскія ученія проникали въ патристическія системы, а между тѣмъ это было бы очень важно отмѣтить въ интересахъ отстаиваемыхъ имъ самимъ положеній. Платонизмъ и стоицизмъ могли усвояться не изъ непосредственнаго знакомства съ этими философемами, а чрезъ посредство системы Филона, въ которой эти два направленія древней философской мысли нашли своеобразное примиреніе, равно какъ и нѣкоторые пункты ученія Аристотеля могли передаваться чрезъ посредство новоплатонизма. Только этимъ можно объяснить наличность нѣкоторыхъ идей Аристотеля въ сочиненіяхъ Каппадокійцевъ, высказывавшихъ вообще рѣзко отрицательныя сужденія о философіи Стагирита.

Отмѣченные недостатки объясняются спѣшностью, которая наложила свою печать на весь трудъ г. Орлова. Его книгѣ не достаетъ послѣдней редакціи, которая обыкновенно устраняетъ излишнее, сокращаетъ второстепенное, восполняетъ главное. Одинъ-два мѣсяца пересмотра всего написаннаго дали бы совсѣмъ иной обликъ сочиненію, надъ составленіемъ котораго авторомъ положено столько труда. Слѣды спѣшности замѣтны уже на внѣшности книги. При болѣе тщательной обработкѣ авторъ, безъ сомнѣнія, включилъ бы первое и второе приложеніе въ составъ своего введенія, не допустилъ бы столько корректурныхъ ошибокъ, особенно— что досаднѣе всего—въ иностранныхъ текстахъ, по мѣстамъ иначе выразилъ бы свою мысль и исправилъ бы фразу. Имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе времени, онъ присоединилъ бы къ своей книгѣ изслѣдованіе о христологіи Иларія, стоящее въ неразрывной связи съ настоящимъ трудомъ и входившее въ его первоначальный планъ, а это не только сгладило бы несоотвѣтствіе между вступительной и главною частью труда, но и значительно повысило бы до-

стоинство книги. Однимъ словомъ—при выдающейся трудоспособности, при обнаруженныхъ знаніяхъ, при ясности ума и способности къ тонкой логической работѣ авторъ подарилъ бы русской богословской наукѣ гораздо болѣе совершенное произведеніе, если бы надъ его головой не висѣлъ Дамокловъ мечъ въ видѣ обязательнаго срока. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ диссертація г. Орлова, представляя собою цѣнный вкладъ въ научную богословскую литературу, даетъ автору несомнѣнное право на полученіе степени магистра богословія".

б) Ординарнаго профессора по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго*:

„Свое довольно обширное изслѣдованіе (I—LXIV; 1—405; прилож. (1 и 2), 1—78) авторъ, какъ водится, открываетъ введеніемъ, гдѣ онъ даетъ общую характеристику смысла догматическихъ споровъ и устанавливаетъ свою главную задачу „разсмотрѣть личность изучаемаго автора въ возможно—широкой перспективѣ" (1 стр.), т. е. понять его богословскія воззрѣнія, какъ продуктъ извѣстной эпохи, объясняемый особенностями наличнаго религіозно-философскаго міросозерцанія. Здѣсь же въ введеніи содержится и біографія Иларія излагаемая въ связи съ развитіемъ его богословскихъ воззрѣній и анализомъ подлинныхъ его сочиненій (XIII—LXIV).

Первая глава (1—276) сочиненія и посвящена изображенію той исторической перспективы, въ какой вращался Иларій. Общее содержаніе этой главы явствуетъ уже изъ самаго заглавія ея: „историческій обзоръ ученія о тріединомъ Богѣ въ связи съ его философскими предпосылками". Мысль автора движется здѣсь уже въ знакомыхъ для церковно-исторической науки комбинаціяхъ. Для западнаго богословія, какъ это давно уже признано въ наукѣ, опредѣляющей философской подпочвой является стоицизмъ, съ точки зрѣнія котораго и излагаются системы Тертулліана, Ипполита, Иринея, Новаціана и западныхъ писателей IV в. Восточная же богословская мысль раскрываетъ церковное вѣроученіе подъ господствующимъ вліяніемъ неоплатонизма или неоплатоническаго оригенизма, распадающагося съ началомъ IV вѣка на два фланга: правый и лѣвый, откуда и объясняются всѣ особенности выступавшихъ на историческую

сцену догматическихъ партій (правый:—Александръ и Аѳанасій Алекс., и оміусіане; лѣвый: Арій, Евсевій Кесарійскій и Евномій Кизическій), теологія же Каппадокійцевъ объясняется изъ двойного вліянія Аристотеля и Плотина. Отдавая такимъ образомъ свое главное вниманіе исторіи богословской мысли, авторъ не упускаетъ изъ вида и самыя событія, служившія выраженіемъ наставшаго разнообразія воззрѣній, слѣдя по преимуществу за исторіей символовъ первой половины IV вѣка. Съ преимущественнымъ интересомъ онъ останавливается на вопросѣ о томъ, какъ былъ понятъ основной терминъ никейскаго символа: ὁμοούσιος различными группами современныхъ ему богословскихъ партій. Здѣсь мы читаемъ о западномъ пониманіи его (Лактанцій, Фебадій, Люциферъ и Евсевій Верчельскій), восточное истолкованіе его въ правомъ (Александръ, Аѳанасій, Маркеллъ) и лѣвомъ флангѣ неоплатонизма (Евсевій Кесарійскій) и палестино-малоазійскихъ консервативныхъ кружкахъ (Григорій Неокесарійскій и Меѳодій Тирскій).

Вторая обширная глава (276—405) имѣетъ дѣло съ спеціальнымъ вопросомъ, и составлявшимъ собственный предметъ изслѣдованія автора—съ догматическимъ ученіемъ Иларія Пиктавійскаго, изъ котораго захвачена только одна часть ученія его о св. Троицѣ. Авторъ внимательно слѣдитъ здѣсь за всѣми какъ основными, такъ и мелочными пунктами воззрѣній Иларія на существо Божіе и троичное проявленіе Его, констатируетъ общій стоическій остовъ его и указываетъ главныя историческія вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ оно составилось—теологію Тертулліана и Иринея. Сочиненіе заканчивается двумя приложеніями: въ первомъ изъ нихъ авторъ кратко опредѣляетъ историческое значеніе жизни Иларія, написанной Фортунатомъ; во второмъ разсматриваетъ очень запутанный вопросъ о такъ называемыхъ фрагментахъ ex opere historico Иларія.

Уже изъ изложеннаго сейчасъ краткаго содержанія разсматриваемой диссертаціи достаточно открывается богатство и полнота обсуждаемыхъ имъ вопросовъ. Какъ на отличительную особенность ея, рѣдко встрѣчающуюся въ существующихъ въ наукѣ монографіяхъ, имѣющихъ своею цѣлью изученіе какой-либо одной исторической личности, нужно указать на сравнительную пространственность пропедевти-

ческаго отдѣла изслѣдованія А. Орлова, раскрывающаго историческую перспективу, среди которой жилъ и подъ вліяніемъ которой создавались богословскія воззрѣнія Иларія. Не стоитъ и говорить объ обширности ученой литературы, обсуждающей затрогиваемые здѣсь вопросы, и понятно, что далеко не всѣ мысли, высказываемыя авторомъ въ этомъ отдѣлѣ, могутъ претендовать на самостоятельность. Тѣмъ не менѣе авторъ повсюду старается оставаться оригинальнымъ: онъ стремится основывать свои сужденія исключительно на изученіи первоисточниковъ, и надо пожалѣть, что ни объ ученыхъ трудахъ, обсуждающихъ тѣ же самые предметы, ни о критической оцѣнкѣ ихъ, вообще говоря, нѣтъ и рѣчи. Даже мы не видимъ критическаго разбора имѣющихся въ наукѣ работъ, спеціально посвященныхъ Иларію. Однако, несмотря на трудность и сложность трактуемыхъ авторомъ въ первой части своего сочиненія вопросовъ, ему удалось сдѣлать нѣкоторыя новыя наблюденія, создать свои комбинаціи, съ которыми придется считаться научной критикѣ и будущимъ изслѣдователямъ. Главная научная цѣнность его труда состоитъ въ отдѣлѣ объ Иларіи—его тринитарномъ ученіи: воззрѣнія Иларія здѣсь обслѣдованы во всѣхъ ихъ подробностяхъ и ихъ отличительныя черты выставлены со всею выпуклостью. Наиболѣе цѣнными являются страницы, посвященныя анализу отношенія изучаемаго писателя къ соперничающимъ терминамъ *ὁμοούσιος* и *ὁμοιούσιος*, на которыхъ основывается исключительное положеніе Иларія въ ряду западныхъ писателей въ ходѣ догматическихъ споровъ IV в. и его высокое историческое значеніе. Вообще научная постановка вопросовъ, логическая послѣдовательность въ проведеніи разъ установленныхъ принциповъ, обработанный литературный стиль—являются постоянными качествами, сопутствующими всему сочиненію. Разсматриваемая же съ спеціальной точки зрѣнія, какъ монографія объ Иларіи, диссертація г. Орлова по широкой и всесторонней точкѣ зрѣнія, приложенной къ изученію этого писателя и осуществленной на дѣлѣ и теперь еще не въ полномъ видѣ (отдѣлъ о христологіи появится въ ближайшемъ времени) должна быть признана полезнымъ вкладомъ не только для русской науки, но и для сокровищницы всего европейскаго церковно-историческаго познанія.

Въ основѣ исторической концепціи, съ какой разсматриваются у автора тринитарныя движенія IV в., лежитъ отмѣченная выше теорія о правомъ и лѣвомъ флангѣ, на которые распался оригеническій неоплатонизмъ къ началу аріанскихъ споровъ. Теорія эта впервые высказана и развита Loofs'омъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи: „Leitfaden zur Studien d. Dogmengeschichte", вышедшемъ въ 1906 г. уже 4-мъ изданіемъ и, не смотря на то, не нашедшая доселѣ,—насколько знаемъ,—подражателей среди церковныхъ историковъ. Имя Лоофса Орловъ нигдѣ не упоминаетъ, но для всякаго знающаго дѣло очевидно, что названный ученый является неизмѣннымъ руководителемъ его въ группировкѣ догматическихъ партій и общей характеристикѣ ихъ воззрѣній. Какъ показываетъ уже самое названіе Leitfaden Лоофса преслѣдуютъ лишь общія точки зрѣнія, не вдаваясь въ частности и конкретности, и потому историческія противорѣчія, разрушающія его теорію, какія могли бы встрѣтиться при детальномъ изученіи вопросовъ, ускользаютъ изъ поля зрѣнія его. Г. Орловъ задался цѣлью послѣдовательно и всесторонне провести теорію Лоофса въ примѣненіи къ тринитарнымъ спорамъ и естественно, что онъ встрѣтилъ для себя непреодолимыя трудности. Уже одно зачисленіе въ общую группу лѣваго фланга такихъ несоизмѣримыхъ богослововъ, какъ Евсевій Кесарійскій и Евномій Кизическій, даетъ понять, что здѣсь дѣло стоитъ не совсѣмъ чисто. Авторъ, правда, всѣми силами старается доказать принадлежность Евномія къ лѣвой неоплатонической партіи, но это покупается путемъ произвольнаго подбора и перетолкованія историческихъ данныхъ. То же должно сказать и о стоицизмѣ какъ опредѣляющей философской подпочвѣ для всѣхъ западныхъ писателей. Въ основѣ онтологіи и гносеологіи Тертулліана и, пожалуй, Ипполита несомнѣнно лежитъ стоицизмъ, но столь же несомнѣнно и то, что въ ученіи обоихъ этихъ писателей о Логосѣ ясно проглядываетъ филопо-апологетическая тенденція. Но эти и другія немногіе недостатки, объясняемые частью стороннимъ вліяніемъ, частью, быть можетъ, и спѣшностью работы, являются лишь рѣдкими случайностями на общемъ научномъ фонѣ изслѣдованія г. Орлова и, притомъ, относятся не къ центральному предмету его работы—Иларію Пиктавійскому; оцѣни-

ваемая же въ цѣломъ, его диссертація въ виду указанныхъ выше научныхъ достоинствъ, дѣлаетъ ея автора вполнѣ достойнымъ степени магистра богословія".

Справка: Требующіеся § 32 Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени и опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 30 мая 1900 года 60 экземпляровъ напечатанной диссертаціи и. д. доцента А. П. Орловымъ Преосвященному Ректору представлены и розданы членамъ академической корпораціи.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій А. П. Орлова къ защищенію его диссертаціи на степень магистра богословія.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить ординарнаго профессора по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго* и экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ патристики *И. В. Попова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ немъ постороннихъ лицъ.

II. Прошеніе преподавателя Лебединской мужской гимназіи, кандидата богословія, *Николая Гальковскаго*:

„Представляя при семъ въ рукописи мое сочиненіе подъ заглавіемъ „Борьба христіанства съ язычествомъ въ древней Руси, историко-литературное изслѣдованіе" (на 1676 страницахъ) и Приложеніе къ нему (на 1071 стран.), въ восьми переплетахъ, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи принять мой трудъ на соисканіе степени магистра богословія.—Взамѣнъ семестровыхъ сочиненій, по которымъ я не имѣю соотвѣтствующаго балла, прошу зачислить мои слѣдующіе труды, при семъ прилагаемые: А) въ печатномъ видѣ—1) Лирическія пѣсни сербскаго народа, 2) Николай Алексѣевичъ Некрасовъ (публичное чтеніе), 3) Максимъ Горькій—литературная характеристика, 4) Сербскій народный эпосъ, вступительная статья и переводъ (эта книга Академіей Наукъ удостоена почетнаго отзыва имени Пушкина). 5) Миѳологическій элементъ въ сербской народной поэзіи (Филологическія Записки 1900 г. выпускъ IV—V), 6) Среча и Усудъ (Филологическія Записки 1901 г. вып. I—II), 7) Очерки сербской народной литературы, Загробное воздаяніе (Филологическія Записки 1902 г, вып. VI); по-

слѣднихъ трехъ статей представить не могу за неимѣніемъ таковыхъ въ отдѣльныхъ оттискахъ; В) въ рукописи: 1) Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянъ, 2) Св. Іоаннъ Златоустъ и его церковная дѣятельность, 3) Составъ и происхожденіе начальной лѣтописи, 4) Очерки народной сербской литературы—Духовные стихи; 6) Марко Кралевичъ—опытъ свода сербскихъ народныхъ пѣсенъ о Маркѣ Кралевичѣ, 6) Доисторическая Русь, 7) Антонъ Чеховъ—литературная характеристика, 8) Гергартъ Гауптманъ—литературная характеристика. Восемь поименованныхъ рукописей, представляющихъ изъ себя публичныя чтенія или приготовленныя для печати статьи, покорнѣйше прошу возвратить мнѣ обратно, когда въ нихъ минуетъ надобность".

Справка: 1) Преподаватель Н. Гальковскій окончилъ курсъ ученія въ Московской Духовной Академіи въ 1895 г. со степенью кандидата богословія и правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, изложенныхъ въ § 137 академическаго устава. 2) § 137 устава духовныхъ академій: „Студенты, оказавшіе въ теченіе четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе".—3) Въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса кандидатъ Николай Гальковскій не оказалъ успѣховъ, соотвѣтствующихъ степени магистра богословія, по слѣдующимъ предметамъ: Священному Писанію Новаго Завѣта, библейской исторіи, общей церковной исторіи, русской церковной исторіи, пастырскому богословію, церковному праву и метафизикѣ.—Изъ письменныхъ работъ г. Гальковскаго баллами ниже $4^1/_2$ отмѣчены были: а) семестровыя сочиненія по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, метафизикѣ, патристикѣ, общей церковной исторіи, церковной археологіи и литургикѣ, русской церковной исторіи и Священному Писанію Новаго Завѣта, и б) проповѣдь за I, III и IV курсы.—4) Съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора, г. Гальковскій сдалъ предъ коммиссіею изъ гг. наставниковъ Академіи новыя устныя испытанія по предметамъ, перечи-

сленнымъ въ п. 3-мъ справки, и получилъ слѣдующіе баллы: по Священному Писанію Новаго Завѣта, библейской исторіи, общей церковной исторіи, русской церковной исторіи и церковному праву—5; по пастырскому богословію и метафизикѣ—4½.—5) § 81 лит. *а* п. 6 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Магистерскую диссертацію преподавателя Лебединской мужской гимназіи Николая Гальковскаго передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по каѳедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнову*.—2) Представленныя г. Гальковскимъ въ печатномъ (7) и рукописномъ (8) видѣ пятнадцать статей передать для разсмотрѣнія исправляющему должность доцента Академіи по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкому*, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ Совѣту Академіи свой отзывъ,—могутъ ли онѣ быть признаны удовлетворяющими требованіямъ отлично-хорошихъ студенческихъ сочиненій.

III. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи исправляющаго должность доцента по каѳедрѣ греческаго языка и его словесности, кандидата богословія, *Д. Г. Коновалова*:

„Представляя при семъ напечатанное мною изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ, часть I, выпускъ I (Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза), Сергіевъ Посадъ, 1908", честь имѣю просить Ваше Преосвященство принять его къ разсмотрѣнію въ качествѣ диссертаціи на степень магистра богословія".

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію и. д. доцента Д. Г. Коновалова передать для разсмотрѣнія исправляющему должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громогласову*.

IV. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи и. д. доцента Д. Г. Коновалова онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколова*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Прошеніе исполняющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *Е. А. Воронцова*:

„Представляя при семъ работу на тему: Изъ исторіи ветхозавѣтной Библіи (Домасоретская и масоретская Библія, какъ манускриптъ), имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи соблаговолить принять ее къ разсмотрѣнію въ качествѣ магистерскаго разсужденія. Къ сему имѣю честь присовокупить, что, какъ prius этой работы, я перевелъ т. н. малые талмудическіе трактаты по изданію у Кирхгейма, Коронеля и Мюллера, но печатаніе этого перевода въ видѣ диглотты столь тормозитъ изданіе всего сочиненія, что я рѣшаюсь предъявить его безъ этого вступленія, каковое при желаніи г.г. рецензентовъ будетъ имъ представлено уже напечатаннымъ, какъ отдѣльный томикъ спеціально лингвистическаго характера (по образцу арамейско-талмудическихъ штудій Визнера“).

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію и. д. доцента Е. А. Воронцова передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору по каѳедрѣ библейской исторіи *А. И. Покровскому*.

VI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи и. д. доцента Е. А. Воронцова онъ назначаетъ члена Совѣта—заслуженнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова*.

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Принимая во вниманіе, что: а) диссертація исправляющаго должность доцента Е. А. Воронцова представлена въ рукописномъ видѣ, такъ какъ печатаніе ея оказалось затруднительнымъ для типографій по причинѣ значительнаго присутствія въ ней восточныхъ текстовъ,—б) отъ чтенія ея рецензенты имѣютъ право быть освобождены въ теченіи каникулярнаго времени,—в) по Положенію объ испытаніяхъ на ученыя степени предѣльный срокъ прочтенія диссертаціи назначенъ въ четыре мѣсяца для каждаго рецензента,—и г) трудъ исправляющаго должность доцента Е. А. Воронцова отличается исключительною спеціальностью, требующею не мало времени для его рецензіи,—просить ходатайства Его Высокопреосвящен-

ства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи исправляющему должность доцента Е. А. Воронцову срока полученія имъ магистерской степени еще на одинъ годъ, т. е. до 15 іюня 1909 года".

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюня 27. Смотрѣно".

10 іюня 1908 года.

№ 7.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій; временный преподаватель—заслуженный ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ; исправляющіе должность доцента—И. М. Громогласовъ, Д. Г. Коноваловъ, Н. Л. Туницкій и Ѳ. М. Россейкинъ и лекторъ В. П. Лучининъ.—Отсутствовали: экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и исправляющіе должность доцента—Е. А. Воронцовъ, А. П. Орловъ и священникъ Д. В. Рождественскій.

Слушали: I. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту табель балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, полученныхъ за истекшій 1907—1908 учебный годъ студентами I курса Академіи".

По разсмотрѣніи табели оказалось, что *изъ 59 студентовъ I курса*: а) студенты *Иванъ Успенскій* и священникъ *Порфирій Смирновъ*, согласно ихъ прошеніямъ, по опредѣленіямъ Совѣта Академіи отъ 20 декабря 1907 года и 6 марта 1908 года, оставлены, по болѣзни, въ I курсѣ на второй годъ; б) не держали *устныхъ* испытаній: *Давидовичъ Владиміръ* (по библейской исторіи, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, еврейскому языку, древней гражданской исторіи, латинскому и нѣмецкому языкамъ; не представилъ также семе-

строваго сочиненія по древней гражданской исторіи и проповѣди), *Дубчукъ Владиміръ* (по метафизикѣ; не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности), *Меліоранскій Иванъ* (по метафизикѣ; не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности и проповѣди), *Семеновъ Михаилъ* по древней гражданской исторіи), *Соколовъ Николай* (по библейской исторіи и словесности; не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности и проповѣди), *священникъ Степановъ Александръ* (по словесности), *Филипповскій Борисъ* (по библейской исторіи) не представилъ также семестроваго сочиненія по словесности) и *Шумъ Андрей* (по новой гражданской исторіи; не представилъ также семестровыхъ сочиненій по метафизикѣ и древней гражданской исторіи и проповѣди); в) не представили *письменныхъ* работъ: священникъ *Борисовъ Василій* (сочиненія по словесности), *Вавресюкъ Иванъ* (сочиненій по метафизикѣ и древней гражданской исторіи и проповѣди), *Житниковъ Сергѣй* (сочиненія по древней гражданской исторіи и проповѣди), *Каширениновъ Владиміръ* (сочиненія по древней гражданской исторіи и проповѣди), *Купріяновъ Николай* (сочиненія по словесности и проповѣди), *Плѣшановъ Павелъ* (сочиненія по древней гражданской исторіи), *Скворцовъ Владиміръ* (сочиненія по словесности) и *Смирновъ Иванъ* (проповѣди); г) студентъ *Вершинскій Николай*, не державшій устныхъ испытаній по библейской исторіи и метафизикѣ и не представившій семестроваго сочиненія по словесности, по остальнымъ предметамъ получилъ слѣдующіе неудовлетворительные баллы: на устныхъ испытаніяхъ: по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—1 и по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ—2; на проповѣди—2—.

б) Внесенный Инспекторомъ Академіи—профессоромъ *А. П. Шостьинымъ* списокъ студентовъ I курса съ означеніемъ ихъ поведенія, въ которомъ поведеніе 54 студентовъ означено балломъ 5, 4-хъ балломъ 5— и 1-го балломъ 4+.

в) Прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, студентовъ: священника *Борисова* Василія, *Вавресюка* Ивана, *Вершинскаго* Николая, *Давидовича* Владиміра, *Дубчука* Владиміра, *Житникова* Сергѣя, *Каширенинова* Владиміра, *Купріянова* Николая, *Меліоранскаго* Ивана, *Плѣшанова* Павла, *Семенова* Михаила, *Скворцова* Владиміра, *Смирнова*

Ивана, *Соколова* Николая, священника *Степанова* Александра, *Филипповскаго* Бориса и *Шума* Андрея—о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

Справка: 1) §§ 132—134 устава духовныхъ академій: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію... При опредѣленіи сравнительнаго достоинства студентовъ и составленіи списка ихъ принимаются во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе. *Примѣчаніе.* При составленіи списка новые языки въ общій счетъ предметовъ не вводятся.—Въ случаѣ неуспѣшности, зависѣвшей единственно отъ болѣзни, студенты могутъ быть оставляемы, съ разрѣшенія Совѣта, на второй годъ въ томъ или другомъ курсѣ, но одинъ только разъ въ продолженіи четырехлѣтняго академическаго курса.—2) По § 81 лит. *а* п.п. 4—5 устава духовныхъ академій „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи; къ тому же разряду дѣлъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 отнесены и „зачисленіе въ студенты академіи, увольненіе по прошеніямъ и исключеніе изъ академіи“.—3) Правилъ касательно значенія неудовлетворительныхъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ студентовъ Академіи—§ 4: „О студентѣ, получившемъ баллъ ниже 2 по одному предмету, или два балла ниже $2^1/_2$, или, наконецъ, баллъ $2^1/_2$ по тремъ предметамъ—доносится Совѣту Академіи, который, принявъ въ соображеніе всѣ имѣющіяся о данномъ студентѣ свѣдѣнія, входитъ въ сужденіе о томъ, оставить ли его въ Академіи или уволить по неуспѣшности“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I курса, перевести ихъ въ слѣдующій, II-ой, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) Успенскаго Дмитрія, Сперанскаго Алексѣя, Протасова Николая, свящ. Виноградова Николая, 5) свящ. Медвѣдкова Пантелеимона, Ильинскаго Владиміра, діакона Смирнова Іоанна, Ястремскаго Николая, Четверухина Илью,

10) Покровскаго Александра, свящ. Струминскаго Мартина, Гіацинтова Василія, Кочетова Сергѣя, Пикалова Константина, 15) свящ. Лаврова Тихона, Малышева Николая, Парія Андрея, Садковскаго Сергѣя, Сидоровскаго Николая, 20) Семеновскаго Николая, Сомова Николая, Мурашева Алексѣя, свящ. Новикова Константина, Корнѣевича Іустина, 25) Владиславлева Владиміра, Венустова Александра, свящ. Невскаго Петра, Лебедева Александра, свящ. Миловскаго Николая, 30) свящ. Колесниченко Іоанна, Толгскаго Николая, свящ. Кудржинскаго Антонія, Богоявленскаго Гавріила, діакона Смородина Валентина, 35) іеромонаха Николая (Могилевскаго), свящ. Орлова Сергія, Труфанова Максимиліана, Павловскаго Ивана, Гиляревскаго Андрея, 40) Соколова Виктора.—2) Студентамъ: свящ. Борисову Василію, Вавресюку Ивану, Давидовичу Владиміру, Дубчуку Владиміру, Житникову Сергѣю, Каширенинову Владиміру, Купріянову Николаю, Меліоранскому Ивану, Плѣшанову Павлу, Семенову Михаилу, Скворцову Владиміру, Смирнову Ивану, Соколову Николаю, свящ. Степанову Александру, Филипповскому Борису и Шуму Андрею—разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.—3) Студента *Вершинскаго* Николая уволить изъ Академіи по неуспѣшности.

II. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту табель балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, полученныхъ за истекшій 1907—1908 учебный годъ студентами II курса Академіи“.

По разсмотрѣніи табели оказалось, что *изъ 59 студентовъ II курса*—а) не держали *устныхъ* испытаній: *Архангельскій Владиміръ* (по русскому языку; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Бабаковъ Александръ* (по исторіи философіи; не представилъ также проповѣди), *Вышеславовъ Димитрій* (по русскому языку; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Доброхотовъ Алексѣй* (по русскому языку; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Іовлевъ Александръ* (по патристикѣ; не представилъ также проповѣди

и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *Мальгиновъ Борисъ* (по гомилетикѣ; не представилъ также проповѣди и семестроваго сочиненія по библейской археологіи), *архимандритъ Михаилъ*, сербскій уроженецъ (по гомилетикѣ и русскому языку; не представилъ также семестроваго сочиненія по общей церковной исторіи), *Ставицкій Виталій* (по исторіи философіи и психологіи) и *Уаровъ Петръ* (по патристикѣ и исторіи философіи);—б) не представили *письменныхъ* работъ: *Баржицкій Михаилъ* (сочиненій по общей церковной исторіи и библейской археологіи), *Благовѣщенскій Сергѣй* (проповѣди), *Ватутинъ Михаилъ* (проповѣди), *Воиновъ Сергѣй* (сочиненія по библейской археологіи), *Воскресенскій Василій* (проповѣди и сочиненія по библейской археологіи), *Городецкій Оедоръ* (проповѣди), *Горскій Александръ* (сочиненія по библейской археологіи), *Даниленко Прохоръ* (сочиненія по библейской археологіи), *Иллювіевъ Павелъ* (проповѣди), *Казанскій Платонъ* (проповѣди), *Ковригинъ Михаилъ* (проповѣди и сочиненія по библейской археологіи), *Лимачевъ Василій* (проповѣди), *Ржепикъ Миронъ* (сочиненій по общей церковной исторіи и библейской археологіи), *Рождественскій Леонидъ* (проповѣди), *Рубинскій Сергѣй* (проповѣди и сочиненія по библейской археологіи), *свящ. Синадскій Евгеній* (сочиненія по библейской археологіи), *Смирновъ Петръ* (проповѣди и сочиненія по библейской археологіи), *Счастневъ Михаилъ* (сочиненія по библейской археологіи), *Фаворитовъ Павелъ* (проповѣди и сочиненія по библейской археологіи), *Харитоновъ Сергѣй* (проповѣди) и *Щукинъ Николай* (проповѣди и сочиненія по библейской археологіи);—в) на основаніи $\frac{\text{опред. Св. Син. отъ}}{\text{указа Св. Син. отъ}}$ $\frac{\text{10—22 янв. 1903 г. № 118}}{\text{14 авг. 1902 г. за № 6245}}$ не держали испытанія по одному изъ древнихъ языковъ студенты, не изучавшіе оныхъ въ среднемъ учебномъ заведеніи: *Воиновъ* Сергѣй, архимандритъ *Михаилъ*, серб. урож., *Никоновъ* Алексѣй и діаконъ *Поповъ* Николай;—г) баллы ниже 2 имѣютъ студенты: *Никоновъ* Алексѣй (на устномъ испытаніи по исторіи философіи—2—) и *Преображенскій* Викторъ (на семестровомъ сочиненіи по общей церковной исторіи—2—).

б) Внесенный Инспекторомъ Академіи—профессоромъ *А. П. Шостьинымъ* списокъ студентовъ II курса съ означеніемъ ихъ поведенія, въ которомъ поведеніе 55 студентовъ означено балломъ 5 и 4—балломъ 5—.

в) Прошенія вышепоименованныхъ 30-ти студентовъ, не державшихъ устныхъ испытаній или не представившихъ письменныхъ работъ, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ II курса, перевести ихъ въ слѣдующій, III-ій, курсъ въ такомъ порядкѣ: 1) свящ. Соколова Василія, Троицкаго Владиміра, свящ. Добронравова Георгія, свящ. Платонова Веніамина, 5) свящ. Вьюкова Алексѣя, Мусатова Николая, Фортунатова Василія, Яхонтова Александра, Александровскаго Василія, 10) Успенскаго Николая, Волкова Андрея, Рождественскаго Евгенія, Троицкаго Алексѣя, свящ. Князева Александра, 15) свящ. Соболева Алексія, Бѣляева Михаила, свящ. Покровскаго Ѳеодора, Панова Павла, Сахарова Николая, 20) Ефимова Ѳедора, діакона Попова Николая, Соколова Петра, свящ. Баронова Николая, Ѳомина Николая, 25) Дмитревскаго Леонида, Вязовскаго Василія, Попова Николая, Преображенскаго Виктора и 29) Никонова Алексѣя.— 2) Студентамъ: *Архангельскому* Владиміру, *Бабакову* Александру, *Баржицкому* Михаилу, *Благовѣщенскому* Сергѣю, *Ватутину* Михаилу, *Воинову* Сергѣю, *Воскресенскому* Василію, *Вышеславову* Димитрію, *Городецкому* Ѳедору, *Горскому* Александру, *Даниленко* Прохору, *Доброхотову* Алексѣю, *Иллювіеву* Павлу, *Іовлеву* Александру, *Казанскому* Платону, *Ковригину* Михаилу, *Лимачеву* Василію, *Мальгинову* Борису, архимандриту *Михаилу*, *Ржепику* Мирону, *Рождественскому* Леониду, *Рубинскому* Сергѣю, свящ. *Синадскому* Евгенію, *Смирнову* Петру, *Ставицкому* Виталію, *Счастневу* Михаилу, *Уарову* Петру, *Фаворитову* Павлу, *Харитонову* Сергѣю и *Щукину* Николаю—разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

III. а) Внесенный Инспекторомъ Академіи—профессоромъ *А. П. Тостьинымъ* списокъ студентовъ III курса съ означеніемъ ихъ поведенія, въ которомъ поведеніе 47 студентовъ означено балломъ 5, 6—балломъ 5— и 2—балломъ 4+.

- б) Заявленіе Инспектора Академіи—профессора по каѳедрѣ пастырскаго богословія и педагогики *А. П. Шостьина*, что онъ не можетъ пока внести списка балловъ по семестровымъ сочиненіямъ студентовъ III курса *по педагогикѣ*, такъ какъ эти сочиненія представлены были къ 15-му мая лишь половиною курса; нѣсколько сочиненій было подано въ самомъ концѣ мая и даже въ началѣ іюня (5-го и 6-го ч.), когда приходилось спѣшно читать кандидатскія сочиненія; наконецъ, много сочиненій (16) не подано доселѣ и данныя для нихъ пособія студентами еще не возвращены. Такимъ образомъ, провѣрка и сравнительная оцѣнка семестровыхъ сочиненій по педагогикѣ представляется въ настоящее время невозможною.

Опредѣлили: 1) Составленіе разряднаго списка студентовъ III курса и переводъ ихъ въ слѣдующій курсъ отложить до сентябрскаго собранія Совѣта Академіи, обязавъ студентовъ, не державшихъ устныхъ испытаній или не представившихъ письменныхъ работъ, исполнить къ тому времени эти обязанности.—2) Въ томъ же сентябрскомъ собраніи обсудить вопросъ о принятіи мѣръ противъ несвоевременной подачи студентами письменныхъ работъ и уклоненія ихъ отъ сдачи переводныхъ и выпускныхъ испытаній въ назначенные по росписанію сроки, съ тѣмъ, чтобы перенесеніе тѣхъ и другихъ на послѣ-каникулярное время допускалось лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ.

IV. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго:*

„Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что по п. 1-му „Правилъ относительно распредѣленія казенныхъ и частныхъ стипендій между студентами Академіи“: „По составленіи, въ концѣ учебнаго года, переводныхъ списковъ студентовъ Академіи, но въ томъ же засѣданіи, Совѣтъ обсуждаетъ каждый разъ особо вопросъ о распредѣленіи на предстоящій учебный годъ стипендій на трехъ послѣднихъ курсахъ“.

Опредѣлили: Въ виду невозможности составить переводный списокъ III курса и значительнаго числа студентовъ II и I курсовъ, имѣющихъ держать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ,—

когда они только и могутъ быть внесены въ разрядный списокъ,—назначеніе стипендій на будущій 1908—1909 учебный годъ отложить до сентябрскаго собранія Совѣта Академіи.

V. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго:*

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія".

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что *изъ 58 студентовъ IV курса:*

1) Студенты: *Бѣляковъ Василій* не держалъ устнаго испытанія по нравственному богословію и не представилъ: семестроваго сочиненія за 3-й курсъ (по Священному Писанію Новаго Завѣта), проповѣди за IV курсъ и кандидатскаго сочиненія; *Дубенскій Александръ* не держалъ устнаго испытанія по догматическому богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *священникъ Козловъ Іоаннъ* не держалъ устнаго испытанія по нравственному богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *Ланге Филиппъ* не держалъ устнаго испытанія по догматическому богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *священникъ Ремизовъ Николай* не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ IV курса, не представилъ семестроваго сочиненія за 3-й курсъ и кандидатскаго сочиненія; *Троицкій Петръ* не держалъ устныхъ испытаній по догматическому и нравственному богословію и не представилъ семестроваго сочиненія за 3-й курсъ; *Успенскій Василій* не держалъ устнаго испытанія по церковной археологіи и литургикѣ и не представилъ кандидатскаго сочиненія; *Хадзараговъ Петръ* не держалъ устнаго испытанія по догматическому богословію и не представилъ кандидатскаго сочиненія.

2) Студенты: *Бабаковъ* Николай, *Витальскій* Александръ, *Нарскій* Борисъ, *Прытковъ* Сергѣй, *Смирновъ* Леонидъ и *Соколовъ* Виталій—не представили кандидатскихъ сочиненій.

3) Изъ выдержавшихъ испытанія по всѣмъ предметамъ академическаго курса и представившихъ кандидатскія сочиненія—15 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года баллъ не менѣе $4^1/_2$, 23—не менѣе 4 и 6—не менѣе 3.—Изъ числа послѣднихъ, т. е. имѣющихъ въ среднемъ выводѣ баллъ ниже 4,—студентъ

Масюковъ Иннокентій имѣетъ неудовлетворительный для степени кандидата богословія баллъ на устномъ испытаніи по нравственному богословію (2).

б) Внесенный Инспекторомъ Академіи--профессоромъ *А. П. Шостьинымъ* списокъ студентовъ IV курса съ означеніемъ ихъ поведенія за 1907—1908 учебный годъ, въ которомъ поведеніе 52 студентовъ означено балломъ 5 и 6 — балломъ 5—.

в) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о кандидатскихъ сочиненіяхъ 45-ти студентовъ LXIII курса:

1) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Авраменко Ивана* на тему: „Блаженный Іеронимъ, какъ библейскій археологъ“:

„Сочиненіе г. Авраменко написано по слѣдующей схемѣ: за небольшимъ введеніемъ авторъ приводитъ біографическія свѣдѣнія о блаженномъ Іеронимѣ, потомъ сообщаетъ тѣ данныя о древне-еврейскомъ культѣ, какія можно находить у блаженнаго Іеронима, далѣе извлекаетъ матеріалъ изъ твореній Іеронима, способный по его мнѣнію характеризовать древне-еврейскій бытъ, и наконецъ излагаетъ топографію Палестины по Іерониму. Небольшое заключеніе рекапитулируетъ взгляды, высказанные въ предисловіи или вступленіи Касательно плана работы и полноты ея содержанія возраженій у рецензента не имѣется, только слишкомъ многочисленныя частныя и частнѣйшія подраздѣленія, на подобіе параграфовъ, ослабляютъ цѣлостное впечатлѣніе отъ сочиненія г. Авраменко. Рецензированная нами работа свободна отъ фактическихъ ошибокъ, но весь извлеченный мрежами изслѣдователя матеріалъ изъ твореній блаженнаго Іеронима по нашему мнѣнію далеко не соотвѣтствуетъ тому, что сказано авторомъ въ предисловіи и послѣсловіи о величайшихъ заслугахъ Іеронима, какъ библеиста-археолога. Высокая личность Іеронима, познавшаго hebraica veritas, будетъ всегда въ тѣни, если не обозрѣвается его экзегетическій методъ и многоцѣнныя данныя изъ Библейской исагогики въ его твореніяхъ. Въ заключительныхъ отдѣлахъ своего труда г. Авраменко имѣлъ союзника и опору въ трудѣ Казанскаго профессора Полянскаго, и здѣсь трудно провести грань между данными рецензируемаго сочиненія и работою г. Полянскаго.

Во всякомъ случаѣ начальные отдѣлы работы г. Авраменко и характеръ цитаціи показываютъ его авторскую независимость, способность къ научному труду, а потому онъ вполнѣ заслуживаетъ кандидатской степени".

2) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Беневоленскаго Ивана* на тему: „Мистическое движеніе въ русской литературѣ и обществѣ въ царствованіе Александра I-го":

„Содержаніе изслѣдованія г. Беневоленскаго не вполнѣ соотвѣтствуетъ взятой имъ темѣ. Онъ сосредоточилъ свое вниманіе на уясненіи *происхожденія* мистическаго движенія Александровской эпохи и, начавъ съ самыхъ отдаленныхъ источниковъ его, почти $^2/_3$ своего сочиненія посвятилъ характеристикѣ философскихъ и религіозныхъ движеній, волновавшихъ Европу и Россію въ 18 вѣкѣ. Въ первыхъ трехъ главахъ сочиненія послѣдовательно излагается исторія просвѣтительной философіи 18-го вѣка въ Германіи, Англіи и Франціи, дается тщательная и полная характеристика мистическаго ученія Штиллинга, Бема, С.—Мартеня, Эккартсгаузена и др. западныхъ мыслителей, сообщаются обстоятельныя свѣдѣнія изъ исторіи русскаго масонства при Екатеринѣ, наконецъ, съ особенной тщательностью обрисовывается дѣятельность и міросозерцаніе Лопухина,—и только въ главѣ четвертой рѣчь идетъ объ одномъ изъ мистиковъ собственно Александровскаго времени—Лабзинѣ. Разумѣется, русская мистическая мысль при Александрѣ, какъ и въ эпоху предшествующую, развивалась подъ вліяніемъ европейскихъ мистиковъ, и авторъ, излагая Эккартсгаузена или Штиллинга, тѣмъ самымъ вводитъ читателя въ сферу идей, понятій и настроеній, господствовавшихъ и въ средѣ русскихъ мистиковъ. Но онъ не даетъ цѣлостнаго изображенія мистицизма, какъ особой формы мышленія, ставшей историческимъ фактомъ русскаго сознанія, русской литературы и жизни въ первой четверти 19-го вѣка. Въ его сочиненіи почти нѣтъ указаній на то, насколько глубоко мистика проникала въ русскіе умы, какимъ образомъ мистическія теченія переплетались съ литературными направленіями и общественными настроеніями, нѣтъ даже рѣчи о другихъ мистикахъ Александровскаго времени, кромѣ Лопухина и Лабзина

(Ковальковъ, Невзоровъ, бар. Крюднеръ, Татаринова, Селивановъ, Витбергъ и др.). Такимъ образомъ, сосредоточивъ все свое вниманіе на уясненіи генезиса историческаго факта, авторъ, очевидно, уже не имѣлъ времени обрисовать самый фактъ ни со стороны его общихъ свойствъ, ни со стороны всѣхъ, или по крайней мѣрѣ многихъ, частныхъ проявленій.

Этотъ недостатокъ разсматриваемаго сочиненія тѣмъ досаднѣе, что въ предѣлахъ того, что̀ послужило для автора главнымъ предметомъ изученія и изслѣдованія, онъ выполнилъ свой трудъ въ высшей степени успѣшно, серьезно и добросовѣстно. Внимательное изученіе первоисточниковъ и обширной ученой литературы, посвященной западно-европейскому и русскому мистицизму, привело его къ вѣрному пониманію предмета, ясной постановкѣ и правильному научному рѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго мистицизма. Не ограничиваясь существующей ученой литературой и изданными источниками, авторъ обратился даже къ неизданнымъ рукописнымъ матеріаламъ, хранящимся въ Румянцовскомъ музеѣ. Плодомъ его поисковъ является, по-видимому еще никѣмъ не изданное, письмо Лабзина, текстъ котораго присоединяется къ сочиненію въ качествѣ приложенія. Изложено сочиненіе языкомъ выработаннымъ, сжатымъ и выразительнымъ. Несомнѣнныя достоинства сочиненія, несмотря на его незаконченность, даютъ автору полное право на полученіе степени кандидата богословія".

3) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Боголѣпова Николая* на тему: „Археологическій комментарій къ современному еврейскому календарю":

„Задачею г. Боголѣпова являлось сообщеніе въ рубрикахъ данныхъ изъ Библіи и внѣбиблейской еврейской письменности касательно праздничныхъ дней и постовъ, поименованныхъ въ еврейскомъ календарѣ. Согласно такому требованію г. Боголѣповъ въ небольшой монографіи изложилъ данныя, трудолюбиво собранныя имъ въ огромномъ количествѣ набросковъ, замѣчаній въ нѣмецкой богословской литературѣ. Археологическій комментарій предваряется у него историческими свѣдѣніями объ еврейскомъ лѣтосчисленіи въ предѣлахъ библейскихъ и талмудическихъ временъ. Въ самомъ комментаріи слѣдующія рубрики: Праздникъ Пасхи,

Пятидесятница, Кущи, Новолѣтіе, День очищенія, Освященіе храма (Ханука), Пуримъ, Праздникъ деревьевъ (15 Шевата), Школьный праздникъ, Праздникъ 15 Ава, Симхатъ Тора, Праздники, прекратившіе свое существованіе (Спорады), и наконецъ Календарные посты. Работа даетъ non multa, но исчерпываетъ тематическій вопросъ; особенно хорошо, что авторъ опустилъ безцѣльную въ смыслѣ результатовъ полемику съ протестантскими богословами относительно историческаго генезиса праздниковъ, особенно регалимъ. Небольшой дефектъ труда рецензентъ видитъ въ отсутствіи рубрикъ о субботѣ и новомѣсячіи, о каковыхъ праздникахъ говорится въ начальной части при общей характеристикѣ еврейскаго календаря. Кандидатской степени г. Боголѣповъ заслуживаетъ".

4) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Борисова Пантелеимона* на тему: „Экономическій матеріализмъ и неокантіанство въ ихъ отношеніи къ нравственной проблемѣ":

„Тема, предложенная г. Борисову, допускаетъ двоякую постановку: или историко-критическую или критико-систематическую. Въ первомъ случаѣ центръ тяжести изслѣдованія лежалъ бы въ критическомъ изложеніи и освѣщеніи воззрѣній двухъ указанныхъ школъ на нравственную проблему съ указаніемъ на ихъ взаимное отношеніе, какъ оно дано *фактически;* во второмъ случаѣ авторъ представилъ бы положительную оцѣнку того вклада, который дѣлаютъ или при извѣстной постановкѣ могутъ сдѣлать эти школы въ разрѣшеніе проблемы, и показалъ бы, какое мѣсто каждая изъ нихъ *должна* занимать въ данной области, каково *должно быть* ихъ взаимное отношеніе. Авторъ избираетъ второй путь. Въ такомъ случаѣ главное, что отъ него требовалось, это—съ возможною обстоятельностью, цѣльностью и рельефностью выставить на видъ важнѣйшіе результаты философской работы двухъ школъ въ связи съ ясно формулированной собственной точкой зрѣнія на предметъ. Нельзя сказать, чтобы авторъ оказался въ полной мѣрѣ на высотѣ такой задачи. Первое, что въ значительной степени лишаетъ его работу надлежащей цѣнности, это—ея незаконченность: авторъ очень мало сдѣлалъ для рѣшенія наиболѣе важнаго

и существеннаго по смыслу темы вопроса о взаимномъ отношеніи двухъ точекъ зрѣнія на мораль. Но это еще не главный упрекъ, какой нужно сдѣлать г. Борисову. Самымъ важнымъ недостаткомъ его работы является отсутствіе систематичности и связности въ томъ, что онъ даетъ. Сочиненіе представляетъ въ большей своей части почти сплошную полемику. Это уже само по себѣ невыгодно отражается на цѣльности и систематичности мысли. Но, сверхъ того, авторъ страдаетъ какимъ-то, я бы сказалъ, органическимъ недостаткомъ ясности мышленія, чѣмъ и обусловливается крайняя неясность и несвязность изложенія. Если прибавить къ этому весьма небрежное обращеніе съ русскимъ языкомъ, постоянное нагроможденіе словъ и предложеній при полномъ отсутствіи какой либо заботы привести ихъ въ надлежащій порядокъ,—то получается нерѣдко такое положеніе, что мысль автора нужно разгадывать наподобіе шарады. Все это тѣмъ болѣе непріятно, что сочиненіе г. Борисова, и при указанныхъ недостаткахъ, имѣетъ весьма цѣнное содержаніе. У автора есть несомнѣнная способность разбираться въ философскихъ вопросахъ; его критическія замѣчанія часто очень мѣтки и правильны; наконецъ, его собственныя воззрѣнія заслуживаютъ интереса; въ послѣднемъ случаѣ нужно, напримѣръ, отмѣтить стремленіе автора очистить кантіанскую точку зрѣнія отъ всякой, даже наиболѣе отдаленной, примѣси психологизма; совершенно правильна и заслуживаетъ вниманія также мысль г. Борисова, что между нравственнымъ принципомъ Канта и его ученіемъ о вещи въ себѣ существуетъ болѣе тѣсная и неизбѣжная связь, чѣмъ это иногда думаютъ. Всѣ эти положительныя стороны сочиненія заставляютъ меня жалѣть о томъ, что оно не можетъ быть отмѣчено высшимъ балломъ. Но степени кандидата г. Борисовъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ".

5) Исправляющаго должность доцента Ѳедора Россейкина о сочиненіи студента *Будрина Петра* на тему: Экономическіе и духовные факторы въ исторіи":

„Авторъ принялъ на себя задачу обосновать самостоятельное значеніе въ историческомъ процессѣ духовныхъ факторовъ. Сдѣлать это онъ могъ, лишь преодолѣвъ стоявшую ему поперекъ дороги систему историческаго матеріализма,

что и побудило его отдать ей все свое вниманіе. Сочиненіе г. Будрина является опытомъ систематическаго изложенія и критической оцѣнки историческаго матеріализма. Послѣдній взятъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. матеріалистическое пониманіе исторіи поставлено въ связь съ философскими предпосылками доктрины. Широкой постановкой задачи и ограниченностью времени, которымъ располагалъ авторъ, и объясняется непропорціональность частей сочиненія: изложеніе теоріи заняло бо́льшую часть работы въ ущербъ критическому отдѣлу, который оказался менѣе разработаннымъ и незаконченнымъ. При изложеніи оспариваемой теоріи авторъ пожелалъ поставить себя внѣ нареканій въ односторонней и неточной передачѣ чужихъ мыслей и потому рѣшилъ, изучивъ экономическій матеріализмъ по первоисточникамъ, взять изъ него наиболѣе прочно установленные элементы и изложить, выдерживая по возможности не только содержаніе, но и стиль теоріи. Это удалось ему вполнѣ. Авторъ знакомъ съ основной марксистской литературой, разобрался въ ней, сумѣлъ выдѣлить наиболѣе существенное и характерное для теоріи, а его стройное изложеніе настолько объективно и стильно, что можетъ удовлетворить самаго правовѣрнаго марксиста. Автору можно поставить въ заслугу, что онъ удержался отъ соблазна облегчить себѣ критическую работу передачей теоріи въ ея крайней формулировкѣ, какая легче поддается ударамъ критики. Но и нужно признать, что критическая часть сочиненія г. Будрина значительно уступаетъ изложенію. Правда, аргументація, выдвинутая авторомъ противъ философскихъ предпосылокъ историческаго матеріализма, вполнѣ убѣдительна и достигаетъ цѣли. Но нельзя сказать того же о критическихъ замѣчаніяхъ, посвященныхъ марксизму, какъ историко-экономической теоріи. Въ этой области позиціи историческаго матеріализма гораздо сильнѣе, чѣмъ представляется автору, и онъ долженъ былъ съ бо́льшимъ вниманіемъ отнестись къ силамъ противниковъ.— Степени кандидата богословія г. Будринъ заслуживаетъ.“

6) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Бурмакина Николая* на тему: „Культъ Астарты по Библіи въ связи съ культомъ женскихъ божествъ на востокѣ“:

„Сочиненіе г. Бурмакина составлено по хорошимъ нѣмецкимъ пособіямъ, изъ которыхъ особенныя услуги ему оказала монографія Torge—Aschera und Astarte; что касается до справокъ о культѣ другихъ женскихъ божествъ, то онѣ сдѣланы у Scholz—Götzendienst und Zauberwesen bei den alten Hebräern und den benachbarten Völkern. Послѣдняя книга устарѣла, но содержитъ обильный фактическій матеріалъ въ видѣ извлеченій изъ сочиненій разныхъ древнѣйшихъ и древнихъ писателей. Въ своей работѣ г. Бурмакинъ приводитъ соображенія изъ области: 1) догмы культа Астарты, 2) эволюціи этого культа изъ первоначальнаго дендролатрическаго ашеризма и 3) обстановки культовыхъ операцій въ позднѣйшія времена. Библейскія данныя сообщены достаточно полно и комментированы, одна противоположность осталась въ работѣ г. Бурмакина невыясненною: какимъ образомъ Астарта съ одной стороны—божество, покровительствующее жизни, а съ другой—ея врагъ и губитель? При отсутствіи фактическихъ ошибокъ и достаточной полнотѣ въ трактаціи предмета (внѣ какой-либо оригинальности) сочиненіе г. Бурмакина даетъ ему право на кандидатскую степень“.

7) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Бѣлоусова Евгенія* на тему: „А. П. Щаповъ, какъ историкъ и расколовѣдъ. (По поводу новаго изданія его сочиненій)“:

„Значительная по объему работа г. Бѣлоусова богата и внутреннимъ содержаніемъ. Авторъ безъ излишнихъ подробностей, но съ совершенно достаточной для его цѣли полнотой сообщаетъ біографическія свѣдѣнія объ А. П. Щаповѣ (стр. 1—162), подготовляя въ личной характеристикѣ этого безвременно погибшаго для русской науки талантливаго историка и въ очеркѣ его неудавшейся жизни объясненіе нѣкоторыхъ особенностей его учено-литературнаго творчества. Въ качествѣ матеріала при этомъ умѣло и обдуманно использовано, насколько это оказалось возможнымъ, все наиболѣе цѣнное и значительное, что было писано о Щаповѣ (включительно до газетныхъ статей). Слѣдующее за біографическимъ очеркомъ изложеніе общихъ историческихъ воззрѣній Щапова (стр. 163—332) и ихъ оцѣнка (332—

526) даютъ ясное и отчетливое представленіе какъ объ основныхъ принципахъ научнаго міросозерцанія этого изслѣдователя русской народной жизни въ два періода его дѣятельности, о господствующихъ въ ней идеяхъ и интересахъ, такъ и о значеніи полузабытыхъ впослѣдствіи трудовъ творца земско-областной теоріи и автора „Соціально-педагогическихъ условій“ для русской исторической науки. Свои мысли и заключенія по вопросу о научной цѣнности новыхъ „прямоѣзжихъ дорогъ“, впервые намѣченныхъ Щаповымъ, авторъ разсматриваемаго сочиненія иллюстрируетъ весьма интересными сопоставленіями, свидѣтельствующими о хорошемъ знакомствѣ его съ работами нашихъ выдающихся историковъ (напр., проф. В. О. Ключевскаго). Менѣе обстоятельно, чѣмъ слѣдовало бы, разработанъ (вѣроятно, за недостаткомъ времени) отдѣлъ о воззрѣніяхъ Щапова на русскій расколъ старообрядства (стр. 526—679), хотя и они въ основныхъ чертахъ изложены совершенно правильно. Конецъ сочиненія (стр. 679—717) посвященъ общей характеристикѣ Щапова, какъ историка—публициста, быть можетъ, не свободной отъ упрека въ нѣкоторомъ увлеченіи и преувеличеніи, довольно обычномъ, впрочемъ, въ работахъ монографическихъ.

Къ сказанному выше остается присоединить еще, что внѣшняя литературная сторона изслѣдованія г. Бѣлоусова соотвѣтствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. Признаю автора вполнѣ заслуживающимъ кандидатской степени“.

8) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Бѣляева Бориса* на тему: „Славянофильство и западничество въ воззрѣніяхъ на русскій старообрядческій расколъ“:

„Работа, которую взялъ на себя авторъ разсматриваемаго сочиненія, представляла значительныя трудности какъ по новизнѣ своей задачи, такъ и по чрезвычайному обилію матеріала, который необходимо было не только пересмотрѣть, но и внимательно изучить, чтобы изъ многаго, высказаннаго наиболѣе видными представителями двухъ названныхъ направленій русской мысли, извлечь сравнительно немногое, имѣющее болѣе или менѣе близкое отношеніе къ темѣ.

Обѣ указанныя трудности г. Бѣляевъ съумѣлъ преодолѣть

болѣе чѣмъ успѣшно. Неразработанность вопроса не помѣшала ему удачно намѣтить цѣлесообразный планъ изслѣдованія, а масса перечитаннаго и перенесеннаго, въ формѣ дословныхъ выдержекъ или въ пересказѣ, на страницы обширнаго (614 стр.) сочиненія не подавила самостоятельной мысли и не затемнила ея. Видно, что авторъ хорошо продумалъ то, о чемъ говоритъ, и что работа надъ кандидатской диссертаціей была для него не отбываніемъ повинности только, а такимъ трудомъ, на который съ любовью тратилось время и силы. При большихъ размѣрахъ сочиненія и сложности его содержанія нельзя не отмѣтить, какъ особеннаго достоинства, литературной обработанности этого изслѣдованія. Считаю автора вполнѣ и безспорно достойнымъ искомой степени".

9) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Владимірскаго Сергѣя* на тему: „Женщина въ ветхомъ завѣтѣ (Археологическій очеркъ)":

„Задачею г. Владимірскаго въ его трудѣ было разсмотрѣніе костюма, украшеній и вообще туалета древнихъ еврейнокъ. Работа г. Владимірскаго распадается на 5 частей: въ первой части онъ касается способа приготовленія и украшенія одеждъ; эта часть—пропэдевтическая въ работѣ, какъ вводящая въ знакомство съ древне-еврейскою женскою одеждою; во второй части г. Владимірскій описываетъ самый покрой женскихъ одеждъ, отчасти касаясь и головнаго убора, покрывала и сандалій; въ третьей части разсматриваются различные виды металлическихъ украшеній: серьги, кольца, перстни, цѣпочки, браслеты и украшенія волосъ; въ четвертой части сообщаются данныя изъ области женской косметики: о бѣлилахъ, румянахъ, амулетахъ, равно о зеркалахъ, какъ неизбѣжномъ спутникѣ и пособіи косметическихъ экспериментовъ; въ пятой части разбираются библейскія данныя о древне-еврейской парфюмеріи. За исключеніемъ пятой части, естественно допускающей соединеніе съ четвертою, всѣ рубрики въ сочиненіи г. Владимірскаго вполнѣ опредѣляются сущностью предмета изслѣдованія. Въ своемъ цѣлостномъ видѣ трудъ г. Владимірскаго представляетъ цѣнную библейско - археологическую монографію по мало изученному доселѣ и даже на западѣ скудно освѣщен-

ному предмету. За исключеніемъ недавней работы Розенцвейга: Kleidung und Schmuck im biblischen und talmudischen Schrifttum. Berlin. 1905 западная библейско-археологическая наука не имѣла сводки матеріаловъ касательно древне-еврейскихъ одеждъ, если не считать фрагментарныхъ работъ, на подобіе Brüll, Trachten der Iuden. Г. Владимірскій черпаетъ данныя изъ антикварнаго трехтомнаго сочиненія Hartmann. Die Hebräerin am Putztische und als Braut, но тотъ синтезъ, какой онъ даетъ на страницахъ своего сочиненія, комбинируя новѣйшія данныя у Perrot со старыми сообщеніями „Hartmann'a",—вообще удаченъ. Авторъ перечиталъ Библейскіе предметные словари (Real—wörterbucher) и сдѣлалъ внимательно цѣнные эксцерпты. По характеру темы работа г. Владимірскаго—мало примѣтная, микрологическая, но повидимому его перомъ водило серьезное желаніе дать возможно болѣе документальныхъ данныхъ; ничего гипотетическаго у него нѣтъ: все измѣрено, взвѣшено, расцѣнено, а потому такой трудъ читается отъ начала до конца съ неослабѣвающимъ вниманіемъ и заслуживаетъ полной похвалы. Степень кандидата богословія является справедливымъ воздаяніемъ потрудившемуся на торной стезѣ библейско-археологической дисциплины. Излишне говорить, что работа г. Владимірскаго требовала отъ него и раннѣйшаго изученія исторіи древняго костюма, особенно на востокѣ, въ Египтѣ, Вавилоніи и т. п.".

10) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Волосевича Михаила* на тему: „Петръ I и монашество":

„Монастырскій вопросъ въ Петровскую эпоху авторъ изучаетъ въ связи съ раннѣйшей его исторіей и въ связи съ реформами Петра I; трактуетъ о попыткахъ дать монашеству внѣшнюю организацію и порядокъ и внутренне его исправить; наконецъ о мѣропріятіяхъ правительства съ цѣлію привлечь монастыри къ общей работѣ на пользу государства.

Авторъ не побоялся труда,—подробно и внимательно изучилъ какъ источники, такъ и литературу по вопросу и далъ продуманный и обстоятельный отвѣтъ. Сочиненіе несвободно отъ немногихъ, притомъ мелкихъ недосмотровъ; не во всѣхъ отдѣлахъ изложеніе отличается одинаковой полно-

тою и убѣдительностью; есть вопросы, которые, по признанію самого автора, не обслѣдованы имъ (стр. 294). Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Волосевича слѣдуетъ признать очень хорошимъ".

11) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Воскресенскаго Андрея*: „Ксеносъ и его Окружное Посланіе":

„Небольшая по объему (на 204 страницахъ довольно разгонистаго почерка) работа г. Воскресенскаго даетъ рецензенту не мало основаній къ упрекамъ по адресу ея автора. Содержаніе ея далеко не исчерпываетъ всего того печатнаго матеріала, какой могъ бы быть использованъ для личной характеристики одного изъ „трехъ замѣчательныхъ старообрядцевъ" и для выясненія чрезвычайно важной роли „Окружнаго Посланія" въ исторіи пріемлющаго австрійскую іерархію старообрядчества. Въ доказательство неполноты сочиненія съ этой послѣдней стороны достаточно указать на то, что г. Воскресенскій свои сообщенія о раздѣленіяхъ и спорахъ изъ-за „Посланія" ограничиваетъ почему-то временемъ жизни самого Кабанова—Ксеноса, между тѣмъ какъ глубокій разладъ между окружниками и противоокружниками остается въ полной силѣ „даже до сего дне"... О литературныхъ качествахъ работы довольно невыгодное для ея автора представленіе начинаетъ складываться уже при знакомствѣ съ оглавленіемъ, помѣщеннымъ въ началѣ, и упрочивается по мѣрѣ знакомства съ текстомъ, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются настоящіе стилистическіе монстры (см. стр. 25—26, 109, 126 и др.). Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и бьющей въ глаза безграмотности, отвѣтственность за которую должна остаться на составителѣ даже и въ томъ случаѣ, если онъ—не одно лицо съ переписчикомъ. Но все же коечто сдѣлано г. Воскресенскимъ для разработки выбранной имъ темы, и это сдѣланное, при снисходительной оцѣнкѣ, можно признать достаточнымъ для присужденія искомой степени".

12) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Голощапова Сергѣя* на тему: „Божественность христіанства":

„Г. Голощапову было предложено изложить тѣ основанія

по которымъ христіанство *для него* является божественнымъ по своему происхожденію и, слѣдовательно, истиннымъ по содержанію. Понятно, что каждый изъ насъ убѣждается въ истинности христіанства не отдаленными и спорными доказательствами, а тѣмъ, что мы имѣемъ въ себѣ и передъ собою— прежде всего Евангеліемъ. Тема, данная г. Голощапову, была не широка, не требовала самостоятельности мысли и, такъ сказать, самопознанія. Почему авторъ вѣритъ во Христа—вотъ вопросъ темы. Г. Голощаповъ взялъ имѣющіеся курсы апологій христіанства и началъ извлекать оттуда доводы въ пользу всеобщности религіи, превосходства христіанской религіи предъ языческими, дѣйствительности пророчествъ и чудесъ, божественности Христа. Онъ далъ апологію христіанства.

Онъ намѣтилъ себѣ болѣе широкую задачу, чѣмъ какую предложилъ ему преподаватель, но широта въ подобнаго рода работахъ неизбѣжно бываетъ обратно пропорціональна глубинѣ. Устремляясь въ ширь, авторъ теряетъ возможность двигаться въ глубь, обиліе обсуждаемыхъ вопросовъ дѣлаетъ невозможнымъ тщательное и всестороннее изслѣдованіе каждаго изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности. Г. Голощаповъ говоритъ о цѣнности вѣры, въ которой видитъ основу жизни и дѣятельности. Разсужденію о вѣрѣ у него посвящено вступленіе. Въ 1-й главѣ онъ говоритъ о религіи, какъ выразительницѣ стремленій человѣка къ сверхъестественному и абсолютному. Онъ опредѣляетъ основные элементы религіи, указываетъ, что религія вообще констатируетъ разладъ въ жизни (фактъ грѣха и желаніе добра). Изъ желанія уничтожить этотъ разладъ возникло ожиданіе Мессіи. Разсужденію объ этомъ ожиданіи авторъ посвящаетъ 2-ю главу. 3-я глава посвящена выясненію образа Іисуса Христа—какъ дѣйствительнаго Мессіи, какъ божественнаго лица. 4-я трактуетъ о христіанствѣ, какъ религіи искупленія. Въ этихъ 4-хъ главахъ авторъ очень часто проводитъ параллели между христіанствомъ и язычествомъ для выясненія того, что христіанская истина безмѣрно возвышается надъ смутными исканіями истины, которыя проявляются въ языческихъ религіяхъ. 5-я глава говоритъ о воскресеніи І. Христа. Авторъ не разбираетъ раціоналистическихъ гипотезъ, но положительнымъ образомъ на основаніи Новаго Завѣта хочетъ установить

фактъ воскресенія. 6-я глава посвящена характеристикѣ евангельскаго ученія. 7-я содержитъ разсужденіе о могуществѣ Евангелія, о той побѣдѣ, которую новозавѣтное благовѣствованіе одержало надъ міромъ. Сочиненіе заканчивается краткимъ заключеніемъ (2 листа съ небольшимъ).

Многихъ вопросовъ касается авторъ. Многократно онъ обращается къ языческимъ религіямъ, онъ даетъ обозрѣніе важнѣйшихъ мессіанскихъ пророчествъ, въ главѣ о христіанскомъ ученіи проводитъ параллели между новозавѣтнымъ ученіемъ о Троицѣ, индійской тримутри, теоріей Филона.

Авторъ поработалъ много и многому научился.

Выгодныя качества его сочиненія выступаютъ при сравненіи его съ нашими обычными курсами Основного Богословія. Вопросъ о вѣрѣ въ нихъ обычно даже не затрагивается. Авторъ понялъ важность этого вопроса при обсужденіи религіозной проблемы и съ него началъ свое изслѣдованіе. Языческія религіи часто привлекаются въ нашихъ курсахъ лишь для того, чтобы осудить ихъ. Авторъ пытался сдѣлать изъ нихъ болѣе возвышенное употребленіе, онъ подчеркивалъ въ языческихъ вѣрованіяхъ смутное тяготѣніе къ истинѣ и чаяніе искупленія. Наконецъ, авторъ центръ тяжести апологіи утвердилъ въ лицѣ Христа и Его ученіи, что отвѣчаетъ вполнѣ святости и истинности христіанства. Очень хорошо сдѣлалъ авторъ, привлекши для выясненія истинъ христіанства православное богослуженіе.

Но въ одинъ годъ нельзя изучить никакой науки—въ частности и науки о религіи, и промаховъ и ошибокъ въ сочиненіи г. Голощапова можно отмѣтить много.

Укажу нѣкоторые.

На 75 стр. у него совершенно извращается повѣствованіе Иліады, на 108—109 стр. сообщаются невѣрныя свѣдѣнія о человѣческихъ жертвахъ въ Греціи, на 130—131 отыскивается мессіанская идея въ сказаніи о Прометеѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ этой идеи не оказывается, на 226 стр. упорно смѣшивается Брама съ Буддою въ повѣствованіи о воплощеніи Будды. Страннымъ въ хронологическомъ отношеніи представляется порядокъ, въ которомъ ведется рѣчь объ основателяхъ религій. Многое авторъ беретъ изъ книгъ, не достаточно обсудивъ и взвѣсивъ. Говоря, что всякій геній но-

ситъ на себѣ отпечатокъ націи, онъ указываетъ на Шекспира. Но какъ на самомъ дѣлѣ можно найдти отпечатокъ національности Шекспира въ его драмѣ „Смерть Юлія Цезаря?“ Есть у автора неудачныя выраженія *(отчаянная* критика по вопросу о воскресеніи Христа).

Но вообще авторъ поработалъ достаточно и съ большою пользою для своего самообразованія. Для полученія степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно“.

13) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Гусева Сергѣя* на тему: „Внутренняя исторія безпоповщины. (Эволюція доктрины, какъ основная причина дробленія на толки)“:

„Задача, указанная автору при выборѣ имъ этой темы для своей работы, состояла въ томъ, чтобы написать своего рода „философію исторіи“ безпоповщины: воспользовавшись тѣмъ, что сдѣлано доселѣ для изученія названной части отдѣлившагося отъ церкви старообрядчества и не вдаваясь въ пересказъ деталей, достаточно уясненныхъ спеціальными изслѣдованіями, попытаться дать общую историческую схему постепеннаго обособленія разныхъ „толковъ“ среди послѣдователей безпоповщинской доктрины, вслѣдствіе внутреннихъ противорѣчій этой послѣдней и ея практической несогласуемости съ требованіями жизни. При такой концепціи центромъ вниманія должны были бы быть, очевидно, не отдѣльные, иногда очень мелочные и болѣе или менѣе случайные факты, а выясненіе внутренней связи и послѣдовательности главныхъ моментовъ, изъ которыхъ складывается процессъ внутренняго саморазложенія безпоповщины. Такая работа могла бы имѣть большой интересъ и цѣнность не только въ чисто научномъ, но и въ полемическомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, авторъ разсматриваемаго сочиненія не съумѣлъ достаточно уяснить себѣ этой задачи и направилъ свое изслѣдованіе по болѣе шаблонному пути. Въ результатѣ получился очень усердный, но мало интересный сводъ давно извѣстныхъ свѣдѣній о разномысліи и спорахъ въ безпоповщинскомъ расколѣ по вопросу объ антихристѣ, о бракахъ, объ отношеніи къ церковнымъ и гражданскимъ властямъ,—свѣдѣній, въ большинствѣ взятыхъ изъ вторыхъ рукъ и даже передаваемыхъ иногда очень близко къ тексту

ученыхъ пособій, изъ которыхъ они заимствованы. Спѣшимъ оговориться, что авторъ нигдѣ не выдаетъ чужого за свое, и его довольно большой по объему трудъ долженъ быть признанъ вполнѣ добросовѣстнымъ, какъ по широтѣ привлеченнаго къ обслѣдованію матеріала, такъ и по пріемамъ его использованія. Во вниманіе къ несомнѣнному трудолюбію г. Гусева данную работу слѣдуетъ признать вполнѣ удовлетворительной для присужденія ему кандидатской степени".

14) Инспектора Академіи—профессора Александра Шостьина о сочиненіи студента *Добролюбова Петра*: „Воспитаніе и образованіе въ древней Руси до Петра Великаго":

„Во введеніи (I—XI стр.) авторъ выясняетъ кратко задачу своего изслѣдованія, характеризуетъ основные источники его и намѣчаетъ планъ работы. По этому плану изслѣдованіе распадается на три части. Часть *первая* (стр. 1—200) посвящается изложенію свѣдѣній, касающихся образованія и воспитанія на Руси до XVI вѣка; часть *вторая* (стр. 203—514) трактуетъ о школьномъ образованіи русскаго народа до Петра Великаго; послѣдняя *третья* часть (стр. 529—642) представляетъ изложеніе и разборъ свѣдѣній о внѣшкольномъ образованіи русскаго народа и средствахъ къ нему, о познаніяхъ нашихъ предковъ по философіи, исторіи, географіи.

Въ большей части своего сочиненія авторъ выступаетъ не самостоятельнымъ изслѣдователемъ, а лишь тщательнымъ компиляторомъ, зависѣвшимъ отъ трудовъ Лавровскаго, Харламповича, Митр. Макарія, проф. Голубинскаго, Голубева, Соболевскаго, Леонтовича, Миропольскаго, Демкова и др. Но и въ этой компилятивной работѣ онъ старался сопоставлять и сравнивать, а иногда провѣрять по первоисточникамъ различныя сообщенія раннѣйшихъ изслѣдователей, выбирая изъ нихъ болѣе надежныя.

Въ главѣ же „о школахъ и образованіи по житіямъ Святыхъ" и особенно во всей третьей части своего труда онъ выступаетъ какъ изслѣдователь болѣе или менѣе самостоятельный, пользующійся непосредственно первоисточниками—житіями, лѣтописями, хронографами, описаніями путешествій древнерусскихъ торговыхъ и любознательныхъ людей

и т. под. Эти мѣста сочиненія г. Добролюбова представляются наиболѣе интересными и важными по собранію въ нихъ цѣннаго матеріала (хотя и не рукописнаго).

Для присужденія автору степени кандидата богословія разсмотрѣнный трудъ долженъ быть признанъ совершенно достаточнымъ".

15) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Добросердова Александра* на тему: „Преосвященный Питиримъ, еп. нижегородскій, и его миссіонерская дѣятельность":

„Намѣтивъ кратко въ предисловіи (стр. 1—3) общій планъ своей работы и давъ во вступительномъ очеркѣ (стр. 5—52) характеристику общества, церкви и раскола въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст., авторъ разсматриваетъ въ двухъ отдѣлахъ сочиненія (подраздѣленныхъ въ свою очередь на нѣсколько главъ) сперва жизнь Питирима до выступленія на борьбу съ расколомъ и „административно-миссіонерскую" дѣятельность этого архипастыря (стр. 53—216), а затѣмъ— его „литературно-миссіонерскіе" труды (стр. 217—320). Въ концѣ сочиненія имѣется особый отдѣлъ „приложеній", содержащій въ себѣ нѣсколько документовъ, упоминаемыхъ въ изслѣдованіи, и занимающій около 5 листовъ.

При оцѣнкѣ сочиненія въ ряду его достоинствъ на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить то, что авторъ, насколько было возможно въ условіяхъ студенческой срочной работы, старался использовать не только печатные, но и рукописные источники (изъ библіотекъ: Имп. Публичной, Хлудовской и Казанской Академіи) и вообще не уклонялся имѣть дѣло съ сырымъ матеріаломъ. Другую черту, производящую пріятное впечатлѣніе на читателя, представляетъ отсутствіе склонности (въ противоположность господствующей манерѣ академическаго писательства) вдаваться въ подробный пересказъ общеизвѣстнаго: ограничиваясь, гдѣ это возможно и нужно, лишь краткими ссылками на результаты чужихъ изслѣдованій, г. Добросердовъ предпочитаетъ останавливать свое вниманіе на томъ, что совсѣмъ не затронуто или недостаточно освѣщено его предшественниками. Въ этомъ стремленіи къ постановкѣ лишь болѣе новыхъ и трудныхъ вопросовъ онъ даже доходитъ до крайности, въ ущербъ

полнотѣ своего изслѣдованія: такъ, онъ совсѣмъ не входитъ въ разсмотрѣніе „Пращицы“, главнаго „литературно-миссіонерскаго“ труда преосвящ. Питирима. Впрочемъ, въ этомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, судя по заявленіямъ самого автора, причиною пробѣловъ былъ и недостатокъ времени для полнаго и исчерпывающаго изображенія противораскольнической дѣятельности Питирима во всемъ ея объемѣ. Этою же причиною можно объяснить и недостатки литературной обработанности, нерѣдко дающіе себя чувствовать на протяженіи разсматриваемаго сочиненія. Изъ „приложеній“ одни представляютъ выписку изъ печатныхъ изданій, другія—копію съ рукописей. Къ сожалѣнію, эта копія писана такимъ невозможнымъ почеркомъ, что отъ ближайшаго ознакомленія съ нею приходится отказаться.—Въ общемъ сочиненіе г. Добросердова—работа серьезная, добросовѣстная и вполнѣ достаточная для присужденія автору степени кандидата богословія“.

16) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Дьяконова Дмитрія* на тему: „Библейская флора“:

„Работа г. Дьяконова имѣетъ своимъ предметомъ Библейскую флору. Трактація предмета изслѣдованія подъ этою общею темою можетъ быть разнообразна. Съ одной стороны Библейская флора стоитъ въ тѣсномъ отношеніи къ ветхозавѣтному культу, давая не только матеріалъ для жертвоприношеній и очистительныхъ обрядовъ, но и служа для сооруженія скиніи, храма и ихъ ритуальныхъ принадлежностей; съ другой стороны Библейская флора является источникомъ для поэтическихъ образовъ, украшающихъ страницы ветхозавѣтной Библіи. Можно непогрѣшительно сказать, что изъ 3 царствъ природы именно флора дала наибольшій количественно и наилучшій качественно матеріалъ для поэтическихъ сравненій и описаній у священныхъ писателей. Наконецъ Библейскую флору можно подвергнуть общему и детальному разсмотрѣнію, какъ научно - ботаническій матеріалъ. Такая или иная точка зрѣнія на изучаемый предметъ должна соотвѣтственно вліять и на схематизацію и частную группировку матеріала, извлекаемаго изъ Библейскихъ текстовъ. Г. Дьяконовъ заинтересовался упоминаемыми въ Биб-

ліи растеніями именно съ послѣдней, ботанической точки зрѣнія, а потому распредѣлилъ разсмотрѣнныя имъ растенія по группамъ и семействамъ въ Ботанической номенклатурѣ, однако такой перевѣсъ научно-ботаническаго интереса въ изслѣдованіи не помѣшалъ автору разбираться попутно и въ библіологическихъ проблемахъ, соприкосновенныхъ съ Библейскою флорою. Послѣ ботаническихъ описаній г. Дьяконовъ сообщаетъ въ классическихъ выдержкахъ изъ ветхозавѣтнаго подлинника о томъ или другомъ растеніи въ метафорическомъ языкѣ Библіи или о связи флоральныхъ элементовъ съ отправленіями культа въ скиніи и храмѣ. Эти аппендиксы, разростающіеся иногда на цѣлыя страницы и ряды таковыхъ, обращаютъ работу г. Дьяконова въ удачную комбинацію ботаническихъ этюдовъ съ библейско-археологическимъ и библейско-стилистическимъ изысканіемъ. Ограниченный временемъ, г. Дьяконовъ изучилъ не всѣ растенія, упоминаемыя въ Библіи, относительно чего самъ сознается въ послѣсловіи своего труда, но сдѣланные имъ многочисленные обзоры вполнѣ достаточны, чтобы опредѣлить это сочиненіе, какъ удовлетворительную годичную работу. Авторъ владѣетъ перомъ и по мѣстамъ пишетъ изящно, хотя общій сухой матеріалъ изслѣдованія не далъ ему возможности шире проявить эти свойства стилиста. О научномъ значеніи работы г. Дьяконова въ области Библейской лингвистики и археологіи рецензентъ долженъ сказать, что сочиненіе, написанное при несомнѣнныхъ познаніяхъ автора въ ботаникѣ (систематикѣ и географіи растеній) и при добромъ желаніи дать синтезъ научно-ботаническихъ матеріаловъ и Библейской флоральной терминологіи, является какъ prius для новыхъ изслѣдователей въ той же области и съ тою же задачею, по менѣе обусловленныхъ границами времени и болѣе обоснованныхъ на знакомствѣ съ семитическою ботаническою лексикою. Подъ перомъ Лёва трактатъ объ арамейскихъ названіяхъ растеній разросся до величины книжнаго тома, то же имѣло мѣсто, когда Хоммель занялся именами млекопитающихъ у южно-семитовъ. Углубленіемъ работы г. Дьяконова могло бы служить выясненіе деривацiи именъ растеній, упоминаемыхъ въ ветхозавѣтной Библіи, но и написанный имъ спеціальный справочникъ для занимаю-

щихся ветхозавѣтною Библіею даетъ ему право на кандидатскую степень".

17) Исправляющаго должность доцента Анатолія Орлова о сочиненіи студента *Крылова Павла* на тему; „Взглядъ Денифле на личность Лютера и происхожденіе лютеранства":

„Сочиненіе г. Крылова состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая и наиболѣе значительная (1—375 стр.) посвящена собственно изложенію книги Денифле (Denifle—Weiss. Luther und Luthertum. 1 B. Mainz. 1904—5. 2 B. Mainz. 1906), а вторая (377—496 стр.) содержитъ въ себѣ сжатый, но довольно обстоятельный ея разборъ какъ со стороны ея общихъ методологическихъ пріемовъ, такъ и со стороны ея главныхъ тезисовъ,—сдѣланной отчасти на основаніи спеціальныхъ рецензій и критическихъ брошюръ объ изслѣдованіи Денифле (Kolde, Seeberg, Walther, Kaweran), а отчасти—и общей литературы о Лютерѣ и реформаціонной эпохѣ (Новиковъ, Карѣевъ, Лампрехтъ, Köstlin, Jurgens и др.). Наиболѣе существеннымъ дефектомъ работы г. Крылова является недостатокъ его авторской самодѣятельности, сказывающійся не только въ критической части его сочиненія, но и въ самомъ изложеніи книги Денифле. Еслибы авторъ отрѣшился отъ слишкомъ близкой привязанности къ тексту характеризуемой книги, и, минуя частности, далъ болѣе сжатое, цѣлостное и продуманное изложеніе взглядовъ Денифле, — сочиненіе много выиграло бы. Литературная сторона работы г. Крылова вообще оставляетъ желать многаго. Непріятное впечатлѣніе между прочимъ производятъ нерѣдко оставляемыя авторомъ въ текстѣ своего сочиненія безъ перевода какъ отдѣльныя иностранныя слова, такъ и цѣлыя тирады. Кандидатской степени г. Крыловъ заслуживаетъ вполнѣ".

18) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Лисицына Вячеслава* на тему: „Роль грековъ въ реформѣ патріарха Никона":

„Намѣченный въ небольшомъ введеніи (стр. 1—15) планъ своей работы авторъ довольно удачно выполняетъ въ пяти главахъ ея. Двѣ изъ нихъ посвящены характеристикѣ отношеній между русскими и греками въ періодъ, предшествовавшій названной „реформѣ", и выясненію обоюдной

оцѣнки тѣми (гл. I, стр. 16—58) и другими (гл. II; стр. 59—106) своего и чужого „православія“ въ половинѣ XVII в. Въ гл. III (стр. 107—163) рѣчь идетъ о тѣхъ обстоятельствахъ и вліяніяхъ, при которыхъ и подъ воздѣйствіемъ которыхъ „русскій и сынъ русскаго“ п. Никонъ сдѣлался горячимъ поборникомъ „греческихъ убѣжденій“, положенныхъ въ основу его церковно-преобразовательной дѣятельности. Изображеніе этой послѣдней и участія въ ней, въ качествѣ идейныхъ вдохновителей и ближайшихъ сотрудниковъ русскаго патріарха, нѣкоторыхъ представителей греческаго и вообще восточно-христіанскаго міра составляетъ содержаніе двухъ слѣдующихъ главъ, охватывающихъ всѣ важнѣйшіе моменты книжно-обрядовой справы включительно до собора 1654 г. (гл. IV, стр. 165—240) и послѣ него (гл. V, стр. 241—332). Общіе выводы изслѣдованія, въ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи такъ наз. старообрядческаго раскола, кратко изложены въ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія (стр. 333—344).

Со стороны фактической трудъ г. Лисицына не отличается оригинальностью и новизной: въ этомъ отношеніи составителю разсматриваемой работы, не имѣвшему въ своемъ распоряженіи никакихъ новыхъ первоисточниковъ, пришлось ограничиться собираніемъ и провѣркою тѣхъ свѣдѣній, какія по частямъ уже введены въ ученый оборотъ изслѣдователями начальной исторіи старообрядческаго раскола. Попытку признести нѣчто свое установленіемъ точной даты собора 1654 г. (на стр. 227) нельзя признать удачной. Въ пониманіи и оцѣнкѣ излагаемыхъ фактовъ авторъ большею частью также лишь слѣдуетъ за своими предшественниками и руководителями, воспроизводя ихъ мысли ихъ же словами, иногда безъ должной оговорки. При всемъ томъ разсматриваемому сочиненію нельзя отказать въ нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ достоинствахъ. Къ числу таковыхъ нужно отнести полноту использованія научныхъ пособій, обдуманную и умѣлую группировку собраннаго фактическаго матеріала, строгую выдержанность общей точки зрѣнія на всю совокупность изслѣдуемыхъ явленій и достаточную литературную обработанность изложенія, которая лишь изрѣдка „сдабривается“ (стр. 150) не совсѣмъ удачными словами и фразами. Во всякомъ случаѣ, своей практической цѣли сочиненіе г.

Лисицына удовлетворяетъ въ совершенно достаточной степени".

19) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Любимова Николая* на тему: „Ювеналъ и Марціалъ въ ихъ отношенія къ іудейству":

„Задачею г. Любимова было прослѣдить по произведеніямъ двухъ римскихъ сатириковъ отношеніе Римской интеллигенціи къ евреямъ. Изученіе такого узко-спеціальнаго вопроса потребовало предварительнаго экскурса въ область взаимоотношеній Рима и Іудеи и въ частности положенія Римской діаспоры, поэтому невольно приходилось расширить тематическій вопросъ и писать объ евреяхъ разсѣянія, особенно объ евреяхъ вѣчнаго города. Историко - археологическія справки г. Любимова подтверждаютъ мнѣніе о томъ, что іудофобія народилась не съ христіанствомъ, вообще не стоитъ въ генетической связи съ нимъ, но отличаетъ конфликтъ двухъ цивилизацій: арійской и семитской. Для поясненій данныхъ у Ювенала и Марціала г. Любимовъ цитируетъ и другихъ синхронистическихъ и раннѣйшихъ римскихъ писателей, особенно Тацита, останавливаясь и на іудофобскомъ направленіи извѣстнаго Апіона. Полнота или дефекты археологическихъ справокъ у латинскихъ поэтовъ касательно евреевъ того времени обусловлены тонкостью экзегесиса поэтической рѣчи и образовъ, что въ свою очередь опредѣляется степенью познаній по археологіи древне-еврейскаго быта. Поэтическая черта, обмолвка, ничего не говорящая одному, многое скажетъ другому. Во всякомъ случаѣ г. Любимовъ работалъ въ области, гдѣ имѣетъ значеніе и ars nesciendi, а потому вполнѣ заслуживаетъ, какъ авторъ содержащей обильный историческій матеріалъ диссертаціи, кандидатской степени".

20) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Магнитскаго Ивана* на тему: „Арсеній Грекъ. Его жизнь и дѣятельность":

„Содержаніе и планъ этого сочиненія достаточно ясно обрисовываются подробнымъ оглавленіемъ его, помѣщеннымъ на стр. 302—305. Въ общемъ авторъ слѣдуетъ въ изложеніи сообщаемыхъ свѣдѣній хронологическому порядку, хотя и не безъ нѣкоторыхъ отступленій, не всегда достаточно

обоснованныхъ. Что касается фактическихъ данныхъ о жизни и дѣятельности Арсенія Грека, то они сполна заимствованы изъ печатныхъ источниковъ и пособій. Заслуга г. Магнитскаго состоитъ въ тщательномъ подборѣ и умѣлой группировкѣ этихъ данныхъ, недостатокъ которыхъ онъ старается восполнить, по возможности, предположеніями и догадками, не всегда, впрочемъ, удачными и основательными (стр. 28, 122, 186 и др.). Пользуясь нѣкоторыми источниками изъ вторыхъ рукъ, онъ точно указываетъ свои ближайшія пособія, не выдавая чужой учености и чужихъ мнѣній за свои собственныя. Тѣмъ пріятнѣе и обязательнѣе рецензенту оцѣнить достойнымъ образомъ положительныя качества работы скромнаго изслѣдователя: исчерпывающую полноту даннаго имъ свода всѣхъ доселѣ извѣстныхъ въ печати свѣдѣній объ одномъ изъ главныхъ дѣятелей книжной справы при п. Никонѣ, умѣнье всегда держать вниманіе на главномъ предметѣ изслѣдованія, не загромождая его излишними деталями третьестепеннаго значенія, спокойную объективность и благородную гуманность сужденій о лицѣ, въ отношеніи къ которому такъ легко было бы, вслѣдъ за нѣкоторыми авторитетными предшественниками по работѣ, впасть въ тонъ суроваго обличителя, наконецъ — ясность, сжатость и обработанность изложенія, въ которомъ почти не замѣчается значительныхъ стилистическихъ дефектовъ. Въ качествѣ кандидатской диссертаціи сочиненіе вполнѣ удовлетворительно".

21) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Масюкова Иннокентія* на тему: „Рабы чужестранцы у евреевъ":

„Тема сочиненія г. Масюкова настолько ограничительна, что передача содержанія его работы является ненужною. Въ виду скромнаго матеріала касательно рабовъ чужестранцевъ на страницахъ Библіи г. Масюковъ ввелъ въ свою работу и данныя о рабахъ евреяхъ (до 47 стр. bis). Вступительныя замѣчанія ознакомляютъ съ библейскою терминологіею въ области сервитута и заимствованы главнымъ образомъ изъ превосходной монографіи André. L'esclavage chez les anciens hebreux. Etude d' archeologie biblique. Paris. 1892. Вліяніе взглядовъ André замѣчается во всей работѣ, хотя авторъ ея ви-

димо изучалъ и другую доступную ему литературу по вопросу о рабствѣ у древнихъ евреевъ, особенно на русскомъ языкѣ. Къ достоинству работы г. Масюкова нужно отнести отсутствіе уклоненій въ сторону вопросовъ, соприкасавшихся съ юрисдикціею относительно рабовъ, а потому и при небольшомъ объемѣ сочиненіе исчерпываетъ тематическій вопросъ. Рецензентъ могъ бы пожелать только сравнительнаго изложенія данныхъ изъ Библіи объ обоихъ видахъ рабовъ— о рабахъ изъ евреевъ и о рабахъ изъ иноплеменниковъ, чтобы сдѣлались болѣе рельефными принципы законодательства касательно рабовъ. Какъ кандидатское разсужденіе работа г. Масюкова удовлетворительна".

22) Ординарнаго профессора Александра Голубцова о сочиненіи студента *Махаева Николая* на тему: „Литургическая дѣятельность Геннадія, архіепископа Новгородскаго":

„Въ коротенькомъ предисловьецѣ авторъ говоритъ о планѣ своей работы и главнѣйшихъ пособіяхъ къ первой части ея. Указавъ затѣмъ причины, направлявшія съ самаго начала христіанства на Руси духовную жизнь нашихъ предковъ преимущественно „по религіозно-нравственному руслу", онъ вслѣдъ за другими изслѣдователями находитъ присутствіе въ послѣднемъ двухъ противоположныхъ и потому порою сталкивавшихся между собою теченій: „внѣшне-обрядового и внутренне-психологическаго". Подробное раскрытіе существа и послѣдствій этихъ ко времени архіепископа Новгородскаго Геннадія достаточно опредѣлившихся направленій сознанія съ рѣчами о наиболѣе крупныхъ и замѣтнѣе отразившихся на выработкѣ міросозерцанія и дѣятельности названнаго святителя явленіяхъ церковной и отчасти соціально-экономической жизни изучаемой г. Махаевымъ эпохи и составляютъ содержаніе первой главы его сочиненія. Самая личность Геннадія больше внѣшне, чѣмъ внутренне понимавшаго христіанство, его происхожденіе, религіозно-нравственныя воззрѣнія и умственный образъ, его живая, открыто-смѣлая и отзывчиво-разносторонняя дѣятельность вообще, литературная въ особенности служатъ предметомъ второй главы. Другая часть сочиненія, распадающаяся также на двѣ главы, посвящена нарочитому разсмотрѣнію литургическихъ трудовъ Новгородскаго владыки. Путемъ тщатель-

наго разбора лѣтописныхъ извѣстій и собственныхъ сочиненій послѣдняго, но больше всего помощію широкаго изученія нашей пасхалистической литературы XVI—XVII вѣковъ и главнымъ образомъ Міротворныхъ круговъ авторъ старается показать несомнѣнность работъ Геннадія въ области пасхаліи и опредѣлить объемъ и существо ихъ. Сопоставивъ сдѣланное святителемъ съ раннѣйшими древнерусскими и отчасти греческими пасхаліями, г. Махаевъ находитъ, что трудъ его былъ несамостоятельный, а екклектическій, вызванный извѣстными историческими обстоятельствами и имѣвшій весьма важное значеніе не только для своего, но и для послѣдующаго времени. Во второй главѣ, показавъ, сколько позволяли данныя, вѣроятность занятій архіеп. Геннадія такъ называемымъ Окозрительнымъ уставомъ и давъ общее представленіе о содержаніи его, авторъ описываетъ окозрительную систему Геннадіеву, говоритъ о терминологіи и симіографіи, принятыхъ въ ней. Обстоятельно ознакомившись по раннѣйшимъ и позднѣйшимъ спискамъ Окозрительнаго устава съ начертаніемъ знаковъ, смысломъ и видами ихъ, г. Махаевъ дѣлаетъ попытку возможно точнѣе опредѣлить границы труда Новгородскаго архипастыря по данному вопросу, равно также побужденія, заставившія его взяться за эту работу, приблизительное время и значеніе ея для современниковъ. Небольшими замѣчаніями о составленной архіеп. Геннадіемъ молитвѣ къ пресв. Богородицѣ и произведенномъ имъ распредѣленіи канонъ на келейномъ правилѣ и молебнахъ авторъ заканчиваетъ свое сочиненіе.

Разсматриваемое сочиненіе хотя сравнительно немало по объему, но и не обширно (стрр. II+187, in quarto majore, переписанн. на Ремингтонѣ) Судить впрочемъ о затраченномъ трудѣ въ данномъ случаѣ по количеству листовъ было бы особенно несправедливо. Г. Махаеву пришлось работать въ неблагопріятныхъ и далеко неодинаковыхъ съ своими товарищами условіяхъ. Матеріалъ, подлежавшій его изученію, прежде всего не легко было привести въ извѣстность, собрать. Для этого потребовалось съѣздить ему въ Петербургъ и много разъ побывать въ Москвѣ, пересмотрѣть тамъ и здѣсь въ библіотекахъ множество рукописей, а нѣкоторыя изъ нихъ полностію изучить. Не говоримъ уже, что онъ

пользовался рукописями Троице-Сергіевой лавры и родной академіи. Извлеченіе относящихся къ извѣстной темѣ данныхъ изъ рукописей и отъ людей, знакомыхъ съ ними, требуетъ большой сноровки, а для начинающаго студента оно должно было составлять тяжелое испытаніе. Трудность состояла не въ разобраніи только писемъ разныхъ почерковъ, а въ умѣньи читать и понимать именно памятники по интересовавшему нашего автора вопросу. Древне-русскія пасхаліи, а отчасти и Окозрительные уставы съ ихъ многочисленными, нерѣдко въ высшей степени сложными и хитроумными таблицами, кругами, „руками", условными знаками, съ ихъ своеобразною терминологіей, въ значительной части своей совершенно особаго рода книги, точнѣе сказать, замысловатые ребусы. Для разгадки и полнаго уразумѣнія настоящаго смысла ихъ кромѣ природнаго остроумія требуются еще хорошія познанія въ наукѣ богослуженія и пасхаліи—тѣмъ болѣе, что у г. Махаева не было почти предшественниковъ по работѣ. Единственно сколько-нибудь руководственное значеніе имѣли для него весьма давнія статьи В. М. Ундольскаго и А. С. Павлова. Авторъ успѣшно превозмогъ предстоявшія ему трудности. Старательно и терпѣливо онъ собралъ много новаго и интереснаго матеріала по своему вопросу. Изъ рукописей библіотекъ: Троице-Сергіевой лавры, Московской и Петербургской духовныхъ академій, Императорской Публичной, Московскихъ: Синодальной, Типографской, Румянцовскаго музея, Архива Иностранныхъ Дѣлъ, Хлудовской и Епархіальной главное и прямо относившееся къ темѣ привлечено имъ и относительно немногое осталось неизвѣстнымъ или неиспользованнымъ (стр. 115, 117, прим.). Часть этого свѣжаго рукописнаго матеріала помѣщена въ обширныхъ приложеніяхъ къ сочиненію (стрр. 1—49), еще большая часть вошла въ самый текстъ и примѣчанія къ нему, вошла въ видѣ не сыромъ, а болѣе или менѣе обработанномъ и систематическомъ. Вторая часть сочиненія, въ которой разсматривается собственно литургическая дѣятельность архіеп. Геннадія, безъ преувеличенія можно сказать, представляетъ нѣчто совсѣмъ новое и весьма цѣнное въ наукѣ; особенно это должно замѣтить про тѣ отдѣлы въ ней, гдѣ идутъ весьма обстоятельныя рѣчи о редакціяхъ Міротворныхъ круговъ и симіографіи Окозрительныхъ уставовъ. Здѣсь

ощутительно даютъ о себѣ знать и широкое знакомство съ рукописными данными, и вполнѣ научные пріемы изслѣдованія, и умѣнье автора изъ сухихъ, мелкихъ, но внимательно изученныхъ данныхъ, дѣлать надлежащіе выводы. Способный авторъ обладаетъ, на нашъ взглядъ, даромъ незауряднаго синтеза, сказавшагося съ особенною силой въ первой части сочиненія, въ умѣло и правдиво сдѣланныхъ характеристикахъ эпохи и личности Новгородскаго владыки. Съ помощію не новыхъ, но искусно подобранныхъ, объясненныхъ и объединенныхъ фактовъ ярко и живо очерчена та и другая. И все сочиненіе отличается единствомъ мысли и читается съ интересомъ отъ начала до конца, чему много способствуетъ правильный, совершенно литературный языкъ и живое отчетливое изложеніе. Портятъ нѣсколько впечатлѣніе встрѣчающіяся въ сочиненіи повторенія, а равно также употребляемыя по мѣстамъ иностранныя слова. Авторъ самъ задавался мыслію не повторяться, но это не вездѣ ему удалось, хотя бы, напримѣръ, въ рѣчахъ объ ожидавшейся русскими людьми въ концѣ XVI в. кончинѣ міра, какъ одномъ изъ побужденій въ литургической дѣятельности архіеп. Геннадія.

Перечень произведеній, связанныхъ съ именемъ Геннадія (стрр. 58—55), можетъ быть, лучше было бы привести въ предисловіи подъ рубрикой источниковъ для второй части сочиненія, а любопытный варіантъ посланія Новгородскаго владыки къ паствѣ по рукописи Императорской Публичной библіотеки, находящійся теперь въ примѣчаніи (стр. 120—121), помѣстить съ подробнымъ анализомъ въ текстѣ. Мы рекомендовали бы также автору избѣгать излишней сжатости (стрр. 9, 24, 52, 94, 109), глухихъ ссылокъ и недосмотровъ (стрр. 4, 7, 14—16, 54, 56, 141). Будетъ искренно жаль, если настоящій серьезный трудъ, на который потрачено столько усилій и даже скудныхъ студенческихъ сбереженій, не увидитъ свѣта, и мы настойчиво совѣтовали бы г. Махаеву продолжить, если обстоятельства позволятъ, свои изысканія: познакомиться съ рукописями, оставшимися ему почему-либо неизвѣстными, а главное пересмотрѣть и обслѣдовать внимательнѣе собранный уже матеріалъ. Можно быть увѣреннымъ, что послѣ новаго, неспѣшнаго и вдумчиваго пересмотра разъяснится непонятое имъ (стрр. 108, 110) и станутъ

положительнѣе его рѣчи тамъ, гдѣ пока высказаны болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія (стрр. 96, 97, 99—101, 105, 108). Но и въ настоящемъ своемъ видѣ разсматриваемое сочиненіе по справедливости должно быть отнесено къ разряду рѣдкихъ студенческихъ работъ и, какъ таковое, заслуживаетъ не только степени кандидата богословія, но и особаго поощренія со стороны Совѣта Академіи".

23) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Миролюбова Георгія* на тему: „Религіозные, историческіе и бытовые сюжеты въ художественной обработкѣ Алексѣя Толстого":

„Въ одиннадцати небольшихъ главахъ своего сочиненія г. Миролюбовъ, послѣ излишне-распространеннаго изложенія біографіи А. Толстого, разсматриваетъ важнѣйшія произведенія его со стороны развиваемыхъ въ нихъ сюжетовъ. Анализу подвергаются главнымъ образомъ произведенія религіознаго и историческаго характера, уже останавливавшія на себѣ вниманіе изслѣдователей: Пѣснь о походѣ кн. Владиміра на Корсунь, Грѣшница, Іоаннъ Дамаскинъ, Донъ-Жуанъ, Трилогія и нѣсколько былинъ. Другія, болѣе мелкія, стихотворенія съ религіознымъ и историческимъ содержаніемъ, а также всѣ произведенія съ бытовыми сюжетами остались совсѣмъ незатронутыми. Отсюда—недостатокъ полноты изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сочиненіе не отличается ни устойчивостью метода, ни обоснованностью главныхъ взглядовъ автора, ни достоинствами изложенія. Сравнивая художественную обработку религіозныхъ и историческихъ сюжетовъ у А. Толстого съ соотвѣтствующей обработкой ихъ въ лѣтописи, въ священныхъ и житійныхъ сказаніяхъ, въ былинахъ и въ произведеніяхъ различныхъ русскихъ и западноевропейскихъ писателей, авторъ держится эволюціонныхъ взглядовъ на развитіе литературы, въ частности вдохновляется теоріей „бродячихъ" сюжетовъ. Но онъ очень мало знаетъ своихъ вдохновителей: Брюнетьера не изучилъ совсѣмъ, а А. Н. Веселовскаго изучилъ поверхностно. Въ результатѣ онъ—эволюціонистъ скорѣе по своимъ вожделѣніямъ, чѣмъ по методу изслѣдованія. Въ его трудѣ нѣтъ послѣдовательно проведеннаго и устойчиваго понятія „сюжетности": сюжетъ часто смѣшивается съ содержаніемъ

произведенія, съ фабулой, съ случайнымъ мотивомъ и даже съ типомъ. На всемъ протяженіи сочиненія, параллельно съ разборомъ произведеній, ведется полемика съ учеными, которые причисляютъ А. Толстого къ романтикамъ. Но аргументы автора лишены убѣдительности. Изложеніе страдаетъ недостаткомъ литературной обработки.—Впрочемъ, разсматриваемое сочиненіе не лишено и нѣкоторыхъ достоинствъ. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ хорошее знакомство съ литературой, непосредственно касающейся А. Толстого, и умѣніе находить въ ней данныя, отвѣчающія на поставленные въ сочиненіи вопросы. Авторъ совмѣщаетъ въ себѣ художественное чутье съ способностью дѣлать оригинальныя оцѣнки поэтическихъ произведеній. Онъ умѣетъ вѣрно проникать въ смыслъ характеризуемыхъ сюжетовъ и находить для нихъ новыя, иногда довольно остроумныя, литературныя параллели. На всемъ его сочиненіи лежитъ отпечатокъ теплаго отношенія къ избранному писателю и вообще къ русской литературѣ. Эти положительныя свойства сочиненія даютъ право признать автора заслуживающимъ кандидатской степени".

24) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *священника Миртова Іоанна* на тему: „Воззрѣнія пророка Исаіи на общество":

„О. Миртовъ заинтересовался вопросомъ о воззрѣніяхъ пророка Исаіи на общество еще въ бытность студентомъ 2 курса, когда избралъ эту тему для своего семестроваго сочиненія, впослѣдствіи въ переработкѣ имъ напечатаннаго. Рецензентъ долженъ признать, что тема, избранная о. Миртовымъ, требовала чрезвычайныхъ усилій для надежнаго въ научномъ (библіологическомъ) смыслѣ разрѣшенія, поэтому при оцѣнкѣ, какъ библейско - археологическая монографія, работа о. Миртова представляется блѣдною, но авторъ ея несомнѣнно quod potuit fecit. По схемѣ автора раскрытіе предмета изслѣдованія ведется такъ: послѣ краткаго вступленія, въ первой главѣ указываются идеальныя нормы для жизни народа Божія (требованіе святости) по совокупнымъ даннымъ ветхозавѣтной библейской письменности, во второй главѣ приводится частное обозрѣніе еврейскаго быта по даннымъ книги пророка Исаіи, въ третьей главѣ сообщается, какимъ путемъ должна была бы возстановиться гармонія между

высшими этическими требованіями, предносящимися пророку, и дѣйствительною жизнью народа, въ заключительной четвертой главѣ дается концепція Мессіанскаго будущаго по тому же пророку. Во всѣхъ отдѣлахъ работы о. Миртова была бы желательна бо́льшая освѣдомленность автора въ области библейско-археологическихъ проблемъ и построеній (хотя бы касательно дѣйствительнаго отношенія Моисеева законодательства къ народному быту), равно хотя бы скромное примѣненіе филологическаго экзегесиса, однако и въ настоящемъ видѣ работа о. Миртова, проникнутая религіознымъ настроеніемъ и свидѣтельствующая о библейской начитанности ея автора, заслуживаетъ присужденія ему степени кандидата богословія".

25) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Мякшина Григорія* на тему: „Общество и государство по законодательству въ Пятокнижіи Моисея":

„Обширное сочиненіе г. Мякшина, состоящее изъ 22 главъ, предисловія и заключительнаго отдѣла, производитъ впечатлѣніе труда, основаннаго на разсмотрѣніи множества работъ, посвященныхъ вопросу о Моисеевомъ законодательствѣ. Авторъ тщательно перечиталъ всю русскую литературу по интересующему его вопросу, въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ статьяхъ духовныхъ и свѣтскихъ періодическихъ изданій, и дѣльно штудировалъ наилучшія пособія на французскомъ языкѣ. Г. Мякшинъ далъ перевѣсъ въ своемъ сочиненіи анализу принциповъ Моисеева законодательства, а потому фактическая казуистика остается въ его работѣ по мѣстамъ въ тѣни, между тѣмъ она именно и цѣнна для Библейско-археологической дисциплины. Нѣкоторый дефектъ въ сочиненіи представляетъ модернизація древнихъ учрежденій общественнаго и государственнаго быта, благодаря чему авторъ описываетъ въ несоотвѣтствующихъ выраженіяхъ бытовое и политическое устройство евреевъ въ Библейскія времена. Во всякомъ случаѣ г. Мякшинъ весьма потрудился надъ изученіемъ многихъ мѣстъ ветхозавѣтнаго подлинника, владѣетъ вполнѣ достаточно навыкомъ къ филологическому экзегесису и главное обнаружилъ внутренній интересъ къ предмету своего изслѣдованія, а потому заслуживаетъ степени кандидата".

26) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Назаркевича Полієвкта* на тему: „Матеріалы въ богослуженіи страстной и пасхальной седмицъ для догматическаго ученія о страданіяхъ, смерти, сошествіи во адъ и воскресеніи Іисуса Христа“:

„Признавая дѣло спасенія людей, совершенное Іисусомъ Христомъ, центромъ процесса міровой исторіи и бытія, г. Назаркевичъ поставилъ задачей своего труда „показать на основаніи матеріала, даваемаго службами страстной и пасхальной седмицъ, значеніе и смыслъ голгоѳскихъ событій въ общемъ міровомъ планѣ... и представить христіанское догматическое ученіе о страданіяхъ, смерти, сошествіи во адъ и воскресеніи Іисуса Христа по возможности въ послѣдовательной системѣ, на сколько къ тому уполномочиваетъ указанный литургическій матеріалъ“.

Такъ какъ дѣло спасенія человѣческаго рода, осуществленное главнымъ образомъ чрезъ великія событія конца земной жизни Іисуса Христа, тѣсно связано съ самымъ лицемъ Совершителя спасенія, то первый отдѣлъ своего сочиненія (29—99 стр.) г. Назаркевичъ посвящаетъ изъясненію тѣхъ пѣснопѣній страстной и пасхальной седмицъ, въ которыхъ содержится ученіе о Богѣ—Спасителѣ, въ частности—о Сынѣ Божіемъ, какъ второмъ лицѣ Святой Троицы (1-я глава), о Сынѣ Божіемъ, какъ Логосѣ, открывающемъ себя въ мірѣ, а именно, въ твореніи міра, въ промышленіи о мірѣ и въ исторіи человѣчества (2-я глава), и о Сынѣ Божіемъ воплотившемся, о Богочеловѣкѣ, Христѣ (3-я глава). Это какъ бы подготовительный отдѣлъ для главнаго, второго, отдѣла сочиненія (101—247 стр.), въ четырехъ главахъ котораго изъяснено содержащееся въ пѣсняхъ страстной и пасхальной седмицъ ученіе—а) о страданіяхъ, б) смерти, в) сошествіи во адъ и г) воскресеніи Іисуса Христа.

Въ краткой заключительной главѣ (249—258 стр.) указано нѣсколько пѣснопѣній страстной и пасхальной седмицъ, заключающихъ въ себѣ мысли объ усвоеніи людьми спасительнаго дѣла Христова вѣрою, воспринятіемъ благодати Божіей и новымъ направленіемъ жизни возрожденныхъ чрезъ Христа и сопричастныхъ жизни Христа.

Нельзя, конечно, упрекать, а скорѣе можно одобрить г. Назаркевича за то, что онъ въ видахъ основательности и пол-

ноты, нѣсколько расширилъ свою тему, давши ученіе не только о спасеніи, но и о Самомъ Спасителѣ. Но за то онъ не нашелъ уже времени провести, хотя бы въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, параллели между важнѣйшими положеніями, извлеченными имъ изъ церковныхъ пѣсней, и сродными или даже одинаковыми съ ними догматическими мыслями, заключающимися въ ученыхъ, прозаическихъ произведеніяхъ отцевъ и учителей Церкви. Мысль о такомъ параллелизмѣ напрашивалась сама собой уже потому, что напр. Іоаннъ Дамаскинъ былъ и пѣснописцемъ и ученымъ догматистомъ, и, безъ сомнѣнія, было бы очень полезно сопоставить съ его „пѣсненными" изреченіями его же учено-догматическія положенія. Это дало бы возможность автору сочиненія глубже вникнуть въ смыслъ и лучше изъяснить тѣ или иныя пѣснопѣнія, вообще это расширило бы горизонтъ его мысли. Другой недостатокъ сочиненія тотъ, что хотя авторъ его тщательно изучилъ подлежавшій его изслѣдованію пѣсненный догматическій матеріалъ, но всетаки нѣкоторыя пѣснопѣнія ускользнули отъ его вниманія и не вошли въ его сочиненіе. Крупное достоинство труда г. Назаркевича—самостоятельность. Не имѣя подъ руками почти никакихъ пособій, онъ самъ выработалъ планъ сочиненія, собралъ изъ тріодей матеріалъ, распредѣлилъ его по группамъ согласно своему плану и снабдилъ своими поясненіями, хотя довольно краткими, больше вербальными. При изъясненіи онъ сравнивалъ славянскій текстъ пѣснопѣній съ греческимъ подлинникомъ и во многихъ мѣстахъ привелъ въ скобкахъ греческія слова пѣснопѣній съ переводомъ ихъ на русскій языкъ. Повидимому, онъ трудился съ любовью къ предмету своего труда. Изложено сочиненіе удовлетворительно. Мы замѣтили, однако, что во введеніи рѣчь мѣстами нѣсколько высокопарна и тягуча, а также есть неудачныя выраженія (голгоѳская трагедія, голгоѳская драма, коррегируется). Для удостоенія г. Назаркевича степени кандидата сочиненіе его вполнѣ удовлетворительно".

27) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Нечаева* (Косташъ) *Петра* на тему: „Германъ Ульрици (Историко-критическая монографія)":

„Огромное (стр. CXXXVIII+1083) сочиненіе г. Нечаева об-

наруживаетъ въ немъ изумительную работоспособность. Онъ собралъ и тщательно проштудировалъ изъ многочисленныхъ сочиненій Ульрици все, что относится къ области его темы (которую точнѣе формулируетъ такъ: „Разумная религіозная вѣра и умозрительный „теизмъ“ христіанскаго міросозерцанія Германа Ульрици“). Что переведено изъ Ульрици на русскій языкъ, то онъ, конечно, читалъ по русски, но къ русскому тексту дѣлаетъ—подъ строкою — много указаній, изъ которыхъ видно, что онъ сличалъ переводъ съ подлинникомъ, нерѣдко внося въ первый дѣльныя поправки. Въ матеріалѣ,—обширномъ, дробномъ (масса журнальныхъ статей), разнохарактерномъ и часто не свободномъ отъ внутреннихъ противорѣчій, онъ разобрался въ общемъ удовлетворительно, систематизировалъ его, подвергъ критической оцѣнкѣ, установилъ на систему Ульрици опредѣленную точку зрѣнія (вслѣдъ за Мельцеромъ, онъ называетъ Ульрици *семи-теистомъ* или *полу-теистомъ*), написалъ, во введеніи, яркую характеристику философа и, такимъ образомъ, далъ вполнѣ законченное сочиненіе. На основаніи этихъ данныхъ *не только признаю сочиненіе вполнѣ заслуживающимъ степени кандидата богословія, но и нахожу возможнымъ рекомендовать автору переработку его для представленія на степень магистра.*

Переработка сочиненія должна быть направлена къ устраненію недостатковъ сочиненія, изъ которыхъ важнѣйшіе слѣдующіе:

1) *Недостатокъ формально-литературный.* Едва ли не самымъ главнымъ недостаткомъ сочиненія г. Нечаева служитъ его объемъ: оно слишкомъ велико, — при необработанности. Въ сущности, это лишь предварительный, черновой набросокъ „диссертаціи“, а не самая диссертація. Смѣло и безъ преувеличенія можно сказать, что, не поступаясь содержаніемъ сочиненія, его можно было бы сократить на половину,—а въ иныхъ частяхъ (конецъ) и больше... Отлично понимаю, что въ годъ, да еще и неполный, нельзя было обработать тотъ матеріалъ, съ которымъ имѣлъ дѣло авторъ, вполнѣ хорошо. Нужны, дѣйствительно, годы анализа для одного дня синтеза, какъ говоритъ одинъ, цитуемый авторомъ (стр. 1082), мыслитель. Не отношу также растянутость сочиненія всецѣло и на счетъ особенностей мышленія автора, потому что нѣкоторые отдѣлы сочиненія (наприм. „Ме-

тафизика вѣры") обнаруживаютъ въ немъ несомнѣнную способность сосредоточивать свою мысль и давать ей точную формулировку. Но я всетаки долженъ подчеркнуть, что въ настоящемъ своемъ видѣ сочиненіе, въ формально - литературномъ отношеніи, далеко и далеко не можетъ быть признано совершеннымъ, —особенно по мѣрѣ движенія къ концу. Мелкая рубрицистика, внѣшнія спайки, повторенія, многословіе, выраженія нелитературныя и метафорическія, поэтическія красоты: все это, при переработкѣ, должно быть устранено. Главное же— необходимо приложить несравненно бо́льшую заботу о концентраціи мысли. Изложеніе должно подчиняться, при переработкѣ, не центробѣжной, какъ теперь, а центростремительной силѣ, идти не въ ширь, а въ глубь,—къ основному и существенному, при постоянной и усиленной заботѣ о точности формулировки.

2) *Недостатокъ логической структуры (плана) и архитектоники цѣлаго.* Авторъ дѣлитъ свое сочиненіе на двѣ далеко не равномѣрныхъ, части, которыя можно бы назвать (самъ онъ никакъ ихъ не называетъ) двумя томами: „Оправданіе религіозной вѣры" (стр. 1—760) и—„Религіозно-философское міросозерцаніе Германа Ульрици и его оцѣнка" (стр. 765—1083). Уже и по числовому соотношенію страницъ можно догадаться, что первая часть слишкомъ перегружена матеріаломъ, тогда какъ вторая сравнительно бѣдна. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Если же сократить второй отдѣлъ второй части („Опредѣленіе и оцѣнка міросозерцанія Ульрици", стр. 943—1083),—а его безъ преувеличенія можно было бы сократить, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ: до того скудно именно здѣсь идейное содержаніе сравнительно съ внѣшнимъ объемомъ! — то неравномѣрность частей выступитъ предъ нами и еще рельефнѣе. Конечно, дѣло не въ этомъ внѣшнемъ несоотвѣтствіи главныхъ частей сочиненія по размѣру, а въ томъ, что, при такомъ его дѣленіи, въ немъ не видно твердаго классификаціоннаго принципа. Съ другой стороны, и раздѣленіе первой главной части сочиненія не можетъ выдержать строгой критики. Въ „Оправданіи вѣры" авторъ различаетъ и внѣшне выдѣляетъ слѣдующія точки зрѣнія: гносеологическую, феноменологическую, психологическую, метафизическую. Я думаю, что, вмѣсто этой спутанной схемы (психологія, вѣдь, входитъ въ феноменологію),

должна быть иная, болѣе естественная и вмѣстѣ болѣе согласная съ философскими традиціями, а именно такая: „Феноменологія вѣры“ (психологія и исторія), ея „Гносеологія“ и, наконецъ, „Метафизика вѣры“, къ которой, затѣмъ, должны быть присоединены и два отдѣла, образующіе теперь вторую часть (томъ) сочиненія: „Міросозерцаніе Ульрици“ и „Критика его системы“. Не настаиваю, конечно, на этой схемѣ: иное можетъ выясниться при устномъ размѣнѣ мнѣній между авторомъ и рецензентомъ. Но считаю необходимымъ теперь же обратить его вниманіе на несовершенство архитектоники сочиненія, въ его настоящемъ видѣ.

3) *Недостатокъ по существу.* Ульрици, какъ извѣстно, не изъ тѣхъ мыслителей, съ которыми питомцу духовной школы приходилось бы во многомъ не соглашаться, какъ это справедливо замѣчаетъ и авторъ. Человѣкъ высокой христіанской настроенности, искренній апологетъ христіанства, тонкій и выработанный умъ, онъ всего чаще вынуждаетъ—логически вынуждаетъ—съ собою соглашаться. Однако, есть и у него пункты, вызывающіе на критику и оппозицію. Авторъ реферируемаго мною сочиненія видитъ эти пункты (наклонъ къ пантеизму) и зорко за ними слѣдитъ. Во второй части второго тома онъ подвергаетъ ихъ спеціальному обслѣдованію. Этому такъ и быть надлежитъ. Но *характера* этой полемической экскурсіи я, къ сожалѣнію, не могу одобрить. Авторъ занимаетъ въ отношеніи къ Ульрици точку зрѣнія, такъ сказать, юридическую, а не логическую: „виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“, — замѣчаетъ онъ однажды (стр. 1059). Это, конечно, совсѣмъ не философская точка зрѣнія. Недостаточно констатировать ошибки Ульрици (чѣмъ нашъ авторъ ограничился), но необходимо войти въ выясненіе условій ихъ происхожденія, а съ другой стороны, необходимо твердо и точно выставить контръ — основанія, заставляющія насъ, вопреки увлеченіямъ Ульрици, держаться строго теистической точки зрѣнія. Долженъ, однако, сказать, что, повидимому, и самъ авторъ сознаетъ несовершенно своей критико-полемической экскурсіи. Онъ намѣчаетъ даже, что нужно было бы сдѣлать (поставить міросозерцаніе Ульрици въ историческую перспективу), и даетъ понять, что только недостатокъ времени лишилъ его возможности („пока“) поставить этотъ вопросъ на уровень строгихъ научныхъ требо-

ваній. Какъ бы то ни было, но, во всякомъ случаѣ, здѣсь предъ нами опять одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ, при переработкѣ сочиненія, автору придется сосредоточить свое вниманіе.

Таковы главнѣйшіе недостатки сочиненія г. Нечаева. Выставляя ихъ, я чувствую себя, однако, обязаннымъ заявить, что дѣлаю это такъ рѣшительно главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы авторъ не умалилъ въ своемъ сознаніи тѣхъ задачъ, которыя предстоятъ ему при возможной переработкѣ сочиненія на степень магистра. Для присужденія-же ему степени кандидата богословія его сочиненіе, какъ трудъ большой, добросовѣстный и научно цѣнный по своему существенному содержанію и достигнутымъ результатамъ, — повторяю это еще разъ,—вполнѣ достаточно".

28) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Обновленскаго Ивана* на тему: „Теорія безсвященнословныхъ браковъ. Ея происхожденіе, содержаніе, основанія и оцѣнка":

„Сочиненіе г. Обновленскаго состоитъ изъ обычнаго введенія (стр. I—VII) и четырехъ главъ. Изъ нихъ двѣ (гл. I и II), занимающія около половины всего сочиненія (стр. 1—172), безъ ущерба для дѣла могли бы быть соединены въ одну (обѣ онѣ посвящены изложенію историческихъ обстоятельствъ, обусловившихъ возникновеніе и развитіе безпоповщинскаго ученія о безсвященнословныхъ бракахъ) и изложены гораздо короче, такъ какъ авторъ, въ сущности, не говоритъ здѣсь чего-либо своего, а лишь пересказываетъ, съ излишними для его цѣли подробностями, готовыя свѣдѣнія, взятыя изъ трудовъ проф. Нильскаго, Смирнова, Ивановскаго и др. Гораздо больше самостоятельной работы потребовала отъ него III глава (излагающая, на стр. 173—262, сущность и основанія безпоповщинской теоріи безсвященнословныхъ браковъ) и въ особенности IV (стр. 263—353, гдѣ дается очень серьезная, обдуманная и основательная оцѣнка этой теоріи, съ ея основаніями, указанными въ предыдущей главѣ). Въ концѣ сочиненія имѣется коротенькое заключеніе (стр. 354—355) со сжатымъ изложеніемъ конечныхъ выводовъ изъ всей работы и длинный списокъ „литературы" (стр. 356—361),

т. е. тѣхъ источниковъ и пособій, какими пользовался авторъ при написаніи своего изслѣдованія.

Главный недостатокъ этого послѣдняго—обиліе лишнихъ подробностей въ I и II главахъ—уже отмѣченъ выше; къ нему можно присоединить еще другой, чисто внѣшній, общій всему сочиненію: нѣкоторую тяжеловатость изложенія, зависящую отъ непомѣрной иногда длинноты періодовъ, въ которые авторъ любитъ облекать свою мысль. Эта стилистическая наклонность или привычка автора нисколько не мѣшаетъ, впрочемъ, языку сочиненія быть яснымъ, точнымъ и опредѣленнымъ, а содержаніе двухъ послѣднихъ главъ, сравнительно больше требовавшее самостоятельной работы отъ составителя, показываетъ въ немъ человѣка, много поработавшаго надъ предметомъ изслѣдованія и достаточно овладѣвшаго своимъ разнообразнымъ (преимущественно догматическимъ и каноническимъ) матеріаломъ. Считаю г. Обновленскаго вполнѣ достойнымъ степени кандидата богословія".

29) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *Пескова Бориса* на тему: „Религіозныя воззрѣнія Гартмана (опытъ имманентной критики)":

„Г. Песковъ, обладающій, повидимому, незаурядным знаніемъ нѣмецкаго языка, даетъ въ своемъ достаточно объемистомъ (379 страницъ мелкаго письма), сочиненіи толковое и объективно - правильное изложеніе сочиненій Гартмана по философіи религіи, главнымъ образомъ его *Религіи духа* и *Религіознаго сознанія человѣчества* (отчасти и *Кризиса современнаго протестантскаго богословія*). Изъ сочиненія видно, что учебный годъ онъ провелъ, несомнѣнно, трудолюбиво и для своего научнаго развитія съ пользою, хотя, къ сожалѣнію, не могу сказать, чтобы трудъ свой онъ употребилъ вполнѣ цѣлесообразно,—съ точки зрѣнія задачъ темы. Дѣло въ томъ, что онъ шелъ не совсѣмъ въ томъ направленіи, какое указывалось ему формулировкою темы и отчасти устными поясненіями къ ней со стороны рецензента. И, во первыхъ, потративъ очень много времени на изложеніе Гартмана,—которое точнѣе, особенно въ первой части, посвященной *Религіи духа*, слѣдовало бы назвать *переложеніемъ* книги Гартмана съ нѣмецкаго языка на русскій, мѣстами просто

переводомъ,—авторъ уже оказался внѣ возможности посвятить критическому разсмотрѣнію идей Гартмана достаточно времени и силъ, что, однакоже, непремѣнно предусматривалось темою. Во вторыхъ, хотя тамъ и здѣсь, въ отрывочныхъ замѣчаніяхъ, и особенно въ энергично написанной послѣдней главѣ сочиненія, онъ заявляетъ свое рѣшительное несогласіе съ Гартманомъ, *пессимистомъ и пантеистомъ*, однако-же простое заявленіе несогласія и его научная мотивировка, критика того, съ чѣмъ авторъ не соглашается, конечно, два дѣла разныхъ. Наконецъ, напрасно авторъ, увлекшись, какъ видно изъ его предисловія, классификаціонною схемою мыслителей, данною Ницше, задумалъ непремѣнно воспользоваться ею и въ примѣненіи къ Гартману: это отвело его на ложную дорогу и, хотя къ концу сочиненія онъ и самъ видимо созналъ это, что и выразилось въ перестановкѣ имъ, въ заключительной главѣ, точки зрѣнія на Гартмана, однако было уже поздно,—годъ прошелъ, и время было потеряно. Обо всемъ этомъ приходится, конечно, пожалѣть. Но такъ какъ авторъ трудился, несомнѣнно, много и упорно; такъ какъ, въ концѣ концовъ, онъ сумѣлъ занять въ отношеніи къ Гартману опредѣленную критическую точку зрѣнія, хотя и не смогъ развить и обосновать ее; такъ какъ, наконецъ, критика Гартмана есть вещь вообще очень трудная и со стороны студента, хотя бы и кандидата на кандидата богословія, въ этомъ отношеніи многаго ожидать нельзя: то считаю дѣломъ справедливости, не смотря на несовершенство представленной г. Песковымъ диссертаціи, признать ее удовлетворительною для присужденія ему степени кандидата богословія".

30) Исправляющаго должность доцента священника Димитрія Рождественскаго о сочиненіи студента *Преображенскаго Ивана* на тему: „Амвросій, архіепископъ Харьковскій, какъ проповѣдникъ:

„Г. Преображенскій представилъ довольно объемистое сочиненіе (657+4 стр. оч. убористаго письма), состоящее изъ пяти главъ. Сказавъ нѣсколько словъ (стр.—1—2) о возможности и значеніи церковнаго проповѣдничества вообще, онъ излагаетъ біографію преосвящ. Амвросія; которая, вмѣстѣ съ краткою характеристикою его проповѣднической дѣятель-

ности и составляетъ небольшую, сравнительно съ объемомъ всего сочиненія, главу первую. Въ главѣ второй (съ 23 стр.) авторъ говоритъ объ изданіяхъ проповѣдническихъ трудовъ Амвросія; о различныхъ типахъ проповѣди, господствовавшихъ около времени его жизни; кратко характеризуетъ проповѣдничество м. Филарета Московскаго, архіепископовъ Димитрія и Иннокентія Херсонскихъ, Іоанна Смоленскаго и другихъ и приходитъ къ выводу, что преосв. Амвросій, имѣя много общаго съ другими представителями русской проповѣди своего времени, однако всецѣло не примкнулъ ни къ одному изъ существовавшихъ направленій и можетъ считаться представителемъ особаго типа—*церковно-философскаго* или *церковно общественнаго* (47—48 стр.). Съ 81 стр. характеризуется эпоха великихъ реформъ, по сравненію съ непосредственно предшествовавшимъ временемъ, и набрасывается общая картина религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества по проповѣдямъ почившаго архипастыря. Далѣе (съ 136 стр.) слѣдуетъ особый отдѣлъ II главы, подъ заглавіемъ: „Высокопреосвященный Амвросій, какъ народный проповѣдникъ". Здѣсь говорится объ Амвросіи и какъ объ импровизаторѣ. Всѣ проповѣдническіе труды его авторъ раздѣляетъ на четыре категоріи (по способу приготовленія и по содержанію), къ послѣдней категоріи относитъ „тосты" (стр. 161). Въ особомъ отдѣлѣ той же главы (съ 242 стр.) трактуется „о миссіонерствѣ архіеп. Амвросія". До чрезвычайности разнообразная по содержанію глава II заканчивается замѣчаніями о вліяніи проповѣдей преосвященнаго на слушателей. Въ главѣ III (съ 265 стр.) довольно подробно излагается исторія и доктрина славянофильства и въ заключеніе преосвящ. Амвросій именуется „славянофиломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова" (стр. 291). Характеризуя въ этой же главѣ политическія убѣжденія названнаго архипастыря-проповѣдника, авторъ неразъ называетъ его *истинно-русскимъ* человѣкомъ (стр. 291, ср. стр. 83), *истинно-русскимъ* архипастыремъ, *истинно-русскимъ* патріотомъ (стр. 266); говоритъ, что „онъ любилъ всѣхъ *истинно-русскихъ* людей" (стр. 292). Употребленіе этого эпитета въ наше время можетъ повести къ недоразумѣнію, и лучше бы въ подобныхъ случаяхъ его совсѣмъ не употреблять. Глава IV трактуетъ о преосв. Амвросіи, какъ о гомилетѣ, и цѣликомъ посвящается

его „Живому Слову“. Здѣсь подробно изложено содержаніе этого сочиненія, а также приводятся взгляды другихъ авторовъ (Шустера, Тарѣева) на вопросъ о живомъ проповѣдническомъ словѣ. По мѣстамъ г. Преображенскій высказываетъ самостоятельныя сужденія по данному вопросу и критически относится къ приводимымъ имъ мнѣніямъ гомилетовъ (стр. 400, 418, 422). Послѣдняя, пятая глава (съ 450 стр. до конца) носитъ такое заглавіе: „Содержаніе проповѣдей преосвящ. Амвросія. (Характеристика жизни интеллигентнаго общества второй половины XIX вѣка и религіозно-общественные идеалы преосвященнаго Амвросія).“ Глава эта представляетъ рядъ болѣе или менѣе обширныхъ выписокъ изъ проповѣдей архіеп. Амвросія.

При написаніи своего сочиненія г. Преображенскій пользуется довольно значительнымъ количествомъ пособій біографическаго, гомилетическаго, историческаго и историко-литературнаго содержанія. Онъ цитуетъ сочиненія проф.—прот. Буткевича, проф. Корсунскаго, проф. Барсова, проф. Лебедева, свящ. Ромашкова, Рункевича, Джаншіева, Бухарева, Никитенко и мн. др. Онъ часто ссылается на академическіе богословскіе журналы и другія періодическія изданія, каковы напр.: Вѣра и Разумъ, Душеполезное Чтеніе, Домашняя Бесѣда, Вѣра и Церковь, Странникъ, Русская Старина, Миссіонерское Обозрѣніе, Вѣстникъ Европы, Русскій Вѣстникъ и др. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что онъ имѣлъ случай лично бесѣдовать съ проф.-протоіереемъ Т. И. Буткевичемъ, авторомъ обширнаго біографическаго очерка о преосв. Амвросіи, весьма близко стоявшимъ къ почившему архипастырю, и пользоваться нѣкоторыми его сообщеніями. Тотъ же протоіерей Буткевичъ снабдилъ нашего автора имѣющимися у него рукописными матеріалами, которые, впрочемъ, по большей части, прямого отношенія къ данной темѣ не имѣютъ.

Обширный матеріалъ использованъ г. Преображенскимъ въ достаточной мѣрѣ; нельзя отказать ему въ трудолюбіи и нѣкоторой самостоятельности изслѣдованія. Однако, можно отмѣтить три весьма существенныхъ недостатка, которые въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ его трудъ. Это—1) отсутствіе строго выработаннаго плана, 2) неумѣнье разобраться въ бывшемъ подъ руками матеріалѣ и использовать его надлежащимъ образомъ и 3) не совсѣмъ удовлетворительное

изложеніе. Сочиненіе раздѣлено на главы, но это раздѣленіе не отвѣчаетъ существу дѣла; оттого такъ часты повторенія и уклоненія въ сторону. Авторъ не имѣетъ обыкновенія сосредоточиваться на выясненіи извѣстнаго положенія и чаще всего, только начавъ это выясненіе, даетъ обѣщаніе возвратиться къ нему впослѣдствіи; но въ дальнѣйшемъ изложеніи, коснувшись того же вопроса, ограничивается лишь ссылкою на сказанное прежде или даетъ новое обѣщаніе (стр. 184, 302 и мног. друг.).

Въ обширномъ сочиненіи г. Преображенскаго такъ много пространныхъ выдержекъ, что его работу легко можно бы сократить наполовину, не въ ущербъ ея достоинству. Глава пятая на протяженіи многихъ страницъ состоитъ почти сплошь изъ выписокъ и въ предшествующихъ главахъ цѣлыя страницы представляютъ пространныя извлеченія (стр. 19—21, 72—73, 147—150, 202—220, 251—263, 294—302 и др.). Эти обширныя выдержки часто совсѣмъ не относятся къ дѣлу.

Что касается языка сочиненія, то въ немъ немало случаевъ неумѣлаго употребленія иностранныхъ словъ, неправильнаго построенія предложеній, неясностей и противорѣчій (стр. 1, 12, 27, 51, 138, 141, 146 и др.). Въ частности, можно отмѣтить еще нѣсколько промаховъ: Московскаго митрополита Леонтія авторъ смѣшиваетъ, повидимому, съ Леонидомъ (Краснопѣвковымъ), викаріемъ Московскимъ (стр. 38 и 48); заявляетъ, что симфонія на Библію, столь необходимая для проповѣдниковъ, представляетъ теперь библіографическую рѣдкость (стр. 392); не замѣчаетъ, что конецъ слова пр. Амвросія „о современной проповѣди“ по новѣйшему изданію звучитъ странно, такъ какъ въ немъ вмѣсто слова *нравовъ* употреблено *враговъ* (ср. Душепол. Чт. 1872, ч. II, стр. 56).

Не смотря на указанные недостатки, автора можно признать достойнымъ кандидатской степени“.

31) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Русинова Виталія* на тему: „Кружокъ любомудровъ (шеллингіанцевъ) и его вліяніе на русскую литературу и жизнь 30-хъ и 40-хъ годовъ XIX вѣка“:

„Обширное (I—VII+792) сочиненіе г. Русинова представ-

ляетъ собою плодъ серьезнаго изученія того направленія въ русской литературѣ 20—30 годовъ 19-го вѣка, которое имѣло исходнымъ пунктомъ своимъ нѣмецкую идеалистическую философію, особенно систему Шеллинга, и которое извѣстно съ именемъ любомудрія. Авторъ съ образцовымъ усердіемъ и полной научной добросовѣстностью успѣлъ выполнить довольно трудную задачу, которая лежала на немъ. Несмотря на скудость имѣющихся въ наличности данныхъ относительно фактической исторіи и дѣятельности кружка любомудровъ, онъ собралъ изъ разныхъ источниковъ значительное количество интересныхъ свѣдѣній, въ достаточной степени уясняющихъ вопросъ о происхожденіи, развитіи и историческомъ значеніи этого кружка. Въ его сочиненіи дается широкая характеристика эпохи 20-хъ годовъ, подробно излагается философія Шеллинга, вдохновлявшая любомудровъ, представляется внѣшняя и внутренняя исторія кружка, обстоятельно характеризуются отдѣльныя шеллингисты (Веневитиновъ, Шевыревъ, Одоевскій, Кирѣевскій), отмѣчается вліяніе ихъ на русскую мысль 30 и 40-хъ годовъ, расколовшуюся на славянофильство и западничество. Къ сожалѣнію, г. Русиновъ слишкомъ увлекся стремленіемъ создать громадную историческую перспективу для интересующихъ его фактовъ, и это расширеніе границъ ученой работы неблагопріятно отозвалось на всемъ сочиненіи. Оно изобилуетъ массой подробностей, съ одной стороны, слишкомъ общеизвѣстныхъ, съ другой—имѣющихъ самое отдаленное отношеніе къ предмету труда. Къ первымъ относится, напр., вся обширная характеристика Александровской эпохи; ко вторымъ—исторія литературныхъ направленій въ родѣ классицизма и сантиментализма. Нельзя признать также умѣстнымъ и слишкомъ пространное изложеніе системы Шеллинга, котораго, кстати сказать, авторъ въ подлинникѣ совсѣмъ не изучалъ. Вообще, въ цѣломъ разсматриваемое сочиненіе производитъ впечатлѣніе небольшой картины, вставленной въ пеструю раму огромныхъ размѣровъ, не выдѣляющую ее рельефно, а лишь скрадывающую. Впрочемъ, и въ столь непомѣрно распространенномъ видѣ, какъ студенческая работа, сочиненіе должно быть признано очень хорошимъ и дающимъ автору право на полученіе степени кандидата богословія".

32) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *священника Салагора Павла* на тему: „Клятвы Большого Московскаго Собора 1667 года и единовѣріе“:

„Названное сочиненіе состоитъ изъ небольшого введенія (стр. 1—7) и шести главъ, изъ которыхъ *первая* (стр. 8—47) имѣетъ своимъ предметомъ анализъ соборнаго „изреченія“ 1667 г. и установленіе того взгляда на клятвы, который признается авторомъ за правильный, *вторая* (стр. 47—89)—разборъ двухъ другихъ, наиболѣе распространенныхъ взглядовъ на тотъ же предметъ, *третья* (стр. 90—130)—попытку выяснить, кому изъ членовъ собора принадлежала руководящая роль въ созданіи „изреченія“, *четвертая* (стр. 131—193)—обзоръ историческихъ данныхъ относительно пониманія церковною властью клятвъ отъ собора 1667 г. до учрежденія единовѣрія, *пятая* (стр. 194—261)—возникновеніе и основные пункты единовѣрія въ ихъ отношеніи къ клятвамъ названнаго собора; въ *послѣдней* главѣ (стр. 262—300) рѣчь идетъ о неоднократныхъ попыткахъ единовѣрцевъ добиться отмѣны тяготящихъ ихъ совѣсть клятвъ, о разъяснительныхъ опредѣленіяхъ по этому поводу церковной власти и мнѣніяхъ представителей богословской науки, кончая членами Предсоборнаго Присутствія.

Уже изъ этой краткой схемы (болѣе подробная дана самимъ авторомъ въ тщательно составленныхъ конспектахъ, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы) легко видѣть, насколько обдуманно и широко намѣчены о. П. Салагоромъ рамки предпринятаго имъ изслѣдованія. Достоинствамъ хорошо составленнаго плана въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуютъ и качества его выполненія. Въ своихъ сужденіяхъ и выводахъ по всѣмъ затрогиваемымъ вопросамъ авторъ старается держаться на твердой почвѣ первоисточниковъ, обнаруживая хорошее знакомство съ ними и съ литературой о нихъ, самостоятельность критической мысли и выработанность пріемовъ научной работы. Къ числу достоинствъ сочиненія нужно отнести и его языкъ, почти свободный отъ стилистическихъ дефектовъ. Въ упрекъ автору можно поставить совершенно не нужное воспроизведеніе *цѣликомъ* (на стр. 165—167 и 229—232) двухъ довольно обширныхъ и легко доступныхъ въ печатномъ изданіи документовъ, из-

лишнюю опредѣленность сужденія по одному частному историческому вопросу, допускающему пока лишь предположительное рѣшеніе (стр. 70), и два—три мелкихъ промаха, быть-можетъ — просто обмолвки (въ родѣ замѣчанія о появленіи бѣлокриницкой іерархіи въ *50-хъ* годахъ прошлаго столѣтія на стр. 263 или названія діакона Павла алеппскаго *племянникомъ* антіохійскаго п. Макарія на стр. 103). Но все это—такіе недочеты, которые не ослабляютъ общаго весьма благопріятнаго впечатлѣнія отъ работы о. П. Салагора и не препятствуютъ признать ее очень хорошей диссертаціей на искомую степень".

33) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Смирнова Михаила* на тему: „Значеніе женщины въ исторіи возникновенія и распространенія старообрядческаго раскола":

„То, что авторъ разсматриваемаго сочиненія избралъ темой для своей курсовой работы, уже не въ первый разъ останавливаетъ на себѣ вниманіе изслѣдователей. Кромѣ разныхъ фельетонныхъ опытовъ „исторіи русской женщины", бѣгло касающихся, между прочимъ, и роли послѣдней въ расколѣ, существуютъ хорошо извѣстныя спеціалистамъ статьи г. Забѣлина, покойнаго проф. Тихонравова и проф. П. Смирнова, которыя и послужили ближайшими руководствами и пособіями для нашего автора. Общій съ ними и предварительно обработанный въ нихъ матеріалъ онъ располагаетъ по своему, не вызывающему серьезныхъ возраженій плану (см. оглавленіе на стр. 271—273) и излагаетъ языкомъ, свидѣтельствующимъ о достаточномъ литературномъ навыкѣ. Для присужденія г. М. Смирнову кандидатской степени сочиненіе его достаточно".

34) Исправляющаго должность доцента Ѳедора Россейкина о сочиненіи студента *Смирнова Николая* на тему: „Соціологическая теорія Н. К. Михайловскаго и христіанство":

„Литературная дѣятельность Н. К. Михайловскаго заслуживаетъ вниманія въ трехъ отношеніяхъ. Какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ духовныхъ вождей русской интеллигенціи, болѣе 40 лѣтъ стоявшій „на славномъ посту", Михайловскій оставилъ широкую полосу въ исторіи русской обще-

ственной мысли XIX вѣка, сумѣвъ перенести свое вліяніе и за рубежъ XX-го. Для изученія недавняго русскаго прошлаго, какъ и для пониманія современной идейной борьбы, дѣятельность Михайловскаго даетъ богатый матеріалъ и съ этой стороны представляетъ огромный интересъ для историка русской общественности. Но выступая признаннымъ вождемъ народничества, Михайловскій сумѣлъ занять еще и первое мѣсто среди русскихъ соціологовъ. Его субъективный методъ, формула прогресса и теорія борьбы за индивидуальность складывались въ широкую и стройную соціологическую доктрину, такъ или иначе пытающуюся освѣтить сущность общественнаго процесса и потому способную привлечь вниманіе соціолога, а слѣдовательно, и историка вообще. Наконецъ, въ своей борьбѣ за интересы личности Михайловскій выдвинулъ и пытался рѣшить проблему синтеза правды—истины и правды — справедливости. Попытка не оказалась удачной. Но исканіе „двуединой правды" привело Михайловскаго къ утвержденію связи между соціологіей и этикой, и съ этой стороны его воззрѣнія представляютъ интересъ для богослова.

По смыслу темы, предъ г. Смирновымъ стояла задача привести въ систему соціологическія воззрѣнія Михайловскаго, дать ихъ критическую оцѣнку и выяснить возможное отношеніе къ этикѣ вообще и христіанской въ частности.

Задача эта рѣшена г. Смирновымъ только отчасти.

Въ его сочиненіи не сведены въ систему идеи Михайловскаго, дана лишь неполная ихъ оцѣнка и только бѣгло намѣчено ихъ отношеніе къ христіанской этикѣ. Эти странные на первый взглядъ недочеты всецѣло объясняются тѣмъ, что авторъ понялъ свою задачу неожиданно-своеобразно. Долгія разсужденія о методѣ, составляющія вступительную главу сочиненія, привели его къ рѣшенію, что лучшимъ методомъ будетъ для него генетическій, съ помощью котораго „опредѣляется отправной моментъ, начальный пунктъ, откуда отбылъ и съ чего началъ авторъ, опредѣляется источникъ воззрѣній автора, указывается ихъ историческое происхожденіе" (стр. 5). Увлекшись достоинствами этого метода, г. Смирновъ и поставилъ себѣ задачу, которой „еще никто не ставилъ" (стр. 15): выяснить „генезисъ идей Михайловскаго и историческую обстановку, при

которой онѣ развились“ (стр. 17). Другими словами, авторъ забылъ свою тему и написалъ сочиненіе на совершенно новую, которую можно, хотя не вполнѣ точно, формулировать такъ: „Генезисъ воззрѣній Михайловскаго“. Получилась работа, имѣющая большой интересъ для историка русской общественной мысли, гораздо меньшій для соціолога и еще меньшій для богослова.

Но принимая сочиненіе г. Смирнова такимъ, какимъ оно дано, нужно признать, что поставленная имъ задача рѣшена въ общемъ успѣшно. Авторъ не мало потрудился, вскрывая, какъ онъ выражается корни идей Михайловскаго. Богатый матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, далъ ему возможность широко раздвинуть рамки изслѣдованія и обстоятельно показать, откуда были восприняты и какъ переработаны Михайловскимъ его взгляды. Однако сочиненіе г. Смирнова небезупречно какъ по полнотѣ содержанія, такъ по плану и по изложенію. Неполнота выразилась въ томъ, что авторъ, за недостаткомъ времени, не уяснилъ отношенія Михайловскаго къ позитивизму, хотя въ своей вступительной главѣ призналъ это необходимымъ. Принятый авторомъ планъ страдаетъ существеннымъ недостаткомъ. Построенъ онъ такъ: отношеніе Михайловскаго a) къ его ближайшимъ предшественникамъ и идейнымъ друзьямъ Лаврову и Ножину; b) къ дарвинизму и органической школѣ въ соціологіи; c) къ 60-мъ годамъ и тремъ крупнѣйшимъ изъ шестидесятниковъ. Представляется непонятнымъ, почему шестидесятые годы поставлены на послѣднемъ мѣстѣ, когда и хронологически, и идейно они предшествовали Лаврову? Авторъ самъ признаетъ, что идеи и настроенія 60-хъ годовъ послужили лишь общей атмосферой, въ которой формировались взгляды юноши-Михайловскаго, тогда какъ съ Лавровымъ онъ стоялъ въ непосредственной идейной связи. Въ такомъ случаѣ главы сочиненія нужно было расположить въ иномъ порядкѣ. Что касается изложенія, то здѣсь авторъ нерѣдко грѣшитъ безцѣльной обстоятельностью и ненужными, иногда досадными отступленіями. Въ главѣ о Лавровѣ и Ножинѣ онъ считаетъ необходимымъ познакомить читателя съ внѣшними фактами ихъ жизни, въ чемъ не представлялось никакой нужды. Изложенію соціологическаго дарвинизма предшествуетъ очеркъ развитія естествознанія въ первой половинѣ XIX вѣка, и

эти страницы (147—176) могутъ быть выпущены безъ всякаго ущерба для полноты сочиненія и съ выигрышемъ въ его стройности. Но особенно страдаетъ въ указанномъ отношеніи огромная (271—416) глава о 60-хъ годахъ. Авторъ счелъ нужнымъ дать двойную характеристику эпохи: одну общую,—характеристику господствующихъ идей и настроеній, и другую частную,—характеристику воззрѣній трехъ виднѣйшихъ шестидесятниковъ. Можно было ограничиться одной первой (271—341) и во всякомъ случаѣ сократить по возможности вторую. Но если уже авторъ хотѣлъ быть обстоятельнымъ и не боялся дѣлать отступленія и начинать рѣчь издалека, ему нужно было удѣлить больше вниманія Герцену, такъ какъ именно Герценъ первый ясно формулировалъ проблему индивидуализма, надъ которой трудился Михайловскій. Къ числу ненужныхъ уклоненій относятся страницы 486—492 и нѣкоторыя другія мѣста.

Опредѣленіе генезиса воззрѣній Михайловскаго является для г. Смирнова главной задачей. Однако попутно онъ пробуетъ разрѣшить и другую, удѣляя мѣсто критической оцѣнкѣ излагаемыхъ воззрѣній. Эти критическія замѣчанія имѣютъ вѣсъ; но въ содержаніи сочиненія занимаютъ лишь второстепенное положеніе. Не собравъ въ систему воззрѣній добросовѣстно изученнаго имъ автора, г. Смирновъ не могъ дать и цѣльной, стройной критики.

Послѣдняя глава сочиненія посвящена характеристикѣ индивидуализма Михайловскаго и уясненію отношенія его соціологіи къ этикѣ. Авторъ совершенно правильно опредѣлилъ индивидуализмъ Михайловскаго какъ соціологическій, а не этическій, и болѣе или менѣе основательно опровергъ его утилитарную этику. Но смыслъ исканій синтеза правды—истины и правды—справедливости оцѣненъ имъ недостаточно.

Стиль сочиненія не блещетъ обработанностью; можно желать большей точности и сжатости.

Степени кандидата богословія г. Смирновъ заслуживаетъ".

35) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Соболева Христофора* на тему: „Происхожденіе и смыслъ самоистребленія въ русскомъ расколѣ старообрядчества":

„Громадное сочиненіе г. Соболева (XX+832 стр. и сверхъ того четыре „приложенія") представляетъ интересную по замыслу попытку разработать вопросъ о происхожденіи и смыслѣ раскольническихъ самоистребленій, уже не разъ останавливавшій на себѣ научное вниманіе. Особенность данной работы сравнительно съ имѣющимися въ нашей литературѣ изслѣдованіями о томъ же предметѣ заключается, по предупредительному указанію самого автора (см. прибавленный имъ отъ себя подзаголовокъ), въ томъ, что вопросъ разсматривается „въ исторической перспективѣ", т. е., какъ оказывается при ближайшемъ знакомствѣ съ сочиненіемъ, въ связи съ очень сложною совокупностью характерныхъ чертъ политической, соціальной, экономической и нравственно-религіозной жизни русскаго народа въ эпоху возникновенія раскола и въ вѣка, ей предшествовавшіе. Только въ рамкахъ указанной широкой программы находитъ онъ возможнымъ „трактовать такой сложный и запутанный вопросъ, какъ вопросъ о самоистребленіи, о его происхожденіи въ русскомъ обществѣ и о его внутренней сущности и смыслѣ, трактовать безъ опасенія опустить изъ вида и замолчать о тѣхъ или иныхъ факторахъ, породившихъ его, и чрезъ то впасть въ старую ошибку узкаго и шаблоннаго взгляда на это крупное явленіе древне-русской жизни" (стр. XVIII). Не указывая точнѣе, ошибочность какого именно „взгляда" имѣется при этомъ въ виду (какъ извѣстно, „взглядовъ" на самоистребленіе высказано въ спеціальной литературѣ о расколѣ нѣсколько), и минуя вообще обычный разборъ существующихъ мнѣній по изучаемому вопросу, г. Соболевъ рѣшаетъ дать послѣднему „новую постановку, не примѣненную еще никѣмъ и нигдѣ" и долженствующую привести „къ выводамъ столько же интереснымъ и любопытнымъ, сколько живымъ и поучительнымъ" (стр. XIX—XX).

Къ сожалѣнію, ознакомившись съ названной работой, приходится констатировать, что авторъ ея нѣсколько преувеличиваетъ значеніе своего труда и во всякомъ случаѣ—даетъ гораздо меньше, чѣмъ обѣщаетъ. Правда, онъ остается вѣренъ намѣченной широкой постановкѣ вопроса и цѣлую первую часть сочиненія, болѣе обширную по объему (стр. 1—524), посвящаетъ подробной характеристикѣ древне-русской жизни со всѣхъ вышеупомянутыхъ ея сторонъ,—пожа-

луй, болѣе подробной, чѣмъ нужно для его цѣли, и слишкомъ загроможденной деталями, изъ-за которыхъ не легко услѣдить основную, руководящую мысль. Но громоздкій подходъ къ спеціальному предмету изслѣдованія, трактуемому во второй части (стр. 525—832), въ существѣ дѣла не устанавливаетъ *новыхъ* точекъ зрѣнія, не намѣченныхъ болѣе или менѣе опредѣленно прежними изслѣдователями, и вся „новизна постановки“ сводится, такимъ образомъ, къ признанію совмѣстнаго и не достаточно ясно дифференцированнаго дѣйствованія сложной круговой цѣпи причинъ, отдѣльнымъ звеньямъ которой раньше отдавалось преимущественное или исключительное вниманіе. И сравнивая эту подготовительную часть сочиненія со второй его половиной, на которую, очевидно, не достало времени у автора, чтобы развернуть ее до желаемой широты, невольно начинаешь досадовать, что г. Соболевъ, поведя слишкомъ подробную рѣчь издалека, не поберегъ средствъ для надлежащей разработки своего ближайшаго матеріала и для болѣе отчетливой формулировки выводовъ, такъ заманчиво обѣщанныхъ имъ во введеніи къ изслѣдованію.

Но говоря такъ, мы далеки отъ мысли оспаривать крупныя ученыя достоинства этой во всякомъ случаѣ *выдающейся* студенческой работы. По чрезвычайному обилію собраннаго и тщательно изученнаго матеріала (первоисточниковъ и ученыхъ пособій), по зрѣлости критической мысли, выработанности пріемовъ изслѣдованія и—въ общемъ—строго выдержанной правильности стиля сочиненіе г. Соболева заслуживаетъ высокой похвалы. Оно не только показываетъ въ авторѣ вполнѣ достойнаго претендента на искомую степень, но и обѣщаетъ въ немъ по выходѣ изъ школы полезнаго работника для русской исторической науки“.

36) Ординарнаго профессора Алексѣя Введенскаго о сочиненіи студента *священника Совѣтова Алексѣя* на тему: „О нравственномъ міропорядкѣ“.

„О. Совѣтовъ внимательно прочиталъ рекомендованныя ему пособія—Бутру, Карьера, Лотце, Некрасова и др.—и довольно толково изложилъ вычитанное въ трехъ главахъ: „Метафизическое рѣшеніе вопроса о нравственномъ міропорядкѣ“, „Факты, свидѣтельствующіе о нравственномъ міро-

порядкѣ", „Богъ и нравственный міропорядокъ", предпославъ сочиненію краткое „Введеніе" и присоединивъ къ нему краткое же „Заключеніе". Сочиненіе небольшое (247 стр.), но ясное по общей схемѣ и основной мысли. Отъ себя, сравнительно съ пособіями, авторъ почти ничего не привнесъ. Въ формально-литературномъ отношеніи сочиненіе не отличается выработкою, иногда спускаясь до простаго, и притомъ литературно-шероховатаго, перифраза чужихъ мыслей. Въ общемъ, сочиненіе не изъ блестящихъ. Но ничто не препятствуетъ признать его достаточнымъ для присужденія автору первой ученой богословской степени—кандидата богословія".

37) Экстраординарнаго профессора Николая Городенскаго о сочиненіи студента *Соколова Владиміра* на тему: „*Лаокоонъ* Лессинга":

„Сочиненіе г. Соколова состоитъ изъ 7 главъ. Первыя три главы имѣютъ историческій характеръ: здѣсь дается общій взглядъ на развитіе проблемы, интересующей Лессинга въ „Лаокоонѣ", указывается историческая обстановка, при которой выступилъ Лессингъ со своею эстетическою критикой, обрисовывается развитіе эстетическихъ взглядовъ его и постепенный ростъ идеи „Лаокоона". Въ четвертой главѣ авторъ устанавливаетъ общую точку зрѣнія на произведеніе Лессинга, въ пятой даетъ спеціальный анализъ этого произведенія, въ шестой указываетъ на его общее значеніе для исторіи критики, наконецъ въ седьмой главѣ г. Соколовъ представляетъ критическую характеристику содержащихся въ „Лаокоонѣ" воззрѣній на взаимоотношеніе религіи и искусства.

Сочиненіе г. Соколова отличается незаурядными для студенческой работы достоинствами Авторъ изучалъ по нѣмецкому изданію Blümner'a не только самый „Лаокоонъ", но и сохранившіеся его первоначальные наброски и проекты. Это дало г. Соколову возможность взглянуть на знаменитое произведеніе Лессинга шире и глубже, чѣмъ позволяетъ одинъ лишь окончательный текстъ „Лаокоона". Вдумчивость, критичность, внимательное отношеніе къ цѣлому и къ деталямъ, стремленіе высказывать во всемъ самостоятельно составленное или провѣренное сужденіе—вотъ качества, обна-

руживаемыя авторомъ на протяженіи всей работы. Съ нѣкоторыми взглядами г. Соколова можно не соглашаться (такова, напримѣръ, его мысль, что „Гамбургская Драматургія“ есть не что иное, какъ 2-я часть „Лаокоона“), но его общую точку зрѣнія,—что сужденія „Лаокоона“ нужно разсматривать при свѣтѣ окончательной цѣли Лессинга и, въ частности, въ связи съ проектомъ 3-й части,—слѣдуетъ признать достаточно обоснованной. Сочиненіе даетъ г. Соколову полное право на степень кандидата“.

38) Исправляющаго должность доцента Николая Туницкаго о сочиненіи студента *Стеблева Бориса* на тему: „Поученія преп. Θеодосія Печерскаго“:

„Вопросъ о размѣрахъ и историческомъ значеніи литературной дѣятельности преп. Θеодосія Печерскаго до сихъ поръ въ наукѣ остается нерѣшеннымъ. Между учеными не установилось полнаго согласія ни относительно количества сохранившихся отъ него трудовъ, ни относительно подлинности надписываемыхъ его именемъ поученій, ни относительно степени самостоятельности его литературнаго творчества, ни относительно вліянія его на другихъ древне-русскихъ писателей. Тѣ методологическіе пріемы, которые могли бы привести новаго изслѣдователя къ прочнымъ результатамъ, потребовали бы отъ него цѣлаго ряда поисковъ, старательнаго сличенія поученій, принадлежащихъ или приписываемыхъ преп. Θеодосію, съ различными учительными памятниками византійской и древне-русской литературъ, а также тщательнаго анализа ихъ со стороны языка. Къ сожалѣнію, г. Стеблевъ въ своемъ сочиненіи не поднялся до уровня методологическихъ требованій, подсказываемыхъ современной историко-литературной наукой. Онъ весь-во власти своихъ, болѣе или менѣе авторитетныхъ, предшественниковъ по работѣ: орудуетъ ихъ методомъ, комбинируетъ ихъ мнѣнія, одного другимъ поправляетъ, одного другимъ опровергаетъ. А въ тѣхъ случаяхъ, когда его разсужденіе выходитъ за предѣлы сложившихся въ наукѣ мнѣній и догадокъ, оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ характеръ общихъ положеній и часто обнаруживаетъ странную наклонность автора судить о древне-русской литературѣ, ея представителяхъ и древнихъ литературныхъ нравахъ съ точки зрѣнія

принятыхъ у насъ новѣйшихъ литературныхъ понятій. Въ результатѣ сочиненіе обладаетъ шаткостью основныхъ выводовъ и недостаточной убѣдительностью коренного положенія, отрицающаго принадлежность преп. Ѳеодосію связанныхъ съ его именемъ или приписываемыхъ ему произведеній за исключеніемъ извѣстныхъ семи поученій, представленныхъ сборникомъ Рум. муз. № 406, и молитвы за всѣхъ христіанъ.—Однакожъ, не удовлетворяя чисто-научнымъ требованіямъ, сочиненіе г. Стеблева не лишено нѣкоторыхъ положительныхъ качествъ, приличествующихъ студенческой работѣ. Внимательное изученіе литературы предмета у автора соединяется съ умѣніемъ извлекать изъ нея характерныя данныя. Въ заслугу ему должна быть поставлена также попытка сличенія поученій, приписываемыхъ преп. Ѳеодосію, съ твореніями Ѳеодора Студита. Изложеніе не лишено послѣдовательности и не страдаетъ многословіемъ. Автора можно признать заслуживающимъ кандидатской степени".

39) Заслуженнаго ординарнаго профессора Александра Бѣляева о сочиненіи студента *Трембовецкаго Владиміра* на тему: „Евангельское ученіе о царствіи Божіемъ":

„Слѣдившимъ за богословской литературой послѣднихъ лѣтъ и знающимъ, что не дальше, какъ въ 1904 г., вышла въ свѣтъ обширная книга профессора П. Свѣтлова: „Идея царства Божія", трудъ на ту же тему можетъ показаться не очень нужнымъ или даже и совсѣмъ излишнимъ; но на самомъ дѣлѣ это на такъ. Правда въ книгѣ Свѣтлова раскрывается и евангельское ученіе о царствѣ Божіемъ, но больше говорится de omni re scibili et quibusdam aliis. Довольно сказать, что въ книгѣ Свѣтлова даже не упомянуто ни одно изъ святоотеческихъ толкованій на Евангелія и приведены только двѣ выдержки изъ этой литературы—одна изъ сочиненія Григорія Нисскаго, не имѣющаго отношенія къ ученію о царствѣ Божіемъ, и другая изъ слова Ефрема Сирина, и читатель книги Свѣтлова выноситъ впечатлѣніе, что ученіемъ о царствѣ Божіемъ стали интересоваться только въ послѣднія десятилѣтія, и притомъ почти только въ одномъ протестантскомъ мірѣ. Но и протестантская обширная литература о царствѣ Божіемъ только указана въ сочиненіи Свѣтлова, но не изучена этимъ послѣднимъ. Въ виду этого

дать тему о царствѣ Божіемъ было вовсе не излишне, а студенту, хотя и не опытному еще въ составленіи ученыхъ трудовъ и стѣсненному годовымъ срокомъ подачи сочиненія, было не опасно взяться за нее. И дѣйствительно, наличность сочиненія Свѣтлова не воспрепятствовала г. Трембовецкому написать сочиненіе о царствѣ Божіемъ меньшее по величинѣ, но лучшее по достоинству, нежели сочиненіе Свѣтлова, и независимое отъ этого послѣдняго. Г. Трембовецкій читалъ книгу Свѣтлова и кое-что заимствовалъ изъ нея, но только въ мелочахъ. Она была для него лишь однимъ изъ многихъ пособій, и не изъ главныхъ. Сочиненіе г. Трембовецкаго выгодно отличается отъ книги Свѣтлова уже тѣмъ, что онъ совершенно правильно первостепеннымъ, даже единственнымъ источникомъ для своего труда поставилъ четвероевангеліе. При помощи толковательныхъ трудовъ, древнихъ и новыхъ, а также и спеціальныхъ сочиненій о царствѣ Божіемъ Исселя, Кёстлина, Шнедермана и другихъ, онъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ изслѣдовалъ ученіе евангелій о царствѣ Божіемъ. Чуть не каждая страница его сочиненія наполнена цитатами изъ Евангелій.

Все сочиненіе его, кромѣ введенія (I—XXVIII), раздѣлено на слѣдующія двѣнадцать главъ:

1) Смыслъ и употребленіе выраженій: „царство“, „царство Божіе“, въ священныхъ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ (1—14 стр.);

2) Ветхозавѣтное ученіе о царствѣ Божіемъ (15—49);

3) Проповѣдь Іоанна Крестителя о царствѣ Божіемъ (50—85);

4) Основатель царства Божія (86—152);

5) Существо царства Божія (153—208);

6) Свойства царства Божія (209—228);

7) Царство Божіе настоящее (229—266);

8) Царство Божіе будущее (267—280);

9) Условія „восхищенія“ царства Божія (281—317);

10) Форма царства Божія (318—344);

11) Царство Божіе и церковь (345—358);

12) Царство Божіе и міръ (359—382).

Перечень этихъ заголовковъ показываетъ, что г. Трембовецкій изслѣдовалъ взятый имъ предметъ всесторонне, не опустивши ничего существенно важнаго. Правда, иныя сто-

роны предмета раскрыты имъ менѣе подробно и обстоятельно, чѣмъ какъ было бы желательно. Но это извиняется чрезвычайной широтой и сложностію предмета. Планъ изслѣдованія хорошъ. Въ выработкѣ его г. Трембовецкому оказала значительную помощь книжка Исселя: Die Lehre vom Reiche Gottes im Neuen Testament. Но онъ отнюдь не слѣдовалъ рабски плану, по которому изложено ученіе о царствѣ Божіемъ въ книжкѣ Исселя. Довольно сказать, что у г. Трембовецкаго планъ чисто предметный, какимъ онъ и долженъ быть въ догматическихъ сочиненіяхъ, а у Исселя принципъ дѣленія смѣшанный: по предметамъ и по книгамъ Священнаго Писанія. Обработано сочиненіе очень тщательно и написано языкомъ вполнѣ литературнымъ. Есть въ его сочиненіи недостатки, но частные. Напр., нельзя признать правильнымъ его мнѣнія о тождествѣ царства Божія и церкви (357 и слѣд. страницы). Но этотъ недостатокъ не великъ потому, что вопросъ объ отношеніи царства Божія къ церкви—темный и спорный вопросъ. Требуетъ большихъ ограниченій и оговорокъ и мысль его о распространеніи царства Божія предъ концомъ міра по лицу всей земли (224 стр.), въ виду ясныхъ словъ Христа, что Онъ, *пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ* (Лук. 18, 8).—Для присужденія степени кандидата г. Трембовецкому сочиненіе его вполнѣ достаточно".

40) Исправляющаго должность доцента Ильи Громогласова о сочиненіи студента *Троицкаго Аркадія* на тему: „Московскіе церковные соборы 1654 и 1655 г.г.":

„Знакомымъ съ исторіей книжно-обрядовыхъ исправленій при п. Никонѣ хорошо извѣстно, какое видное мѣсто принадлежитъ въ этой исторіи двумъ названнымъ соборамъ; извѣстно и то, что для изученія ихъ сдѣлано довольно много подготовительной работы. Но въ печатной литературѣ до сихъ поръ нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія, которое имѣло бы своею задачею всесторонне освѣтить эти два важнѣйшіе момента Никоновской „справы". Авторъ разсматриваемаго сочиненія взялъ на себя трудъ написать такое изслѣдованіе, и нужно отдать ему справедливость: выполнилъ эту работу съ большимъ успѣхомъ. Онъ тщательно собралъ и критически провѣрилъ весь тотъ фактическій матеріалъ, какой дается доселѣ извѣстными первоисточниками; широко и вни-

мательно изучилъ труды своихъ предшественниковъ по разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые входили въ кругъ его изслѣдованія; умѣло разобрался въ довольно сложномъ и запутанномъ ходѣ событій, связанныхъ съ исторіей соборовъ, и если не привнесъ въ нее новыхъ фактическихъ данныхъ, то во всякомъ случаѣ—сдѣлалъ несомнѣнный шагъ впередъ въ смыслѣ болѣе детальной обработки и объединенія уже имѣвшихся въ научномъ оборотѣ свѣдѣній. Въ упрекъ автору можно поставить лишь нѣкоторую невыдержанность его общаго взгляда на основные принципы церковно-преобразовательной дѣятельности п. Никона. Во всемъ остальномъ по своимъ внутреннимъ, какъ и по внѣшнимъ—стилистическимъ качествамъ, разсматриваемое сочиненіе заслуживаетъ большой похвалы. Признаю г. Троицкаго вполнѣ достойнымъ искомой имъ степени".

41) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о сочиненіи студента *Троицкаго Петра* на тему: „Кипріанъ, митрополитъ Новгородскій":

„Небольшой очеркъ г. Троицкаго дѣлится на слѣдующія главы: I. Кипріанъ, архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря; II. Кипріанъ, первый архіепископъ Сибирскій и Тобольскій; III. Кипріанъ, митрополитъ Крутицкій и Новгородскій.

Это толковая, довольно умѣло составленная біографія русскаго іерарха первой половины XVII в. Безъ лишнихъ словъ, съ внимательнымъ изученіемъ литературы предмета и доступныхъ источниковъ авторъ излагаетъ жизнь и дѣятельность этого виднаго святителя русской церкви. Степень самостоятельности, проявленной авторомъ при написаніи труда, не одинакова въ разныхъ его частяхъ. Во II гл. для изображенія дѣятельности Кипріана въ Сибири богатый матеріалъ представляли данныя Москов. Архива Минист. Юстиціи, которыхъ, къ сожалѣнію, не выслали въ академію по просьбѣ автора; и этотъ отдѣлъ г. Троицкій принужденъ былъ составить по пособіямъ, главнымъ образомъ по статьямъ г. Буцинскаго. III гл. самостоятельна. Здѣсь г. Троицкій подробно занимается разборомъ двухъ челобитныхъ дьяка Шипулина, поданныхъ царю на митр. Кипріана съ жалобой на его „неправды и непригожія рѣчи", вмѣстѣ съ документами,

приложенными въ оправданіе жалобы (изд. А. Зерцаловымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. 1896, I). Указанные матеріалы авторъ оцѣниваетъ по своему, расходясь съ ихъ издателемъ.

Къ недостаткамъ сочиненія надо отнести прежде всего неполноту его. Авторъ не занялся, наприм., самостоятельнымъ изслѣдованіемъ біографическихъ данныхъ о Кипріанѣ до архимандритства его на Хутыни; оставляетъ безъ разбора грамоты митр. Кипріана подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ содержатъ мелкія постановленія обрядоваго и литургическаго характера (175 стр.); не говоритъ объ участіи Кипріана въ составленіи Чиновника Новгородскаго Софійскаго собора.—Встрѣчается невѣрное истолкованіе данныхъ источниковъ. Лѣтопись упоминаетъ о томъ, что въ Сибири Кипріанъ „невѣрныхъ многихъ крестилъ въ православную христіанскую вѣру". Авторъ не придаетъ этому значенія, ссылаясь „на стереотипный характеръ фразы, столь обычной у лѣтописцевъ" (75 стр.); между тѣмъ не приводитъ ни одного параллельнаго мѣста въ доказательство стереотипности лѣтописнаго извѣстія... Изъ высокопарныхъ обращеній кн. Шаховского къ м. Кипріану дѣлается выводъ о репутаціи послѣдняго у современниковъ, какъ просвѣщеннаго человѣка (176—177). Опредѣляется возрастъ Кипріана по аналогіи съ другими настоятелями Хутынскаго монастыря (146 стр.).—Замѣтно пристрастіе автора въ пользу описываемаго лица, сказавшееся при разборѣ жалобы на м. Кипріана. Г. Троицкій старается во что бы то ни стало обѣлить новгородскаго владыку отъ возводимыхъ на него обвиненій и самъ порою чувствуетъ, что заходитъ далеко: то говоритъ о „злостной кляузности челобитчика", о томъ, что „лучше совершенно не придавать значенія" челобитнымъ (стр. 142), то сознается, что челобитныя не могутъ быть приняты за надежный источникъ лишь „въ полномъ объемѣ" (стр. 174—175).—Авторъ не даетъ общей характеристики м. Кипріана и не указываетъ его мѣста въ исторіи русской іерархіи того времени.

Тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Троицкаго въ предѣлахъ задачи, намѣченной авторомъ, вполнѣ удовлетворительно и достаточно для кандидатской степени".

42) Экстраординарнаго профессора Сергѣя Смирнова о со-

чиненіи студента *Успенскаго Александра* на тему: „Иларіонъ, митрополитъ Кіевскій“:

„Сочиненіе распадается на двѣ неравныя главы: I, жизнь и дѣятельность митр. Иларіона (1—180); II, сочиненія его (181—264).

О жизни и дѣятельности Иларіона сохранились очень скудныя свѣдѣнія, и если авторъ написалъ объ этотъ 180 убористыхъ страницъ, то это зависѣло отъ постановки, которую онъ далъ вопросу, и отъ метода его работы. Авторъ захотѣлъ извлечь біографическія данныя объ Иларіонѣ изъ его Слова о законѣ и благодати,—изъ той его части, въ которой говорится объ обращеніи Владимира. Для этого онъ сопоставляетъ рѣчи Иларіона съ корсунской легендой (т. е. лѣтописнымъ разсказомъ и другими параллельными) и признаетъ, что Иларіонъ раздѣлялъ эту легенду; сопоставляетъ съ нею разсказы Нестора и Іакова мниха и признаетъ литературное вліяніе м. Иларіона на повѣствованіе обоихъ объ обращеніи крестителя Руси. Изъ того предполагаемаго г. Успенскимъ обстоятельства, что Иларіонъ раздѣлялъ мысль о корсунскомъ крещеніи русскаго князя, дѣлается выводъ, что онъ былъ по происхожденію и по образованію Корсунянинъ,—„въ его представленіяхъ (о крещеніи Владимира) несомнѣнно сказывалось его происхожденіе“ (стр. 40). Убѣдившись въ этомъ, авторъ подыскиваетъ и другія основанія: будто въ Корсуни было варяжское поселеніе и лѣтописный Анастасъ Корсунянинъ одно лицо съ варяжаниномъ Изберномъ (Ждьберномъ), будто первоначальное духовенство на Руси было варяжское—корсунское (Іоакимъ Корсунянинъ), будто даже и митрополиты Кіевскіе домонгольскаго періода были не греки, а скорѣе корсунскіе варяги. Авторъ обладаетъ смѣлостью, которая, по пословицѣ, города беретъ,—безстрашно громоздитъ одну гипотезу на другую, не чувствуя всей шаткости своихъ построеній: выскажетъ мысль сначала съ оговоркой, потомъ отмѣтитъ, что онъ не сомнѣвается въ ея истинѣ, наконецъ начинаетъ считать свое предположеніе несомнѣннымъ; изъ него дѣлаются выводы, которые переживаютъ такую же эволюцію.... Поэтому достаточно легкаго прикосновенія критики, чтобы сооруженіе г. Успенскаго все рухнуло. Прежде всего, разумѣется, вовсе не нужно быть Корсунцемъ, чтобы только раздѣлять мысль о кор-

сунскомъ крещеніи Владимира. Слѣдовательно никакихъ прочныхъ выводовъ отсюда для біографіи Иларіона нельзя сдѣлать. Да и самая мысль о томъ, что Иларіонъ раздѣлялъ корсунскую легенду, весьма спорна и слабо доказывается авторомъ. Далѣе, если Иларіонъ Корсунецъ и варягъ (т. е. норманнъ, по мнѣнію автора), то гдѣ же признаки его норманнизма? Какъ видно изъ Слова о законѣ и благодати, Иларіонъ превосходно владѣлъ славянскимъ языкомъ,—гдѣ же онъ его выучилъ, живя въ Корсуни? Значитъ тамъ должно было существовать не только варяжское, но и славянское поселеніе? Этихъ естественныхъ вопросовъ авторъ даже и не подозрѣваетъ. Наконецъ, Иларіонъ несомнѣнно богословски образованный человѣкъ. Если образованіе свое Иларіонъ получилъ въ Корсуни, какъ предполагаетъ авторъ, то послѣдній обязанъ доказать возможность этого на основаніи изученія духовной культуры Херсонеса. Ничего подобнаго не сдѣлано.—Литературная зависимость Нестора и Іакова отъ Иларіона доказывается признаками мало доказывающими (совпаденіе въ мысляхъ, въ догматическихъ формулахъ и проч.), въ чемъ сознается и самъ г. Успенскій, когда говоритъ о *трудности* уловить *несомнѣнныя* заимствованія (42, 79, 97, 100). Непріятное впечатлѣніе производитъ проходящая чрезъ все сочиненіе претенціозность автора, которая проявляется въ высокомѣрномъ обращеніи съ первоклассными авторитетами науки (73, 74, 139, 177, 215, 246).

Удачнѣе II глава. Здѣсь видно, что авторъ широко изучилъ др.-русскую письменность, изучилъ ее основательно по источникамъ, отчасти рукописнымъ; стремился составить свое сужденіе по каждому вопросу и сдѣлалъ нѣсколько соображеній и сближеній, дѣйствительно удачныхъ (189—194, 246—246). Жаль только, что авторъ не разбиралъ обстоятельно поученій съ именемъ Иларіона.

Въ общемъ сочиненіе вполнѣ удовлетворительно для полученія кандидатской степени".

43) Ординарнаго профессора Сергѣя Глаголева о сочиненіи студента *Флоренскаго Павла* на тему: „О религіозной истинѣ":

„Влад. С. Соловьевъ умирая говорилъ о наступающемъ XX-мъ вѣкѣ: „идей меньше, чѣмъ въ эпоху Троянской войны".

Этотъ суровый отзывъ о нашемъ времени, сдѣланный умирающимъ философомъ, справедливъ въ значительной степени. Инстинктами и страстями очень невысокаго качества продиктовано множество сочиненій, но идеи и чистые духовные идеалы отступили на задній планъ. Отступили, но не исчезли. Духовная жизнь не можетъ замереть совсѣмъ въ человѣчествѣ. Отраднымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о силѣ религіозной жизни, является и сочиненіе г. Флоренскаго „О религіозной истинѣ". Его будутъ привѣтствовать всѣ, кому дорога религія и для кого религія—не абстрактная только теорія или аксессуаръ въ жизни, но именно и есть жизнь.

Сочиненіе г. Флоренскаго необычно какъ по формѣ, такъ и по содержанію.

Оно написано въ формѣ писемъ къ другу. Высокія идеи связываются въ немъ съ личными воспоминаніями и окружающей обстановкой. Но это не отвлекаетъ вниманія читателя, наоборотъ, облегчаетъ чтеніе—не всегда легкое — и даетъ живѣе чувствовать связь вѣры съ жизнью.

Содержаніемъ сочиненія г. Флоренскаго является та единая, абсолютная, чуждая противорѣчій и перемѣнъ Истина, въ которой исчезаютъ диссонансы, несогласія, и противорѣчія и антиноміи міра. Въ обращеніи къ читателю и въ 10-ти письмахъ говоритъ о ней г. Флоренскій. Методъ познанія религіозной истины съ его точки зрѣнія есть религіозный опытъ, который даетъ безцѣнно богатое содержаніе. Собственно сокровища даетъ церковь. Изъ многаго выбравъ немногое, г. Флоренскій путемъ анализа и устанавливаетъ рядъ основныхъ религіозныхъ истинъ.

Въ первомъ письмѣ онъ ставитъ задачу найдти себѣ „Столпъ и Утвержденіе истины" (1 Тим. 3, 15). Все въ мірѣ раздроблено, измѣнчиво, мятется и зыблется, но душа ищетъ Истины всецѣлостной и вѣковѣчной. Какой критерій этой истины? Обсужденію этого вопроса посвящено второе письмо. Истина для автора есть интуиція—дискурсія, т. е. дана непосредственно и не подлежитъ доказательству. Путемъ анализа закона тожества авторъ приходитъ къ выводу, что истина есть самодоказательный Субъектъ. „Само-доказательность и само-обоснованность Субъекта Истины Я есть отношеніе къ Онъ черезъ Ты. Черезъ Ты субъективное Я дѣлается

объективнымъ Онъ, и въ послѣднемъ имѣетъ свое утвержденіе (предметность) какъ Я. Онъ есть явленное Я. Таково метафизическое опредѣленіе сущности (*οὐσία*) само-доказательнаго Субъекта, которая есть, какъ видно, субстанціональное отношеніе. Субъектъ Истины есть отношеніе трехъ, но—отношеніе, являющееся субстанціею, отношеніемъ—субстанціею. А т. к. конкретное отношеніе вообще есть система актовъ, въ данномъ же случаѣ—безконечная система актовъ, синтезированныхъ въ единицу или, еще, безконечный единичный актъ, то мы можемъ утверждать, что *οὐσία* истины есть безконечный актъ трехъ въ единствѣ. Истина есть единая сущность о трехъ ипостасяхъ" (30 стр.). Въ третьемъ письмѣ авторъ предлагаетъ логическое и математическое разрѣшеніе вопроса о тріединствѣ. Въ письмѣ четвертомъ, продолжая выяснять понятіе Бога, онъ останавливается на раскрытіи того, что Богъ есть любовь, не просто любящій, но сама любовь. Познаніе Бога выражается въ любви, какъ выходѣ изъ своего обычнаго эмпирическаго состоянія и переходѣ въ новую дѣйствительность. Въ пятомъ письмѣ авторъ говоритъ о постепенности откровенія Божія въ мірѣ: сначала открывается Богъ Отецъ, затѣмъ Богъ Сынъ, наконецъ Утѣшитель—Духъ Святый. Въ шестомъ письмѣ авторъ останавливается на антиноміяхъ въ религіозныхъ утвержденіяхъ (единосущіе и тріипостасность; два естества во Христѣ соединены 1) неслитно и неизмѣнно, 2) нераздѣльно и неразлучно). Человѣкъ долженъ утвердить себя въ Богѣ, въ этомъ—любовь и блаженство, но человѣкъ можетъ обособляться отъ Бога, подчиняться страстямъ. Это удаленіе отъ Бога есть удаленіе въ геенну. Раскрытію этого положенія авторъ посвящаетъ седьмое письмо. Восьмое письмо обсуждаетъ вопросъ о воспріятіи истины черезъ откровеніе Духа при настоящихъ условіяхъ. Божественное воспринимается матеріальнымъ. Авторъ раскрываетъ здѣсь, что христіанскій аскетизмъ вовсе не враждебенъ матеріи, что, наоборотъ, все прекрасное тварное находитъ себѣ освященіе. Въ девятомъ письмѣ авторъ говоритъ о Софіи—Божественной премудрости, какъ Божественномъ началѣ. *Σοφία* для него—идеальная и предвѣчная церковь, въ Матери Божіей *Σοφία* воплотилась по преимуществу. Вѣдѣніе столпа истины подается черезъ любовь благодатную. Эта любовь достигается

долгимъ подвигомъ. И въ десятомъ письмѣ авторъ указываетъ путь къ ней черезъ дружбу. Сочиненіе автора заканчивается послѣсловіемъ, гдѣ онъ кратко повторяетъ, какъ движется сознаніе къ „Столпу и Утвержденію истины".

Необычныя мысли авторъ и раскрываетъ необычнымъ образомъ.

Онъ опирается въ своемъ разсужденіи на два рода основаній, къ которымъ рѣзко обращаются въ настоящее время въ богословскихъ трактатахъ — на религіозный опытъ подвижниковъ и аскетовъ съ одной стороны, и на положительное знаніе съ другой. Но у насъ принято теперь аскетическія творенія разсматривать черезъ призму раціоналистическихъ толкованій, а въ новѣйшую науку вѣрятъ, не заботясь о томъ, чтобы ее дѣйствительно знать. Но авторъ знаетъ, что говоритъ, и сбить его въ пониманіи и оцѣнкѣ подвижническихъ твореній невозможно. Авторъ говоритъ о св. Серафимѣ Саровскомъ, дѣлаетъ поучительныя выписки изъ Пастыря Ермы. Страницы его сочиненія, разсуждающія о необходимости для разума ради собственнаго спасенія подчиниться вѣрѣ, его анализъ credo, quia absurdum Тертулліана, оцѣнка пари Паскаля, блестящи.

Любитъ авторъ обращатьея къ Св. Писанію и неоднократно даетъ тщательный филологическій анализъ понятій (любви, блаженства) нужныхъ для его изслѣдованія.

Часть сочиненія представлена авторомъ въ печатномъ видѣ, часть—въ видѣ рукописи.

О печатной части приходится пожалѣть, что она является на свѣтъ въ довольно искалѣченномъ видѣ. Опечатокъ въ ней безъ конца. Особенно пострадалъ греческій текстъ (см. напр. стр. 7) и математическія формулы. Корректоръ 43 страницы или уже черезъ-чуръ высокомѣрно относился къ алгебрѣ, или такъ сильно вѣрилъ въ ея могущество, что думалъ, что какъ ни переставлять алгебраическіе знаки, отъ этого не получится ущерба для истины. На стр. 148 корректоръ произвелъ слѣпца Дидима въ епископы. Но авторъ, конечно, постарается переиздать свой трудъ въ болѣе совершенномъ видѣ.

И по замыслу и выполненію сочиненіе автора принадлежитъ къ числу такихъ, которыя вызываютъ и должны вызывать много возраженій.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя.

Авторъ, который былъ уже математикомъ ранѣе, чѣмъ стать богословомъ, привлекаетъ въ своихъ разсужденіяхъ для выясненія религіозныхъ истинъ математическій матеріалъ. У насъ этотъ пріемъ совершенно новъ. На западѣ я могу назвать нѣкоторыхъ пользовавшихся имъ въ прямыхъ интересахъ Богословія. Таковы: Карбонель, Гутберлетъ, Изенкрахъ. Очень удачно для выясненія того, какъ несогласованное и повидимому противорѣчивое въ разсудкѣ находитъ себѣ истолкованіе въ сравнительно высшихъ обобщеніяхъ, г. Флоренскій привлекаетъ понятіе ирраціональности. Его взглядъ правиленъ, но его рѣчь неясна. У него какъ бы получается, что всякая сумма безконечнаго числа раціональныхъ элементовъ даетъ ирраціональный результатъ; но лучше чѣмъ кто-либо другой онъ знаетъ, что суммы безконечныхъ сходящихся рядовъ могутъ быть раціональными и ирраціональными. Нужно измѣнить немного выраженій, чтобы рѣчь автора стала ясною.

Пытаясь выяснить ученіе о равенствѣ лицъ Пресвят. Троицы, авторъ говоритъ: „въ абсолютномъ единствѣ Трехъ нѣтъ „порядка", нѣтъ послѣдовательности. Въ трехъ ѵпостасяхъ каждая—непосредственно рядомъ съ каждой, и отношеніе двухъ только можетъ быть опосредствовано третьей. Среди нихъ абсолютно немыслимо первенство. Но всякая четвертая ѵпостась вноситъ въ отношеніе къ себѣ первыхъ трехъ тотъ или иной порядокъ и, значитъ, собою ставитъ ѵпостаси въ неодинаковую дѣятельность въ отношеніи къ себѣ, какъ ѵпостаси четвертой. Отсюда видно, что съ четвертой ѵпостаси начинается сущность совершенно новая, тогда какъ первыя три были одного существа.—Другими словами, Троица можетъ быть безъ четвертой ѵпостаси, тогда какъ четвертая самостоятельности не можетъ имѣть. Таковъ общій смыслъ троичнаго числа" (стр. 32). Въ личной бесѣдѣ съ рецензентомъ авторъ въ защиту этого разсужденія сослался на книгу Couturat—Les principes des mathématiques. 1905. chapitre III. Но послѣдовательно развитое разсужденіе Кутюра обращается противъ нашего автора. На линіи между двумя элементами всегда равенство отношенія, на плоскости равенство отношеній, состоящее въ томъ, что каждый элементъ (точка) относится къ другимъ такъ, какъ каждый другой ко всѣмъ, возможно для трехъ точекъ (вершины пра-

вильнаго треугольника). Кутюре называетъ это круговымъ отношеніемъ. Но переходя отъ плоскости къ пространству, о чемъ уже не говоритъ Кутюре, мы получимъ 4 вершины правильнаго тетраэдра, взаимоотношеніе которыхъ тожественно. Идти далѣе значило бы перешагнуть черезъ устои Эвклидовой геометріи. Но достаточно и сказаннаго, чтобы видѣть, что падаетъ аргументъ автора. Равенство взаимоотношеній мы мыслимъ возможнымъ для четырехъ (но не болѣе), а не для трехъ только.

Въ своемъ разсужденіи авторъ много занимается вопросомъ о законѣ тожества, причемъ въ союзники себѣ привлекаетъ арх. Серапіона, рукописями котораго—сочиненія его не изданы—онъ пользовался. Въ разсужденіяхъ автора много цѣннаго. Но они были бы отчетливѣе и можетъ быть выиграли бы въ доказательности, если бы авторъ въ вопросѣ разграничилъ логическую и метафизическую точки зрѣнія. Авторъ въ своей критикѣ и оцѣнкѣ закона стоитъ на гераклитовско-гегелевской точкѣ зрѣнія. Но не одно и то же условное тожество въ мысли и дѣйствительное тожество въ бытіи. Первое есть conditio всѣхъ нашихъ разсужденій, вопросъ о второмъ доселѣ открывалъ поле для всевозможныхъ физическихъ, психологическихъ и метафизическихъ предположеній. Но нашъ авторъ, обычно говоря о логикѣ, на самомъ дѣлѣ разумѣетъ метафизику.

Не всегда аргументація автора является достаточно убѣдительной и онъ самъ сознаетъ это. Онъ говоритъ, что древніе молились Отцу, а теперь молятся Сыну, при чемъ самъ прибавляетъ, что онъ говоритъ почти о недоказуемомъ (91). Дѣйствительно тезисъ автора легко можно оспаривать.

Недостаточно аргументирована у автора суровая характеристика языческихъ религій (письмо восьмое).

Авторъ не даетъ литературы предмета. Это и невозможно, потому что путей ведущихъ къ Богу безконечное множество и каждый выбираетъ себѣ тотъ, который лично для него представляется наиболѣе удобнымъ. Но можетъ быть автору не мѣшало бы отмѣтить нѣкоторыхъ своихъ союзниковъ по тѣмъ или инымъ вопросамъ. (Кутюра, кн. С. Н. Трубецкого по вопросу о языческихъ религіяхъ, Эрна — по вопросу о Пастырѣ Эрма. Живая жизнь. № 1. 1907).

Сочиненіе автора нуждается въ развитіи, въ обоснованіи

многихъ положеній, въ измѣненіи деталей, но то, что авторъ уже сдѣлалъ, является въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ православную богословскую литературу.

Для полученія ученой богословской степени сочиненіе вполнѣ удовлетворительно".

44) Исправляющаго должность доцента Евгенія Воронцова о сочиненіи студента *Хакима Александра* на тему: „Безкровныя жертвы въ ветхозавѣтномъ культѣ":

„Сочиненіе г. Хакима представляется въ слѣдующемъ видѣ: сначала авторъ говоритъ о значеніи культа вообще и жертвъ въ частности и оттѣняетъ то положеніе, какое занимаютъ безкровныя жертвы среди обыденныхъ кровавыхъ жертвъ: потомъ онъ частнѣе обозрѣваетъ виды ветхозавѣтныхъ безкровныхъ жертвъ, причемъ говоритъ 1) о минхѣ, какъ жертвѣ, замѣщающей кровавую, 2) о минхѣ и несехъ, какъ жертвахъ, дополняющихъ кровавую, и 3) о минхѣ въ особыхъ формахъ, подъ каковыми онъ разумѣетъ снопъ, приносившійся во второй день праздника Пасхи (омеръ), хлѣбы, приносившіеся въ Пятидесятницу (шетэ галлехемъ) и хлѣбы предложенія (лехемъ гаппанимъ). Въ небольшомъ заключительномъ отдѣлѣ сочиненія г. Хакимъ приводитъ ветхозавѣтную библейскую терминологію касательно безкровныхъ жертвъ, отличая жертвы общественныя и частныя, обязательныя и добровольныя. Источниками для автора служили Библейскія книги и особенно комментирующій и иллюстрирующій соотвѣтственныя мѣста книги Левитъ талмудическій трактатъ Менахотъ (въ мишнѣ и тосефтѣ). Главный интересъ при изслѣдованіи положенія безкровныхъ жертвъ въ системѣ ветхозавѣтнаго ритуала возбуждаетъ вопросъ, существовали ли безкровныя жертвы при скиніи и храмѣ въ качествѣ самостоятельной жертвы (внѣ тенденціи компенсировать кровавую жертву). Г. Хакимъ, какъ видно изъ ранѣе приведеннаго обзора содержанія его работы, признаетъ самостоятельный характеръ за извѣстными видами безкровныхъ жертвъ, но внѣ жертвы ревнованія (минхатъ кенаотъ) онъ даетъ обоснованіе этой проблемы конспективно и даже фрагментарно; вообще трудъ г. Хакима представляетъ большую цѣнность въ описаніи ритуала, чѣмъ въ изслѣдованіи его генезиса, напримѣръ, относительно азкары. Описаніе ви-

довъ минхи и возліянія столь полно, равно начертаніе обрядности жертвоприношенія во всей ея пышной казуистикѣ столь детально, что рецензентъ не находитъ ничего прибавить по существу дѣла къ написанному г. Хакимомъ, а принимая во вниманіе, что ему пришлось затратить время на ознакомленіе съ талмудическою терминологіею (галахическимъ методомъ), и что онъ по характеру своей работы освѣтилъ для себя важнѣйшія стороны библейской археологической дисциплины, именно область древне - еврейскаго культа, должно признать автора разсмотрѣнной нами монографіи достойнымъ кандидатской степени. Съ формальной стороны можно было бы только указать на нѣкоторую повторяемость въ сочиненіи и вообще на несовсѣмъ удачную расгруппировку матеріала, но это—погрѣшность второстепенная".

45) Исправляющаго должность доцента священника Димитрія Рождественскаго о сочиненіи студента *священника Шеметилло Николая* на тему; „Митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, какъ проповѣдникъ":

„Высокопреосвященный Іосифъ Сѣмашко оставилъ слишкомъ незначительное количество проповѣдническихъ трудовъ; не велико и сочиненіе о. Шеметилло (270 стр. разгонистаго письма); но тѣмъ выше качество его труда. Своему изслѣдованію онъ предпосылаетъ краткій, но обстоятельный обзоръ содержанія. Выработанному имъ плану онъ остается вѣренъ на всемъ протяженіи сочиненія; а потому у него нѣтъ повтореній, ненужныхъ подробностей, непослѣдовательности и противорѣчій. Въ сочиненіи затронуты всѣ вопросы, имѣющіе отношеніе къ предмету темы.

Послѣ введенія, слѣдующаго за обзоромъ содержанія, въ гл. I изложена краткая исторія Литвы въ религіозно-церковномъ отношеніи и біографія м. Іосифа, съ характеристикою его личности. При чтеніи этой главы, нельзя не замѣтить, что авторъ никогда не упускалъ изъ виду требованій своей темы и не уклонялся въ сторону. Переходя, во II главѣ, къ проповѣднической дѣятельности Іосифа, онъ перечисляетъ его проповѣдническіе труды и излагаетъ причины малаго ихъ количества. Въ III главѣ дается общее содержаніе его проповѣдей, и онъ обрисовывается здѣсь, главнымъ образомъ, какъ политикъ и полемистъ. Въ гл. IV о. Шеметилло гово-

ритъ о внѣшней сторонѣ проповѣдей названнаго архипастыря, о требованіяхъ латино-польской гомилетики, о стилѣ, планѣ, размѣрахъ проповѣдей и объ ихъ подлинности. По мнѣнію автора, проповѣди Іосифа слѣдуетъ отнести къ категоріи „словъ". Гл. V трактуетъ о гомилетической теоріи Іосифа, о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми сложились его взгляды на проповѣдничество, объ оригинальности его проповѣдей. Далѣе говорится о значеніи Іосифа, какъ проповѣдника вообще и въ частности—о значеніи его проповѣдничества для Литовскаго края: онъ названъ отцомъ новой проповѣди въ Литвѣ.—Въ приложеніи авторъ даетъ переводъ съ польскаго двухъ проповѣдей Іосифа Сѣмашки.

Въ сжато изложенномъ сочиненіи о. Шеметилло личность м. Іосифа, какъ проповѣдника и дѣятеля по возсоединенію уніатовъ, обрисована очень ярко; его проповѣдничество поставлено въ тѣсную связь съ его общественно-политическою дѣятельностью. Литература вопроса изучена въ достаточной мѣрѣ. Авторъ цитуетъ Записки м. Іосифа, сочиненія Костомарова, Кояловича, Жуковича, Рункевича, Извѣкова, Кипріановича, Chodani (Teologia pasterska) и мн. друг.; нерѣдко обращается и къ періодическимъ изданіямъ.

Шероховатости въ изложеніи, неудобныя и неправильныя выраженія есть (стр. 17, 33, 56, 66, 78, 133, 175 и др.); но въ общемъ ихъ немного и они не портятъ общаго впечатлѣнія. Встрѣчаются иногда несовсѣмъ основательныя разсужденія, не съ достаточною послѣдовательностью доказанныя положенія, возбуждающія сомнѣніе замѣчанія (стр. 85, 94, 95 196 и немн. др.). Въ переводахъ съ польскаго по мѣстамъ удержана конструкція подлинника.

Сочиненіе о. Шеметилло можетъ служить примѣромъ того, какъ и въ непоражающемъ своими размѣрами кандидатскомъ сочиненіи можно исчерпать вполнѣ данную тему и съ успѣхомъ выполнить свою задачу. Авторъ вполнѣ достоинъ степени кандидата".

г) Прошенія, съ приложеніемъ медицинскихъ свидѣтельствъ, студентовъ IV курса: *Бѣликова* Василія, *Дубенскаго* Александра, *свящ. Козлова* Іоанна, *Ланге* Филиппа, *свящ. Ремизова* Николая, *Троицкаго* Петра, *Успенскаго* Василія и *Хадзарагова* Петра—о разрѣшеніи имъ, по болѣзни, сдать устныя испы-

танія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій: *а §) 132*: „По окончаніи испытаній, на каждомъ курсѣ составляется Совѣтомъ списокъ студентовъ по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списка на четвертомъ курсѣ принимаются во вниманіе успѣхи студентовъ за все время академическаго образованія.—*б)* § *135*: „При окончаніи полнаго академическаго курса студенты академій удостоиваются степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента".—*в) § 136*: „Студенты академіи, оказавшіе за весь четырехлѣтній курсъ отличные успѣхи и представившіе сочиненіе, признанное Совѣтомъ удовлетворительнымъ для степени магистра, утверждаются въ степени кандидата, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, но удостоиваются этой послѣдней степени не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквіумѣ).—*г)* § *137*: „Студенты, оказавшіе въ теченіи четырехлѣтняго курса очень хорошіе и хорошіе успѣхи и представившіе при окончаніи курса удовлетворительное для степени кандидата сочиненіе, утверждаются въ этой степени. Но для полученія степени магистра, они должны выдержать новое устное испытаніе по тѣмъ предметамъ, по коимъ не оказали успѣховъ, соотвѣтствующихъ сей степени, и представить новое сочиненіе.—*д)* § *138*: Студенты, оказавшіе въ теченіи академическаго курса посредственные успѣхи и не представившіе сочиненія на степень кандидата или представившіе сочиненіе неудовлетворительное для сей степени, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента".—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата" отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—3) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ $\frac{8 \text{ марта}}{11 \text{ апрѣля}}$ 1892 года за № 590 предписано Совѣтамъ Академій, чтобы они не позже 15 іюля доставляли въ Святѣйшій Синодъ свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ студентахъ, имѣющихъ священный санъ, а въ Учебный Комитетъ сообщали списки всѣхъ прочихъ студен-

товъ какъ казеннокоштныхъ, такъ и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявятъ желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ означеніемъ въ томъ и другомъ случаѣ: а) мѣста ихъ происхожденія; б) отмѣтокъ объ ихъ успѣхахъ и поведеніи; в) требуемыхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ $\frac{25}{27}$ апрѣля 1884 года и $\frac{27\ \text{января}}{17\ \text{февраля}}$ 1888 года свѣдѣній о томъ, кто изъ нихъ на какую учительскую каѳедру или должность въ семинаріяхъ и училищахъ признается болѣе способнымъ, а относительно тѣхъ, которые не имѣютъ полнаго балла по поведенію, свѣдѣній, на основаніи инспекторскихъ записей, о качествѣ совершенныхъ ими во время пребыванія въ Академіи проступковъ.—4) Циркулярнымъ указомъ отъ 8 апрѣля 1904 года за № 3 Святѣйшій Синодъ, признавая полезнымъ сосредоточить въ Учебномъ Комитетѣ при Святѣйшемъ Синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами по распредѣленію окончившихъ курсъ въ духовныхъ академіяхъ на должности въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ и по увольненію ихъ изъ сего вѣдомства, также и дѣла по храненію всѣхъ документовъ академическихъ воспитанниковъ и по наблюденію за взысканіями съ сихъ воспитанниковъ долга духовному вѣдомству,—въ отмѣну дѣйствовавшихъ на сей предметъ по духовно-учебному вѣдомству распоряженій,—установилъ на будущее время слѣдующія правила: „1) Окончившіе курсъ воспитанники духовныхъ академій, обучавшіеся въ академіи и семинаріи, или хотя бы въ одной изъ нихъ на казенномъ содержаніи, а равно воспитанники, обучавшіеся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ на своемъ содержаніи, но, по окончаніи академическаго курса, заявившіе о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, поступаютъ въ вѣдѣніе Центральнаго Управленія сего вѣдомства.— 2) Начальства духовныхъ академій выдаютъ таковымъ воспитанникамъ только временные виды на жительство или билеты на проѣздъ, но отнюдь не удостовѣрительныя свидѣтельства объ окончаніи ими академическаго курса, а также прогонныя деньги до мѣста ихъ родины; дипломы же на степень кандидата богословія и аттестаты на званіе дѣйствительнаго студента, съ обозначеніемъ въ нихъ обязательствъ служебныхъ и денежныхъ, документы о родопроисхожденіи и др., а также взятые у нихъ точные адреса ихъ мѣстожительства, — препровождаются Совѣтами академій:

вмѣстѣ со списками, по установленнымъ формамъ, въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, гдѣ они и хранятся впредь до опредѣленія воспитанниковъ на службу; о всякой перемѣнѣ своего мѣстожительства означенные воспитанники немедленно доносятъ Учебному Комитету".—5) Изъ оканчивающихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ Академіи не пользовались казеннымъ содержаніемъ ни въ Семинаріи, ни въ Академіи: *Любимовъ* Николай, *Флоренскій* Павелъ, *Воскресенскій* Андрей, *Дьяконовъ* Дмитрій, *Прытковъ* Сергѣй и *Смирновъ* Леонидъ.—Изъ нихъ первые двое заявили о своемъ желаніи служить по духовно-учебному вѣдомству, остальные четверо пожелали получить документы на руки.—6) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20 мая—3 іюня—15 іюня 1905 года за № 2809 постановлено: „въ виду того, что допущеніе иностранныхъ уроженцевъ на духовно-учебную службу въ предѣлахъ Россіи зависитъ отъ усмотрѣнія Святѣйшаго Синода, въ выдаваемыхъ академическимъ воспитанникамъ изъ таковыхъ уроженцевъ дипломахъ и аттестатахъ, если ими не принята присяга на русское подданство, не должно быть обозначаемо ихъ право быть преподавателями въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ; вслѣдствіе чего академическимъ начальствамъ надлежитъ выдавать иностраннымъ уроженцамъ дипломы и аттестаты по особой соотвѣтственно сему изготовленной формѣ".—7) Окончившій нынѣ курсъ палестинскій уроженецъ *Александръ Хакимъ* присяги на русское подданство не принималъ.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ:

1) Флоренскаго Павла,
Нечаева (Косташъ) Петра,
Голощапова Сергѣя,
Свящ. Салагора Павла,
5) Волосевича Михаила,
Махаева Николая,
Назаркевича Поліевкта,
Бѣляева Бориса,
Бѣлоусова Евгенія,
10) Смирнова Николая,
Соболева Христофора,

Соколова Владиміра,
Мякшина Григорія,
Борисова Пантелеимона и
15) Русинова Виталія—
утвердить въ степени *кандидата богословія* съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія;
16) Успенскаго Александра,
Лисицына Вячеслава,
Беневоленскаго Ивана,
Магнитскаго Ивана,
20) Владимірскаго Сергѣя,
Добросердова Александра,
Трембовецкаго Владиміра,
Свящ. Шеметилло Николая,
Авраменко Ивана,
25) Крылова Павла,
Обновленскаго Ивана,
Свящ. Миртова Іоанна,
Смирнова Михаила,
Пескова Бориса,
30) Троицкаго Аркадія,
Бурмакина Николая,
Добролюбова Петра,
Гусева Сергѣя,
Свящ. Совѣтова Алексія,
35) Дьяконова Дмитрія,
Любимова Николая,
Стеблева Бориса,
Воскресенскаго Андрея,
Миролюбова Георгія,
40) Боголѣпова Николая,
Будрина Петра,
Преображенскаго Ивана и
43) Хакима Александра, палест. урож.,—
утвердить въ степени *кандидата богословія* съ правомъ на полученіе степени магистра по исполненіи требованій, означенныхъ въ § 137 академическаго устава;
44) Бабакова Николая,
45) Витальскаго Александра,

Нарскаго Бориса,
Прыткова Сергѣя,
Смирнова Леонида,
Соколова Виталія и
50) Масюкова Иннокентія—

утвердить въ званіи *дѣйствительнаго студента* Академіи, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія: Бабакову, Витальскому, Нарскому, Прыткову, Смирнову и Соколову—по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій, а Масюкову—по сдачѣ новаго устнаго испытанія по нравственному богословію.

2) Объ окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанникахъ, имѣющихъ священный санъ, доставить, установленнымъ порядкомъ, Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требуемыя Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ $\frac{3 \text{ марта}}{11 \text{ апрѣля}}$ 1892 года за № 590.—Таковыя же свѣдѣнія о прочихъ воспитанникахъ сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

3) По изготовленіи дипломовъ на степень кандидата богословія и аттестатовъ на званіе дѣйствительнаго студента препроводить въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ всѣ документы казеннокоштныхъ воспитанниковъ, а равно и тѣхъ изъ своекоштныхъ, которые изъявили желаніе служить по духовно-учебному вѣдомству, съ приложеніемъ списка оставленныхъ студентами при выбытіи изъ Академіи адресовъ ихъ будущаго мѣстожительства.

4) Палестинскому уроженцу Александру *Хакиму* изготовленный по особой формѣ кандидатскій дипломъ и прочіе документы выдать на руки подъ собственноручную росписку.

5) Выдать также на руки, подъ собственноручныя росписки, документы кандидатамъ богословія *Воскресенскому* Андрею и *Дьяконову* Дмитрію и дѣйствительнымъ студентамъ *Прыткову* Сергѣю и *Смирнову* Леониду, не изъявившимъ желанія служить по духовно-учебному вѣдомству.

6) Студентамъ IV курса: *Бѣликову* Василію, *Дубенскому* Александру, *свящ. Козлову* Іоанну, *Ланге* Филиппу, *свящ. Ремизову* Николаю, *Троицкому* Петру, *Успенскому* Василію и *Хадзарагову* Петру—разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года, послѣ чего и имѣть сужденіе объ удостоеніи ихъ ученой степени или званія.

VI. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Долгомъ считаю предложить Совѣту Академіи избрать кого-либо изъ нынѣ окончившихъ академическій курсъ студентовъ для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каѳедръ въ Академіи“.

Справка: 1) § 54 устава духовныхъ академій: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе.* Лица сіи получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей въ годъ на каждаго“.— 2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „оставленіе при Академіи окончившихъ курсъ студентовъ, для приготовленія къ занятію преподавательскихъ каѳедръ въ оной, и назначеніе имъ содержанія“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Оставить для приготовленія въ будущемъ учебномъ году къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каѳедръ въ Академіи окончившихъ нынѣ академическій курсъ воспитанниковъ Петра *Нечаева* и Сергѣя *Голощапова,* съ производствомъ имъ, съ 16 августа текущаго года, содержанія по 700 рублей каждому, за вычетомъ 3% на пенсіи.

На семъ журналѣ, резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюля 4. Смотрѣно“.

11 іюня 1908 года.

№ 8.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ.

экстраординарные профессоры—Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. П. Покровскій. — Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: 1. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что на запросъ его въ С.-Петербургъ относительно положенія дѣла по возбужденному имъ ходатайству о разрѣшеніи заграничнаго отпуска, отъ Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Сенатора А. П. Роговича, послѣдовала на его имя телеграмма, отъ 11 сего іюня за № 96314, слѣдующаго содержанія: „Высочайшее соизволеніе Вамъ на заграничный отпускъ послѣдовало; указъ Митрополиту высылается сегодня".

Справка: 1) Во время составленія настоящаго журнала Его Высокопреосвященствомъ сданъ былъ съ надписью: „1908 г. Іюня 13. Въ Правленіе Московской Дух. Академіи"— указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода, отъ 11 іюня за № 6896, слѣдующаго содержанія:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Товарища Оберъ-Прокурора, отъ 7 сего іюня за № 4833, коимъ объявляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Оберъ-Прокурора, въ 6 день текущаго іюня, Высочайше соизволилъ на разрѣшеніе ректору Московской духовной академіи Преосвященному Волоколамскому Евдокиму отпуска на два мѣсяца, съ 15 іюня по 15 августа сего года, для посѣщенія съ нѣкоторыми изъ профессоровъ и студентовъ академіи, съ религіозно - научною цѣлью, Стараго Аѳона, Баръ-Града и Рима. Приказали: О таковомъ Высочайшемъ соизволеніи, для свѣдѣнія и объявленія Епископу Евдокиму, послать указъ Вашему Преосвященству".

2) Устава духовныхъ академій: *а*) §§ *33:* „Инспекторъ, въ случаѣ болѣзни или отсутствія ректора академіи, исправляетъ его должность"; *б*) § *39* (въ новой редакціи, установленной опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058): „Въ случаѣ болѣзни или отсутствія инспектора, исполненіе его обязанностей возлагается Совѣ-

томъ на одного изъ членовъ, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго".

Опредѣлили: 1) Въ виду вступленія Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шостьина*, по выбытіи Преосвященнаго Ректора Академіи въ заграничный отпускъ, въ исправленіе должности ректора академіи,—исполненіе инспекторскихъ обязанностей возложить на ординарнаго профессора Академіи *М. М. Тарѣева*.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. Отношеніе Правленія Рязанской духовной семинаріи отъ 25 апрѣля за № 1177:

„Согласно журнальному опредѣленію своему отъ 31 марта—3 апрѣля сего года, утвержденному Его Преосвященствомъ, Правленіе Семинаріи имѣетъ честь сообщить Совѣту Академіи, въ отвѣтъ на отношеніе отъ 28 минувшаго марта за № 153, что къ перемѣщенію помощника Инспектора Семинаріи Николая *Шафранова* на службу въ Московскую Духовную Академію препятствій со стороны Семинарскаго Правленія не встрѣчается.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Правленіе Семинаріи имѣетъ честь препроводить въ Совѣтъ Академіи копію формулярнаго списка о службѣ г. Шафранова".

Справка: 1) Помощникъ инспектора Рязанской духовной семинаріи, кандидатъ Академіи выпуска 1905 года, Николай *Шафрановъ* Совѣтомъ Московской Духовной Академіи въ собраніи 6 марта сего 1908 года, согласно его прошенію, единогласно избранъ былъ, съ 16-го августа 1908 года, на вакантную должность помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи.—2) По § 81 лит. *б*. п. 4 устава духовныхъ академій избраніе кандидатовъ на должность помощника секретаря значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи помощника инспектора Рязанской духовной семинаріи, кандидата богословія, Николая Шафранова, съ 16-го августа сего 1908 года, въ должности помощника секретаря Совѣта и Правленія Академіи.

На семъ „журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. „Іюня 27. Смотрѣно".

II іюня 1908 года.

№ 9.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры—Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій. Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Іюня 7. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4-го іюня за № 6653:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 12 минувшаго Мая за № 190, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о продленіи исправляющимъ должность доцентовъ въ сей академіи Ѳеодору *Россейкину* и священнику Димитрію *Рождественскому* на одинъ годъ срока для полученія степени магистра богословія. И, по справкѣ, приказали: Принимая во вниманіе, что исправляющіе должность доцентовъ въ Московской духовной академіи Ѳеодоръ Россейкинъ съ 17 сентября 1906 года и священникъ Димитрій Рождественскій съ 10 февраля 1907 года затрудняются въ положенный по § 55 академическаго устава срокъ представить сочиненія для соисканія степени магистра богословія, Святѣйшій Синодъ, согласно вышеизъясненному представленію и руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 г., опредѣляетъ: продлить Россейкину и Рождественскому срокъ для полученія означенной ученой степени на одинъ годъ, а именно—пер-

твому до 17 сентября 1909 г., и второму до 10 февраля 1910 г., о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Содержаніе указа Святѣйшаго Синода объявить исправляющимъ должность доцента Академіи—священнику Д. В. Рождественскому и Ѳ. М. Россейкину.

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи 24 апрѣля, № 5: „1908 г. Мая 12. Читано и принято къ свѣдѣнію".

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.

III. Отчетъ экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ психологіи *П. П. Соколова*—о научныхъ занятіяхъ заграницей въ теченіи 1906—1907 учебнаго года:

„Испрашивая заграничную командировку, я имѣлъ въ виду двоякую цѣль. Съ одной стороны, мнѣ нужно было заняться въ заграничныхъ библіотекахъ, чтобы дополнить имѣвшійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ по нѣкоторымъ интересовавшимъ меня научнымъ вопросамъ; съ другой — я хотѣлъ познакомиться съ современной постановкой преподаванія экспериментальной психологіи въ германскихъ и французскихъ университетахъ. Первая цѣль не выходила за предѣлы моихъ личныхъ научныхъ интересовъ. Ближайшимъ образомъ она стояла въ связи съ предпринятой мною работой о зрительныхъ схемахъ. Такъ какъ эта работа вскорѣ появится въ печати, то здѣсь о ней достаточно только упомянуть. Вторая цѣль была непосредственно связана съ интересами академическаго преподаванія. Изучая новѣйшіе методы преподаванія психологіи заграницей, я имѣлъ въ виду примѣнить ихъ, насколько это возможно и нужно, въ своей собственной преподавательской практикѣ. На этой именно сторонѣ своей задачи я и позволю себѣ остановиться.

Экспериментальная психологія преподается въ Германіи и Франціи такъ же различно, какъ и изслѣдуется. Въ Германіи она основывается преимущественно на лабораторномъ изслѣдованіи нормальныхъ душевныхъ состояній при помощи психофизическихъ, психофизіологическихъ и чисто психологическихъ методовъ. Поэтому и ея преподаваніе здѣсь сосредоточивается не столько въ аудиторіяхъ, сколько

въ лабораторіяхъ. Въ университетскихъ аудиторіяхъ обыкновенно читаются только общіе курсы пропедевтическаго характера.

Такъ какъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ психологія не проходится, то такіе курсы имѣютъ въ большинствѣ случаевъ элементарный характеръ. Но само собою разумѣется, что въ нихъ отражаются и индивидуальность профессора, и его преобладающіе научные интересы. Въ общемъ характеръ этихъ курсовъ опредѣляется въ зависимости отъ того, что выдвигается въ профессорѣ на передній планъ,—преподаватель или изслѣдователь. Въ первомъ случаѣ курсъ можетъ быть превосходенъ по своему изложенію, но мало интересенъ по содержанію; во второмъ—онъ можетъ быть болѣе своеобразенъ и цѣненъ по содержанію, но лишенъ необходимыхъ педагогическихъ качествъ по изложенію. Типичными образчиками курсовъ того и другого рода могутъ служить общіе курсы психологіи Штумпфа въ Берлинѣ и Мюллера въ Геттингенѣ. Курсъ Штумпфа построенъ по плану, который кажется мнѣ наиболѣе цѣлесообразнымъ и котораго я самъ давно держусь въ своемъ преподаваніи. Онъ состоитъ изъ методологическаго введенія и двухъ частей—спеціальной и общей: первая посвящается изученію психическихъ фактовъ и законовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вторая—изслѣдованію вопросовъ, стоящихъ на границѣ психологіи и метафизики. Изложеніе курса отличается большою послѣдовательностью, простотою и ясностью. Притомъ оно соединено съ наглядными демонстраціями и опытами при помощи таблицъ и аппаратовъ, нарочно доставляемыхъ для этой цѣли въ аудиторію. Словомъ, для начинающихъ курсъ Штумпфа незамѣнимъ. Но онъ настолько элементаренъ, что человѣкъ, до извѣстной степени знакомый съ психологіей, едва ли могъ бы изъ него чему-нибудь научиться. Гораздо свѣжѣе и интереснѣе курсъ Геттингенскаго психолога Мюллера. Мюллеръ неустанно работаетъ и приноситъ результаты своихъ работъ въ аудиторію. Равнымъ образомъ, онъ слѣдитъ и за тѣмъ, что дѣлаютъ другіе, притомъ не только въ Германіи, а отчасти и заграницей (что съ нѣмецкими философами бываетъ не часто). Но именно эти цѣнныя качества разсматриваемаго курса становятся источниками же и его недостатковъ. Такъ какъ Мюллеръ стремится

опираться главнымъ образомъ на результаты своей собственной лабораторіи, то онъ естественно даетъ имъ въ лекціяхъ преобладающее мѣсто. Вслѣдствіе этого равновѣсіе курса нарушается и получаются чрезвычайно важные пробѣлы. Между тѣмъ какъ ученіе о памяти, составляющее главный предметъ изслѣдованій Мюллера и его учениковъ, занимаетъ у него подъ различными рубриками чуть не половину лекцій, въ его курсѣ нѣтъ ни отдѣла о нервной системѣ, ни отдѣловъ о высшихъ формахъ психическаго синтеза: о личности, характерѣ, сознаніи и безсознательныхъ переживаніяхъ. Получается такимъ образомъ странное зданіе безъ фундамента и крыши. Въ общемъ, подобный курсъ не лишенъ пожалуй нѣкотораго интереса для спеціалиста, но едва-ли вполнѣ пригоденъ для начинающихъ.

Какъ я сказалъ, центръ тяжести преподаванія психологіи въ Германіи все болѣе и болѣе передвигается изъ аудиторій въ спеціальныя психологическія лабораторіи или, какъ называются наиболѣе значительныя изъ нихъ, психологическіе институты. Такого рода учрежденія существуютъ въ настоящее время уже почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, но особеннаго вниманія изъ нихъ заслуживаютъ четыре: въ Лейпцигѣ, Берлинѣ, Геттингенѣ и Вюрцбургѣ. Лейпцигскій институтъ Вундта является старѣйшею и лучшею изъ всѣхъ существующихъ психологическихъ лабораторій. Основанный еще въ 1879 году, онъ уже давно пріобрѣлъ всемірную извѣстность и послужилъ образцомъ для всѣхъ другихъ подобныхъ учрежденій. Въ настоящее время этотъ институтъ занимаетъ обширное помѣщеніе въ 13 комнатъ, имѣетъ прекрасную библіотеку и располагаетъ такими богатыми научными средствами, какія можно найти еще развѣ только въ нѣкоторыхъ американскихъ университетахъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы его внутренняя дѣятельность вполнѣ соотвѣтствовала этимъ внѣшнимъ средствамъ. Самъ Вундтъ уже давно не работаетъ по экспериментальной психологіи, а его молодые ассистенты, на которыхъ фактически лежитъ все завѣдываніе институтомъ, конечно не могутъ замѣнить его. Занимающихся въ Лейпцигскомъ институтѣ и до сихъ поръ гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; но по недостатку надлежащаго руководства они иногда бываютъ предоставлены самимъ себѣ, и это,

разумѣется, неблагопріятно отражается на точности и внутренней цѣнности ихъ работъ. Геттингенскій институтъ проф. Эліаса Мюллера является въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположностью Лейпцигскому. Онъ не имѣетъ ни такого роскошнаго помѣщенія, ни такихъ обширныхъ научныхъ средствъ, какъ тамъ. Помѣщеніемъ ему служитъ старое, тѣсное и грязноватое университетское зданіе XVIII вѣка. Его годовой бюджетъ, если не считать жалованья ассистенту, единовременныхъ правительственныхъ субсидій, да незначительной платы за занятія, ограничивается ничтожною суммой въ 750 марокъ. Его библіотека состоитъ почти изъ однихъ журналовъ и необходимыхъ справочныхъ пособій. Аппаратами институтъ снабженъ очень хорошо по оптикѣ, по психофизикѣ, по изученію „чувства времени" и по изслѣдованію памяти, включая сюда всѣ вспомогательные хронометрическіе и реакціонные инструменты; по отдѣлъ по психологической графикѣ недостаточно полонъ, а по акустикѣ совсѣмъ нѣтъ ничего. Число занимающихся въ Геттингенскомъ институтѣ незначительно и количество выпущенныхъ имъ работъ не велико. Но какъ разъ эти именно работы отличаются особенными достоинствами: по точности метода и по цѣнности результатовъ онѣ представляютъ собою лучшее изъ всего, что появлялось въ этомъ отношеніи въ Германіи за послѣднія 15 лѣтъ. Профессоръ Мюллеръ конечно не обладаетъ такимъ глубокимъ философскимъ умомъ, какъ Вундтъ, и, можетъ быть, не возбуждаетъ особенныхъ симпатій по своему характеру; но слѣдуетъ отдать ему полную справедливость въ томъ, что онъ чрезвычайно точный работникъ и превосходный руководитель. Поэтому Геттингенскій институтъ въ настоящее время все болѣе и болѣе становится центромъ научной разработки психологіи въ Германіи, постепенно занимая то мѣсто, какое до сихъ поръ принадлежало Лейпцигскому. Берлинскій психологическій институтъ профессора Штумпфа [1]) имѣетъ не со-

---

1) Кромѣ института Штумпфа, въ Берлинѣ существуютъ еще двѣ психологическихъ лабораторіи,—у физіолога Нагеля и у психіатра Ціена. Первая (во главѣ которой стоялъ ранѣе покойный Артуръ Кенигъ) занимается преимущественно изслѣдованіемъ проблемъ психофизіологической оптики; вторая находится еще in statu nascendi и служитъ пока лишь для демонстраціонныхъ цѣлей.

всѣмъ удовлетворительное помѣщеніе, но обладаетъ всѣми необходимыми научными средствами. У него прекрасная библіотека и превосходные аппараты по всѣмъ отдѣламъ психологіи. Особенно богатъ здѣсь отдѣлъ акустики, въ которой Штумпфъ въ настоящее время справедливо считается первымъ авторитетомъ въ Европѣ. Работы института посвящены преимущественно акустикѣ. Вюрцбургскій психологическій институтъ профессора Кюльпе является самымъ молодымъ изъ четырехъ названныхъ учрежденій. Основанный лѣтъ семь тому назадъ на частное пожертвованіе, онъ въ настоящее время обладаетъ и значительными матеріальными средствами, и вполнѣ достаточнымъ количествомъ научныхъ пособій и аппаратовъ. Его научная дѣятельность, конечно, еще не успѣла широко развиться, но тѣ немногія работы, которыя изъ него вышли, отличаются выдающимися качествами. Изъ этихъ четырехъ психологическихъ институтовъ я особенно близко познакомился въ теченіе настоящей командировки съ Берлинскимъ и Геттингенскимъ. Лейпцигскій институтъ извѣстенъ мнѣ еще съ 1889 года, когда я занимался тамъ въ теченіе лѣтняго семестра. Поэтому въ настоящую поѣздку я ограничился лишь тѣмъ, что еще разъ осмотрѣлъ его да навѣстилъ его маститаго директора. Относительно Вюрцбургскаго института мнѣ также пришлось ограничиться лишь короткимъ осмотромъ. Но въ Берлинѣ и Геттингенѣ я пробылъ всю осень и зиму $190^6/_7$ учебнаго года.

Учебныя занятія въ нѣмецкихъ психологическихъ институтахъ поставлены слѣдующимъ образомъ. Обыкновенно студентъ проходитъ здѣсь три послѣдующихъ стадіи: сначала онъ слушаетъ вступительный курсъ по экспериментальной психологіи (Einführungscursus), затѣмъ принимаетъ участіе въ чьей-нибудь работѣ въ качествѣ экспериментируемаго лица (Versuchsperson) и, наконецъ, получаетъ самостоятельную работу. Вступительный курсъ, обыкновенно читаемый ассистентомъ, имѣетъ практическій характеръ. Слушатели здѣсь не только знакомятся съ основными проблемами и методами экспериментальной психологіи, но и непосредственно участвуютъ въ опытахъ, пріобрѣтая первоначальное умѣнье обращаться съ аппаратами и усваивая экспериментальную технику. Такіе вступительные курсы, читаемые всюду, кромѣ

Геттингена, гдѣ они почему-то признаются ненужными (а вѣрнѣе оказываются по нѣкоторымъ причинамъ неосуществимыми), посѣщаются очень усердно. Тѣ изъ слушателей психологическихъ институтовъ, которые не имѣютъ намѣренія посвятить себя исключительно психологіи, обыкновенно и ограничиваются только этими курсами. Другіе проходятъ вторую изъ названныхъ стадій, т. е. принимаютъ участіе въ разработкѣ какой-нибудь спеціальной проблемы въ качествѣ экспериментируемыхъ лицъ. Это участіе является полезнымъ въ двоякомъ отношеніи: институту оно даетъ готовый экспериментальный матеріалъ, а самому студенту доставляетъ возможность ближе познакомиться съ извѣстной проблемой и со способами ея экспериментальной разработки. Поэтому въ нѣкоторыхъ институтахъ, напр. въ Геттингенскомъ, оно считается даже обязательнымъ для всѣхъ ихъ членовъ. Наконецъ, когда учащійся въ достаточной мѣрѣ познакомится съ экспериментальной психологіей, ему дается самостоятельная работа. Тема для такой работы обыкновенно указывается профессоромъ и выбирается изъ круга тѣхъ вопросовъ, изученіемъ которыхъ преимущественно занимается данный институтъ; но въ разработкѣ ея студенту предоставляется большая свобода. Онъ самъ составляетъ ея планъ, устанавливаетъ методъ, приспособляетъ аппараты, подбираетъ сотрудниковъ и обработываетъ полученныя данныя. Профессору или ассистенту принадлежитъ въ большинствѣ случаевъ лишь общее руководство и контроль. Если работа удачна, то она обыкновенно печатается и служитъ докторскою диссертаціей.

Этотъ общій планъ институтскихъ занятій дополняется различными вспомогательными курсами и теоретическими семинаріями. Курсы бываютъ двоякаго рода: элементарные и спеціальные. Къ первымъ принадлежатъ, напр., очень полезные курсы, читаемые въ Берлинскомъ психологическомъ институтѣ физіологомъ Шеферомъ: „Анатомическія и физіологическія основы психологіи“ и „Ученіе о звуковыхъ ощущеніяхъ“. Примѣромъ спеціальныхъ курсовъ могутъ служить курсы Мюллера въ Геттингенѣ: „О психофизической методикѣ“, „О памяти“, „О цвѣтовыхъ ощущеніяхъ“ и „О чувствѣ времени“. Цѣнность и интересъ такихъ спеціальныхъ курсовъ бываютъ, конечно, не одинаковы. Наприм., въ зимнемъ семестрѣ

прошлаго учебнаго года Мюллеръ читалъ первый изъ четырехъ названныхъ курсовъ, „О психофизической методикѣ“, и этотъ курсъ возбуждалъ полное недоумѣніе: онъ представлялъ собой простой пересказъ вышедшей три года тому назадъ книги Мюллера: „Die Gesichtspunkte und die Tatsachen der psychophysishen Methodik“, безъ всякихъ существенныхъ измѣненій, безъ добавленія чего-либо существенно новаго, даже безъ упоминанія о критикѣ Ламана, къ которою Мюллеру слѣдовало бы серьезно считаться. Теоретическіе семинаріи обычно состоятъ въ докладахъ на различныя темы и въ обсужденіи этихъ докладовъ. Такого рода семинарій ведется, наприм., Штумпфомъ въ Берлинѣ. Вопросы, которые обсуждались участниками этого семинарія, были довольно случайны. Читался, напримѣръ, не лишенный научнаго интереса докладъ „О ритмѣ“, который потомъ долженъ былъ послужить его автору предметомъ для докторской диссертаціи. На ряду съ нимъ были также доклады, состоявшіе въ простомъ изложеніи отдѣльныхъ параграфовъ учебника Эббингхауза. Въ обсужденіи докладовъ, какъ это обыкновенно бываетъ, фактическое участіе принимали немногіе, но благодаря умѣлому руководству, бесѣда велась толково и проходила оживленно.

Само собою разумѣется, что общими курсами и спеціальными институтскими занятіями средства изученія психологіи въ нѣмецкихъ университетахъ не исчерпываются. Въ настоящее время нельзя быть психологомъ, не зная анатоміи и физіологіи. Но и кромѣ этихъ основныхъ наукъ, на каждомъ факультетѣ всегда читается рядъ курсовъ, прослушать которые психологу бываетъ не только полезно, но иногда даже прямо необходимо. Въ Берлинскомъ университетѣ изъ такихъ курсовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія лекціи физіолога Нагеля и психіатра Ціэна, а въ Геттингенѣ блестящіе курсы физіолога Ферворна и тонкія, своеобразныя, хотя, можетъ быть, и не для всякаго интересныя лекціи философа Гуссерля.

Совершенно иную картину представляетъ преподаваніе психологіи во Франціи. Тѣхъ формъ психологическаго эксперимента, какія развились въ Германіи на почвѣ старой психофизики, здѣсь почти не существуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ и такихъ психологическихъ институ-

товъ, какъ тамъ. Единственная психологическая лабораторія въ Парижѣ, заслуживающая этого имени, это—лабораторія Бинэ въ École des Hautes-Études при Сорбоннѣ. Но по своимъ научнымъ средствамъ она не можетъ быть даже и сравниваема съ нѣмецкими психологическими институтами. Ея помѣщеніе ограничивается парой небольшихъ комнатъ, а ея инвентарь почти исчерпывается одними только графическими приборами. Еще скромнѣе лабораторіи Пьера Жанэ въ Salpetrière и Дюма въ Sainte-Anne: онѣ такъ бѣдны экспериментальными средствами и такъ плохо помѣщены, что ихъ стѣсняются даже показывать иностранцамъ. Можетъ быть, нѣсколько большее количество аппаратовъ можно найти въ лабораторіи доктора Тулуза въ госпиталѣ Villejuif; но судя по его книжкѣ „Technique de psychologie experimentale", эти „упрощенные" аппараты задуманы и конструированы до такой степени наивно и нецѣлесообразно, что я счелъ излишнимъ даже осматривать ихъ. Въ числѣ Парижскихъ психологическихъ лабораторій значится еще лабораторія при такъ называемомъ: Institut général de psychologie, надъ устройствомъ котораго особенно ревностно хлопочетъ нашъ соотечественникъ, г. Юрьевичъ. Но эта „лабораторія" существуетъ не въ дѣйствительности, а только въ мечтахъ ея учредителей, какъ впрочемъ и самый институтъ. Притомъ всѣ эти лабораторіи (если уже употреблять этотъ терминъ) предназначены собственно только для работы завѣдующихъ ими лицъ и ихъ сотрудниковъ; цѣлямъ преподаванія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова онѣ почти не служатъ.

Во Франціи психологія изучается и преподается преимущественно философски и клинически. Наиболѣе выдающимся представителемъ ея философской разработки является Бергсонъ въ Collège de France. Это мыслитель чрезвычайно тонкій и изящный, хотя, быть можетъ, принятые имъ раціоналистическіе способы защиты старыхъ спиритуалистическихъ тезисовъ и не всегда приводятъ къ цѣли. Во второмъ семестрѣ прошлаго учебнаго года Бергсонъ читалъ два часовыхъ курса: „Теоріи воли" и „Разборъ нѣкоторыхъ главъ Психологіи Спенсера". Оба курса представляли выдающійся интересъ и были замѣчательны какъ по силѣ идейнаго анализа, такъ и по мастерству изложенія. Клиническимъ методомъ пользуются преемникъ Рибо въ Collège de France, Пьеръ

Жанэ, и его коллега въ Сорбоннѣ, Жоржъ Дюма. Жанэ читалъ въ весеннемъ полугодіи двухчасовый курсъ „Объ измѣненіяхъ сознанія въ психастеническихъ неврозахъ“, гдѣ онъ пытался систематизировать, опредѣлить и объяснить тотъ комплексъ симптомовъ, который выдѣленъ имъ изъ истеріи и другихъ смежныхъ заболѣваній подъ названіемъ „психастеніи“. Курсъ блестящій, полный остроумныхъ анализовъ и интересныхъ наблюденій, какъ все, что связано съ именемъ этого выдающагося психолога, но не свободный отъ теоретической предвзятости и нѣсколько грубыхъ парадоксовъ. Маленькій курсъ Дюма „О личности“ (1 часъ въ недѣлю [1]) служилъ продолженіемъ его чтеній въ первомъ семестрѣ и былъ законченъ чрезвычайно рано. Дюма—талантливый и интересный лекторъ, но тѣ двѣ его лекціи, которыя я засталъ, не дали мнѣ возможности составить о немъ выгоднаго мнѣнія, какъ о психологѣ. Одна изъ этихъ лекцій была посвящена графологіи и состояла въ издѣвательской критикѣ книги Бинэ: „Les révélations de l'ecriture“, другая заключала въ себѣ довольно поверхностный обзоръ нѣкоторыхъ новѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о безсмертіи личности. Повидимому курсъ имѣлъ эскизный характеръ и представлялъ собою скорѣе литературно-критическій очеркъ, чѣмъ самостоятельное изслѣдованіе проблемы. Кромѣ этого „публичнаго курса“ Дюма велъ еще 2 часа въ недѣлю спеціальныя занятія со студентами по „вопросамъ, относящимся къ экспериментальной психологіи“. Эти занятія были предназначены для подготовки студентовъ къ экзаменамъ и, какъ обыкновенно бываетъ у французовъ въ такихъ случаяхъ, имѣли школьный характеръ.

Одною изъ особенностей французскаго преподаванія психологіи, рѣзко бросающеюся въ глаза иностранцу, является отсутствіе здѣсь въ университетахъ систематическихъ курсовъ. Французскіе профессора совсѣмъ не даютъ такого изложенія психологіи, которое обнимало бы всѣ отдѣлы этой науки, какъ принято дѣлать въ Германіи и у насъ. Ихъ курсы, какъ и ихъ печатныя работы, всегда посвящены от-

---

1) Французскіе профессора читаютъ вообще очень небольшіе курсы—1—2 часа въ Collège de France и въ Сорбоннѣ, 2—3 часа на юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ.

дѣльнымъ психологическимъ вопросамъ. Таковы были, какъ мы видѣли, курсы Бергсона, Жанэ и Дюма; такой же характеръ имѣли и другіе психологическіе курсы, читанные при мнѣ въ Сорбоннѣ и въ École des Hautes—'Etudes,—наприм., добросовѣстный, но совершенно хаотичный курсъ физіолога Сури о теоріяхъ локализаціи психическихъ функцій, поверхностный и безсодержательный „вольный курсъ" (cours libre) доктора Рево д' Аллона о религіозномъ мессіанизмѣ, на рѣдкость бездарный и скучный курсъ доктора Бернара Леруа о мистицизмѣ, необыкновенно блестящій, краснорѣчивый и остроумный, но нѣсколько искусственный по построенію и во всякомъ случаѣ не додуманный до конца курсъ соціолога Дюркейма о происхожденіи религіи. Всюду „монографическія" темы и нигдѣ ни одного цѣльнаго систематическаго курса. Это явленіе, конечно, не случайно, и его причины, мнѣ кажется, довольно просты. Дѣло въ томъ, что психологія систематически проходится въ старшемъ классѣ французскихъ лицеевъ (гимназій), и притомъ, судя по существующимъ учебникамъ и программамъ, проходится очень хорошо. Поэтому читать въ университетахъ цѣльные курсы этой науки въ элементарной или пропедевтической формѣ уже не представляется нужды. Что же касается систематическаго изложенія психологіи въ болѣе научномъ духѣ, то для этого у французскихъ профессоровъ не имѣется средствъ. При помощи патологическаго метода, которымъ они преимущественно пользуются, можно выяснить не всю совокупность душевной жизни, а лишь нѣкоторые отдѣльные психологическіе вопросы. Такими вопросами французскіе психологи и занимаются.

Но за всѣмъ тѣмъ патологическій методъ, конечно, чрезвычайно важенъ и услуги, оказанные имъ психологіи, очень велики. Поэтому въ Парижѣ едва ли можетъ быть что-нибудь болѣе поучительное для психолога, чѣмъ курсы знаменитыхъ французскихъ психіатровъ и невропатологовъ. Эти курсы читаются въ госпиталяхъ и ихъ бываетъ по нѣскольку въ каждый семестръ. Таковы, наприм., лекціи Реймонда и Дежерина въ Сальпетріерѣ, Маньяна и Жоффруа въ убѣжищѣ св. Анны, Бабинскаго въ Pitié и др. Почти всѣ эти курсы имѣютъ клиническій характеръ, т. е. соединяются съ демонстраціей больныхъ. Изъ психіатрическихъ курсовъ,

читанныхъ въ весенній семестръ прошлаго учебнаго года, особеннаго вниманія съ психологической точки зрѣнія заслуживалъ курсъ преемника Шарко, профессора Реймона, объ истеріи. Слушатели этого курса не только имѣли возможность познакомиться съ современнымъ состояніемъ вопроса объ этой сложной и загадочной душевной болѣзни, но и могли видѣть нѣкоторыя рѣдкія формы истерическихъ психозовъ, вплоть до остатковъ „старой гвардіи“ Шарко. Вышеупомянутый курсъ Пьера Жанэ въ Collège de France о психастеніи въ сущности имѣлъ также психіатрическій характеръ; онъ только не сопровождался демонстраціей больныхъ. Замѣною такихъ демонстрацій служили для меня консультаціи Жанэ въ Сальпетріерѣ. Какъ я уже упоминалъ, Жанэ завѣдуетъ въ Сальпетріерѣ психологическою лабораторіей, куда ему доставляютъ изъ клиники Реймона всѣхъ наиболѣе интересныхъ больныхъ, и онъ изслѣдуетъ ихъ не только какъ врачъ, но и какъ психологъ. Эти консультаціи имѣютъ собственно частный характеръ и постороннія лица на нихъ не допускаются; но Жанэ, съ которымъ я знакомъ еще съ психологическаго конгресса 1900 года, былъ настолько любезенъ, что пригласилъ меня присутствовать на нихъ. Тотъ, кому извѣстны факты, описываемые этимъ психологомъ въ его работахъ, пойметъ, что я воспользовался этимъ приглашеніемъ съ величайшимъ интересомъ.

Кромѣ Collège de France, École des Hautes—Études, Сорбонны и психіатрическихъ клиникъ, въ Парижѣ существуетъ еще два частныхъ, не государственныхъ учрежденія, гдѣ читаются психологическіе курсы: это—Католическій Институтъ и „Психологическая Школа“ доктора Берильона. Для меня, какъ профессора духовной Академіи, Католическій Институтъ могъ бы представлять особенный интересъ, такъ какъ по своимъ задачамъ и внутреннему строю онъ имѣетъ съ нашими Академіями не мало общаго. Но, къ сожалѣнію, это—закрытое учебное заведеніе, пытаться проникнуть въ которое постороннему человѣку не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, такая попытка, можетъ быть, и не оправдала бы ожиданій. Насколько я могу судить по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, въ Институтѣ вполнѣ серьезно поставлены только тѣ науки, которыя находятся внѣ вліянія католической догмы. Таковы, наприм., нѣкоторыя естественныя и филологическія

науки (физика, минералогія и геологія, семитическіе языки, экспериментальная фонетика). Что же касается богословскихъ и философскихъ дисциплинъ, то научный уровень ихъ здѣсь, повидимому, не высокъ. Психологію преподаетъ въ этомъ церковномъ Университетѣ аббатъ Пэйобъ (Peillaube). Во время моего двукратнаго посѣщенія Института мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось застать профессора Пэйоба и побесѣдовать съ нимъ лично; но изъ разговоровъ съ его учениками я убѣдился, что онъ,—какъ этого конечно и слѣдовало ожидать,—читаетъ психологію въ схоластическомъ духѣ. Конечно, требованія времени становятся въ концѣ концовъ сильнѣе даже католическихъ традицій, и о. Пэйобъ, по словамъ его учениковъ, стремится согласить принципы Ѳомы Аквината „съ теоріями Рибо и Бергсона". Но какъ онъ соглашаетъ между собою такихъ антиподовъ, какъ Рибо и Бергсонъ, это его секретъ.

Говорить рядомъ съ Католическимъ Институтомъ о „Психологической Школѣ" Берильона не совсѣмъ подходяще, но ради полноты обзора нужно упомянуть и о ней. То, что называется этимъ громкимъ именемъ, есть просто амбулаторія для леченія гипнотизмомъ алкоголиковъ и порочныхъ дѣтей, съ небольшою залой, въ которой Берильонъ и его помощники читаютъ время отъ времени платные и безплатные курсы и лекціи о гипнотизмѣ и его терапевтическихъ примѣненіяхъ. Каковы результаты леченія въ амбулаторіи Берильона, я не берусь судить, хотя онъ и расписываетъ ихъ въ очень яркихъ краскахъ. Думаю, что они значительнѣе, чѣмъ дѣятельность его санаторія для идіотовъ и отсталыхъ дѣтей въ Кретэйлѣ (около Парижа). Что же касается его лекцій, то онѣ, по моимъ личнымъ впечатлѣніямъ, лишены всякаго научнаго содержанія и интереса. Единственною ихъ цѣлью можетъ быть только реклама, которая примѣняется Берильономъ въ формахъ, доходящихъ до наивнаго простодушія.

Французскіе психологи относятся къ нѣмецкой экспериментальной психологіи, или, какъ они вообще ее называютъ, „психофизикѣ", очень критически, отмѣчаютъ недостатки ея методовъ, указываютъ на относительную маловажность ея проблемъ, подчеркиваютъ скудость или спорность ея результатовъ. Но въ концѣ концовъ имъ приходится сознаваться,

что сами они значительно отстали отъ нѣмцевъ. Они понимаютъ, что одной философіи да патологическихъ наблюденій, какъ бы они ни были цѣнны, недостаточно для психологіи, что необходимо экспериментальное изученіе нормальныхъ душевныхъ состояній, а, слѣдовательно, необходимы и техническія средства для этого изученія. Они чувствуютъ, что въ настоящее время работать по психологіи безъ удовлетворительно обставленныхъ лабораторій уже нельзя, и мнѣ приходилось слышать отъ нихъ горькія жалобы на французское правительство, которое готово давать деньги на что угодно, только не на чисто научныя учрежденія и предпріятія. Въ утѣшеніе французскимъ коллегамъ я могъ сказать только, что мы, русскіе психологи, по крайней мѣрѣ въ нашихъ духовныхъ Академіяхъ, находимся въ еще гораздо болѣе печальномъ положеніи: у насъ нѣтъ даже тѣхъ скромныхъ научныхъ средствъ, какими они располагаютъ.

Французскіе психологи, конечно, не замедлятъ выйти изъ переживаемаго ими затрудненія; необходимо найти какой-нибудь выходъ изъ него и намъ. Я не буду приводить здѣсь доводовъ въ доказательство необходимости устроить при нашей Академіи психологическую лабораторію или, по крайней мѣрѣ, демонстраціонный психологическій кабинетъ. Эти доводы я уже изложилъ съ достаточною полнотою въ своемъ безуспѣшномъ ходатайствѣ о субсидіи въ 1000 рублей для указанной цѣли, и въ настоящее время мнѣ остается только сожалѣть о крайней скудости средствъ Св. Синода, который лишенъ былъ возможности отпустить на это неотложное дѣло даже такую незначительную сумму. Совѣтъ Академіи, заслушавшій въ засѣданіи 8 іюня 1907 года мое ходатайство, сдѣлалъ мнѣ честь „вполнѣ раздѣлить мои соображенія о неотложной необходимости, въ интересахъ правильной постановки преподаванія психологіи, устройства при Академіи психологическаго кабинета“. Однако, Академическія помѣщенія оказались до такой степени тѣсны, что Академія была не въ состояніи отвести для кабинета даже отдѣльную комнату. Все это заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго сожалѣнія, что въ это же самое время рядомъ съ нами, въ Московскомъ Университетѣ, министерство ассигновало на устройство и содержаніе психологической лабораторіи 3000 рублей единовременно да 600 рублей ежегодно, а историко-филоло-

гическій факультетъ предоставилъ въ ея распоряженіе три большихъ комнаты и особаго служителя. Очевидно, условія, при которыхъ приходится преподавать психологію тамъ и здѣсь, совершенно несоизмѣримы.

Тѣмъ не менѣе я считаю необходимымъ исполнить свой долгъ предъ моими слушателями до конца. На 1400 рублей, вырученныхъ отъ продажи учебника Фонсегрива, мною заказано заграницей и въ настоящее время уже получено значительное количество наиболѣе необходимыхъ пособій и аппаратовъ по экспериментальной психологіи. Говорить о нихъ здѣсь подробно не представляется нужнымъ. Замѣчу только, что у насъ будутъ анатомическія модели и таблицы и главнѣйшіе инструменты по оптикѣ, по акустикѣ, по изученію ощущеній осязанія, температуры и мускульнаго чувства, по психофизикѣ, по изслѣдованію памяти и ассоціацій и по психометріи. Но само собою разумѣется, что теперь эти пособія и аппараты уже не могутъ сдѣлаться собственностью Академіи".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы *Н. Л. Туницкаго:*

„Перенесенная мною, серьезная гастрическая болѣзнь, повлекшая за собою мучительныя осложненія въ области дѣятельности сердца и нервной системы, оторвала меня отъ научныхъ занятій на всю первую половину заканчивающагося учебнаго года и ослабила интенсивность моихъ занятій въ теченіе второй половины его. По этой причинѣ я лишенъ возможности пріобрѣсти ученую степень магистра богословія къ концу этого года, т. е. къ сроку, исходатайствованному мнѣ Совѣтомъ Академіи предъ Святѣйшимъ Синодомъ въ іюнѣ прошлаго 1907 года, послѣ двухлѣтней службы моей въ Академіи. Позволяю себѣ почтительнѣйше просить Совѣтъ Академіи испросить у Святѣйшаго Синода разрѣшеніе оставить меня въ Академіи въ качествѣ исправляющаго должность доцента еще на одинъ годъ, въ теченіи котораго я могу закончить, напечатать и защитить свое сочиненіе.

Медицинское свидѣтельство о болѣзни моей, выданное изъ Факультетской Терапевтической клиники внутреннихъ бо-

лѣзней при Московскомъ Университетѣ своевременно было представлено мною Преосвященному Ректору".

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 2 августа 1907 года за № 8823 исправляющимъ должность доцента Академіи Е. А. Воронцову, Д. Г. Коновалову, А. П. Орлову и Н. Л. Туницкому назначенный для полученія ими степени магистра богословія срокъ продленъ былъ до разсмотрѣнія Совѣтомъ Московской Духовной Академіи и напечатанія ихъ магистерскихъ сочиненій, но не позже конца 1907—1908 учебнаго года.—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 9—23 января 1908 года за № 38 и. д. доцента Н. Л. Туницкому, по ходатайству Правленія Академіи, назначено было пособіе на лѣченіе отъ перенесенной имъ тяжкой болѣзни въ размѣрѣ 200 рублей.

Опредѣлили: Признавая просьбу исправляющаго должность доцента Академіи Н. Л. Туницкаго заслуживающею уваженія, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о продленіи г. Туницкому указаннаго въ § 55 устава духовныхъ академій срока для полученія магистерской степени еще на одинъ годъ, т. е. до конца 1908—1909 учебнаго года.

V. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1907 года Александра *Туберовскаго*:

„Заявляя предъ Совѣтомъ Московской Духовной Академіи о своемъ общемъ желаніи поступить на духовно-учебную службу, я позволяю себѣ почтительнѣйше высказать нѣкоторыя частныя желанія, удовлетвореніе которыхъ для меня очень важно. Прежде всего: складъ моей души и бо́льшая подготовленность къ преподаванію богословскихъ наукъ побуждаетъ меня стремиться получить мѣсто преподавателя богословскаго предмета (лучше — философско-литературно-систематическаго, нежели историческаго характера) въ одной изъ семинарій Центральной Россіи или Малороссіи. Послѣднее условіе, касающееся мѣста моего будущаго служенія и вмѣстѣ съ тѣмъ постояннаго жительства, диктуется мнѣ состояніемъ моего здоровья. Если же въ семинаріяхъ центральной или южной Россіи почему-либо невозможно будетъ для меня занять богословскую каѳедру, то мнѣ хотѣлось бы имѣть не менѣе, въ виду своего воспитательнаго значенія,

желательную для меня должность помощника смотрителя духовнаго училища (предпочтительнѣе въ губернскомъ городѣ). Послѣднимъ моимъ желаніемъ является поступленіе на ту или другую должность къ началу учебнаго года, такъ какъ отъ этого условія зависитъ плодотворность работы цѣлаго года.—Послѣ всего изложеннаго, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи посодѣйствовать мнѣ въ удовлетвореніи высказанныхъ желаній своимъ ходатайствомъ предъ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ".

Справка: 1) По § 56 устава духовныхъ академій: „Если приготовлявшійся къ преподавательской должности въ академіи по какимъ-либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій".—2) По § 56 устава духовныхъ семинарій: „Преподаватели семинарій опредѣляются на должности, въ теченіе всего учебнаго года, Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета".

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода о назначеніи профессорскаго стипендіата Академіи Александра Туберовскаго на должность преподавателя по богословскимъ предметамъ въ одну изъ духовныхъ семинарій центральной или южной Россіи.

VI. Представленный коммиссіею (въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора* Академіи, Инспектора—профессора *А. П. Тостьина* и исправляющаго должность доцента по каѳедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества *священника Д. В. Рождественскаго*), во исполненіе указа Святѣйшаго Синода отъ 7 ноября 1907 года за № 13423 и порученія Совѣта Академіи отъ 19 декабря того же года,—

„Проэктъ положенія о „капиталѣ Титулярнаго Совѣтника Ивана Алексѣевича Покровскаго":

§ 1.

При Московской Духовной Академіи учреждается „капиталъ Титулярнаго Совѣтника Ивана Алексѣевича Покровскаго", заключающійся нынѣ въ десяти $4^1/_2$ % свидѣтель-

ствахъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка на номинальную сумму *девять тысячъ рублей (9000 р.)* и приносящій дохода 384 р. 75 к. въ годъ.

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими, принадлежащими ей капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Проценты съ сего капитала за первые два года употребляются на вознагражденіе преподавателя декламаціи, приглашаемаго Ректоромъ Академіи, съ согласія академическаго Совѣта, для чтенія студентамъ, кои того добровольно пожелаютъ, лекцій и для практическихъ упражненій съ ними въ ораторскомъ искусствѣ въ часы, свободные отъ учебныхъ занятій.

§ 4.

Проценты за слѣдующіе два года употребляются на выдачу денежныхъ наградъ студентамъ Академіи, проявившимъ усердіе и способности въ произношеніи въ церквахъ наизусть, безъ тетрадки, краткихъ проповѣдей или поученій (при чемъ собственное сочиненіе не обязательно), направленныхъ: а) противъ лѣни и вообще праздности и б) противъ пьянства и вообще невоздержной жизни. На тотъ же предметъ обращаются и остатки отъ суммы, предназначаемой на вознагражденіе преподавателю декламаціи (§ 3), если таковые окажутся на лицо.

§ 5.

Награды студентамъ назначаются, въ концѣ учебнаго года, Ректоромъ Академіи, по рекомендаціи преподавателя гомилетики, въ размѣрѣ *пяти рублей (5 р.)* за каждое произнесенное студентомъ въ академической или приходской церкви поученіе на указанныя завѣщателемъ темы, удовлетворяющее правиламъ церковнаго краснорѣчія.

Справка: Указомъ отъ 7 ноября 1907 года за № 13423, Святѣйшій Синодъ, разрѣшивъ Совѣту Московской Духовной Академіи принять завѣщанный Титулярнымъ Совѣтникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Покровскимъ капиталъ въ 9000 р., съ присвоеніемъ ему имени завѣщателя, — вмѣстѣ

съ тѣмъ поручилъ Совѣту Академіи „выработать особое положеніе о семъ капиталѣ въ соотвѣтствіи съ волею жертвователя и проэктъ таковаго положенія представить на утвержденіе Святѣйшему Синоду“.

Опредѣлили: Признавая представленный коммиссіею „Проэктъ положенія о капиталѣ Титулярнаго Совѣтника Ивана Алексѣевича Покровскаго“ соотвѣтствующимъ волѣ завѣщателя, просить Его Высокопреосвященство представить оный на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

VII. Представленный коммиссіею (въ составѣ: *Преосвященнаго Ректора* Академіи, Инспектора-профессора *А. П. Тостьина* и исправляющаго должность доцента *священника Д. В. Рождественскаго*), во исполненіе порученія Совѣта Академіи отъ 19 декабря 1907 года,—

„Проэктъ положенія о преміи за кандидатское сочиненіе имени покойнаго ординарнаго профессора Академіи Ивана Николаевича Корсунскаго:“

§ 1.

При Московской Духовной Академіи учреждается премія имени покойнаго ординарнаго профессора Академіи Ивана Николаевича Корсунскаго.

§ 2.

Премія составляется изъ процентовъ съ внесеннаго на этотъ предметъ бывшими слушателями и почитателями профессора И. Н. Корсунскаго капитала въ количествѣ *одной тысячи трехсотъ рублей* ($4^1/_2$ %—ными свидѣтельствами Крестьянскаго Поземельнаго Банка).

§ 3.

Премія присуждается Совѣтомъ Академіи ежегодно окончившему полный академическій курсъ воспитаннику Академіи, представившему отличное по своимъ достоинствамъ кандидатское сочиненіе по одному изъ слѣдующихъ предметовъ, къ области которыхъ относятся оставленные профессоромъ И. Н. Корсунскимъ научные труды: Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта, греческому языку и его словесности, русской церковной исторіи и русской библіографіи.

Справка: Вышеупомянутое порученіе дано было коммиссіи Совѣтомъ Академіи по выслушаніи, въ собраніи онаго

19 декабря 1907 года, заявленія Преосвященнаго Ректора Академіи слѣдующаго содержанія:

„По смерти ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи *Ивана Николаевича Корсунскаго*, среди его бывшихъ слушателей и почитателей возникла мысль почтить память почившаго наставника учрежденіемъ при Академіи преміи его имени за лучшее кандидатское сочиненіе по одному изъ тѣхъ предметовъ, къ области которыхъ относятся оставленные проф. И. Н. Корсунскимъ научные труды. Собранный въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ для сей цѣли капиталъ въ суммѣ *960 рублей* переданъ былъ мнѣ бывшимъ экстраординарнымъ профессоромъ Академіи В. Н. Мышцынымъ и обращенъ, по моему распоряженію, въ $4^1/_2$ % свидѣтельства Крестьянскаго Поземельнаго Банка на сумму *1300 рублей*, имѣющія, съ 2 января будущаго 1908 года, приносить дохода въ годъ—55 руб. 57 коп.—Въ настоящее время означенныя % бумаги переданы въ распоряженіе Правленія Академіи и внесены на храненіе въ Московскую Контору Государственнаго Банка, вмѣстѣ съ прочими академическими капиталами. Долгомъ считаю довести о семъ до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи преміи имени покойнаго ординарнаго профессора Академіи Ивана Николаевича Корсунскаго за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ Академіи и объ утвержденіи вышеизложеннаго проэкта положенія о сей преміи.

VIII. Представленный редакціею академическаго журнала „Отчетъ по изданію *Богословскаго Вѣстника* и святоотеческихъ твореній въ 1907-мъ году“.

Справка: Правилъ отчетности по изданію „Богословскаго Вѣстника“ п. 7-й: „Совѣтъ Академіи, по полученіи отчетовъ редакціи, избираетъ коммиссію изъ трехъ лицъ для обревизованія приходо-расходныхъ книгъ редакціи и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ“.

Опредѣлили: Разсмотрѣніе отчета и обревизованіе приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и книжныхъ запасовъ, находящихся въ редакціонномъ книжномъ складѣ, поручить коммиссіи изъ ординарнаго профес-

сора *А. А. Спасскаго*, и экстраординарныхъ профессоровъ *И. В. Попова* и *С. И. Смирнова*.

IX. Предложеніе *Преосвященнаго Ректора Академіи*:

„Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября 1902 года за № 7388 постановлено было: „ежегодно одного стипендіата одной изъ духовныхъ академій, вмѣсто оставленія при академіи въ теченіи одного года, командировать на это время для ученыхъ занятій при *Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ*, съ назначеніемъ на его содержаніе 1500 рублей въ годъ, вмѣсто стипендіатскаго оклада въ 700 руб., и съ сохраненіемъ за нимъ всѣхъ правъ службы по званію профессорскаго стипендіата, при чемъ дополнительный къ стипендіатскому окладу расходъ по восьмисотъ руб. въ годъ отнести на счетъ духовно-учебнаго капитала по Отд. 1. пар. 1. ст. 2. смѣты расходовъ спеціальныхъ средствъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы сумма эта ассигновалась поочередно въ распоряженіе академій: С.-Петербургской, Московской, Кіевской и Казанской“.

Въ первый разъ помянутая сумма ассигнована была въ распоряженіе Московской Духовной Академіи на 1904—1905 учебный годъ, когда Совѣтомъ Академіи, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, командированъ былъ для ученыхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ помощникъ секретаря Совѣта и Правленія Академіи, кандидатъ богословія, Михаилъ *Бенеманскій*, представившій, вскорѣ по возвращеніи изъ командировки, магистерскую диссертацію по византологіи („*Ὁ πρόχειρος νόμος* Императора Василія Македонянина“).

Вторая очередь Московской Духовной Академіи падаетъ на предстоящій 1908—1909 учебный годъ. Но оставленные нынѣ Совѣтомъ на этотъ годъ при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ каѳедръ профессорскіе стипендіаты Петръ Нечаевъ и Сергѣй Голощаповъ для кандидатской работы и спеціальнаго изученія избрали предметы, весьма далекіе отъ византологіи: философію и основное богословіе.

Между тѣмъ нынѣ окончилъ съ отличнымъ успѣхомъ полный академическій курсъ и занялъ въ разрядномъ спискѣ 6-е мѣсто кандидатъ богословія *Николай Махаевъ*, который,

проработавъ послѣдній годъ въ Академіи надъ изученіемъ „Литургической дѣятельности Геннадія, архіеп. Новгородскаго“, то есть, въ области греко-русской пасхаліи и нашего церковнаго устава, обнаружилъ не часто проявляемую студентами склонность къ серьезнымъ занятіямъ по наукѣ богослуженія. Годичное пребываніе г. Махаева въ Константинополѣ, въ сосѣдствѣ съ книжными богатствами Аѳона, несомнѣнно углубило и расширило бы его интересъ и познанія въ области избранной имъ спеціальности и дало бы ему возможность, помимо нагляднаго знакомства съ замѣчательнѣйшими церковно-археологическими памятниками Царя-града, продолжить и свои изысканія въ греческомъ рукописномъ матеріалѣ по предмету заинтересовавшей его темы.

Въ виду изложеннаго, считаю долгомъ предложить Совѣту Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи въ Константинополь названнаго мною кандидата Николая Махаева, который съ благодарностью приметъ это порученіе Совѣта и вполнѣ удовлетворится тѣмъ дополнительнымъ къ стипендіатскому окладомъ содержанія въ суммѣ 800 рублей, который имѣетъ быть ассигнованъ въ распоряженіе Московской Духовной Академіи на 1908—1909 учебный годъ“.

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ Преосвященнаго Ректора Академіи, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о командированіи на 1908—1909 учебный годъ для научныхъ занятій при Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ окончившаго въ текущемъ 1908 году академическій курсъ кандидата богословія Николая Махаева, съ отпускомъ на его содержаніе въ Константинополѣ 800 рублей изъ духовно-учебнаго капитала.

X. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Канцеляріи Святѣйшаго Синода отъ 5 апрѣля за № 4228:

„Вслѣдствіе отношенія, отъ 31 минувшаго Марта за № 162, Канцелярія Святѣйшаго Синода имѣетъ честь препроводить при семъ Вашему Преосвященству, для библіотеки Московской духовной академіи, два экземпляра „Журналовъ и Протоколовъ засѣданій Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія“, въ 4-хъ томахъ каждый экземпляръ“.

Опредѣлили: Выразить Г. Управляющему Канцеляріею Святѣйшаго Синода искреннѣйшую благодарность Совѣта Академіи за этотъ даръ для академической библіотеки.

XI. Отношенія:

а) Императорской Россійской Миссіи въ Сербіи отъ 26 мая за № 304:

„Императорская Миссія имѣетъ честь препроводить при семъ въ Московскую Духовную Академію доставленную Сербскою Академіею Наукъ рукопись „Житіе Св. Наума", покорнѣйше прося не отказать возвратить оную Миссіи не позднѣе 3-хъ мѣсячнаго срока".

Справка: Рукопись, выписанная для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкаго, получена и сдана, для храненія и пользованія ею,—въ фундаментальную академическую библіотеку.

б) Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности отъ 15 мая за № 49:

„Состоящее подъ Высочайшимъ Государя Императора покровительствомъ Императорское Общество Любителей Древней Письменности имѣетъ честь обратиться къ Московской духовной Академіи съ покорнѣйшею просьбою не отказать выслать въ Общество изъ библіотеки Академіи, срокомъ на четыре мѣсяца, рукопись (Волоколамскую) № 137 (492)".

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора, рукопись Волоколамской библіотеки за № 492 препровождена въ Общество при отношеніи отъ 5 іюня за № 265.

в) Тобольской Духовной Консисторіи отъ 22-го апрѣля за № 5828:

„На отношеніе отъ 28 марта за № 155, Духовная Консисторія увѣдомляетъ Совѣтъ Академіи, что пользоваться дѣломъ за № 1760 г. Коновалову продолжено до тѣхъ поръ, пока ему будетъ нужно, затѣмъ обязать его по минованіи надобности означенное дѣло возвратить въ Консисторію".

г) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 13 мая за № 753:

„Присланная при отношеніи Совѣта отъ 21-го Апрѣля сего года за № 216 рукопись Лаврской библіотеки № 573

(„Оброчныя книги 1607 г.“) Духовнымъ Соборомъ получена, о чемъ Соборъ и имѣетъ честь увѣдомить“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Прошеніе и. д. доцента Академіи *Д. Г. Коновалова*:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Академіи выписать для моихъ научныхъ занятій, срокомъ на три мѣсяца, слѣдующія рукописи:

1) Изъ Троице-Одигитріевскаго женскаго монастыря (Зосимова пустынь тожъ), находящагося въ Верейскомъ уѣздѣ. Московской губерніи, хранящуюся тамъ рукопись основателя этой обители старца схимонаха Зосимы (Верховскаго) о „благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной“, бывшихъ съ подвижникомъ Василискомъ (смотр. „Житіе и подвиги старца схимонаха Зосимы, ч. 1, 2 изданіе, 1889, с. 51, примѣчаніе: „По смерти Василиска, Зосима составилъ двѣ книги: одну—житія Василиска, напечатанную... въ 1849 году, а другую о бывшихъ съ нимъ благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной, находящуюся нынѣ въ рукописи въ Троице-Одигитріевской обители, имъ устроенной“) и

2) Дѣло С.-Петербургской дух. консисторіи 1893 года о хлыстѣ Михаилѣ Рябовѣ и его общинѣ, № по архиву 53-й (см. С.-Петербургскій духовный Вѣстникъ, 1900, № 51—52, с. 640)“.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи выписать въ Академію, для научныхъ занятій и. д. доцента Д. Г. Коновалова, изъ Троице - Одигитріевскаго женскаго монастыря, Московской епархіи, хранящуюся тамъ рукопись старца схимонаха Зосимы о „благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной“, бывшихъ съ подвижникомъ Василискомъ—срокомъ на три мѣсяца.— 2) Просить С.-Петербургскую Духовную Консисторію выслать въ Академію на таковой же срокъ дѣло 1893 года за № 53.

XIII. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи бывшаго студента Московской Духовной Академіи, болгарскаго уроженца, *іеромонаха Панарета* (Наумова):

„Вслѣдствіе продолжительной болѣзни я на третьемъ курсѣ уволился изъ числа студентовъ Московской Духовной Академіи 21 сентября 1904 года. Въ настоящее время я

совершенно поправился здоровьемъ и желаю закончить академическое свое образованіе. На III курсѣ, въ теченіе 190³/₄ года, мною поданы всѣ семестровыя сочиненія и проповѣдь, по болѣзни только я не могъ держать переводныхъ экзаменовъ. Представляя благоусмотрѣнію Совѣта Академіи разрѣшить мнѣ держать переводные экзамены или по окончаніи IV-го курса, или же въ началѣ 1908—1909 учебнаго года, всепокорнѣйше прошу Ваше Преосвященство ходатайствовать предъ Совѣтомъ Академіи о принятіи меня вновь своекоштнымъ студентомъ на IV курсъ въ началѣ слѣдующаго 1908—1909 учебнаго года".

Справка: 1) Болгарскій уроженецъ іеродіаконъ Панаретъ (Наумовъ) по опредѣленіямъ Совѣта Академіи: а) отъ 11 октября 1901 года—принятъ былъ, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи; б) отъ 5 іюня 1902 года—переведенъ во II курсъ; в) отъ 5 іюня 1903 года—переведенъ въ III курсъ; г) отъ 3 іюня 1904 года—оставленъ въ III курсѣ на второй годъ,—а по опредѣленію Правленія Академіи отъ 21 сентября 1904 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 28 сентября, уволенъ, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ Академіи.—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „зачисленіе въ студенты академіи" отнесено въ рязрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи".

Опредѣлили: Болгарскаго уроженца іеромонаха Панарета (Наумова) принять въ число своекоштныхъ студентовъ IV курса Академіи, разрѣшивъ ему сдать устныя переводныя испытанія по предметамъ III курса въ началѣ слѣдующаго 1908—1909 учебнаго года.

XIV. а) Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента I курса Кіевской Духовной Академіи *священника Александра Никольскаго*:

„Обращаюсь къ Вамъ, Ваше Преосвященство, съ покорнѣйшей просьбой: благоволите принять меня въ число студентовъ II курса ввѣренной Вамъ Академіи. Крайняя необходимость заставляетъ меня утруждать Васъ настоящею покорнѣйшею просьбою. Родная моя епархія—пензенская и ближайшая Академія — Московская; въ Кіевскую Академію я

поступилъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы жить вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ, доцентомъ Кіевской Академіи; но мои надежды не оправдались: мой родственникъ заболѣлъ и отъ каѳедры отказался, и я въ Кіевѣ остался одинъ, безъ помощи, вдали отъ родной епархіи, а главное принужденъ оставить семью, такъ какъ въ Кіевѣ жить вмѣстѣ съ семьею при ограниченныхъ средствахъ совершенно невозможно; тогда какъ жить съ семьей мнѣ необходимо въ виду того, что у меня двое дѣтей должны воспитываться въ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ я, въ случаѣ зачисленія меня въ число студентовъ Московской Академіи, намѣренъ устроить съ собою въ Сергіевскомъ Посадѣ".

б) Конфиденціальный отзывъ къ сему дѣлу Преосвященнаго Ректора Кіевской Духовной Академіи, отъ 12 мая за № 563.

Опредѣлили: Священника Александра Никольскаго принять въ число своекоштныхъ студентовъ II курса Московской Духовной Академіи, съ разрѣшеніемъ жить внѣ академическаго общежитія, на частной квартирѣ.

XV. Прошеніе воспитанника VI класса Симбирской духовной семинаріи *Ильи Яштайкина*:

„Отъ 5 марта сего 1908 года мною было подано прошеніе на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Владиміра, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, слѣдующаго содержанія: „Я происхожу изъ крестьянъ—чувашъ, Симбирской губерніи. Послѣ смерти отца моего остались при матери я—8 лѣтъ и братъ мой—5 лѣтъ. Мать черезъ годъ вышла за другого мужа, принявъ его въ свой дворъ. По сиротству-ли, или почему другому, я поступилъ въ начальную школу и, вслѣдствіе моихъ усиленныхъ слезныхъ просьбъ предъ родителями, окончилъ второклассную церковно-приходскую школу. Богъ не обидѣлъ меня способностями, ученье въ школахъ было для меня трудомъ пріятнымъ, удовлетворяющимъ моимъ душевнымъ потребностямъ и я во все время пребыванія во второклассной школѣ имѣлъ въ мысли, по возможности, продолжить свое образованіе и, такимъ образомъ, поступилъ и окончилъ полный курсъ церковно-учительской школы въ Пензенской епархіи. По окончаніи курса церковно-учитель-

ской школы, я по особому разрѣшенію Святѣйшаго Синода чрезъ ходатайство мѣстнаго Преосвященнаго поступилъ казеннокоштнымъ стипендіатомъ прямо въ IV классъ Симбирской Духовной Семинаріи безъ экзаменовъ и съ освобожденіемъ отъ изученія древнихъ языковъ.

Въ настоящее время я учусь въ VI классѣ. Весною текущаго года кончаю курсъ. Ученіе въ Семинаріи является для меня трудомъ наиболѣе удовлетворяющимъ моимъ душевнымъ потребностямъ, нежели въ учительскихъ школахъ.

По окончаніи курса Семинаріи, мнѣ крайне хотѣлось бы продолжить свое богословское образованіе въ ввѣренной Вамъ Московской Духовной Академіи. Но къ тому встрѣчается препятствіе въ положеніи Духовныхъ Академій, гдѣ пріемъ въ Академію ограничивается воспитанниками, окончившими курсъ Семинаріи въ первомъ разрядѣ и имѣющими баллъ по древнимъ языкамъ.

Какъ инородецъ, освобожденный въ Семинаріи отъ изученія древнихъ языковъ, при окончаніи курса, я не зачисляюсь въ разряды, хотя во все время имѣлъ, имѣю и крѣпко надѣюсь имѣть по всѣмъ семинарскимъ предметамъ баллы перворазрядные.

Московская Духовная Академія, по разсказамъ окончившихъ полный курсъ ея студентовъ изъ чувашъ—Афанасьева, Антонова и другихъ, предъ инородцами не закрываетъ своихъ дверей, она принимаетъ ихъ не подвергая испытанію по древнему языку, но съ обязательствомъ изучить его во время прохожденія академическаго курса и выдержать экзаменъ.

На основаніи такого свѣдѣнія, я, по совѣту моихъ доброжелателей, рѣшился утруждать Васъ, Ваше Высокопреосвященство, своей нуждой и покорнѣйше прошу оказать мнѣ милость: не найдете ли Вы возможнымъ разрѣшить Духовной Академіи допустить меня осенью текущаго года къ испытанію на поступленіе въ число студентовъ перваго курса, освободивъ отъ испытанія по древнему языку съ обязательствомъ изучить его и выдержать экзаменъ при окончаніи курса Академіи.

Если Академія не закроетъ передъ мною своихъ дверей, то я крѣпко надѣюсь оправдать Ваше довѣріе и снисхожденіе ко мнѣ".

На мое прошеніе Высокопреосвященнѣйшій Влади-

міръ, отъ 18 марта сего 1908 г. за № 1208, наложилъ резолюцію: „возвратить прошеніе, порекомендовавъ просителю обратиться въ Совѣтъ Академіи“.

Получивъ такую резолюцію, я рѣшился утруждать своей просьбой Совѣтъ Академіи и благопочтительнѣйше прошу его оказать мнѣ милость: не найдетъ ли онъ возможнымъ, осенью текущаго года, допустить меня къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ перваго курса, освободивъ отъ испытанія по древнему языку съ обязательствомъ изучить его и выдержать экзаменъ при окончаніи курса Академіи“.

Справка: 1) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 10—22 января 1903 года за № 118 „тѣ изъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, кои не изучали древнихъ языковъ, освобождаются отъ экзамена по симъ языкамъ, съ обязательствомъ, однако же, въ случаѣ поступленія въ академію, въ теченіе академическаго курса ученія сдать экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ“.—2) Въ минувшемъ 1907 году Правленіе Иркутской духовной семинаріи, отправляя на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію для продолженія образованія воспитанника Ѳедора Бунтина, также, какъ и г. Яштайкинъ, прошедшаго курсъ второклассной учительской школы и принятаго въ семинарію по особому разрѣшенію Святѣйшаго Синода, съ освобожденіемъ отъ изученія древнихъ языковъ,—отношеніемъ отъ 27 іюля 1907 года за № 608 просило Совѣтъ Академіи допустить Бунтина къ пріемнымъ испытаніямъ, освободивъ его отъ испытанія по одному изъ древнихъ языковъ, при чемъ присовокупило, что „въ 1905 году на указанныхъ условіяхъ, съ разрѣшенія Св. Синода (Указъ Св. Синода Архіепископу Иркутскому отъ 30 мая 1905 г. за № 5454) былъ принятъ въ число студентовъ Казанской Духовной Академіи воспитанникъ Иркутской Духовной Семинаріи Прокопій Летяевъ, также не изучавшій въ Семинаріи греческаго и латинскаго языковъ“.—По вниманію къ означенному ходатайству, студентъ Бунтинъ былъ допущенъ къ пріемнымъ испытаніямъ и, по выдержаніи оныхъ, принятъ въ число студентовъ I курса Академіи съ обязательствомъ сдать въ теченіе академическаго курса экзаменъ по одному изъ древнихъ языковъ.

Опредѣлили: Въ виду приведенныхъ въ справкѣ прецедентовъ, допустить воспитанника VI-го класса Симбирской духовной семинаріи Илью Яштайкина къ имѣющимъ быть въ августѣ мѣсяцѣ сего 1908 года пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ Академіи, съ освобожденіемъ его отъ испытанія по одному изъ древнихъ языковъ.

XVI. Разсуждали *о производствѣ повѣрочныхъ испытаній* студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, имѣющихъ прибыть въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1908 года для поступленія въ составъ новаго (LXVII) академическаго курса по назначенію Начальства и по собственному желанію.

Справка: 1) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—2) Указы Святѣйшаго Синода отъ 8 марта 1873 года за № 10 и 24 марта 1904 года за № 3064.

Опредѣлили: Поручить академическому врачу *С. Н. Успенскому*, въ присутствіи Инспектора Академіи—профессора *А. П. Шостьина* и члена правленія—профессора *А. И. Введенскаго*, подвергнуть 16-го августа надлежащему медицинскому освидѣтельствованію всѣхъ прибывшихъ для поступленія въ составъ новаго академическаго курса.—2) 18-го августа назначить письменное испытаніе по основному богословію, 19-го августа—по психологіи и 20-го августа—по составленію поученія.—Тему для перваго сочиненія поручить дать ординарному профессору *С. С. Глаголеву*, для второго—экстраординарному профессору *П. П. Соколову* и для поученія—и. д. доцента Академіи *священнику Д. В. Рождественскому*.—Чтеніе и оцѣнку сочиненій поручить, кромѣ преподавателей, дающихъ темы, слѣдующимъ лицамъ: перваго—ординарному профессору *М. М. Тарѣеву*, второго—ординарному профессору *А. И. Введенскому* и поученія—Преосвященному Ректору Академіи *Епископу Евдокиму*.—Темы сочиненій должны быть представлены на предварительное разсмотрѣніе и одобреніе Преосвященнаго Ректора Академіи.—3) 21 и 22 августа произвести устныя испытанія по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (составъ экзаменаціонной коммиссіи: *Преосвященный*

Ректоръ Академіи, экстраординарный профессоръ *А. И. Покровскій* и и. д. доцента *священникъ Д. В. Рождественскій*); 23 и 25 августа — по Священному Писанію Новаго Завѣта (заслуженный ординарный професоръ *М. Д. Муретовъ*, и. д. доцента *Е. А. Воронцовъ* и *А. П. Орловъ*); 26 и 27 августа—по древнимъ языкамъ (ординарный профессоръ *А. И. Введенскій*, и. д. доцента *Д. Г. Коноваловъ* и преподаватель *латинскаго* языка); 28 августа и 1 сентября—по общей церковной исторіи (Инспекторъ Академіи—проф. *А. П. Шостьинъ*, ординарный профессоръ *А. А. Спасскій* и и. д. доцента *Н. Л. Туницкій*); 2 и 3 сентября—по догматическому богословію (заслуженный ординарный профессоръ *А. Д. Бѣляевъ*, экстраординарный профессоръ *И. В. Поповъ* и и. д. доцента *Ѳ. М. Россейкинъ*).—4) 4-го сентября произвести *переводныя и выпускныя испытанія* студентовъ Академіи, не державшихъ оныхъ въ маѣ мѣсяцѣ по болѣзни.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюля 19. Смотрѣно и утверждается“.

II іюня 1908 года.

№ 10.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры А. П Голубцовъ, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраодинарные профессоры—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. П. Покровскій. Отсутствовали: ординарный профессоръ А. П. Введенскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, кандидатъ богословія, *А. П. Орловъ* защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго. Историко-догматическое изслѣдованіе“. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.

Оффиціальными оппонентами были: ординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскій* и экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ патристики *И. В. Поповъ*.

По окончаніи коллоквіума, Ректоръ Академіи Епископъ Евдокимъ, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертаціи удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій: „Кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ имъ стороннихъ лицъ (коллоквіумѣ)“.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. — 3) По указу Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября 1906 года за № 10251 Совѣтамъ Академіи поручено: „доносить чрезъ мѣстныхъ Преосвященныхъ о всѣхъ удостоиваемыхъ ими высшихъ ученыхъ богословскихъ степеній лицамъ Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ требующихся по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19—30 апрѣля 1900 г. за № 1557, 10 экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертацій“.—4) По § 53 устава духовныхъ академій доценты утверждаются въ должности Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Опредѣлили: 1) Исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, кандидата богословія, Анатолія Орлова, вслѣдствіе признанной Совѣтомъ удовлетворительности какъ представленной имъ диссертаціи, такъ и ея защиты,—утвердить въ ученой степени магистра богословія и выдать ему установленный дипломъ на означенную степень.—2) Просить Его Высокопреосвященство донести о семъ Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ десяти экземпляровъ диссертаціи магистра богословія А. П. Орлова.—3) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи магистра богословія Анатолія Орлова въ должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Іюня 27. Возвратить“.

12 іюня 1908 года.

№ 11.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. П. Покровскій.—Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Въ собраніи семъ разсуждали о замѣщеніи вакантныхъ въ Академіи каѳедръ:

I. Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Справка: По § 81 лит. *б.* п. 4 устава духовныхъ академій избраніе кандидатовъ на должность доцента значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что у Совѣта Академіи въ настоящее время не имѣется въ виду посторонняго кандидата, способнаго занять столь трудную и требующую спеціальной лингвистической подготовки каѳедру, какъ Священное Писаніе Ветхаго Завѣта, а между тѣмъ въ профессорской корпораціи Совѣту извѣстенъ исправляющій должность доцента по каѳедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества *священникъ Д. В. Рождественскій*, какъ обладающій широкою и основательною лингвистическою подготовкою, въ частности по еврейскому и сирскому языкамъ, чего литературнымъ удостовѣреніемъ служитъ изданный редакціею „Богословскаго Вѣстника“ его переводъ съ сирскаго языка окружныхъ посланій Св. Аѳанасія Александрійскаго, — и кромѣ того,—предметомъ своей магистерской диссертаціи, бывшей и его кандидатскою работою, имѣющій ветхозавѣтную книгу пророка Захаріи,—ходатайствовать предъ Его Высоко-

преосвященствомъ о перемѣщеніи исправляющаго должность доцента Академіи священника Димитрія Рождественскаго съ занимаемой имъ каѳедры гомилетики и исторіи проповѣдничества на каѳедру Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

II. Исторіи философіи.

Справка: 1) При окончаніи прошлаго учебнаго года, въ собраніи 13 іюня 1907 года, Совѣту Академіи доложено было предложеніе ординарнаго профессора по каѳедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ *С. С. Глаголева* слѣдующаго содержанія:

„Профессоръ А. И. Введенскій взялъ на себя трудъ временнаго чтенія лекцій по исторіи философіи до пріисканія постояннаго преподавателя. Въ качествѣ лица, которое въ будущемъ является желательнымъ, какъ профессоръ исторіи философіи, я предлагаю вниманію Совѣта студента Павла *Флоренскаго.* Изъ всѣхъ извѣстныхъ кандидатовъ на эту каѳедру я считаю г. Флоренскаго во 1) наиболѣе подготовленнымъ, во 2) наиболѣе способнымъ, въ 3) по своему религіозно-философскому направленію наиболѣе отвѣчающимъ интересамъ нашей школы.

1) Г. Флоренскій окончилъ физико-математическій факультетъ и былъ оставляемъ при Университетѣ. У насъ въ Академіи неоднократно поднималась рѣчь о необходимости изученія физико-математическихъ наукъ для преподаванія нѣкоторыхъ академическихъ предметовъ. По отношенію къ философіи эта истина является аксіомой. Для человѣка незнакомаго съ физико-математическими науками многія философскія сочиненія являются книгами за семью печатями. Но для историка философіи математика имѣетъ еще особенное значеніе. Математика и философія развивались параллельно, и во многихъ случаяхъ эпохи въ той и другой оказываются совпадающими и связанными съ одними и тѣми же именами. Можно назвать Пиѳагора, Платона, Декарта, Паскаля, Лейбница, прославившихся и въ философіи, и въ математикѣ. Занимающійся философіею и знакомый съ математикою пойметъ, что такъ и должно быть, ибо для новыхъ идей въ философіи новыя отрасли математики являются обыкновенно схемою и комментаріемъ. Можно указать для примѣра Lex continui у Лейбница и открытое имъ дифферен-

ціальное исчисленіе. И тамъ и здѣсь одна идея—непрерывности. Думается, что ничто такъ не воспитываетъ способности историческаго пониманія, какъ изученіе математики въ ея исторіи. Математика даетъ пониманіе хронологіи и прагматизма. Процессъ научнаго роста въ математикѣ такъ же ясенъ, какъ образованіе концентрическихъ наслоеній на деревьяхъ, и поступательное движеніе математики таково, что переставлять въ ней исторію идей во имя какой-либо предвзятой идеи совершенно немыслимо. Отводя часы досуга занятіямъ математическими дисциплинами, я рѣшительно утверждаю, что занятія математикою воспитали умъ г. Флоренскаго именно такъ, чтобы схватывать и выражать въ математической схемѣ сущность философскихъ идей и улавливать ихъ историческое взаимоотношеніе.

Но подготовленность г. Флоренскаго не ограничивается знаніемъ математики и близкихъ къ ней наукъ—механики, физики, химіи, астрономіи—хотя и такая подготовка для философа—подготовка въ высшей степени важная—очень рѣдка не только въ Россіи, а и заграницей. Но г. Флоренскій свѣдущъ и въ иныхъ отрасляхъ знанія. Онъ обладаетъ знаніемъ языковъ. Я слышалъ лестный отзывъ о его работѣ по еврейскому языку отъ Ев. Ал. Воронцова. Г. Флоренскій перевелъ съ латинскаго физическую монадологію Канта, участвовалъ въ переводахъ съ нѣмецкаго трактатовъ Канта (о религіи) и Шеллинга (о миѳологіи). Онъ можетъ писать по французски (у него есть работа Sur les phénoménes éléctriques et magnetiques de la Terre). Онъ хорошо освѣдомленъ въ естественныхъ наукахъ. У него обширная литературная начитанность и онъ много занимался исторіей религій. Доказывать, что все это послужитъ прекрасною подготовкою для профессора по исторіи философіи, излишне.

2) Но не въ одной подготовкѣ дѣло; главнымъ образомъ—дѣло въ духовныхъ дарованіяхъ. Относительно этого нужно сказать, что рѣдко можно встрѣтить людей, которые, какъ г. Флоренскій, такъ быстро схватывали, такъ прочно усвояли и такъ разносторонне и глубоко анализировали то, съ чѣмъ сталкивалась ихъ мысль.

3) Г. Флоренскій поступилъ въ Академію не потому, что его послали, не потому, что передъ нимъ были закрыты двери другихъ высшихъ школъ, а *вопреки тому*, что ему

представлялась близкая возможность стать профессоромъ Университета. Его привлекла въ Академію его религіозная настроенность и его глубокій интересъ къ тѣмъ проблемамъ, которыя составляютъ жизненный нервъ занятій нашей школы. Онъ пришелъ въ Московскую Академію за тѣмъ, за чѣмъ нѣкогда пришелъ въ нее Владим. Серг. Соловьевъ. Но Влад. Серг. очень скоро покинулъ ее, а г. Флоренскій систематически въ скромномъ образѣ студента изучаетъ весь кругъ преподаваемыхъ у насъ дисциплинъ, и будетъ глубоко прискорбно, если этотъ богословъ—философъ—математикъ станетъ украшеніемъ иного учрежденія, а не Московской Духовной Академіи.

Г. Флоренскій написалъ уже немало самостоятельныхъ работъ, нѣкоторыя изъ нихъ имъ напечатаны. Укажу сначала первыя, потомъ назову нѣкоторыя изъ извѣстныхъ мнѣ по его рукописямъ вторыхъ.

I. О суевѣріяхъ (и чудесахъ). Новый Путь. 1903, № 8.
Спиритизмъ, какъ антихристіанство. Ibid. 1904, № 3.
О символахъ безконечности. Ibid. 1904, № 9.
Къ почестямъ вышняго званія. Сборникъ „Вопросы религ.“. 1906, № 1.
О типахъ возрастанія. Богослов. Вѣстн. 1906, № 7.
Объ одной предпосылкѣ міросозерцанія. Вѣсы. 1903, № 9.
Предисловіе къ работѣ Ельчанинова „Мистицизмъ М. М Сперанскаго“. Бог. Вѣст.

II. Ученіе о прерывности, какъ элементъ міросозерцанія. Обширная монографія въ двухъ частяхъ.

Къ вопросу о функціяхъ постоянныхъ внутри даннаго контура (математическія основанія для ученія о свободѣ воли).

Ученіе Джона Стюар. Милля объ индуктивномъ происхожденіи геометрическихъ аксіомъ (подъ руководствомъ проф. Лопатина).

Идея Бога въ платоновскомъ государствѣ (подъ руководствомъ профес. кн. С. Трубецкого.

Устройство вселенной по Анаксимандру.

Объ измѣненіи именъ, какъ внѣшнемъ знакѣ внутренняго переворота.

Эмпирія и эмпиріи (оригинальное расширеніе понятія эмпирическаго)“.

Выслушавъ означенное предложеніе, Совѣтъ Академіи постановилъ: „На каѳедру *исторіи философіи* имѣть въ виду окончившаго уже университетскій курсъ по физико-математическому факультету съ дипломомъ первой степени и въ будущемъ 1907 — 1908 учебномъ году оканчивающаго съ отличнымъ успѣхомъ полный академическій курсъ студента *Павла Флоренскаго*".

2) Въ настоящее время г. Флоренскій окончилъ полный академическій курсъ первымъ по разрядному списку.—Полученныя за истекающій 1907—1908 учебный годъ новыя данныя о занятіяхъ г. Флоренскаго утверждаютъ въ мысли, что и по своему направленію, и по своимъ познаніямъ онъ совершенно подготовленъ для того, чтобы немедленно стать преподавателемъ Академіи.

3) По § 81 лит. *а* п. 7 устава духовныхъ академій „принятіе мѣръ къ замѣщенію профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій" значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

4) § 50 академическаго устава: „Ищущіе званія профессора или доцента, но неизвѣстные Совѣту своими преподавательскими способностями, сверхъ условій, изложенныхъ въ §§ 45 и 48 (относительно ученой степени), должны прочесть публично, въ присутствіи Совѣта, двѣ пробныхъ лекціи: одну на тему по собственному избранію, а другую по назначенію Совѣта".

Опредѣлили: 1) Пригласить на каѳедру исторіи философіи окончившаго въ текущемъ 1908 году полный академическій курсъ со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній—*Павла Флоренскаго*, предложивъ ему, въ случаѣ согласія, прочесть въ присутствіи Совѣта установленныя § 50 академическаго устава двѣ пробныя лекціи, послѣ чего и имѣть окончательное сужденіе объ избраніи его на каѳедру.—2) Тему для одной изъ таковыхъ лекцій кандидата Флоренскаго поручить дать ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ метафизики и логики *А. И. Введенскому*.

III. *Новой гражданской исторіи.*

Опредѣлили: Принимая во вниманіе: во первыхъ, что Совѣтъ Академіи не имѣетъ въ виду вполнѣ подготовлен-

наго кандидата на означенную каѳедру изъ числа бывшихъ воспитанниковъ Академіи; во вторыхъ, что и по существу такая подготовка затруднительна въ Академіи при недостаткѣ въ ея учебной программѣ всѣхъ необходимыхъ для этого вспомогательныхъ наукъ; въ третьихъ, что профессоры новой гражданской исторіи изъ академическихъ воспитанниковъ, вынужденные заниматься для полученія ученыхъ степеней богословскими предметами, какъ показываетъ опытъ прошедшаго, покидаютъ новую гражданскую исторію для богословскихъ каѳедръ; въ четвертыхъ, что предложенный въ настоящемъ собраніи на эту каѳедру нѣкоторыми членами Совѣта экстраординарный профессоръ Московскаго Университета Александръ Николаевичъ *Савинъ* имѣетъ высшую ученую степень доктора гражданской исторіи, выдающіеся научные труды именно въ области новой гражданской исторіи, наконецъ—продолжительную преподавательскую практику въ Университетѣ,—пригласить на каѳедру новой гражданской исторіи экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Александра Николаевича Савина съ званіемъ доцента.

IV. *Латинскаго языка и его словесности.*

При обсужденіи этого вопроса Совѣтомъ были выслушаны:

а) Отчетъ сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи выпуска минувшаго 1907 года *Сергѣя Знаменскаго* о его занятіяхъ въ 1907—1908 учебномъ году:

„Стипендіатскій годъ проведенъ былъ мной въ Петербургѣ, гдѣ я слушалъ лекціи въ Университетѣ и занимался въ библіотекахъ Академіи Наукъ, Публичной и Университетской.

Въ университетѣ я слушалъ нѣсколько курсовъ историко-литературнаго и чисто филологическаго характера, при чемъ особенное вниманіе сосредоточивалъ на лекціяхъ по латинск. языку. Въ этой области я, согласно руководящимъ указаніямъ проф. П. И. Цвѣткова, прежде всего обратилъ свое вниманіе на способъ комментаціи латинскихъ авторовъ. Результаты своихъ наблюденій постараюсь изложить подробнѣе.

I.

Въ отчетномъ году чтенію латинскихъ авторовъ было посвящено нѣсколько курсовъ. Такъ проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій читалъ

и комментировалъ Ars poetica Горація. Ходъ занятій у него былъ такой. Обыкновенно, начиная лекцію, онъ вкратцѣ повторялъ сущность содержанія и схему движенія мыслей ранѣе прочитаннаго отдѣла, а затѣмъ указывалъ на то, въ какомъ направленіи будетъ двигаться мысль автора дальше. Послѣ этихъ, такъ сказать, приготовленій къ чтенію, онъ прочитывалъ цѣликомъ опредѣленный отдѣлъ и непосредственно приступалъ къ дословному, или вѣрнѣе пословному, переводу этого отдѣла. Грамматическій и синтаксическій анализъ примѣнялся только въ наиболѣе темныхъ и запутанныхъ мѣстахъ, въ каковыхъ случаяхъ профессоръ иногда входилъ въ критику текста, предлагалъ свои конъектуры или приводилъ особенно удачныя и остроумныя поправки къ тексту другихъ ученыхъ критиковъ (напримѣръ, Бентли). Главнымъ же образомъ комментаторъ старался обратить вниманіе на технику Горація, на излюбленные пріемы, употребляемые имъ при изложеніи мыслей. Сюда относится наклонность къ матеріализаціи, конкретизаціи отвлеченныхъ понятій, въ родѣ, напр., выраженія, что комическій сюжетъ „не желаетъ“ (non vult), чтобы его излагали размѣромъ трагедіи (ст. 89, ср. ст. 99—100, а также конкретизація въ рѣчи о ямбѣ и спондеѣ въ ст. 256—258).

Общая мысль у Горація обыкновенно спеціализируется на цѣломъ рядѣ частныхъ. Такъ, вмѣсто общаго понятія аффекта у него перечисляются частные виды: чувство гнѣва, грусти, веселости, серьезности (ст. 105—107). Общее понятіе fortuna тоже подвергается у него спеціализаціи, разложенію на частные виды,—fortunae—„фортуны“, совокупность которыхъ образуетъ habitus fortunarum (ст. 108—118).

Замѣтно бросается въ глаза излюбленный пріемъ Горація дѣлать часто выводъ изъ предыдущаго, давать постоянно резюмэ вышесказаннаго.

Профессоръ не преминулъ также отмѣтить, что для пониманія Горація нужно нерѣдко прибѣгать къ переводу употребляемыхъ имъ словъ и выраженій на греческій языкъ. Напр., техническій смыслъ слова orbis (въ ст. 132: „nec circa vilem patulumque moraberis orbem) сразу выяснится, когда мы переведемъ его греческимъ *κύκλος*, въ которомъ данъ намекъ на „циклическихъ“ поэтовъ (ср. ст. 136).

Въ другихъ мѣстахъ оказывается типичный римлянинъ,

который, живя въ сферѣ юридическихъ понятій, даже и въ область поэзіи вноситъ юридическія выраженія (ст. 131 и 256).

Характеристика техническихъ пріемовъ простиралась не только на способъ изложенія и выраженія мыслей, но и на способъ мотивировки, доказательства ихъ. Изъ многихъ мѣстъ Ars poetica открывается, что Горацій въ вопросахъ эстетики стоитъ на реалистической почвѣ. У него всюду эмпирическая мотивировка. Требуя отъ поэта простоты, естественности, соотвѣтствія реальной дѣйствительности, онъ подтверждаетъ свои тезисы наблюденіями изъ жизни (ст. 101—105).

Нельзя не упомянуть о томъ, что въ своихъ лекціяхъ по экзегезу Горація проф. Зѣлинскій старался сблизить античность съ современностью [1]).

По поводу отдѣльныхъ мѣстъ изъ Ars poetica онъ дѣлалъ экскурсы въ область какъ античнаго театра, такъ и современнаго, въ область древнихъ психологическихъ теорій (Аристотель) и новѣйшихъ (законъ трехъ степеней у Вундта и его же классификація аффектовъ (excitierende und deprimierende, spannende und löscude), сопоставленная съ гораціевой классификаціей: moestus, iratus, ludens, severus, въ ст. 105—107).

Всѣ отдѣльныя замѣчанія, разъясненія и толкованія завершались новымъ переводомъ, который представлялъ изъ себя уже вполнѣ изящную литературную рѣчь и вбиралъ въ себя результаты предшествующаго разбора. Благодаря такой постановкѣ дѣла лекціи проф. Зѣлинскаго всегда оставляли впечатлѣніе чего-то стройнаго, законченнаго, какъ классическій періодъ.

Проф. Зѣлинскій кромѣ лат. языка читалъ также лекціи по греческому языку (Софоклъ, Пиндаръ). Въ виду того, что проф. Цвѣтковымъ мнѣ былъ данъ совѣтъ, въ цѣляхъ надлежащаго изученія лат. языка, обратить вниманіе на греческій, то я, по мѣрѣ возможности, бывалъ на лекціяхъ и по этому предмету. Здѣсь я опять имѣлъ случай познакомиться съ содержательнымъ экзегезомъ проф. Зѣлинскаго. Пріемы были тѣ же, что и при толкованіи Горація.

У приватъ-доцента А. І. Малейна (чтеніе Лукреція—De

---

[1]) Эта черта сказывается и въ его печатныхъ трудахъ (см. напр. „Изъ жизни идей“ вып. I—III).

rerum natura, Овидія—Ars amator. и элегій Проперція) порядокъ чтеній былъ такой. Кто-нибудь изъ слушателей читалъ текстъ и переводилъ, при наводящихъ указаніяхъ и поправкахъ со стороны профессора. Послѣ этого профессоръ переходилъ къ комментаціи, которая сосредоточивалась преимущественно на лексической и грамматической сторонѣ изучаемаго текста. Въ прочитанномъ текстѣ отмѣчались слова и выраженія, наиболѣе нуждавшіяся въ объясненіи, и затѣмъ имъ давалось подробное истолкованіе.

При объясненіи словъ обращалось вниманіе на ихъ генеалогію (напр. solium—сабинскаго происхожденія), на первоначальный смыслъ (delinare—сумасбродствовать, первонач.,—уклоняться отъ борозды), на родство съ словомъ изъ другихъ языковъ (taedium сближалось съ слав. „туга"). Указывалось далѣе, гдѣ, у какихъ еще писателей, встрѣчаются извѣстныя слова и выраженія, при чемъ приводились in extenso соотвѣтствующіе тексты изъ этихъ писателей. Для надлежащаго выясненія смысла нѣкоторыхъ словъ обрисовывалась бытовая и культурно-историческая обстановка, въ которой они употреблялись. Такъ по поводу словъ ambitio и ambitus сдѣланъ былъ экскурсъ въ исторію римской предвыборной агитаціи съ ея частными моментами: ambitus (хожденіе кругомъ, по улицамъ, кандидатовъ въ бѣлыхъ одеждахъ (candidati), coitio (стачка), largitio (подкупъ).

У проф. П. И. Холодняка (чтеніе Тацита и Плинія Младшаго) была своеобразная особенность въ самомъ выборѣ матеріала для чтенія. Онъ выбиралъ не одинъ какой-либо отдѣлъ или отрывокъ, а нѣсколько отрывковъ изъ извѣстнаго писателя. Эти „избранныя мѣста" объединялись внутренно подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія. Такъ въ осеннемъ семестрѣ содержаніемъ лекцій проф. Холодняка были избранные эпизоды изъ Анналовъ Тацита съ точки зрѣнія историческаго драматизма, а въ весеннемъ—избранная переписка Плинія Младшаго.

Порядокъ и характеръ комментаціи былъ слѣдующій. Обыкновенно чтеніе отдѣльныхъ отрывковъ предварялось соотвѣтствующими вводными замѣчаніями, иногда прямо цѣлымъ введеніемъ. Приступая, напр., къ чтенію начальныхъ главъ XIV книги Анналовъ, гдѣ разсказывается объ убійствѣ Агриппины Младшей, профессоръ далъ предваритель-

ную характеристику какъ участниковъ, такъ и лицъ болѣе и менѣе соприкосновенныхъ съ этимъ эпизодомъ: Неронъ, трагическая личность, очерченная у Тацита лучше, чѣмъ у Светонія; Агриппина, мать Нерона—личность съ сильно развитой „волей къ власти"; Поппея, жена Нерона,—особа съ очень легковѣснымъ нравственнымъ богажемъ, но разыгрывавшая роль скромницы; Сенека — философъ, у котораго возвышенныя теоріи расходятся съ практикой собственной жизни, черта, роднящая съ другимъ философомъ, Бэкономъ; Аницетъ, адмиралъ Мизенской эскадры, злой геній у Нерона, какъ Нарциссъ у Клавдія; Ацерронія — камеристка Агриппины, типъ преданной до самопожертвованія женщины. Эти живыя характеристики дѣйствующихъ лицъ какъ нельзя лучше подготовили къ дальнѣйшему чтенію самого эпизода.

Послѣ такого рода введеній слѣдовалъ свободный переводъ, который не отступая слишкомъ отъ буквы подлинника, передавалъ превосходно основной тонъ его и колоритъ. Языкъ перевода у проф. Холодняка всегда производилъ впечатлѣніе замѣчательной художественности. Что касается комментаріевъ на текстъ, то они обычно превращались въ цѣлые очерки историко-литературнаго и археологическаго характера. Напр., письма Плинія Младшаго, касающіяся вопросовъ воспитанія и школьнаго обученія (Ер. II, 18 и III, 3) давали поводъ говорить вообще о характерѣ воспитанія у древнихъ римлянъ, о постановкѣ школьнаго дѣла у нихъ, а также о педагогическихъ взглядахъ нѣкоторыхъ римскихъ писателей. Упоминаніе Плинія о его литературныхъ опытахъ въ разныхъ родахъ поэзіи (Ер. VII, 4) служило исходной точкой для характеристики тогдашняго состоянія литературы. Особенно былъ интересенъ комментарій на разсужденія Плинія о гладіаторскихъ бояхъ и цирковыхъ скачкахъ (Ер. VI, 34 и IX, 6). Профессоръ сближалъ гладіаторскіе бои древнихъ римлянъ съ ритуаломъ человѣческихъ жертвъ. Самое названіе ихъ „munus" (даръ) указываетъ, что это есть жертва богамъ. Такія munera являлись составной частью погребальнаго ритуала (funus) какъ умилостивленіе мановъ, подземныхъ (хтоническихъ) божествъ. Это своего рода тризна, поминки по умершимъ. Отсюда термины munera и funera постоянно встрѣчаются вмѣстѣ.

Въ цѣляхъ ознакомленія съ спеціально-исторической интерпретаціей латинскихъ авторовъ я посѣщалъ лекціи проф. М. Ростовцева. Имъ былъ взятъ для чтенія разсказъ о Коріоланѣ, какъ онъ передается у историковъ Тита Ливія и Діонисія.

Поставляя задачей разбора опредѣленія исторической цѣнности повѣствованій того и другого писателя, профессоръ естественно больше обращалъ вниманіе на такія явленія, какъ хронологическія несообразности, несоотвѣтствіе дѣйствій лицъ съ психологіей ихъ и тому подобныя incongruentia. Иногда давалось объясненіе нѣкоторымъ терминамъ, при чемъ восхожденіе къ коренному смыслу слова часто помогало отчетливости представленія историческихъ деталей. Что такое, напр., centuria praerogativa? та центурія, которую на народныхъ собраніяхъ спрашиваютъ или вызываютъ (rogant) прежде (prae) другихъ.

Часто разсказъ освѣщался свѣдѣніями изъ области римской археологіи, напр., о родахъ и формахъ древне-римскаго вооруженія, о разныхъ видахъ воинскихъ наградъ (dona militaria), о способахъ навигаціи по Тибру. По поводу прозвища „Коріоланъ“ даны были свѣдѣнія о римскихъ nomen gentile, cognomen, praenomen, и ихъ взаимныхъ различіяхъ.

Умѣнье проф. Ростовцева, спеціалиста въ вопросахъ по римской археологіи, представить прошлый бытъ и культурную обстановку во всей ихъ конкретной жизненности, приводило къ тому, что слушатели, можно сказать, вживались въ античный міръ, въ своеобразную атмосферу классической древности. Кромѣ этого, замѣчательно было то, съ какимъ умѣньемъ профессоръ вводилъ слушателей, такъ сказать, въ самую лабораторію своихъ научныхъ изслѣдованій.

Анализъ повѣствованія Ливія о Коріоланѣ, сопровождаемый сопоставленіемъ его съ другими мѣстами ливіевой исторіи, велся съ такой строгой логической послѣдовательностью, что въ головѣ слушателей сами собой формулировались дальнѣйшіе выводы и заключенія. Изъ подробнаго анализа ливіева текста становилось до очевидности яснымъ, что, напр., въ разсказѣ Ливія о морской экспедиціи для закупки хлѣба, по случаю голодовки, есть слѣды трафаретности, отпечатокъ своего рода реторическаго клише, которое накладывается Ливіемъ и въ другихъ мѣстахъ его исторіи.

Вслѣдъ за спеціальнымъ разборомъ повѣствованія Ливія дѣлалось сопоставленіе его съ разсказомъ Діонисія. При сравненіи сразу бросалось въ глаза слѣдующее различіе: у Ливія разсказъ значительно короче, онъ усиленно стремится сокращать его, ставитъ только немного вѣхъ. Далѣе, замѣтна разница въ точкахъ зрѣнія на предметъ: при описаніи суда надъ Коріоланомъ Ливій выдвигаетъ больше политическую сторону, Діонисій, наоборотъ, напираетъ на юридическую. Преимущество разсказа Ливія, между прочимъ, заключается въ томъ, что въ немъ больше психологической правды: Коріоланъ по Ливію совсѣмъ не является на судъ (между тѣмъ какъ у Діонисія онъ не только присутствуетъ, но и держитъ рѣчь), и это вполнѣ согласуется съ его патриціанской гордостью и высокомѣріемъ (срав. типъ Коріолана у Шекспира).

Такъ путемъ детальнаго разбора вскрыта была техника построенія историческаго разсказа у Ливія и Діонисія. Въ итогѣ получалось убѣжденіе, что Діонисій рисуетъ эпизодъ по анналистикѣ Сулловой эпохи, между тѣмъ какъ у Ливія редакція преданія—до-суллова, его источникъ — отблескъ анналистики эпохъ Гракховъ. Этотъ, добытый путемъ внимательнаго и строго-научнаго анализа результатъ совершенно расходится съ выводомъ Моммзена, который утверждаетъ, что Діонисій и Ливій черпали изъ одного источника.

Лекціи проф. Булича по сравнительной фонетикѣ индоевропейскихъ языковъ ввели меня въ кругъ сравнительнаго языкознанія и познакомили съ принципами сравнительно-историческаго метода. Примѣры изъ латинской фонетики здѣсь приводились въ связи съ фонетическими иллюстраціями изъ языковъ греческаго, готскаго, кельтскаго, славянскаго и санскрита. О значеніи данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія для латинскаго языка рѣчь будетъ ниже.

II.

По исторіи римской литературы мной былъ выслушанъ спеціальный курсъ проф. Холодняка. Въ теченіе учебнаго года профессоръ успѣлъ изложить подробно и обстоятельно лишь исторію древнѣйшаго періода римской литературы и начальныя стадіи развитія римской литературы подъ вліяніемъ эллинизма.

Въ введеніи къ курсу отмѣчены были главные моменты въ развитіи данной науки и охарактеризовано современное ея состояніе (рѣшительный переходъ отъ наблюдательно-описательнаго и описательно-классифицирующаго метода къ методу философско-прагматическому). Далѣе указаны были принципіальныя различія въ характерѣ и развитіи античныхъ литературъ, греческой и римской, и значеніе послѣдней. Исторію римской литературы проф. Холоднякъ дѣлитъ на 4 большихъ періода: два республиканскихъ и два императорскихъ. Республиканскіе періоды: 1) отъ сложенія римской общины до начала вліянія эллинизма, т. е. до 3-го вѣка до Р. Хр. 2) періодъ зависимой художественной литературы съ раздѣленіемъ на подотдѣлы: а) отъ Л. Андроника до начала I-го вѣка до Р. Хр. и б) отъ начала I-го вѣка до смерти Августа. Императорскіе періоды: 1) отъ Августа до Константина, 2) отъ Константина до Юстиніана.—За введеніемъ въ исторію литературы слѣдовало ея изложеніе съ самыхъ первыхъ моментовъ ея зарожденія. Въ древнѣйшемъ періодѣ историку приходится имѣть дѣло съ небольшими лишь остатками поэзіи, порой съ одними слѣдами народнаго творчества въ Римѣ, а иной разъ бываетъ можно говорить только о намекахъ на ея существованіе. Въ виду этого нѣкоторыя историки римской литературы, напр., Шанцъ, почти вовсе отказываются отъ схематизаціи и дѣлятъ всѣ остатки римской древнѣйшей поэзіи по формѣ исполненія: 1) пѣніе съ пляской, 2) пѣніе безъ пляски и 3) carmen въ смыслѣ сентенціи, „реченія“ (Spruchdichtung). Проф. Холоднякъ однако пытается дать нѣкоторую систематизацію имѣющагося запаса. Остатки поэзіи древнѣйшаго періода римской литературы, до вліянія на нее эллинизма, обозрѣваются у него подъ слѣдующими рубриками: древнѣйшій эпосъ (carmina convivalia, neniae), древнѣйшая лирика (лирика богослужебная, carmina Arvalia и Saliaria, молитвословія частнаго быта, лирика некапонизованной религіи, — incantamenta, divinatio, оракулы, поговорки, народныя пѣсни), древнѣйшая драматическая поэзія (ludi scenici) и эволюція народной драмы въ Римѣ. Всѣ данныя, какія только даетъ римское литературное преданіе о древнѣйшей поэзіи, использованы были въ курсѣ проф. Холодняка со всею тщательностью и благодаря этому темный періодъ литературы получилъ яркое освѣщеніе.

Далѣе слѣдовалъ обзоръ прозы древнѣйшаго періода. Сюда относятся: письменность духовныхъ коллегій съ ихъ индигитаментами и ритуалами, письменность свѣтскихъ коллегій, республиканскихъ магистратовъ, юридическіе памятники. Другой отдѣлъ прозы—древнѣйшая исторіографія.—Сюда принадлежатъ fasti и календарь, лѣтописи и тому подобные образцы государственной исторіографіи. Кромѣ того у римскихъ писателей встрѣчаются указанія на существованіе въ древнѣйшемъ періодѣ исторіографіи частнаго характера. Къ области семейной исторіографіи (monumenta privata) причисляются: а) такъ называемые imagines majorum,—портретныя галлереи предковъ съ надписями (tituli imaginum), изъ которыхъ образовывалось цѣлое родословное древо (stemma genialogicum; б) семейные архивы (tablina, tabulina,) о которыхъ говоритъ Плиній Старшій и Фестъ, и съ которыми справлялись историки, напр., Діонисій, в) семейныя хроники или семейные лѣтописцы (commentarii domestici), въ родѣ тѣхъ, какіе велись у насъ въ Россіи въ старину и иногда издаются нашими архивными коммиссіями (напр. „Лѣтописецъ Рубцовыхъ“). Есть намеки на существованіе въ эту древнѣйшую эпоху краснорѣчія въ видѣ „демегорій“, о которыхъ сообщаютъ римскіе историки, а также надгробныхъ словъ—laudationes (conciones) funebres, составлявшихъ часть похороннаго ритуала.

Результаты обзора литературной дѣятельности римской общины въ первыя пять столѣтій ея исторической жизни были обобщены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Въ этотъ періодъ для дальнѣйшаго развитія былъ заложенъ прочный фундаментъ, въ видѣ образцовъ того или другого рода письменности, и въ видѣ даже указанія пути къ этому развитію, такъ что слѣдующій періодъ есть во многихъ отношеніяхъ эволюція предыдущаго. Напр., „неніи“, эти простыя заплачки, жалобныя причитанія по умершимъ, являются прототипомъ для послѣдующихъ художественныхъ, поэтическихъ „скорбей“. Ludi scenici и обломки эпическихъ традицій, въ видѣ carmina convivalia, подготовили почву для драмъ и эпоса періода эллинистическаго вліянія. Но особенно хорошо была подготовлена почва для прозы и исторіографіи, а краснорѣчіе новаго періода прямо примкнуло къ уже даннымъ образцамъ предшествующаго времени.

2) Литература разобраннаго періода въ значительной сте-

пени національна и эта черта націонализма кладетъ замѣтную грань между первымъ и слѣдующимъ, эллинистическимъ періодомъ римской литературы.

3) Въ данную эпоху еще на развито личное, свободное художественное творчество и за весь періодъ намъ извѣстно только одно литературное имя—Аппій Клавдій Слѣпой (Caecus).

4) Въ теченіе первыхъ пяти вѣковъ жизни Рима проза имѣетъ значительный перевѣсъ надъ поэзіей, что стоитъ въ связи съ практицизмомъ римской общины, дававшимъ знать о себѣ и въ послѣдующіе періоды.

Что касается литературы эллинистическаго періода, то въ этой области проф. Холоднякъ успѣлъ подробно обозрѣть литературную дѣятельность трехъ первыхъ римскихъ писателей—Ливія Андроника, Невія и Эннія.

Ливій Андроникъ—піонеръ эллинистической поэзіи въ римской литературѣ и, какъ таковой, является эпонимомъ цѣлой эпохи. Онъ дебютировалъ во всѣхъ трехъ областяхъ художественной поэзіи. На первомъ планѣ стоитъ его эпическое произведеніе, — поэтическій пересказъ Гомеровой Одиссеи, который имѣлъ огромное культурное значеніе, такъ какъ, будучи употребляемъ въ обиходѣ римской школы, онъ вводилъ подрастающую молодежь въ новый кругъ идей и одновременно выводилъ ее за предѣлы націонализма. Еще важнѣе было вліяніе этой поэмы на литературу, такъ какъ Одиссея Андроника указала на возможность появленія новыхъ темъ и сюжетовъ, указала на возможность разработки художественнаго эпоса при помощи средствъ римской литературы.

Въ лирикѣ Андронику усвояется составленіе торжественнаго, священнаго гимна (родъ *παρθένιοῦα*) въ честь богини Юноны Царицы (Juno Regina). Наконецъ, въ области драмы ему принадлежитъ рядъ переводовъ или, вѣрнѣе, пересказовъ греческихъ пьесъ (трагедій и комедій). Его комедіи были очень важнымъ прецедентомъ для дѣятельности послѣдующихъ комическихъ писателей.

Невій, литературный наслѣдникъ Андроника, сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ. Въ эпосѣ онъ пытался создать національную эпопею. Его Bellum Punicum имѣла крупное историко-литературное значеніе. На плечахъ Невія стоятъ не

только ближайшіе эпики, но и самъ маэстро римской эпопеи, Виргилій. Въ комедіи Невій сблизилъ палліату почти вплотную съ римской дѣйствительностью, въ трагедіи далъ опытъ претексты.

Особенно былъ обстоятеленъ у проф. Холодняка обзоръ сохранившихся до насъ матеріаловъ дѣятельности на почвѣ римской эллинистической поэзіи Квинта Эннія. Если Андроникъ идетъ путемъ, болѣе близкимъ къ эллинистическому направленію, если Невій круто свертываетъ въ сторону болѣе или менѣе чистаго націонализма, то Эннiй старается идти среднимъ путемъ и полагаетъ начало умѣренному эллинизму. Въ художественномъ отношеніи его произведенія стоятъ гораздо выше, чѣмъ труды Андроника и Невія. Въ драмахъ Эннія мы видимъ уже не попытку, а цѣлый рядъ мастерскихъ произведеній. Одной изъ любимѣйшихъ отраслей дѣятельности Эннія была трагедія. Благодаря солидной эрудиціи въ области греческихъ трагиковъ, греческая трагедія Эсхила, Софокла и въ особенности Эврипида, нашла въ немъ хорошаго перелагателя. Изъ детальнаго сопоставленія фрагменты Эннія съ греческими подлинниками открывается, что онъ отнесся къ оригиналамъ не какъ рабъ-переводчикъ, а какъ художникъ—творецъ, отлично знавшій при томъ условіе своего театра и понимавшій свою римскую публику. Въ качествѣ образца художественности приведены были отрывки изъ энніевой „Андромахи—плѣнницы" (Andromacha—aechmalotis) и „Alcumeo". Въ обоихъ мѣстахъ мастерски проведено crescendo психическаго аффекта, — отъ простой скорби до урагановъ отчаянія (въ пѣснѣ Андромахи), отъ тихой жалобы до взрыва роковой маніи преслѣдованія (въ словахъ Алкмеона, который жалуется на Эриннiй, и во время разсказа имъ постепенно овладѣваетъ аффектъ ихъ присутствія). Понимавшій свою публику поэтъ внесъ въ свой текстъ кое что и римское. Сюда относятся излюбленные у римлянъ аллитераціи и параномазіи (напр. nominatur—nomine, era—errans), которыми изукрашены у Эннія нѣкоторыя тирады, затѣмъ — афоризмы и сентенціи, изложенныя въ грубоватой формѣ, во вкусѣ римской публики.

Давъ Риму художественную драму, Эннiй пытался дать ему и настоящій эпосъ, уже не въ видѣ пересказа Гомера, или большой былины, какъ у Андроника и Невія, а въ видѣ

настоящей художественной эпопеи. Это — его „лѣтопись“ (Annales), называемая также „Ромаидой“. Общій фонъ ея— анналистическій, но Эннiй умѣлъ улавливать поэтическое и на страницахъ настоящей исторіи (напр. описаніе битвы при Каннахъ, подвигъ римскаго трибуна въ Истрійской войнѣ, очеркъ народной смуты во второй Пунической войнѣ въ Римѣ), онъ показалъ первый примѣръ превращенія исторіи въ художественную эпопею, далъ римлянину первую художественную скрижаль его исторіи. Художественный талантъ его сказывается во многихъ мѣстахъ „лѣтописи“. Въ качествѣ шедевровъ обычно приводится монологъ Иліи, гдѣ мастерски соединяется эпическая величавость съ трагическимъ паѳосомъ. Не уступаетъ „сну Иліи“ по живости описанія и знаменитый отрывокъ о птицегаданіи Ромула и Рема.

Не менѣе замѣчательно было въ эпопеѣ Эннія и то, что она написана была гекзаметромъ,—каноническимъ стихомъ греческаго художественнаго эпоса. Какъ первый опытъ въ римской поэзіи, его гекзаметры, конечно, не могли быть такъ же легки и изящны, какъ гомеровскіе, но зато они имѣли значеніе для послѣдующей литературы. Если Андроникъ и Невій въ своихъ драмахъ показали, что на почвѣ латинской рѣчи возможно созданіе греческихъ метровъ, въ родѣ сенара, тетраметра, даже анапеста и бакхія, то Эннiй своимъ гекзаметромъ показалъ дорогу всѣмъ будущимъ дактиликамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вывелъ эпосъ на путь художественной ритмической композиціи.

Наконецъ, Эннiй сдѣлалъ попытку ввести въ обиходъ римской литературы и новые, дотолѣ неизвѣстные роды поэзіи, впослѣдствіи вошедшіе въ плоть и кровь римской поэзіи. Сюда относятся, напр., его философско-дидактическія поэмы, въ которыхъ онъ является предшественникомъ и учителемъ геніальнаго Лукреція. Таковы—„Epicharmus“—прецедентъ поэмы De rerum natura,—величайшаго произведенія античнаго дидактическаго эпоса, и „Eugemerus“—поэма трактатъ, представляющая пересказъ сочиненія философа Евгемера „*Ἱερὰ ἀναγραφή*“ (священная запись).

Новинкой въ римской литературѣ были написанныя Эннiемъ (по свидѣтельству схоліаста Порфиріона, въ количествѣ четырехъ книгъ), такъ называемыя „сатуры“. Этотъ родъ литературы ведетъ свое происхожденіе изъ Александрій-

скаго періода греческой литературы, который вообще много далъ литературѣ Рима. Введенныя Энніемъ сатуры представляли изъ себя литературную смѣсь какъ по внѣшней формѣ (стихи разныхъ метровъ), такъ и по содержанію (философско-нравственныя разсужденія въ видѣ діалога, басни, отдѣльныхъ сентенцій; характеристики, въ родѣ мѣткаго изображенія „паразита"; литературныя разсужденія и описаніе природы). Вмѣстѣ съ сатурами пересаженъ былъ Энніемъ на римскую почву и другой продуктъ греческой литературы— эпиграммы, т. е. стихотворныя надписи, компонованныя элегическимъ дистихомъ.

Таково было содержаніе лекцій проф. Холодняка. Изъ представленнаго обзора ихъ видно, что онъ старался какъ можно рельефнѣе изобразить постепенный ростъ римской литературной дѣятельности, эволюцію литературныхъ формъ, медленный, но неуклонный прогрессъ литературной техники въ сторону все большей и большей художественности.

Характерную особенность курса проф. Холодняка составляетъ и то, что въ немъ удѣляется много мѣста біографическимъ обзорамъ, гдѣ выясняется, при какихъ культурно-историческихъ условіяхъ возникла и какъ протекла работа автора. Біографическія свѣдѣнія всегда завершались у него мастерскими характеристиками писателей. Такъ, напр., очень живо и ярко очерчена была фигура Невія, гордаго и свободолюбиваго кампанца, личности удивительно цѣльной, которая даетъ себя чувствовать на каждой страницѣ и въ каждой строчкѣ своихъ произведеній. Духовный обликъ Эннія иной. Это была натура кроткая, уживчивая, склонная на компромиссы. Она какъ нельзя болѣе подходила къ роли примиренія въ римской поэзіи двухъ элементовъ—греческаго и національнаго.

Благодаря такимъ характеристикамъ жизнь и литературная дѣятельность писателей сводилась въ одно органическое цѣлое и въ результатѣ получалась законченная картина.

Чтобы ознакомиться съ римской литературой въ цѣломъ ея объемѣ и вообще оріентироваться въ историко-литературныхъ вопросахъ, я обратился къ печатнымъ курсамъ по исторіи римской литературы. Изъ такихъ курсовъ проф. Холодняком особенно были рекомендованы труды Шанца (Schanz) и Ламарра (Lamarre), на которыхъ онъ часто ссылался въ своихъ

лекціяхъ и съ сужденіемъ которыхъ, по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, не разъ знакомилъ.

Капитальный трудъ М. Шанца, занимающій теперь въ Германіи первое мѣсто среди курсовъ по исторіи римской литературы, носитъ слѣдующее заглавіе: Geschichte der Römischen Litteratur (входитъ въ энциклопедію Iw. Müller. Handbuch d. Klass. Altertumswissensch.). Исторія римской литературы доведена у него до поздней имперіи и изложена по культурно-историческимъ періодамъ. Значительное мѣсто удѣлено въ этомъ курсѣ христіанской латинской литературѣ и ссылки на него приходится не разъ встрѣчать въ научныхъ церковно-историческихъ изслѣдованіяхъ. Масса ученыхъ примѣчаній, присоединяемыхъ къ каждому отдѣлу и главѣ, прекрасно вводятъ въ литературу предмета.

Другой трудъ, принадлежащій французскому ученому Ламарру, озаглавливается такъ: „Histoire de la litterature latine“,—изданіе, разсчитанное на 12 томовъ; пока вышли восемь. Профессоръ Холоднякъ ставитъ это, можно сказать, монументальное произведеніе на первое мѣсто не только въ ряду французскихъ изслѣдованій, но и вообще среди новѣйшей ученой литературы по данному предмету. Исторія римской литературы доведена въ этомъ курсѣ до вѣка Августа включительно. Изложена она, какъ и у Шанца, по культурно-историческимъ періодамъ, но картина литературнаго развитія обрисована здѣсь болѣе подробно. Одно введеніе, гдѣ говорится объ этническомъ составѣ, о началахъ италійской культуры и происхожденія латинскаго языка (Origines de langue latine), занимаетъ у него цѣлый томъ. Далѣе, въ качествѣ Appendix'а къ обзору отдѣльныхъ періодовъ литературы, присоединены спеціальные томы, представляющіе собраніе большихъ отрывковъ изъ авторовъ даннаго періода, въ оригиналѣ и переводѣ на французскій языкъ. Это своего рода—христоматіи къ отдѣльнымъ періодамъ (таковы т. 4 и 8). Изученіе этихъ и другихъ наиболѣе капитальныхъ курсовъ по исторіи римской литературы было важно для меня не только въ смыслѣ обогащенія фактическими свѣдѣніями, но, что главнѣе всего, въ смыслѣ ознакомленія съ разнообразными научными пріемами объясненія историко-литературныхъ фактовъ. Къ характеристикѣ этихъ научныхъ методовъ я сейчасъ и перейду.

Если въ произведеніяхъ отдѣльнаго писателя можно находить отраженіе его личности, то въ литературѣ цѣлаго народа можно видѣть отраженіе его коллективной души, его національнаго характера. Подробное развитіе этого положенія мы находимъ въ книгѣ Bernhardy: Grundriss der Römischen Litteratur.

Уже на первыхъ страницахъ своего труда Бернгарди говоритъ, что для характеристики всякой литературы необходимо исчерпывающее знаніе самой національности, что творческій духъ народа неизбѣжно проницаетъ собой всю его литературу. Всѣ, даже самыя геніальныя произведенія, стоятъ подъ общимъ вліяніемъ своей общественности, носятъ отпечатокъ національнаго самоопредѣленія. Литература есть вѣрный отобразъ народа. Особенно это вѣрно по отношенію къ литературѣ римлянъ,—народа съ сильно развитымъ національнымъ самосознаніемъ. Отсюда и во введеніи самого Бернгарди мы встрѣчаемъ, на ряду съ общей характеристикой римской литературы, очеркъ характера самихъ римлянъ.

Эта національная характерологія не только можетъ служить средствомъ для объясненія историко - литературныхъ фактовъ, но и, въ связи съ другими методами, играть роль эвристическаго принципа. Пояснимъ это примѣромъ. Отъ древнѣйшаго періода римской литературы до насъ дошло очень мало реальныхъ остатковъ письменности. Однако, зная характеръ римлянина, практицизмъ римской общины, ея стремленіе къ организаціи, регулировкѣ и нормировкѣ, мы можемъ заранѣе предположить существованіе богатой и разнообразной литературы уже на первыхъ порахъ жизни римской общины. И въ литературномъ преданіи римскихъ писателей и антикваровъ мы находимъ подтвержденіе нашихъ предположеній. Археологическія находки, число которыхъ съ каждымъ годомъ увеличивается, даютъ окончательное оправданіе этимъ апріорнымъ ожиданіямъ.

Такъ какъ національная психологія въ свою очередь слагается подъ весьма сильнымъ вліяніемъ историко - культурныхъ фактовъ, есть, до извѣстной степени, ихъ продуктъ, то принципъ истолкованія историко-литературныхъ фактовъ изъ души народа, изъ его психологіи, естественно приводитъ къ другому, болѣе широкому принципу объясненія литературы народа изъ его исторіи, изъ совокупности историко-культур-

ныхъ, отчасти географическихъ, условій, среди которыхъ протекла его жизнь и дѣятельность. Принципъ этотъ сравнительно недавно утвердился прочно въ наукѣ и его вліяніе всего замѣтнѣе сказалось въ томъ, что теперь исторію римской литературы дѣлятъ на періоды не по возрастамъ человѣка, и не по металлическимъ эпохамъ, а по культурно-историческимъ. Историческій очеркъ въ началѣ каждаго литературнаго періода считается такой же необходимой принадлежностью, какъ біографія писателя предъ обзоромъ его произведеній. Изъ такихъ „біографій" эпохи или періода сразу видно, до какой степени ходъ литературной эволюціи опредѣляется ходомъ историческихъ событій. Возьмемъ, напр., первыя страницы изъ исторіи Рима. Онѣ переполнены военнымъ матеріаломъ. Среди войнъ шло „строеніе" Civitas Romana и некогда было заниматься литературной дѣятельностью. Отсюда—медленный темпъ эволюціи вначалѣ. Потомъ, когда дѣло было немного налажено и римляне вышли побѣдителями изъ войнъ съ карѳагенянами, сразу, какъ грибы послѣ дождя, возникли почти всѣ виды поэзіи, совершился переходъ къ новому, подражательному періоду литературы, очень живо и картинно описанный у Горація: „поздно взялись наши умные дѣды за грековъ—поэтовъ; въ прахъ сокрушивъ Карѳагенъ, они на досугѣ спросили: „ну ка, посмотримъ теперь, что тамъ за Софоклъ съ Эврипидомъ". (Epist. II, 1, 161 слѣд.). Другой яркій примѣръ—вѣкъ Августа, политическая реформа котораго опредѣлила характеръ и направленіе римской литературы на данное время.

Имѣя въ виду эту громадную важность историческаго фактора въ области литературныхъ явленій, я постарался не только ознакомиться съ печатными трудами по исторіи Рима, но и прослушать въ Университетѣ нѣкоторые спеціально-историческіе курсы. Упомяну здѣсь о лекціяхъ проф. Гримма (исторія римской республики), который ознакомилъ слушателей съ разными типами научной обработки этого періода въ трудахъ Нибура, считавшаго изложеніе царскаго періода у Ливія переложеніемъ былиннаго эпоса,—Швеглера, внесшаго понятіе этіологическаго миѳа,—знаменитаго Моммзена, старавшагося исчерпать эпиграфическій и нумизматическій матеріалъ,—Де—Санктиса, сдѣлавшаго, попытку обработать археологическій матеріалъ.

Лекціи проф. Гревса, захватывавшія эпоху разложенія римской имперіи, давали историческій фонъ для позднѣйшихъ періодовъ римской литературы.

Весьма поучительны были для меня также лекціи проф. Форстена (эпоха Возрожденія), касавшагося вопроса объ отношеніи гуманистовъ къ древнему, античному міру и, въ частности, къ римской литературѣ. Есть рѣзкая разница въ томъ, какъ относились къ этому міру гуманисты, и какъ—люди среднихъ вѣковъ. Послѣдніе усваивали только внѣшнюю, античную оболочку; духъ древней культуры для нихъ былъ недоступенъ. Наоборотъ, гуманисты подошли къ нему вплотную, можно сказать, открыли древній міръ. Петрарка, напримѣръ, не просто читаетъ, а бесѣдуетъ съ древними авторами, даже переписывается съ ними. Античный міръ представляется ему чуднымъ ландшафтомъ, а не мрачной шахтой, изъ которой извлекали крупицы истины средневѣковые филологи.

Отъ научной, прагматической исторіи литературы въ настоящее время требуется не только объясненіе литературы даннаго народа изъ культурно-историческихъ условій его развитія, но и сопоставленіе этой литературы съ литературами другихъ народовъ. Такое сопоставленіе можетъ открыть или фактъ заимствованія, подражанія одной литературы другой, или, напр., фактъ сходства въ смѣнѣ литературныхъ явленій. Вмѣстѣ съ этимъ становится возможнымъ, съ одной стороны, отличить оригинальныя формы въ литературѣ отъ заносныхъ, съ другой—указать черты своеобразія въ самомъ ходѣ эволюціи.

Въ отношеніи къ римской литературѣ слѣдуетъ сказать, что, напр., такъ называемый „эллинистическій періодъ“ ея прямо немыслимо изучать безъ постояннаго сличенія съ греческой литературой особенно александрійской эпохи. Возьмемъ ли Андроника и Эннія или Плавта съ Теренціемъ, всегда приходится дѣлать экскурсы въ область греческой комедіи, трагедіи и проч. Даже при обозрѣніи литературной дѣятельности такого націоналиста, какъ Невій, постоянныя сличенія неизбѣжны, и въ результатѣ получается убѣжденіе, что, какъ комплексъ художественнаго творчества, римская литература, по отношенію къ греческой, есть posterius не только во времени, но и въ содержаніи и формѣ.

Сравнительнымъ методомъ можно освѣтить этотъ періодъ римской литературы и съ другой стороны, именно, со стороны самаго хода, схемы эволюціи. Въ этомъ случаѣ имѣетъ свою долю значенія сближеніе исторіи римской литературы съ исторіей литературы русской, опыты чего сдѣланы въ извѣстномъ трудѣ проф. Модестова: „Лекціи по исторіи римской литературы“ (3-е изд. 1888 г.). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что эволюція обѣихъ литературъ шла не ровнымъ темпомъ и прямымъ путемъ, а съ девіаціями, блужданіемъ по орбитѣ чужой литературы. Какъ у римлянъ столкновеніе съ греческой образованностью послѣ завоеванія греческихъ городовъ Южной Италіи вызвало къ существованію подражательную литературу, такъ у насъ сближеніе съ западной образованностью, послѣ реформы Петра В., повело къ быстрому перениманію западныхъ литературныхъ формъ. И въ римской литературѣ и въ русской мы наблюдаемъ въ эти періоды преждевременное развитіе такихъ формъ литературнаго творчества, которыя въ нормально развивавшихся литературахъ (напр. въ греческой) появляются лишь въ концѣ эволюціоннаго процесса (драмы и трагедіи).

Проф. Модестовъ позволяетъ себѣ провести параллель и между отдѣльными литературными дѣятелями взятыхъ эпохъ. Такъ Андроникъ съ его „Одиссеей“ напоминаетъ ему нашего Тредьяковскаго съ его „Телемахидой“, а роль Эннія въ римской литературѣ сравнивается съ ролью Ломоносова въ русской. И тотъ и другой считаются родоначальниками художественной литературы у своего народа. Какъ Эннiй, такъ и Ломоносовъ ввели совершенно новый поэтическій размѣръ, именно, одинъ—гекзаметръ, другой—тоническій размѣръ. Оба, наконецъ, пробовали свои силы въ разныхъ родахъ и видахъ литературы, и вездѣ ими была проложена дорога для послѣдующихъ литературныхъ дѣятелей.

Доселѣ, говоря о римской литературѣ, мы разумѣли языческую латинскую письменность. Что касается до христіанской латинской литературы (поэзіи и прозы), то обстоятельное изложеніе ея я встрѣтилъ въ вышеупомянутомъ трудѣ Шанца (въ послѣднихъ, какіе успѣли выйти, томахъ его „Geschichte der Römisch. Litteratur“. Извѣстенъ также трудъ

Эберта: „Geschichte der christlich—lateinischen Litteratur“.—„An der Spitze“ христіанскихъ писателей здѣсь поставленъ Минуцій Феликсъ и весь матеріалъ раздѣленъ на слѣдующіе періоды:

1) Отъ Минуція Феликса до Константина В.
2) Отъ Константина В. до смерти Августина.
3) Отъ смерти Августина до временъ Карла Великаго.

Въ высшей степени полезна была для меня книга Гастона Буассье: „Паденіе язычества“. Авторъ ея даетъ очень живыя характеристики церковныхъ писателей и прекрасно освѣщаетъ внутреннюю сторону процесса развитія христіанской латинской литературы. Въ этомъ процессѣ онъ видитъ участіе двухъ элементовъ,—языческой классической образованности и христіанскихъ идей. Оба эти элемента то вступаютъ въ борьбу между собою, то мирно уживаются другъ съ другомъ. На многихъ примѣрахъ Буассье показываетъ, какъ въ душѣ христіанскихъ писателей долго продолжали жить слѣды прежнихъ языческихъ воспоминаній. Амвросій Медіоланскій, напр., настолько сжился съ языческими авторами, что библія у него иллюстрируется ссылками на Виргилія и Плинія Старшаго. Блаж. Іеронимъ откровенно признавался въ своемъ „цицероніанствѣ“ и говорилъ, что языческая изящная словесность была очарованіемъ его дѣтства. Подвизаясь въ пустынѣ, онъ имѣлъ при себѣ сочиненіе Цицерона и Плавта, а его собственныя творенія пестрятъ цитатами изъ римскихъ авторовъ, начиная съ Эннія. Классическая литература была такъ близка ему, что являлась часто естественнымъ выраженіемъ его эмоцій; его чувства непроизвольно выливались въ стихи виргиліевой Энеиды. Св. Кипріанъ пишетъ письма къ Донату, напоминающія сочиненія Сенеки, а Блаж. Августинъ на виллѣ Верекунда читаетъ и комментируетъ съ своими учениками Виргилія. Даже суровый ригористъ Тертулліанъ, какъ бы созданный для сопротивленія языческимъ воспоминаніямъ юности, и тотъ, напр., въ трактатѣ „О плащѣ“ невольно возвращается въ этотъ античный міръ. Такъ можно сказать, что еще задолго до эпохи Возрожденія въ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей какъ бы оживаетъ частично древне-римская языческая литература.

Произведенія латинскихъ писателей, языческихъ и христіанскихъ, сохранились, главнымъ образомъ, въ рукописяхъ изъ эпохи среднихъ вѣковъ, чрезъ взаимное сличеніе которыхъ (collatio) ученые стараются возстановить древній текстъ въ его болѣе или менѣе оригинальномъ видѣ. Для чтенія и изученія этихъ рукописныхъ памятниковъ необходимо знаніе особой науки,—палеографіи.

Въ Петербургскомъ Университетѣ въ отчетномъ году не читалось спеціальнаго курса по латинской палеографіи, но у меня подъ руками были литографированныя лекціи проф. И. И. Холодняка, читанныя имъ въ прежніе годы.

Въ нихъ предварительно данъ обзоръ матеріаловъ для письма и изложена исторія латинскаго алфавита, который выводится изъ дорійскаго алфавита халкидонскаго типа, употреблявшагося въ Средней Италіи, въ Кумахъ и Сициліи.

При характеристикѣ видоизмѣненій латинскаго рукописнаго письма за точку сравненія принимается алфавитъ лапидарный, т. е. классическаго періода, называемый scriptura quadrata. Изъ видовъ латинскаго рукописнаго письма ближе всего къ нему стоитъ scriptura capitalis—древнѣйшій, извѣстный намъ типъ латинскаго рукописнаго письма, соотвѣтствующій въ славянской палеографіи такъ называемому „уставу“. Большія, или прописныя, буквы въ позднѣйшихъ печатныхъ изданіяхъ не что иное, какъ литеры scripturae capitalis. Далѣе слѣдуетъ scriptura uncialis съ двумя подвидами: папирусное унціальное письмо и пергаментное. Первое производитъ впечатлѣніе легкаго, небрежнаго почерка и отстоитъ дальше отъ лапидарнаго, чѣмъ папирусное.—Оба типа, капитальное и унціальное письмо, объединяются въ одинъ классъ: litterae majusculae.

Типъ письма, приспособленный къ пріему скорописи (scriptura cursiva), пережилъ три періода въ своемъ развитіи: 1) древнѣйшій латинскій курсивъ,—алфавитъ свинцовыхъ пластинокъ, находимыхъ въ гробницахъ, алфавитъ граффитовъ (помпейскіе graffiti) и церъ (помпейскія и австрійскія cerae); 2) средній курсивъ—письмо отрывковъ на папирусѣ, изъ Египта (IV—V в.)—типъ канцелярской каллиграфіи; 3) новый римскій курсивъ, пергаментнаго вида и папирусного (болѣе крупный, свободный и съ смѣлыми лигатурами), вышедшій изъ древняго курсива подъ вліяніемъ унціаль-

наго. Изъ рукописнаго курсива вышли письмена національныя (лангобардское, вестготское, меровингское, ирское и англо-саксонское).

Минускульное письмо,—письмо, развившееся изъ унціальнаго, прошло три стадіи развитія: 1) періодъ подготовительный—scriptura semiuncialis, 2) періодъ національныхъ минускуловъ и 3) періодъ каролингскаго или франкскаго минускульнаго письма, которое постепенно подходитъ вплотную къ литерамъ первыхъ инкунабулъ и того, что теперь называется латинскимъ шрифтомъ.

Для практическихъ занятій у меня были подъ руками: Zangemeister und Wattenbach, Exempla codicum latinorum litteris majusculis scriptorum.—Vitelli—Paoli, Collezione Fiorentina di facsimili paleografici. Fascicolo I—IV.

III.

Прослушанные мной въ Университетѣ курсы, по чтенію и экзегезу латинскихъ авторовъ, давали образецъ живого. практическаго примѣненія къ дѣлу разнообразныхъ филологическихъ знаній, спеціальная разработка которыхъ подѣлена между отдѣльными филологическими дисциплинами. Но такъ какъ это примѣненіе по самому существу своему носило характеръ отрывочный и случайный, то цѣльнаго знанія объ языкѣ эти лекціи, конечно, дать не могли.

Выработка болѣе или менѣе цѣльнаго и систематическаго знанія составляла главный предметъ моихъ самостоятельныхъ занятій въ области латинскаго языка, при чемъ я, какъ и при изученіи исторіи литературы, обращалъ особенное вниманіе на научную методологію.

Древніе языки можно разсматривать и изучать или въ ихъ окончательно сложившемся видѣ, или же „im Werden“,—въ самомъ процессѣ ихъ историческаго развитія. На первомъ пути мы встрѣчаемся въ области науки латинскаго языка съ такъ называемымъ „цицероніанизмомъ“ или „виргиліализмомъ“, который имѣетъ въ виду только однѣ чистыя формы классической latinitas и разсматриваетъ ихъ чисто математически, in abstracto. На второмъ пути стоитъ историко-генетическая школа, которая дала много плодотворныхъ результатовъ въ дѣлѣ научнаго изученія латинскаго языка (см. труды Штольца (Stolz), Historische Gramma-

tik d. lateinischen Sprache, а также Lindsay, The latin language (an historical account of latin sound, stems and flexions). Oxford 1894, и друг.). И на этомъ пути латинскій языкъ представляется не какъ что то застывшее, неподвижное въ своихъ грамматическихъ формахъ, а какъ нѣчто живое, какъ живой элементъ античной культуры и вмѣстѣ—важный факторъ ея.

Вотъ почему и въ центрѣ моихъ занятій стояла исторія латинскаго языка (Sprachgeschichte или Bildungsgeschichte d. Sprache нѣмецкихъ ученыхъ), какъ наука о жизни языка, его происхожденіи и постепенномъ развитіи грамматическихъ формъ (ср. опредѣленіе науки исторіи языка у проф. Будде: Лекціи по исторіи русскаго языка. Казань 1907 г.). Что же касается классической latinitas, то она была точкой отправленія и вмѣстѣ punctum comparationis при изученіи какъ раннѣйшихъ эпохъ въ исторіи латинскаго языка, такъ и позднѣйшихъ (эпохи упадка).

Историко-генетическое направленіе въ области латинскаго языка имѣетъ два основныхъ типа: 1) Направленіе чисто историческое, вращающееся въ историческихъ предѣлахъ одного латинскаго языка, при чемъ факты этого языка излагаются или примѣнительно къ извѣстному періоду литературы, или же прослѣживаются за все время существованія литературы и письменности (статистическій трудъ Нейе по морфологіи латинскаго языка и работа Шмальца по латинскому синтаксису). 2) Направленіе сравнительно-историческое, изслѣдующее доисторическій субстратъ латинскаго языка, когда онъ еще не дифференцировался достаточно отъ сродныхъ съ нимъ нарѣчій. Ясно, что это направленіе является естественнымъ дополненіемъ къ первому, такъ какъ „компаративисты“ создаютъ въ своихъ работахъ необходимый фундаментъ для спеціальныхъ грамматикъ. Таковъ капитальный трудъ К. Бругмана: Grundriss der vergleichenden Grammatik d. indogerm. Sprachen, представляющій сравнительное изложеніе языковыхъ фактовъ изъ области фонетики и морфологіи индо-европейскихъ языковъ.

Сюда же примыкаетъ серія трудовъ по италійской діалектологіи, которая изучаетъ сравнительныя особенности древне-италійскихъ нарѣчій (труды Моммзена, Бюхелера, Конвэя и др.).

Оба направленія имѣютъ цѣлью возстановить по возмож-

ности въ полномъ видѣ ходъ эволюціи латинскаго языка, при чемъ сравнительно-историческое направленіе имѣетъ спеціальной задачей освѣтить темный вопросъ о происхожденіи латинскаго языка (Origines de langue latine у французскихъ филологовъ).

Звенья эволюціи латинскаго языка далеко еще не установлены, имѣется много пробѣловъ и нужны ученая пытливость и находчивость для обнаруженія этихъ недостающихъ звеньевъ. Наука движется впередъ благодаря увеличенію числа источниковъ, необходимыхъ для познанія прошлыхъ судебъ латинскаго языка. А это расширеніе достигается главнымъ образомъ путемъ археологическихъ открытій—находокъ реальныхъ памятниковъ исторіи языка, и открытій методологическихъ,—находчивости ученыхъ въ обработкѣ и использованіи уже существующихъ матеріаловъ по исторіи языка. Ниже у меня приведены примѣры такихъ „методологическихъ“ находокъ.

Въ исторіи латинскаго языка намѣчаютъ нѣсколько періодовъ. При регрессивномъ движеніи отъ классической latinitas къ раннѣйшимъ эпохамъ мы встрѣчаемся прежде всего съ періодомъ архаической литературной латыни, памятниками которой являются произведенія старинныхъ римскихъ писателей въ родѣ Андроника, Эннія и другихъ, въ языкѣ которыхъ замѣтно отступленіе отъ классическаго языка.

Литературному періоду архаической латыни предшествовалъ періодъ долитературный, къ которому относятся такіе памятники, какъ 1) Numasioi—fibula—золотая брошь, найденная въ городѣ Palestrina (древн. Пренесте) въ концѣ 1886 г. и относимая къ VI—V в. до Р. Хр.; 2) Duenos—inscriptio—глиняный сосудъ, найденный въ 1880 г. у подошвы Квиринала и относимый къ V в. до Р. Хр.; 3) Elogium Сципіона (230-хъ годовъ); 4) реставрированная ростральная колонна Дуиллія (260 г.).

Идя дальше въ глубь вѣковъ, мы вступаемъ, наконецъ, въ темный доисторическій періодъ, который нѣсколько освѣщается благодаря сравнительному языкознанію, которое въ этомъ случаѣ играетъ роль палеонтологической науки.

Существеннымъ источникомъ для изученія архаической латыни, помимо литературныхъ памятниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, являются надписи, особенно древнѣйшія. Матеріалъ

этотъ за послѣднее время на столько увеличился, благодаря многочисленнымъ раскопкамъ, что изученіе его выдѣлено теперь въ особую науку эпиграфику,—pendant къ палеографіи. Капитальнымъ изданіемъ эпиграфическихъ памятниковъ является берлинскій Corpus inscriptionum latinorum, издававшійся подъ редакціей Моммзена. Затѣмъ слѣдуютъ изданія Ричля: Priscae latinitatis monumenta epigraphica, Гюбнера: Exempla scripturae epigraphicae latinae, Berolini 1885, и др. сборники (Sylloge).

Для оріентировки въ богатомъ эпиграфическомъ запасѣ мною были проштудированы соотвѣтствующія руководства и особенно прекрасная книга проф. Cognat: Cours d' Epigraphie latine (2-е изд. 1889 г.). Она знакомитъ съ алфавитами римскихъ надписей (архаическій, монументальный, курсивный), съ употребленіемъ въ нихъ лигатуръ, раздѣлительныхъ и числовыхъ знаковъ. Далѣе говорится объ элементахъ, общихъ различнымъ классамъ надписей: — указаніе именъ (nomen, cognomen, praenomen) римскихъ гражданъ; именъ рабовъ, вольноотпущенниковъ; указаніе филіаціи, трибы, родины, указаніе титула (cursus honorum). Затѣмъ слѣдуетъ раздѣленіе надписей по классамъ и характеристика формъ, свойственныхъ каждому изъ нихъ. Извѣстная правильность, однообразіе, наблюдаемыя въ надписяхъ, принадлежащихъ къ одному какому-либо классу, позволяютъ вывести нѣкоторые эпиграфическіе законы, которые имѣютъ значеніе при реконструкціи пробѣловъ въ надписяхъ и критикѣ подлинности ихъ. Приведу для примѣра характеристику надгробій. Существенными (конститутивными) частями погребальныхъ надписей являются: 1) формула инвокаціи: D. M. S.=dis manibus sacrum, 2) имя погребеннаго, 3) формула годовъ. Къ аксессуарамъ принадлежатъ: 1) формула, указывающая, что мертвый покоится въ той могилѣ, гдѣ надпись (hic quiescit, hic crematus est, hic ossa sunt), 2) пожеланіе, обращенное къ умершему со стороны живыхъ (sit tibi terra levis), 3) привѣтствіе отъ лица мертваго живымъ (salve, vale viator) и рядъ другихъ деталей.

Помимо прямыхъ источниковъ для исторіи латинскаго языка, въ видѣ литературныхъ произведеній древняго періода и надписей, есть еще, такъ сказать,—косвенныя. Сюда принадлежатъ:

1) Сочиненія римскихъ грамматиковъ и антикваровъ, обращавшихъ вниманіе на особенности архаическаго языка и приводившихъ образцы его въ видѣ отдѣльныхъ словъ, выраженій и цѣлыхъ текстовъ (труды Варрона, Феста, Геллія, Проба, Харисія и др.).

2) Формулы и обороты, употреблявшіеся въ религіозномъ ритуалѣ и государственныхъ дѣлахъ. Замѣчено, что формулы вообще обладаютъ способностью сохранять старыя слова и старыя формы словъ. Происходитъ это отъ того, что вслѣдствіе ихъ механическаго повторенія съ словами перестаютъ связывать смыслъ. Они становятся простыми flatus vocis и какъ бы окаменѣваютъ, эволюціонный процессъ на нихъ уже не распространяется. Благодаря этому сохранились старыя формы словъ, въ родѣ ollus=illi, въ формулѣ восклицанія глашатая при выборахъ: olla centuria! а также въ фразѣ, произносимой при смерти: ollus leto dato est! Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о гимнахъ саліевъ и арвальскихъ братьевъ, представляющихъ образчики такого древняго языка, что даже для самихъ римлянъ поздней эпохи онъ былъ мало понятенъ.

Обломки древняго языка въ формулахъ и ритуальныхъ оборотахъ принадлежатъ вообще къ классу пережитковъ языка, которыхъ не мало разсѣяно по классической latinitas. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ такъ называемыя исключенія изъ правилъ, неправильныя формулы спряженія и склоненія, которыя констатируются, но обычно не объясняются въ школьныхъ грамматикахъ латинскаго языка, есть не что иное какъ лингвистическіе рудименты. И если ихъ освѣтить историко-генетическимъ принципомъ, то они окажутся такимъ же закономѣрнымъ явленіемъ, какъ и прочія „правильныя“ формы. Темпъ развитія бываетъ не одинаковъ въ разныхъ частяхъ языка,—въ вокализмѣ, консонантизмѣ, морфологіи и проч. Въ однихъ отдѣлахъ онъ слишкомъ быстръ, въ другихъ оказывается болѣе медленнымъ. Съ точки зрѣнія ушедшихъ впередъ элементовъ языка другіе ужъ будутъ пережитками. Но сосуществуя вмѣстѣ съ первыми, эти послѣднія являются прекраснымъ средствомъ для возстановленія звеньевъ эволюціи.

3) Вульгарная латынь.—За послѣднее время учеными обращено вниманіе на любопытный фактъ, что латынь періода

упадка, или такъ называемая вульгарная латынь и латынь церковная, содержатъ въ себѣ элементы очень древняго происхожденія, формы, напоминающія языкъ Плавта и другихъ архаическихъ писателей. Объясняется это тѣмъ, что вульгарная латынь, образцами которой, между прочимъ, служатъ древне-италійскіе переводы Библіи (Итала) и сочиненія нѣкоторыхъ церковныхъ писателей, выросла изъ простонародной римской рѣчи (sermo plebejus). Простонародная рѣчь, какъ замѣчено, отличается большей консервативностью сравнительно съ литературной рѣчью. Въ то время, какъ sermo urbanus, подъ воздѣйствіемъ литературныхъ талантовъ и геніевъ языка, совершенствовался и развивался въ фонетикѣ, морфологіи и синтаксисѣ, народный языкъ продолжалъ хранить старые обороты рѣчи и слова. Постепенно удаляясь въ своемъ развитіи отъ литературнаго, sermo rusticus въ концѣ концовъ оказался съ своимъ собственнымъ лексикономъ (вмѣсто edere—manducare, вм. equus—caballus, вм. caput—testa), съ своимъ склоненіемъ (употребленіе предлоговъ вмѣсто падежныхъ окончаній), спряженіемъ (смѣшеніе различныхъ спряженій) и вообще съ своей этимологіей (Volksetymologie).

Sermo plebejus не разъ пробивался на поверхность литературной рѣчи въ комедіяхъ Плавта, бравшаго свой языкъ съ форума и базаровъ, въ произведеніяхъ Варрона и вобще въ произведеніяхъ scriptorum rei rusticae, и въ концѣ концовъ завоевалъ себѣ прочное мѣсто въ литературѣ въ видѣ вульгарной латыни. Разнесенный римскими солдатами по провинціямъ Orbis Romanus, онъ повелъ къ образованію романскихъ нарѣчій и въ союзѣ съ ними довершилъ упадокъ классической latinitas. Такъ называемая церковная латынь въ своемъ развитіи рисуетъ намъ не что иное, какъ борьбу школьнаго классическаго языка съ вульгарнымъ.—Какъ ни стараются христіанскіе писатели удержаться на высотѣ языка Цицерона и Горація, вліяніе вульгарной латыни даетъ себя знать, особенно въ синтаксисѣ. Языкъ же древне-италійскихъ переводовъ Св. Писанія есть прямо языкъ вульгарной латыни. И замѣчательно, что въ немъ открываютъ много сходствъ съ языкомъ Плавта (ср. Rönsch, Itala und Vulgata). Такъ древняя латынь и латынь позднѣйшая оказываются близкими между собою, такъ что вторая можетъ служить хоро-

шимъ источникомъ для познанія первой. Открытіе это составляетъ крупную заслугу современной научной методологіи.

Въ связи съ увеличеніемъ интереса къ вульгарной латыни стоитъ и внимательное изслѣдованіе учеными глоссаріевъ, которые даютъ новые языковые факты, не засвидѣтельствованные другими источниками. Глоссаріи теперь собираются въ одно цѣлое и, въ параллель Corpus inscriptionum latinarum, мы имѣемъ Corpus glossariorum latinorum, ed. Goetz. Прекрасный образецъ примѣненія глоссографическихъ данныхъ къ латинской „Sprachgeschichte" даетъ проф. М. Покровскій въ своей книгѣ: „Матеріалы для исторической грамматики латинскаго языка".

4) Латинская ономатологія.—Въ самое недавнее время среди латинскихъ филологовъ и въ частности лексикографовъ возникъ особенный интересъ къ собственнымъ именамъ въ латинскомъ языкѣ, и уже вышло нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій по этому предмету (Шульце, Zur Geschichte lat. Eigennamen, Berl. 1904, и Циммермана, Zur Entstehung bezw. Entwickelung d. altrömischen Personnamen). Интересъ этотъ объясняется тѣмъ, что, какъ оказывается, нѣкоторыя латинскія cognomina являются или совершенно новыми, дотолѣ неизвѣстными, лексическими единицами, или же подтвержденіемъ рѣдко встрѣчающихся словъ (*ἅπαξ λεγόμενα*). Таковы латинскія прозвища: Missor, Geminator, Vulsor, Mascator и др. (см. Грушка, Этюды по латинскому именному словообразованію М. 1906 г.:) Предъ нами, такимъ образомъ, новое „методологическое открытіе", прибавляющее новый источникъ для изученія латинскаго языка.

Но особенно важнымъ фактомъ въ области научной методологіи оказывается примѣненіе къ латинскому языкознанію данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія вообще и сравнительнаго изученія италійскихъ языковъ въ частности (италійская діалектологія). Значеніе этихъ данныхъ для классической филологіи признано въ наукѣ сравнительно недавно. Сильный толчокъ работамъ въ этомъ направленіи далъ извѣстный проф. Курціусъ, который и въ своихъ лекціяхъ по греческому языку и въ печатныхъ трудахъ привлекъ для объясненія и сравненія санскритъ. Послѣ него Корсенъ уже заявляетъ, что закрывать глаза на результаты сравнительнаго языковѣдѣнія значитъ не признавать солнечнаго свѣта.

И дѣйствительно, утилизація данныхъ сравнительнаго языковѣдѣнія много содѣйствовала расширенію нашихъ знаній относительно образованія различныхъ формъ и словъ въ латинскомъ языкѣ. Нѣкоторыя грамматическія формы, или совсѣмъ исчезнувшія изъ латинскаго языка, или сильно измѣнившіяся въ немъ, могутъ уцѣлѣть, въ полномъ видѣ, въ другомъ сродномъ языкѣ. Такъ напр., характеристическая буква личнаго мѣстоименія 1-го лица ед. ч. есть m (mei, mihi, me), но она совершенно отсутствуетъ въ именительномъ падежѣ ego и возстановляется чрезъ сопоставленіе съ соотвѣтствующей санскритской формой aham, подобно тому какъ, въ свою очередь, по аналогіи съ ego, возстановляется древняя полная форма мн. ч.—enos, засвидѣтельствованная въ carmen arvale. Извѣстенъ также классическій, можно сказать, примѣръ съ такъ называемымъ locativus. Дѣло въ томъ, что благодаря сравнительно-историческому анализу латинскій ablativus былъ разложенъ на два падежа,—отложительный и мѣстный (locativus); senatu, напр. восходитъ и къ древней формѣ твор. senatud (конечное d потомъ утратилось) и къ мѣстному senatou,—который является еще жизненнымъ casus въ осско-умбрскомъ діалектѣ.

Такимъ синкретизмомъ падежей въ лат. ablativus и объясняется, почему онъ имѣетъ такъ много синтаксическихъ функцій, иногда совершенно различныхъ (отвѣчаетъ на вопросъ „гдѣ“ и „откуда“).

На почвѣ „Sprachvergleichung“ построено много теорій и гипотезъ о происхожденіи различныхъ грамматическихъ формъ. Такъ на фонѣ индо-европейскихъ языковъ и италійскихъ нарѣчій пытаются изобразить генезисъ латинскаго герундива. Бругманъ (Grundriss d. vorgleichenden Grammatik) видитъ основаніе герундива въ древне-италійской формѣ неопредѣлен. наклоненія на *m*, къ которому присоединено postpos.— do=zu, cp.der zu löscude, *δόμον δε*, donec. Съ другой стороны, американскій филологъ Гортонъ-Смитъ полагаетъ, что герундивъ образовался чрезъ присоединеніе къ неопредѣленному наклоненію суфф. do, какъ въ прилагательномъ imbridus или lucidus. Отсюда схема развитія такая: edum+do= edundo.

Предъ сравнительнымъ же языковѣдѣніемъ лежитъ, между прочимъ, задача раскрыть генезисъ суффиксальныхъ элемен-

товъ, которыми такъ богатъ латинскій языкъ,—задача непосильная для спеціальныхъ грамматикъ латин. яз. Полагаютъ, что эти словообразующіе элементы въ доисторическую эпоху языка играли роль самостоятельныхъ словъ.

Но главное, что составляетъ заслугу сравнительнаго языковѣдѣнія и научной діалектологіи, это освѣщеніе вопроса о происхожденіи латинскаго языка, о его генеалогіи.

Латинскій языкъ не сразу сталъ господствующимъ языкомъ въ Италіи, а потомъ и въ Orbis Romanus. Въ древнѣйшую пору мы находимъ его въ предѣлахъ одного Лаціума, находимъ окруженнымъ цѣлой серіей родственныхъ ему діалектовъ, которые объединяются подъ общимъ названіемъ „италійскихъ". Прекраснымъ пособіемъ для оріентированія въ вопросахъ италійской діалектологіи можетъ служить книга Конвэя (Convay): The Italic dialects, Cambridge 1897. Она стоитъ на плечахъ раннѣйшихъ „основоположительныхъ" діалектологическихъ трудовъ Моммзена и Бюхелера и посвящена К. Бругману, извѣстному представителю сравнительнаго языкознанія. Въ 1-мъ томѣ помѣщены фрагменты италійскихъ діалектовъ, сохранившіеся въ надписяхъ и у римскихъ грамматиковъ,—съ классификаціей ихъ по группамъ и съ таблицей ихъ алфавитовъ. Во 2-мъ томѣ даны грамматика и глоссарій италійскихъ діалектовъ.

Конвэй классифицируетъ діалекты такъ:

1) Южно-Осканскій (Сицилія, Луканія, Апулія).

2) Средне-Осканскій: а) Кампанія (Сорренто, Помпеи, Геркуланъ, Кумы, Нола и Абеллы, Капуя), б) Самній (гирпины, френтаны).

3) Сѣверно-Осканскій (пелигны, марруцины, вестины).

4) Вольскій (вольски, аврунки).

5) Латинскій (марсійцы, эквы, герниканцы, пренестинцы, сабиняне, фаллиски).

6) Умбрскій.

7) Пиценскій.

Фаллинскіе, сабинскіе и прочіе подговоры группируются Конвэемъ вокругъ общаго латинскаго, потому что они одинаково имѣютъ характерное qu—тамъ, гдѣ осскія, умбрскія и вольскія нарѣчія имѣютъ p.

Впослѣдствіи, когда латинскій языкъ одержалъ побѣду надъ другими діалектами въ борьбѣ за существованіе, римляне

съ высоты своей latinitas смотрѣли на эти идіомы, какъ на выродившіеся, мужицкіе языки: qui Obsce et Volsce fabulantur nam latine nesciunt (комикъ Титинній). Дѣйствительно, если брать за сравненіе латинскій языкъ въ его, уже болѣе или менѣе сложившемся, видѣ, то окажется много различій съ осско-умбрскими нарѣчіями. Вотъ образцы фонетическихъ различій: pis=quis, alfo=albo, mefio=medius, hurz=hortus, pihaz=piatus, ohtavis=Octavius, scriftas=scriptae (ср. нѣм. Schrift), rehte=recte (ср. нѣм. recht), slaagi=locus (ср. нѣм. Lage), upsannam—operandam (см. Planta, Grammat. d. Osc.-Umbr. Dial). Кромѣ того существуютъ различія въ падежныхъ окончаніяхъ, глагольныхъ флекціяхъ, въ синтаксисѣ.

Однако, если взять для сравненія языкъ древнѣйшихъ латинскихъ памятниковъ, въ родѣ Numasioi—fibula, Duenos—inscriptio, elogium Сципіона и гимна арвальскихъ братьевъ, то впечатлѣніе будетъ другое.

Для Умбрскаго діалекта главнымъ памятникомъ являются такъ называемыя игувійскія доски (tabulae Iguvinae)—семь бронзовыхъ досокъ найденныхъ въ 1444 г., въ городѣ Gubbio. Отъ Осскаго діалекта осталось много надписей; собраны онѣ проф. Цвѣтаевымъ: Inscriptiones Italiae inferioris. Приведемъ образцы обоихъ этихъ діалектовъ и древнѣйшаго латинскаго.

Tabula Iguvina: Ape frater sersnatur furent, ehvelklu feia fratreks ut kvestur ave rehte kuratu si=Ubi fratres epulati erant, decretum faciat magister aut quaestor, si recte curatum sit (см. Bucheler, Umbrica).

Осская надпись: V. Aadirans V. eitiuvam, paam vereiiai Pompaiianai tristaamentud dedet eisak eitiuvad V. Viinikiis Mr., Kvaisstur Pompaiians triibam ekak kombennieis tanginud opsannam dedet, isidum profatted=V. Adiranus V. p. pecuniam, quam civitati Pompeianae testamento dedit, ea pecunia V. Vinicius M. quaestor Pompeianus domum hanc, conventus consulto, operandam dedit, idemque probavit (Цвѣтаевъ Inscr. ital. № 143).

Образцы древне-латинскаго языка:

Древне-латинскій гимнологическій текстъ изъ Carmen Saliare:

Quome tonas, Leucesie, prai ted tremonti quotquot ubeique hemuneis deiveis, conctom mare—cum tonas, Lucetie, prae te tremunt, quotquot ubique homines dei, cunctum mare.

Надпись на Пренестинской fibula:

Manios med fhefhaked Numasioi.

Маній сдѣлалъ меня для Нумасія.

Изъ сопоставленія этихъ и другихъ надписей видно, какъ близокъ древній латинскій языкъ къ діалектамъ осскому и умбрскому, особенно къ первому. И тамъ и здѣсь мы видимъ богатый вокализмъ, обиліе дифтонговъ (ai, oi, ou, ei), одинаковыя окончанія (напр., присутствіе буквы d, утраченной впослѣдствіи въ латинскомъ языкѣ), наконецъ, болѣе полныя глагольныя формы.

Близость надписи Манія къ Осскому, діалекту побудила даже нѣкоторыхъ ученыхъ (діалектологъ Линьяна) предположить, что пренестинская фибула есть произведеніе осской промышленности, изготовленное лишь для римской торговли. Какъ бы то ни было, но фактъ тотъ, что древне-латинскій языкъ стоитъ въ кровномъ родствѣ съ италійскими діалектами, а среди нихъ его наиболѣе близкая родня—осское нарѣчіе.

Итакъ, nomen gentile латинскаго языка—италійскій діалектъ. Но группа италійскихъ діалектовъ, въ свою очередь, входитъ въ другую, еще болѣе великую семью языковъ, въ такъ называемую группу языковъ индоевропейскихъ, изъ числа которыхъ въ древней Италіи были распространены нарѣчія греческія, гальскія (кельтскія) и иллирійскія (мессапійскія, венетскія нарѣчія). Что касается языка сосѣдей римлянъ, этрусковъ, то онъ не только не принадлежитъ къ италійскимъ нарѣчіямъ, но и не производитъ впечатлѣнія языка индоевропейскаго.

Какое же положеніе занимаетъ латинскій языкъ въ индоевропейской группѣ, къ какимъ языкамъ онъ здѣсь ближе стоитъ?

Съ давнихъ поръ идетъ мнѣніе объ особенной близости латинскаго языка къ греческому. Еще сами римляне производили свой языкъ отъ греческаго и, въ частности, отъ эолійскаго діалекта. (Варронъ, Квинтилліанъ). Въ новѣйшее время въ наукѣ долго держалась теорія греко-италійскаго праязыка. Нѣкоторые ученые въ качествѣ руководящаго принципа при изученіи латинскаго языка ставили принципъ: „lateinisch ist grichisch“ (Рейзигъ). Однако, знакомство съ санскритомъ показало, что латынь не дериватъ греческаго языка, а только что оба языка—братья между собой и санскритомъ. При этомъ, относительно латинскаго и греческаго

языка замѣчаютъ, что едва ли когда изъ одной семьи выходили братья, менѣе похожіе другъ на друга (Любке). Ихъ родство восходитъ не ближе, какъ къ арійскому періоду. Бросающееся въ глаза лексическое сходство (въ латинскомъ языкѣ насчитываютъ до 7000 словъ греческаго происхожденія) объясняется позднѣйшимъ культурнымъ вліяніемъ Греціи на Римъ, которое прикрыло первоначальное несходство и создало иллюзію особенной близости. Между тѣмъ это несходство сказывается въ этимологіи латин. языка: нѣтъ члена, двойственнаго числа, мало развиты optativus и аористы. Въ синтаксисѣ наиболѣе характерныя части тоже мало похожи на греческія. Принципъ словосложенія, характеризующій греческую рѣчь, очень туго развитъ въ латинскомъ, но зато мы видимъ въ немъ особенное развитіе гипотаксиса, косвенной рѣчи, условныхъ періодовъ. Напротивъ, въ кельтскомъ (гальскомъ) языкѣ ученые филологи находятъ больше существеннаго сходства съ латинскимъ. Помимо общихъ названій предметовъ домашняго обихода, что указываетъ на раннюю совмѣстную жизнь, въ кельтскомъ языкѣ открывается присутствіе супина, столь характернаго для латинскаго языка. Затѣмъ указываютъ связь въ важнѣйшей части формаціи,—въ глагольной флексіи. На основаніи этого и полагаютъ, что среди индоевропейскихъ языковъ кельтскій и латинскій языки составляютъ такую же родственную пару, какъ языкъ литовскій и славянскій, или тотъ же латинскій языкъ, какъ языкъ Лаціума, и осское нарѣчіе въ группѣ италійскихъ діалектовъ.

Въ заключеніе характеристики пріемовъ научнаго изученія латинскаго языка упомяну о методѣ *психологическомъ*, при которомъ главное вниманіе обращается на психологическіе факторы, участвующіе въ созданіи того или другого явленія въ области языка. Больше всего принципъ зависимости фактовъ языка отъ психологическихъ факторовъ имѣетъ приложенія въ области синтаксиса и семасіологіи.

Что касается синтаксиса, то, въ качествѣ примѣра психологической интерпретаціи его, можно указать на книгу Dittmar'a: Studien zur Lat. Moduslehre. Lpz. 1897,—гдѣ вскрывается, между прочимъ, психологическая подкладка индикативныхъ конструкцій, съ одной стороны, и конъюнктивныхъ и инфинитивныхъ оборотовъ, съ другой. Сходство конъюнк-

тивныхъ и инфинитивныхъ оборотовъ въ томъ, что они одинаково исходятъ изъ возбужденной души и являются выраженіемъ (Ausfluss) сильной субъективности. Между тѣмъ индикативныя конструкціи суть обнаруженіе полнѣйшей объективности, душевнаго спокойствія.

Нужно однако замѣтить, что въ основѣ инфинитивныхъ конструкцій, въ родѣ Acc. c. infin. лежатъ нѣсколько иныя душевныя движенія, нежели въ основѣ конъюнктивныхъ предложеній. Конструкція Acc. c. infin. выросла, по Dittmar'y, изъ инфинитивнаго восклицанія (Ausruf), игравшаго первоначально роль самостоятельнаго предложенія. Эта конструкція есть выраженіе активныхъ, возбуждающихъ (эксцитирующихъ) аффектовъ, аффектовъ преизбыточествующей полноты и силы (Kraftgefühl), къ каковымъ относятся чувства радости, гнѣва, изумленія и т. п.

Что же касается конъюнктивныхъ предложеній, то въ нихъ находятъ себѣ выраженіе аффекты угнетающаго (депримирующаго) характера. Сюда относятся чувства, которыя испытываетъ человѣкъ въ состояніи сомнѣнія, нерѣшительности, боязливой подавленности, мучительной неизвѣстности.

Въ области семасіологіи роль психологическаго фактора необычайно велика. Подъ семасіологіей разумѣютъ исторію словъ и грамматическихъ формъ со стороны ихъ содержанія, смысла, или, яснѣе говоря, исторію измѣненія ихъ значенія (Bedeutungswandel). Процессъ измѣненія значенія словъ происходитъ подъ вліяніемъ культурно-историческихъ причинъ и управляется, главнымъ образомъ, психологическимъ закономъ ассоціаціи. Это ужъ видно изъ тѣхъ направленій, по которымъ обычно идетъ семасіологическое развитіе. Разумѣемъ постепенную детерминацію или спеціализацію первоначальнаго значенія слова (напр. rogare—говорить, просить, молиться), трансляцію или переносъ по смежности и сходству (напр. fingere—лѣпить, выдумывать, concio—политическое собраніе, рѣчь на политич. собраніи).

Тѣмъ же психологическимъ закономъ обусловливается перемѣна въ значеніи грамматическихъ формъ. Такъ, напр., переходъ причастій въ nomina agentis, или процессъ субстантированія причастій, происходитъ подъ вліяніемъ ассоціативныхъ аналогій (adolescens-parens, cliens-potens). Сюда же относится превращеніе nomina actionis въ nomina loci въ силу

близости воззрѣній на (1) орудіе или средство дѣйствія и (2) на мѣсто дѣйствія, напр., lectus—(постель) первонач.—„лежало“, какъ scala—лѣстница (значитъ собств. „стопало“). Многочисленные примѣры объясненія семасіологическихъ явленій психологическимъ методомъ даны въ книгѣ проф. М. Покровскаго: Семасіологическія изслѣдованія въ области древнихъ языковъ (Ученыя записки Императорскаго Московскаго Университета, вып. 23-ій)“.

б) Отзывъ объ означенномъ отчетѣ временнаго преподавателя латинскаго языка и его словесности—заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *П. И. Цвѣткова*:

„Учебный 1907—1908 годъ г. Знаменскимъ былъ посвященъ изученію латинскаго языка и латинской литературы въ Петербургскомъ университетѣ.

Съ цѣлію ознакомленія съ методами интерпретаціи латинскихъ писателей г. Знаменскій слушалъ объясненіе „Ars poetica“—Горація у проф. Зелинскаго, объясненіе „De rerum natura“—Лукреція у приватъ-доцента Малеина и объясненіе избранныхъ мѣстъ изъ Тацита и писемъ Плинія Младшаго у проф. Холодняка. Кромѣ того, посѣщалъ лекціи профессора Ростовцева, который занимался спеціально-исторической интерпретаціей разсказа о Коріоланѣ въ историческихъ трудахъ Тита Ливія и Діонисія.

Другимъ предметомъ изученія для г. Знаменскаго была исторія римской литературы. Для ознакомленія съ нею г. Знаменскій слушалъ лекціи по исторіи римской литературы у проф. Холодняка, а также самостоятельно штудировалъ труды по исторіи римской литературы—Шанца (Geschichte d. röm. Literatur) и Ламарра (Histoire de la literature latine), а равно Grundriss d. röm. Literatur—Бернгарди.

Имѣя въ виду важность чисто историческихъ фактовъ для исторіи римской литературы, г. Знаменскій слушалъ курсы профессоровъ Гримма, Гревса и Форстена по разнымъ отдѣламъ римской исторіи.

Сужденія г. Знаменскаго какъ о прослушанныхъ курсахъ, такъ и объ изученныхъ книгахъ показываютъ, что онъ въ значительной степени усвоилъ содержаніе означенныхъ курсовъ и книгъ и имѣетъ ясное представленіе о задачахъ комментаціи латинскихъ писателей и о фактахъ римской литера-

туры. При этомъ должно замѣтить, что онъ постарался изучить не только классическую римскую литературу, но и церковную латинскую литературу (по трудамъ Шанца и Еберта).

Не менѣе труда посвятилъ г. Знаменскій изученію самого латинскаго языка въ его историческомъ развитіи. Для освѣдомленія въ вопросахъ римской эпиграфики, составляющей необходимую, такъ сказать, предпосылку при изученіи исторіи латинскаго языка, онъ пользовался трудомъ Cagnat: Cours d' epigraphie latine. Но самыя собранія надписей — Моммсена „Corpus inscriptionum latinarum" и Ричля „Priscae latinitatis monumenta epigraphica"—онъ только упоминаетъ, но не имѣлъ ихъ предметомъ изученія.

Сужденія г. Знаменскаго объ источникахъ для изученія исторіи латинскаго языка, о главнѣйшихъ моментахъ его исторіи, о діалектахъ латинскаго языка показываютъ, что и эта область знанія имъ была усердно изучаема и въ значительной степени ему извѣстна."

Справка: 1) При поступленіи въ 1903 году въ число студентовъ Московской Духовной Академіи рекомендованный Правленіемъ Пензенской духовной семинаріи студентъ Сергѣй *Знаменскій* сдавалъ пріемное испытаніе (по собственному выбору) по *латинскому* языку, получивъ на ономъ баллъ 5—. 2) Для спеціальнаго изученія въ теченіи академическаго курса студентомъ Знаменскимъ былъ избранъ *греческій* языкъ.—3) Въ собраніи 21 сентября 1906 года Совѣтомъ Академіи постановлено было: „На каѳедру *латинскаго языка и его словесности* имѣть въ виду оканчивающаго въ наступившемъ 1906—1907 учебномъ году курсъ воспитанника Академіи Сергѣя *Знаменскаго*".

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе, что профессорскій стипендіатъ Сергѣй Знаменскій, предназначенный Совѣтомъ Академіи къ замѣщенію вакантной каѳедры латинскаго языка и его словесности, уже при поступленіи въ Академію на пріемныхъ экзаменахъ обнаружилъ хорошія познанія въ латинскомъ языкѣ, а истекшій годъ посвятилъ основательному изученію этого предмета, прослушавъ цѣлый рядъ спеціальныхъ курсовъ на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго Университета и самостоятельно знакомясь съ филологической литературой,—не считать пре-

пятствіемъ къ избранію его на означенную каѳедру неслушаніе имъ академическихъ лекцій по латинскому языку и предложить ему прочесть въ началѣ будущаго 1908 — 1909 учебнаго года установленныя § 50 академическаго устава двѣ пробныя лекціи, послѣ чего и имѣть по данному вопросу окончательное сужденіе.—2) Тему для одной изъ таковыхъ лекцій профессорскаго стипендіата Знаменскаго поручить дать временному преподавателю латинскаго языка и его словесности—заслуженному ординарному профессору Академіи *П. И. Цвѣткову.*

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Авг. 26. По ст. I. И. д. доцента Академіи священникъ Димитрій Рождественскій перемѣщается съ занимаемой имъ каѳедры гомилетики и исторіи проповѣдничества на каѳедру Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта. Прочее смотрѣно и утверждается“.

5 сентября 1908 года.

№ 12.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. П. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, П. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій; временный преподаватель—заслуженный ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ; исправляющіе должность доцента—Д. Г. Коноваловъ, Н. Л. Туницкій, Ѳ. М. Россейкинъ и священникъ Д. В. Рождественскій и лекторъ В. П. Лучининъ.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, доцентъ А. П. Орловъ и исправляющіе должность доцента—И. М. Громогласовъ и Е. А. Воронцовъ.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Іюня 16. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня за № 12:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Товарищемъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11-го сего Іюня за № 1238, журналъ Учебнаго Комитета, № 280, *о назначеніи въ составъ новообразуемыхъ курсовъ духовныхъ академій воспитанниковъ, окончившихъ ученіе въ духовныхъ семинаріяхъ.* Приказали: Разсмотрѣвъ означенный журналъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) разрѣшить Совѣтамъ духовныхъ академій вызвать въ текущемъ году къ подлежащему сроку изъ числа 132 семинарскихъ воспитанниковъ, рекомендованныхъ мѣстными епархіальными и семинарскими начальствами, въ составъ новыхъ въ академіяхъ курсовъ 78 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ семинарскаго ученія, изъ нихъ: а) въ С.-Петербургскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Витебской, Владимірской, Вологодской, Волынской, Костромской, Курской, Литовской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тифлисской и двоихъ изъ Новгородской; б) въ Кіевскую академію—20, по одному воспитаннику изъ семинарій: Волынской, Воронежской, Донской, Костромской, Минской, Могилевской, Нижегородской, Одесской, Орловской, Подольской, Полтавской, Самарской, Таврической, Харьковской, Черниговской, двоихъ изъ Ярославской и троихъ изъ Кіевской; в) въ *Московскую академію—20,* по одному воспитаннику *изъ семинарій: Владимірской, Волынской, Донской, Екатеринославской, Одесской, Орловской, Полтавской, Таврической, Тамбовской, Харьковской, Черниговской, Ярославской* и по два *изъ Московской, Рязанской, Тверской и Тульской,* и г) въ Казанскую академію—18, по одному воспитаннику изъ семинарій: Астраханской, Владимірской, Воронежской, Казанской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Пермской, Рязанской, Самарской, Симбирской, Тамбовской, Тобольской, Томской, Уфимской и двоихъ изъ Александровской миссіонерской; 2) остальныя затѣмъ казеннокоштныя вакансіи на первомъ курсѣ академій предоставить лучшимъ изъ имѣющихъ явиться къ пріемнымъ испытаніямъ въ качествѣ волонтеровъ; 3) поручить Совѣтамъ духовныхъ академій, по окончаніи пріемныхъ испытаній въ академіяхъ, представить Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требующіяся Синодальнымъ опре-

дѣленіемъ отъ 12 Января 1849 г., съ указаніемъ и тѣхъ лицъ, которыя явятся на экзаменъ не по вызову и будутъ приняты въ число воспитанниковъ въ академіи, и 4) предписать семинарскимъ начальствамъ, чтобы при избраніи воспитанниковъ въ академіи: а) обращали, согласно особымъ постановленіямъ высшаго духовнаго начальства, самое строгое вниманіе на благонадежность избираемыхъ какъ по способностямъ, успѣхамъ въ ученіи и благонравію, такъ и по состоянію здоровья и склонности ихъ къ продолженію духовнаго образованія, б) на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 19 Марта 1871 г. за № 14, обязали избранныхъ при самомъ отправленіи подписками по прибытіи на мѣсто не отказываться отъ поступленія въ академію, а по окончаніи академическаго курса ученія отъ вступленія въ духовно-учебную службу, в) выслали по предписанному въ приведенномъ указѣ Святѣйшаго Синода порядку таковыя подписки вмѣстѣ съ другими требуемыми документами избранныхъ воспитанниковъ непосредственно въ академическіе Совѣты, не допуская ни въ какомъ случаѣ передачи таковыхъ документовъ въ Совѣты академій чрезъ самихъ воспитанниковъ, и г) снабдили отправляемыхъ воспитанниковъ прогонными и суточными для проѣзда деньгами, а также необходимымъ на экипировку пособіемъ на основаніяхъ, изъясненныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 5 мая 1905 года за № 228 (Церк. Вѣд. № 21). Для должныхъ распоряженій и исполненія со стороны Совѣтовъ духовныхъ академій, послать Преосвященнымъ Митрополитамъ С.-Петербургскому, Московскому, Кіевскому и Архіепископу Казанскому печатные циркулярные указы, увѣдомивъ таковыми же Преосвященныхъ тѣхъ епархій, изъ которыхъ предназначается вызовъ семинарскихъ воспитанниковъ въ академіи".

Справка: Изъ вызванныхъ во исполненіе сего указа Святѣйшаго Синода воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ Академію къ пріемнымъ испытаніямъ прибыли 17 человѣкъ. Не явились воспитанники семинарій *Владимірской*, *Одесской и Таврической*, о чемъ Правленія двухъ послѣднихъ семинарій и предувѣдомили Совѣтъ Академіи отношеніями отъ 25 и 4 іюля за №№ 1924 и 1032; о студентѣ же Владимірской духовной семинаріи *Сергѣѣ Сахаровѣ*, не явившемся къ пріемнымъ испытаніямъ вслѣдствіе внезапно постигшей его

болѣзни, Ректоромъ названной семинаріи возбуждено предъ Совѣтомъ Академіи особое ходатайство (ст. II журнала).

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Іюля 13. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня за № 7005:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 31 минувшаго мая за № 14430, по ходатайствамъ южно-славянскихъ уроженцевъ о принятіи ихъ въ русскія духовно-учебныя заведенія, съ назначеніемъ на содержаніе синодальныхъ стипендій. Приказали: Разрѣшить, согласно настоящему предложенію, допустить къ пріемнымъ испытаніямъ, послѣ медицинскаго освидѣтельствованія, болгарина *Стефана Попъ-Рачева* для поступленія въ Московскую духовную академію, съ назначеніемъ ему, по выдержаніи испытаній, стипендіи изъ синодальныхъ средствъ и съ отнесеніемъ расхода на стипендію по 220 р. въ годъ на счетъ духовно-учебнаго капитала по отд. 1 § 2 спеціальной смѣты расходовъ вѣдомства Святѣйшаго Синода. Для зависящихъ по сему распоряженій послать указъ Вашему Преосвященству".

Справка: Болгарскій уроженецъ Стефанъ Попъ-Рачевъ къ пріемнымъ испытаніямъ сего 1908 года въ Академію не явился.

в) Отношенія 14-ти Правленій духовныхъ семинарій съ препровожденіемъ документовъ назначенныхъ ими къ поступленію въ составъ новаго (LXVII) академическаго курса воспитанниковъ:

Владимірской—Сергѣя Сахарова,
Волынской—Александра Хотовицкаго,
Донской—Григорія Епифановича,
Екатеринославской—Георгія Чайкина,
Московской—Николая Ремова и Владиміра Маркова,
Орловской—Василія Никольскаго,
Полтавской—Андрея Степанова,
Рязанской—Василія Муратова и Дмитрія Яхонтова,
Тамбовской—Петра Уметскаго,

Тверской—Алексѣя Титова и Константина Носова,
Тульской—Ильи Кудряшева и Александра Успенскаго,
Харьковской—Александра Мигулина,
Черниговской—Михаила Курганскаго и
Ярославской—Леонида Брянцева.

г) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что всѣ лица, явившіяся для поступленія въ составъ новаго академическаго курса по собственному желанію, въ качествѣ волонтеровъ (55 студентовъ духовныхъ семинарій, изъ коихъ 19 священниковъ и 1 вышедшій въ отставку учитель духовнаго училища, въ чинѣ Надворнаго Совѣтника, семейный; и 2 сербскихъ уроженца, окончившіе курсъ Призренской семинаріи—*священникъ Савва Іовановичъ* и *Ефремъ Игумановичъ*—на основаніи разрѣшительныхъ указовъ Святѣйшаго Синода отъ 15 мая и 30 октября 1907 года за №№ 5655 и 13005), были допущены имъ къ пріемнымъ испытаніямъ.—Послѣднія, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода отъ 2—22 марта 1904 года за № 1186 и 27 февраля 1907 года за № 1275, произведены были, въ предѣлахъ семинарскаго курса,—по Священному Писанію Ветхаго и Новаго Завѣта (какъ двумъ отдѣльнымъ предметамъ), догматическому богословію, всеобщей церковной исторіи (до раздѣленія церквей) и по одному изъ древнихъ языковъ, по выбору экзаменующихся.—Независимо отъ сего экзаменовавшіеся писали на заданныя темы сочиненія по основному богословію, психологіи и поученіе.—Отъ испытанія по одному изъ древнихъ языковъ освобождены были сербскіе уроженцы—священникъ *Іовановичъ* и *Игумановичъ*—на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 14 августа 1902 года за № 6245.

д) Донесеніе врача академической больницы С. Н. Успенскаго о томъ, что всѣ явившіяся къ пріемнымъ испытаніямъ лица, которыхъ онъ 16 и 17 августа сего 1908 года, въ присутствіи Г. Инспектора Академіи—профессора А. П. Шостьина, свидѣтельствовалъ въ отношеніи тѣлосложенія и здоровья, могутъ быть допущены къ учебнымъ занятіямъ.

е) Донесенія экзаменаціонныхъ коммиссій, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и

другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ LXVII академическаго курса, о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ:

аа) Донесеніе коммиссіи, производившей устныя испытанія *по Священному Писанію Ветхаго Завѣта*:

„Изъ обширнаго курса семинарской программы по предмету Св. Писанія Ветхаго Завѣта для конкурснаго испытанія были предложены экзаменующимся только нѣкоторые, наиболѣе важные его отдѣлы—мессіанскаго, историческаго и философскаго характера.

Хотя общій результатъ экзамена, благодаря той снисходительности въ оцѣнкѣ, какую проявили члены экзаменаціонной коммиссіи, принимая во вниманіе трудность и величину программы, и оказался вполнѣ удовлетворительнымъ (средній выводной баллъ нѣсколько выше 4), однако это обстоятельство не закрываетъ ихъ глазъ на многіе частные недостатки экзаменовавшихся и не освобождаетъ коммиссію отъ обязательства указать на нихъ.

Въ толкованіи *мессіанскихъ* отдѣловъ Библіи самымъ слабымъ пунктомъ продолжаетъ оставаться прежній, неразъ уже отмѣченный недостатокъ—*злоупотребленіе аллегорическимъ и пророческо-прообразовательнымъ методомъ* истолкованія библейскаго текста, въ явный ущербъ его прямому и ближайшему историческому смыслу. Основное правило здравой библейской герменевтики—толковать Св. Писаніе, какъ можно ближе къ тексту и современной ему исторіи. И только уже при свѣтѣ этого экзегесиса становится позволительнымъ и переходъ къ другому, производному истолкованію, аллегорическаго, или прообразовательнаго характера. Нашъ же схоластическій экзегесисъ обычно поступаетъ наоборотъ: при толкованіи, такъ называемыхъ, мессіанскихъ мѣстъ Библіи онъ очень мало, а иногда и вовсе ничего не удѣляетъ текстуально-исторической ихъ интерпретаціи, но за то съ скрупулезностью, мелочностью, доходящей до прямыхъ натяжекъ, готовъ все истолковать непремѣнно въ пророческо-прообразовательномъ смыслѣ. Такой ненатуральный и ненаучный методъ библейской экзегетики достигаетъ какъ разъ обратныхъ результатовъ: онъ не утверждаетъ и не возвышаетъ авторитета библейскаго текста, а расшатываетъ и роняетъ

его, такъ какъ, разрывая связь текста съ исторіей и реальной обстановкой, онъ какъ бы оставляетъ его висѣть на воздухѣ и тѣмъ самымъ открываетъ для всевозможныхъ возраженій.

Едва-ли не самымъ слабымъ и больнымъ мѣстомъ почти всѣхъ экзаменовавшихся были чисто *историческіе* отдѣлы Библіи, изъ которыхъ даже такіе, какъ завоеваніе и раздѣленіе земли хананской, установленіе царской власти въ израилѣ, раздѣленіе царствъ и паденіе ихъ—видимо серьезно затрудняли ихъ. Изъ отвѣтовъ экзаменовавшихся постоянно приходилось убѣждаться, что у нихъ имѣются лишь крайне смутныя и сбивчивыя представленія о библейской хронологіи и географіи и ужъ почти вовсе никакихъ о синхронистическихъ событіяхъ изъ жизни другихъ народовъ, окружавшихъ Евреевъ и стоявшихъ съ ними въ тѣсной исторической связи. Очевидно, что все то, что прежде составляло предметъ особой, недавно упраздненной семинарской науки (библ. исторіи) и что, по мысли авторовъ такой реформы, должно бы было возмѣщаться соотвѣтствующими экскурсами на урокахъ Св. Писанія, въ дѣйствительности-то не имѣетъ такой компенсаціи, или послѣдняя, во всякомъ случаѣ, нисколько не достигаетъ своей цѣли.

Въ отдѣлѣ *библейской философіи* (кн. Іова, Екклезіастъ и др.) замѣтно почти полное незнакомство богослововъ средней школы со сколько-нибудь цѣлостнымъ библейскимъ міровоззрѣніемъ, или хотя бы даже съ отдѣльными, наиболѣе типичными и характерными его деталями. Такія понятія, какъ „судъ“, „правда“ или „праведность“, „грѣхъ“, „милость“, „наказаніе“ и пр. оставались пустыми терминами, допускавшими только простой, вербальный переводъ ихъ, а не наполнялись богатымъ идейнымъ содержаніемъ и не характеризовали собою своеобразныхъ особенностей ветхозавѣтнаго библейскаго воззрѣнія на взаимоотношенія Бога и людей.

Въ качествѣ типичныхъ общихъ недостатковъ всѣхъ экзаменовавшихся, коммиссія считаетъ своимъ долгомъ указать на слѣдующіе три. Во первыхъ, на полное почти незнаніе исторіи в.-з. канона, съ особенностями еврейской и греческой Библіи. А между тѣмъ обстоятельное научное изложеніе этого вопроса могло бы сослужить огромную службу

для библейской исагогики и помогло бы поставить ее на надлежащую высоту, взамѣнъ тѣхъ скудныхъ и проблематичныхъ, а подъ часъ и противорѣчивыхъ данныхъ, которыя она предлагаетъ теперь.

Во вторыхъ, нельзя не пожаловаться на полное незнакомство экзаменовавшихся съ подлиннымъ еврейскимъ и греческимъ текстомъ. Въ особенности чувствителенъ пробѣлъ по части еврейскаго языка, гдѣ такіе термины, какъ elogim, bara, asa, basar, çadik и проч. являются положительно необходимыми для сколько-нибудь удовлетворительнаго экзегесиса библейскаго текста. Для этого нѣтъ надобности непремѣнно всѣмъ изучать еврейскій языкъ и самостоятельно оперировать надъ философскимъ анализомъ его корней: совершенно достаточно будетъ и того, если преподаватель въ своихъ урокахъ самъ отмѣтитъ тотъ или другой еврейскій терминъ (хотя бы и въ латинской транскрипціи) и выяснитъ его филологическое значеніе и библейско-техническое употребленіе.

Наконецъ, крупнымъ третьимъ недостаткомъ современной постановки этого предмета въ семинаріяхъ является полная неосвѣдомленность съ его литературой. Не говоря уже о спеціальныхъ статьяхъ и историко-экзегетическихъ монографіяхъ—знакомства съ чѣмъ, разумѣется, и трудно было ожидать отъ питомцевъ средней школы—коммиссія не встрѣтила знанія такихъ общеизвѣстныхъ пособій, какъ „Записки на кн. Бытія“ М. Филарета, „Священная Лѣтопись“ Властова и даже „Толковая Библія“, издаваемая редакціей Странника.

Что касается сравнительной оцѣнки достоинства отвѣтовъ экзаменовавшихся, то коммиссія затрудняется дѣлать какіе либо категорическіе выводы о постановкѣ этого предмета въ различныхъ семинаріяхъ. Она затрудняется дѣлать это, въ первыхъ, потому, что количество экзаменовавшихся изъ каждой семинаріи далеко неодинаково и, по большей части, незначительно. А во вторыхъ и потому, что отвѣты экзаменующихся гораздо больше зависятъ отъ нихъ самихъ, чѣмъ отъ ихъ преподавателей. Наглядной иллюстраціей этого можетъ служить Московская семинарія, изъ 16 человѣкъ которой нѣкоторые дали лучшіе отвѣты, большинство—средніе, а нѣкоторые и сравнительно слабѣйшіе.

Если нужна въ отзывѣ какая-либо статистика, то пра-

вильнѣе, пожалуй, будетъ раздѣлить всѣхъ экзаменовавшихся на три слѣдующихъ группы: 1) рекомендованные правленіями семинарій (18 чел.), 2) волонтеры семинарій и др. свѣтскія лица (36 чел.) и 3) лица, состоящія въ духовномъ санѣ. Первая изъ этихъ группъ, за единственнымъ исключеніемъ (Яросл. сем.), замѣтно выдѣлилась изъ всѣхъ по степени ясности, твердости и литературности своихъ отвѣтовъ, такъ что въ общемъ выводѣ получила $4^{2}/_{3}$ балла.

Вторая группа была пестра по составу и достоинству своихъ отвѣтовъ; но въ общемъ получила 4 балла. Третья группа оказалась сравнительно слабѣйшей, видимо отставшей даже и отъ учебниковъ, такъ что въ общемъ получила $3^{2}/_{3}$ балла. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что если этой группѣ принадлежатъ почти всѣ слабѣйшіе и большинство среднихъ отвѣтовъ, то она же выдѣлила и нѣсколько самыхъ лучшихъ и наиболѣе сознательныхъ отвѣтовъ, данныхъ тѣми отцами-іереями, которые не смотрятъ на Академію, какъ на тихую пристань отъ житейскихъ треволненій, или какъ на широкій путь въ почестямъ высшаго званія, а идутъ въ нее серьезно поработать и поучиться, почему они болѣе внимательно и добросовѣстно отнеслись и къ дѣлу конкурсной подготовки въ Академію".

бб) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по Священному Писанію Новаго Завѣта*:

„Экзаменовавшіеся по Священному Писанію Новаго Завѣта въ количествѣ 74-хъ получили общую сумму балловъ $272^{1}/_{2}$ при среднемъ выводѣ $3^{50}/_{74}$, а исключая двухъ сербовъ, воспитанниковъ Призренской семинаріи и одного волонтера Владимірской семинаріи 1870-го года, общій баллъ 71-го экзаменовавшагося воспитанника семинарій равенъ $265^{1}/_{2}$ съ среднимъ выводомъ $3^{53}/_{71}$. Изъ нихъ 17 присланныхъ имѣютъ $73^{3}/_{4}$ съ среднимъ $4^{6}/_{17}$, 54 волонтера—$191^{3}/_{4}$ съ среднимъ $3^{30}/_{54}$, 19 священниковъ—$70^{1}/_{4}$ ср. $3^{13}/_{19}$, 35 свѣтскихъ волонтеровъ—119 ср. $3^{14}/_{35}$, 37 волонтеровъ нынѣшняго и прошлаго годовъ—$134^{3}/_{4}$ ср. $3^{24}/_{37}$ и 16 волонтеровъ прежнихъ годовъ—$57^{1}/_{4}$ ср. $3^{9}/_{16}$. Отсюда видно, что присланные воспитанники семинарій въ нынѣшнемъ году значительно лучше прошлогоднихъ, такъ какъ ихъ средній баллъ на цѣлую единицу превышаетъ средній баллъ волонтеровъ. Также

средній баллъ священниковъ выше балла свѣтскихъ волонтеровъ. Различіе же между волонтерами нынѣшняго года и прошлыхъ лѣтъ незначительно. Наилучшіе отвѣты дали: 5—: трое присланныхъ воспитанниковъ Донской, Тульской и Харьковской семинарій и три волонтера Рязанской, Могилевской (священникъ) и Уфимской (священникъ) семинарій и 5: трое присланныхъ Черниговской, Московской и Тульской семинарій и одинъ волонтеръ (священникъ) Донской семинаріи. Худшія отмѣтки имѣютъ: 2½: четыре волонтера Витебской, Тульской, Холмской (священникъ) и Тамбовской семинарій и 2: сербъ Призренской семинаріи и волонтеръ Владимірской семинаріи 1870-го года.

Общій характеръ отвѣтовъ одинаковъ съ прежними годами. За весьма немногими исключеніями экзаменовавшіеся легко находили тексты, написанные на билетахъ безъ цитатъ, и давали довольно удовлетворительное изложеніе ихъ внѣшняго вербально-грамматическаго смысла. Но никто не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ разумѣнія основныхъ понятій Новаго Завѣта: вѣры, закона, заповѣди, обѣтованія, спасенія, правды, оправданія, праведности, грѣха, преступленія и пр.,—и никакого умѣнья разбираться въ богословско-экзегетическихъ трудностяхъ при помощи греческаго подлинника. Сюда же надо отнести: слабое знакомство съ общимъ содержаніемъ священныхъ книгъ, неспособность болѣе или менѣе обстоятельно и толково изложить внутреннюю связь мыслей въ извѣстныхъ отдѣлахъ книгъ или въ цѣлыхъ книгахъ, особенно въ посланіяхъ и преимущественно въ посланіяхъ Ап. Павла,—незнаніе времени, обстоятельствъ написанія и отличительнаго характера различныхъ группъ посланій Ап. Павла, невѣдѣніе о вторыхъ узахъ Ап. Павла и др.

Изъ частностей заслуживаютъ отмѣтки: одинъ не понимаетъ грѣха хулы на Духа Святаго,—другой не объясняетъ, почему Христосъ называется „Словомъ—Логосомъ“ и „исполнъ“ относитъ къ „благодать“, при неумѣньи дать этимологическій разборъ слову,—третій утверждаетъ, что ев. Матѳей написалъ евангеліе до вознесенія Христа на небо, по четвертому Христосъ во время земной жизни, до воскресенія, имѣлъ тѣло духовное,—отвѣчали, что о воскрешеніи Лазаря повѣствуетъ Лука, а объ умовеніи ногъ Матѳей и под.“

вв) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по догматическому богословію*:

„По догматическому богословію были подвергнуты испытанію 74 человѣка,—всѣ студенты семинарій. Изъ нихъ 28 кончили курсъ семинарій не въ текущемъ году. Большинство отвѣтовъ средняго достоинства. Изъ присланныхъ дали отличные отвѣты: двое Рязанской и двое Тверской семинаріи и по одному семинарій Екатеринославской, Московской, Орловской и Тамбовской, а изъ волонтеровъ—двое Костромской, одинъ Тульской, одинъ Ярославской и одинъ Якутской семинаріи. Безусловно плохой отвѣтъ данъ былъ только однимъ изъ сербовъ, воспитанникомъ Призренской семинаріи. Главныя различія между отвѣтами сводились къ тому, что одни отвѣчали отчетливо, твердо и полно, а другіе сбивчиво излагали мысли, допускали ошибки, не твердо знали тексты, затруднялись отвѣтить на вопросы. Какихъ-либо рѣзко бросающихся въ глаза особенностей въ отвѣтахъ студентовъ замѣчено не было".

гг) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по общей церковной исторіи*:

„Пріемнымъ испытаніямъ по общей церковной исторіи въ настоящемъ году были подвергнуты 74 человѣка, въ составѣ которыхъ значилось 20 лицъ духовнаго, священническаго званія, 2 сербскихъ уроженца и одинъ надворный совѣтникъ. Изъ нихъ отвѣты 19 отмѣчены балломъ 5 и 5—; 26—балломъ $4^1/_2$, 4+, 4, 4—; 19—$3^1/_2$, 3+, 3, 3— и 10—баллами $2^1/_2$, 2+, 2. Въ среднемъ выводѣ на каждаго изъ экзаменовавшихся падаетъ $3^{23}/_{37}$ т. е. болѣе $3^1/_2$; отвѣты присланныхъ т. е. назначенныхъ правленіями семинарій ничѣмъ не превышали по своимъ достоинствамъ отвѣты волонтеровъ: изъ 19 отличныхъ отвѣтовъ 10 принадлежитъ присланнымъ, но за то отвѣты трехъ присланныхъ отмѣчены баллами 3+, 3 и даже 3—.Точно также коммиссія не усмотрѣла никакого различія между отвѣтами духовныхъ лицъ и прочими экзаменовавшимися: познанія тѣхъ и другихъ стоятъ на одномъ уровнѣ.

Требованія, предъявлявшіяся коммиссіей экзаменуемымъ, строго опредѣлялись семинарской программой по церковной исторіи и не выходили за предѣлы содержанія принятаго

учебника. Эти узкія границы, въ какія поставлены въ настоящее время академическіе экзамены, лишаютъ коммиссію всякой возможности сдѣлать какія-либо наблюденія касательно умственнаго развитія поступающихъ въ Академію или сравнительнаго достоинства постановки преподававанія въ той или другой семинаріи, такъ какъ все въ сущности сводилось къ такому или иному, болѣе или менѣе точному и сознательному усвоенію историческаго матеріала, даннаго въ учебникѣ. На неоднократные вопросы членовъ коммиссіи, обращенные къ экзаменовавшимся, давшимъ лучшіе отвѣты, о прочитанномъ ими помимо учебника, слышались лишь заявленія: „нѣтъ, некогда было". Только три присланныхъ (Моск., Тверской, Екатеринославской) обнаружили нѣкоторое знакомство съ существующей церковно-исторической литературой и вели себя независимо отъ учебника".

дд) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по латинскому языку*:

„Державшимъ испытаніе по латинскому языку было, какъ и въ предшествующіе годы, предлагаемо перевести на русскій языкъ нѣсколько стиховъ изъ Энеиды Виргилія; вмѣстѣ съ тѣмъ, они были испытуемы въ знаніи грамматики и въ переложеніяхъ съ русскаго языка на латинскій.

Нѣкоторые изъ испытуемыхъ оказались въ состояніи справиться съ данной имъ задачей т. е. перевести данные стихи изъ Энеиды безъ значительныхъ затрудненій. Но значительная часть проявила и недостаточное знаніе лексики, и неумѣнье разобраться въ соотношеніи и управленіи отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ, и, вообще, недостаточный навыкъ въ самостоятельномъ чтеніи латинскихъ текстовъ.

Уровень и характеръ филологическихъ знаній испытуемые проявили тотъ же, что испытуемые въ прошломъ году.

Лучшіе отвѣты, отмѣченные въ спискѣ баллами 5 и 5—, принадлежатъ двумъ воспитанникамъ Московской семинаріи, воспитаннику Волынской семинаріи, воспитаннику Калужской семинаріи и воспитаннику Тульской семинаріи".

ее) Донесеніе коммиссіи, производившей испытанія *по греческому языку*:

„По греческому языку экзаменовалось всего пять чело-

вѣкъ. Всѣ они дали удовлетворительные отвѣты. Общій недостатокъ—нетвердое знаніе спряженій греческихъ глаголовъ, особенно, неправильныхъ. Синтаксическія особенности греческаго текста, даже элементарныя, разбирались съ большими затрудненіями".

жж) Донесеніе коммисіи, разсматривавшей сочиненія *по основному богословію*:

„Въ предыдущіе учебные годы новопоступавшимъ для сочиненія по основному богословію предлагались такія темы, которыя не соприкасались слишкомъ близко съ тѣми или иными §§ программы или учебника. Слѣдствіемъ этого было то, что экзаменовавшіеся прежде, чѣмъ писать, во всякомъ случаѣ должны были нѣсколько подумать. Но и въ тѣ годы лишь только кому представлялось, что на вопросъ темы содержится отвѣтъ въ § такомъ-то, онъ обыкновенно давалъ возможно близкое изложеніе этого § безъ всякихъ заднихъ думъ. Въ текущемъ году была дана тема: „*Какое значеніе имѣли мессіанскія пророчества для вѣры евреевъ въ Іисуса Христа*"? Учебникъ много говоритъ о значеніи мессіанскихъ пророчествъ и этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы подавляющее большинство оставило всякія попытки къ самодѣятельности. Писали на тему: „*Какое значеніе имѣли мессіанскія пророчества?*" Писали о томъ, что эти пророчества приготовляли ветхозавѣтныхъ людей къ принятію Новаго Завѣта, укрѣпляли ихъ вѣру въ Іегову, возвышали нравственность, обособляли отъ язычниковъ, помогали одерживать побѣды надъ врагами. Очень многіе излагали исторію мессіанскихъ пророчествъ, начиная съ Адама и послѣдовательно проходя черезъ Каина и Авеля. О томъ, насколько мессіанскія пророчества помогли узнать въ Іисусѣ мессію, говорилось мало, вскользь, въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ не говорилось совсѣмъ. Изъ 75 сочиненій прямо на тему написано только 7 (прислан. тульскій и 2 тульскихъ волонтера, изъ которыхъ одинъ священникъ, волонт. калужскій, волонт. московскій, прислан. харьковскій, волонтеръ холмскій).

Несомнѣнно, что большинство не вдумалось въ тему, но возможно, что нѣкоторые и перехитрили, заранѣе рѣшивъ, что для академическаго испытанія не дадутъ простого вопроса.

При обсужденіи темы въ прямомъ или косвенномъ видѣ большинство проявило то, что обыкновенно въ сочиненіяхъ проявлялось и прежде—своеобразный дальтонизмъ, странную односторонность. Разъ авторъ признаетъ, что существуютъ пророчества, то далѣе онъ уже настаиваетъ, что по пророчествамъ этимъ нельзя не узнать Христа, что евреи должны были принять Христа. Авторъ забываетъ о томъ, что вѣра не есть знаніе, что по Св. Писанію вѣра есть и дѣло свободы и даръ благодати.

Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ пророчества опредѣлялись, какъ совершенно точныя, ясныя и опредѣленныя описанія будущихъ событій.

Изъ 75 писавшихъ сочиненіе 54—свѣтскихъ воспитанника семинаріи, 20—священниковъ, 1—реалистъ. Характерныхъ чертъ, которыя клали бы особый отпечатокъ на сочиненія той или иной группы указать нельзя. Можно выдѣлить нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ видно, что писавшіе воспитывались подъ нѣкоторыми внѣсеминарскими литературными и философскими вліяніями, но такихъ сочиненій очень немного и авторы ихъ вышли изъ различныхъ семинарій.

Въ прошедшемъ году коммиссія указала рядъ общихъ недостатковъ въ экзаменаціонномъ сочиненіи по основному богословію (засѣданіе совѣта 6 сентября 1907 г., № 10; протоколы напечатаны въ приложеніи къ іюньской книжкѣ Богословскаго Вѣстника, стр. 232—235). Теперь коммиссія имѣетъ заявить, что всѣ эти недостатки присущи и сочиненіямъ настоящаго года.

Положительными качествами сочиненій являются освѣдомленность въ Священномъ Писаніи и у большинства довольно приличное литературное изложеніе".

зз) Донесеніе коммиссіи, разсматривавшей сочиненія *по психологіи*:

„Коммиссія, разсматривавшая пріемныя сочиненія по психологіи, должна признать, что въ общемъ они производятъ мало благопріятное впечатлѣніе. Ихъ средній уровень несомнѣнно ниже, чѣмъ въ прошлые годы. Чтобы дать возможность экзаменующимся обнаружить не только ихъ психологическія знанія, но и общее философское развитіе, имъ была

предложена тема гносеологическаго характера: „Насколько справедливо старое раціоналистическое положеніе, что вещи, познаваемыя нами разумомъ, достовѣрнѣе вещей, познаваемыхъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ?“ Эта тема, конечно, отнюдь не выходитъ за предѣлы семинарскихъ учебниковъ и программъ, и тѣмъ не менѣе она оказалась для экзаменовавшихся не по силамъ. Прежде всего немногіе изъ нихъ были въ состояніи понять ея точный смыслъ. Въ большинствѣ случаевъ сочиненія писались такъ, какъ будто тема гласила: „какое познаніе вещей болѣе цѣнно, раціональное или эмпирическое?“, т. е. понятіе *достовѣрности* подмѣнивалось понятіемъ *цѣнности*, *чувственное* познаніе отождествлялось съ *эмпирическимъ* и центръ тяжести проблемы переносился съ познаваемыхъ *объектовъ* всецѣло на познавательные *методы*. Соотвѣтственно этому и рѣшенія предложеннаго вопроса страдали существенными недоразумѣніями. При оцѣнкѣ раціональнаго и эмпирическаго познанія мнѣнія писавшихъ разошлись. Одни авторы стремились стать на примирительную точку зрѣнія и доказывали, что хотя разумъ для познанія вещей, конечно, и необходимъ, но необходимъ также и „опытъ“, а, слѣдовательно, вполнѣ достовѣрное познаніе можетъ быть достигнуто только путемъ соединенія того и другого. Другіе отдавали рѣшительное предпочтеніе „опыту“, находили, что разумъ способенъ къ однимъ только безплоднымъ отвлеченностямъ и даже иногда не могли понять, какимъ образомъ „вещи“ могли бы познаваться иначе, какъ внѣшними чувствами. Третьи, наоборотъ, доказывали ничтожество внѣшнихъ чувствъ и отстаивали преимущества разума. Послѣдній способъ рѣшенія проблемы былъ преобладающимъ, но онъ далеко не всегда удавался. Дѣло шло еще удовлетворительно, когда нужно было подвергать критикѣ чувственное познаніе: тутъ выдвигались на сцену и субъективный характеръ нашихъ ощущеній, и иллюзіи, и случайные дефекты органовъ чувствъ. Но какъ скоро приходилось обосновывать тезисъ о высшей познавательной цѣнности разума, мысль терялась и аргументація выходила очень слабой. Приводились соображенія, лишенныя убѣдительности или даже совсѣмъ не относящіяся къ дѣлу, и опускались изъ виду факты, которые дѣйствительно могли бы служить къ разъясненію вопроса. Достаточно ска-

зать, что характеръ всеобщности и необходимости въ раціональныхъ сужденіяхъ былъ отмѣченъ весьма немногими, а упоминаніе о математическомъ познаніи встрѣчалось только въ четырехъ сочиненіяхъ. Вообще большинство сочиненій отличалось крайней бѣдностью мысли и свидѣтельствовало о неумѣньи подойти къ вопросу и вдумчиво разобраться въ немъ. Исключенія, разумѣется, встрѣчались, но они были весьма немногочисленны.

На ряду съ бѣдностью мысли бросалась въ глаза скудость знаній. Еще по психологіи у экзаменовавшихся имѣлись кое-какія свѣдѣнія: нѣкоторые авторы могли довольно удовлетворительно описать психологическій процессъ чувственнаго познанія, хотя физіологическія основы послѣдняго представлялись имъ въ очень смутныхъ формахъ и о законѣ специфическихъ энергій органовъ чувствъ знали только трое; но въ философіи ихъ невѣжество было подчасъ поразительно. Одинъ наприм., усвоялъ ученіе о tabula rasa и самый этотъ терминъ Юму, а теоретико-познавательный методъ Декарта Платону (Рязан. присл.); другой приписывалъ Платону ученіе о непознаваемости вещей въ себѣ, а Канту теорію прирожденныхъ идей (Рязан. вол.); третій считалъ творцомъ ученія о прирожденныхъ идеяхъ ни больше, ни меньше, какъ Локка (Рязан. вол.). Декартъ назывался философомъ XVIII вѣка (Моск. вол.), а Спиноза представлялся чуть не послѣдователемъ Канта (Черниг. присл.). О философіи Канта имѣлись очень слабыя свѣдѣнія и понималась она иногда совершенно превратно. Въ философскихъ направленіяхъ экзаменовавшіеся разбирались плохо. Раціонализмъ не различался отъ идеализма, а идеализмъ отъ феноменализма; сенсуализмъ отождествлялся не только съ эмпиризмомъ, но и съ позитивизмомъ. Пониманіе философскихъ терминовъ и умѣнье правильно употреблять ихъ также оставляли много желать. Конечно, и недостатокъ философскихъ знаній не былъ явленіемъ поголовнымъ; но онъ былъ явленіемъ слишкомъ обычнымъ, чтобы не отмѣтить его здѣсь.

О литературной сторонѣ сочиненій также нельзя сказать много хорошаго. Изложеніе далеко не всегда отличалось надлежащею связностью. Логически продуманный и послѣдовательный планъ встрѣчался очень рѣдко. Языкъ сочиненій въ общемъ можно назвать удовлетворительнымъ, т. е.

достаточно яснымъ и понятнымъ. Правда были также сочиненія, написанныя языкомъ варварскимъ и невразумительнымъ, но они составляли скорѣе исключеніе. За то не составляли рѣдкаго исключенія погрѣшности противъ правилъ грамматики. Грамматическія ошибки были отмѣчены въ 29 сочиненіяхъ изъ 75, и нерѣдко онѣ были чрезвычайно грубы. Конечно, значительную долю такихъ ошибокъ можно объяснить простымъ недосмотромъ, но, къ сожалѣнію, это объясненіе примѣнимо далеко не во всѣхъ случаяхъ. Встрѣчались даже такія сочиненія, которыя нельзя назвать иначе, какъ малограмотными (Харьк. вол., Моск. вол. — свящ., Астрах. вол.—свящ.).

Изъ 75 прочитанныхъ коммиссіей сочиненій 17 принадлежатъ присланнымъ, остальные волонтерамъ; среди волонтеровъ было 20 священниковъ. Присланные въ среднемъ написали нѣсколько лучше волонтеровъ, но превосходство ихъ было незначительно; при томъ абсолютно лучшія работы принадлежали не имъ. Наименѣе удовлетворительны были сочиненія священниковъ, изъ которыхъ иные видимо уже успѣли значительно забыть семинарскую науку".

ии) Донесеніе коммиссіи, разсматривавшей *поученія:*

„Державшимъ вступительные экзамены въ настоящемъ году предложено было написать поученіе на текстъ посл. къ Евр. XI, 39—40. Ближайшій смыслъ этихъ стиховъ, при слесеніи съ контекстомъ, повидимому, долженъ быть доступенъ каждому; съ другой стороны, данные стихи допускаютъ гомилетическую обработку въ различныхъ направленіяхъ какъ сами по себѣ, такъ и въ примѣненіи къ современности. Это давало право ожидать лучшихъ, сравнительно съ прошлымъ годомъ, результатовъ; но ожиданія эти не оправдались: написанныя въ этомъ году поученія качественно не выше прошлогоднихъ. Текстъ понятъ и истолкованъ правильно далеко не всѣми писавшими; а были и такіе, которые обнаружили совершенно превратное пониманіе приведенныхъ словъ Апостола. Воспитанникъ реальнаго училища, получившій званіе студента отъ Виѳанской дух. семинаріи, *о насъ* относитъ исключительно къ апостоламъ; присл. Полт. с. читаетъ *въ насъ* вм. *о насъ*; изъ многихъ работъ можно сдѣлать такой выводъ, что, по мнѣнію авторовъ

ихъ, великіе праведники были только въ ветхозавѣтное время, а новозавѣтное общество вѣрующихъ состоитъ лишь изъ грѣшниковъ (особ. волонт. Костромск. с.). Нѣкоторые трактуютъ, главнымъ образомъ, объ отверженіи іудеями Христа и ихъ ожесточеніи *до времени, пока войдетъ полное число язычниковъ*, комментируя, такимъ образомъ, не данное мѣсто, а XI гл. посл. къ Римл. (по одному волонт. и присл. изъ рязанцевъ и волынцевъ). Писали и на другіе, произвольно избранныя темы: волонт. Владим. с. пишетъ на текстъ *возьмите иго Мое на себя* и проч.; волонт. Яросл. с. разсуждаетъ о новогоднихъ поздравленіяхъ и объ условіяхъ достиженія истиннаго счастья; волонт. Иркутск. с. говоритъ о значеніи вѣры вообще. Встрѣчаются совершенно неправильныя мысли,—напр.—у присланн. Тверской с.: *Христосъ уничтожилъ всѣ слѣдствія грѣха какъ въ насъ, такъ и во внѣшней природѣ.* Касаясь современности, многіе говорятъ объ испытаніяхъ и бѣдствіяхъ нашего времени и проводятъ параллель между положеніемъ іудеевъ въ вѣкъ апостольскій и нашимъ въ послѣдніе годы; но связь мыслей, по большей части, чисто механическая (волонтеры Якутск. и Московск. с. и присланн. Донской с. и др.). Многіе изъ писавшихъ, особенно студенты Московской семинаріи, дѣлаютъ частыя ссылки на священныя книги, выписывая тексты, нерѣдко съ точной цитаціей (волонт. Курск. и др.); обычно тексты приводятся безъ особой нужды, повидимому, лишь для того, чтобы увеличить объемъ работы; (нѣкоторые, съ этою же цѣлью, излагаютъ содержаніе почти всей XI гл.); умѣло и кстати употребляетъ тексты только одинъ изъ волонтеровъ Тульск. с. У многихъ замѣчается склонность къ употребленію заученныхъ фразъ; избавленіе *отъ грѣха, проклятія и смерти* встрѣчается особенно часто (волонт. Тамбовск. и Тульской сем. и др.)

Языкъ поученій заставляетъ желать многаго: у однихъ онъ необыкновенно вычуренъ и витіеватъ, у другихъ необработанъ и вульгаренъ. Въ частности, можно отмѣтить слѣдующія неправильныя и неудачныя выраженія: *рѣзкое глумленіе уставовъ Церкви* (волонт. Владим. с.), *кишащую млекомъ и медомъ Ханаанскую землю* (волонт. Костр. с.), *пусть да* при одномъ и томъ же глаголѣ (волонт. Яросл. с.). Строеніе славянской рѣчи, повидимому, не всѣми усвоено

твердо: присл. студ. Екатериносл. с., представившій одну изъ лучшихъ работъ, пишетъ: *предопредѣлилъ намъ больше благъ, чѣмъ сколько имѣли „вси послушествовани бывше вѣрою“*; двое изъ волонтеровъ Моск. сем., очевидно, затруднились бы точно передать на русскій яз. dat. abs. При оцѣнкѣ письменныхъ работъ студентовъ духовныхъ семинарій, ищущихъ высшаго образованія, можно бы, повидимому, совсѣмъ не говорить о грамматическихъ ошибкахъ. И обычно погрѣшности этого рода рецензентами признаются за случайныя описки, извиняются состояніемъ духа писавшихъ, торопливостью переписки, неустойчивостью нѣкоторыхъ правилъ правописанія и пр.;—словомъ, рецензенты обнаруживаютъ склонность извинять окончившимъ съ отличіемъ среднюю школу то, за что строго взыскивается съ учениковъ первыхъ классовъ низшихъ школъ. Но въ данномъ случаѣ, безграмотность нѣкоторыхъ работъ рѣзко бросается въ глаза и не можетъ быть обойдена молчаніемъ. Можно сказать, что совершенно безупречныхъ въ грамматическомъ отношеніи работъ почти нѣтъ; нѣкоторыя же (особенно одного волонт. Вин. с. и одного же волонт. Харьк.), по справедливости, можно признать безграмотными. Въ частности, прислан. Тамб. с. пишетъ: *нѣмощей*, волонтеръ Моск. с.—*о всѣмъ* вм. *обо всемъ*, присланн. Волынск. с.—*Россіѣ*; волонт. Костр. с. пишетъ: *вѣтхозавѣтный*, а чрезъ нѣсколько строкъ, на той же страницѣ: *ветхозаветный*; студентъ—волонт. столичной семинаріи и постоянный житель Москвы пишетъ: *озаботются* — совершенно такъ же, какъ произносятъ и пишутъ (умѣющіе писать) жители захолустныхъ деревень; и наконецъ, волонт. Костр. с. пишетъ: *надеется* (неопред. н.), дѣлая въ одномъ словѣ три грубыхъ ошибки.

Коммиссіей разсмотрѣно всего 75 поученій. Писавшихъ можно раздѣлить на три группы: 1) 16 студентовъ, рекомендованныхъ семинарскими правленіями, 2) 37 волонтеровъ (въ этомъ числѣ 6 вып. 1907 г. 1—вып. 1898 г. и 1—1870), 3) 19 волонтеровъ—священниковъ (старѣйшіе изъ нихъ окончили семинарскій курсъ въ 1889 году, младшій—въ 1903; двое изъ этого числа въ прошедшемъ году состояли вольнослушателями Академіи). Имѣя въ среднемъ выводѣ баллъ нѣск. болѣе 3^2 з, представители послѣдней группы превос-

ходятъ присланныхъ студентовъ, имѣющихъ въ среднемъ выводѣ ок. $3^5/_8$, на незначительную дробь и болѣе, чѣмъ на четверть балла, волонтеровъ свѣтскаго званія (средній баллъ бол. $3^2/_5$). Не вошедшіе ни въ одну изъ этихъ группъ— волонтеръ изъ реальнаго училища (студ. Виѳ. с.) и два сербскихъ уроженца, воспитанники Призренской сем., имѣютъ баллы: 2—, $2^1/_2$ и 3+".

ж) Представленные экзаменаціонными коммиссіями списки съ обозначеніемъ балловъ, полученныхъ явившимися въ Академію лицами на повѣрочныхъ испытаніяхъ, и общую табель сихъ балловъ, составленную секретаремъ Совѣта по окончаніи испытаній.

Справка: 1) §§ 111—113 устава духовныхъ академій: „Желающіе поступить въ академію допускаются къ повѣрочному испытанію, если представятъ установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи курса наукъ семинаріи и принимаются не иначе, какъ по успѣшномъ выдержаніи означеннаго испытанія.—*Примѣчаніе.* Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія къ пріемному въ духовныя академіи экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія. — Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по вызову академіи (§ 109), такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе — казеннокоштными студентами, а остальные — своекоштными. — Своекоштные студенты допускаются въ академію только въ качествѣ пансіонеровъ и живутъ въ зданіяхъ академіи, подчиняясь всѣмъ правиламъ, установленнымъ для казеннокоштныхъ студентовъ; число ихъ опредѣляется вмѣстительностью академическихъ зданій. *Примѣчаніе.* Внѣ зданій академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей".—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 16—21 іюня 1906 года за № 3297ª Совѣтамъ академій разрѣшено: „допускать окончившихъ курсъ ученія въ духовныхъ семинаріяхъ по первому разряду и имѣющихъ одобрительные отзывы отъ епархіальнаго начальства семейныхъ священнослужителей къ пріемнымъ

испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ академіи на одинаковыхъ съ прочими поступающими въ академію основаніяхъ, съ предоставленіемъ, въ случаѣ поступленія таковыхъ въ составъ академическаго курса, тѣмъ изъ нихъ, кои не имѣютъ при себѣ семействъ, жить въ академическихъ общежитіяхъ, имѣющимъ же при себѣ семейства помѣщаться на частныхъ квартирахъ и съ тѣмъ, чтобы означенные священнослужители, по увольненіи ихъ изъ епархіи, гдѣ они состояли на службѣ, были приписываемы къ академическимъ храмамъ, съ обязательствомъ не совершать служенія въ другихъ церквахъ безъ особаго разрѣшенія академическаго начальства и мѣстнаго архіерея.—3) Изъ указовъ Святѣйшаго Синода относительно—а) принятія въ число студентовъ Московской Духовной Академіи вольнослушателя Николая Попова (2 октября 1906 г. № 10742), б) продолженія образованія въ Академіи студента Павла Салагора (12 октября 1906 года № 11182) и в) обратнаго принятія въ Академію бывшаго студента IV курса Ивана Миртова (7 августа 1907 года, № 8968),—вступившихъ въ бракъ,—видно, что таковое принятіе, оставленіе въ Академіи и обратное поступленіе въ студенты разрѣшается Святѣйшимъ Синодомъ и для свѣтскихъ семейныхъ лицъ, но только подъ непремѣннымъ условіемъ немедленнаго принятія ими священнаго сана.—4) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „зачисленіе въ студенты академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи“.

Опредѣлили: 1) По вниманію къ достоинству устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ лицами, державшими повѣрочныя испытанія для поступленія въ составъ новаго (LXVII) академическаго курса, принять въ число студентовъ I курса Академіи:

1. Ремова Николая, присланнаго изъ Московской сем.,
   Мигулина Александра, присл. изъ Харьковской сем.,
   Тихомирова Павла, волонтера изъ Калужской сем.,
   Чайкина Георгія, присл. изъ Екатеринославской сем.,
5. Успенскаго Александра, присланнаго изъ Тульской сем.,
   Голованенко Сергѣя, волонтера изъ Якутской сем.,
   Орлова Алексѣя, волонтера изъ Ярославской сем.,
   Муратова Василія, присланнаго изъ Рязанской сем.,

Маркова Владиміра, присланнаго изъ Московской сем.,
10. Титова Алексѣя, присланнаго изъ Тверской сем.,
Троицкаго Виктора, волонтера изъ Московской сем.,
Свящ. Иванова Александра, волонт. изъ Тульской сем.,
Никольскаго Василія, присл. изъ Орловской сем.,
Свящ. Коновалова Іосифа, волонт изъ Могилевской сем.,
15. Свящ. Архангельскаго Леонида, вол. изъ Тульской сем.,
Курганскаго Михаила, присл. изъ Черниговской сем.,
Рязановскаго Ѳедора, волонтера изъ Костромской сем.,
Носова Константина, присланнаго изъ Тверской сем.,
Яхонтова Дмитрія, присланнаго изъ Рязанской сем.,
20. Степанова Андрея, присланнаго изъ Полтавской сем.,
Епифановича Григорія, присланнаго изъ Донской сем.,
Перехвальскаго Валентина, волонт. изъ Рязанской сем.,
Рязановскаго Сергѣя, волонтера изъ Костромской сем.,
Ивановскаго Семена, волонтера изъ Тульской сем.,
25. Левкоева Николая, волонтера изъ Владимірской сем.,
Свящ. Безсонова Николая, вол. изъ Владимірской сем.,
Свящ. Соколова Алексѣя, вол. изъ Ярославской сем.,
Свящ. Добровольскаго Василія, вол. изъ Костромской сем.,
Свящ. Лебедева Димитрія, волонтера изъ Костромской сем.,
30. Виноградова Михаила, волонтера изъ Московской сем.,
Ильинскаго Николая, волонтера изъ Ярославской сем.,
Даниловскаго Александра, вол. изъ Костромской сем.
Изюмова Ивана, волонтера изъ Костромской семинаріи.
Маркова Ивана, волонтера изъ Московской сем.,
35. Кудряшева Илью, присланнаго изъ Тульской сем.,
Богоявленскаго Сергѣя, волонтера изъ Виѳанской сем.,
Прокоповича Бориса, волонтера изъ Волынской сем.,
Орлова Василія, волонтера изъ Московской сем.,
Свящ. Андреевскаго Александра, вол. изъ Воронеж, сем.,
40. Хотовицкаго Александра, присл. изъ Волынской семин.
Уметскаго Петра, присланнаго изъ Тамбовской сем.,
Свящ. Горохова Іакова, волонтера изъ Астраханской сем.,
Сперанскаго Михаила, волонтера изъ Новгородской сем.,
Свящ. Ефремова Михаила, волонтера изъ Витебской сем.,
45. Брянцева Леонида, присланнаго изъ Ярославской сем.,
Иванова Константина, волонтера изъ Курской сем.,
Свящ. Люстрицкаго Михаила, вол. изъ Самарской сем.
Свящ. Лукьянова Михаила, волонтера изъ Донской сем.,

Соболева Владиміра, волонтера изъ Московской сем.,
50. Телятьева Валеріана, волонтера изъ Иркутской сем.,
Свящ. Владимірскаго Алексѣя, вол. изъ Тульской сем.,
Писова Стефана, волонтера изъ Московской сем.,
Грацинскаго Ивана, волонтера изъ Рязанской сем.,
Любимова Ѳедора, волонтера изъ Московской сем.,
55. Свящ. Надеждина Александра, вол. изъ Уфимской сем.,
Новгородскаго Павла, Надв. Сов., волонтера изъ Владимірской сем. (подъ условіемъ немедленнаго принятія священнаго сана),
Прилуцкаго Сергѣя, волонтера изъ Московской сем.,
Петропавловскаго Василія, вол. изъ Московской сем.,
Руднева Николая, волонтера изъ Московской сем.,
60. Свящ. Михальчука Евстаѳія, вол. изъ Холмской сем.,
Свящ. Овсянникова Григорія, вол. изъ Рязанской сем.,
Чернышева Ивана, волонтера изъ Тверской семинаріи,
Максимова Александра, волонтера изъ Московской сем.,
Свящ. Ильинскаго Михаила, вол. изъ Калужской сем.,
65. Свящ. Лебедева Константина, волонтера Московской сем.,
Соловьева Ивана, волонтера изъ Московской сем.,
Алексѣева Павла, волонтера изъ Московской сем.,
Введенскаго Ивана, волонтера изъ Тамбовской сем.,
Реутова Валентина, волонтера изъ Тульской сем.,
70. Мацкевича Іосифа, волонтера изъ Витебской сем.,
Свящ. Іовановича Савву, серб. урож., волонтера изъ Призренской сем.,
Свящ. Авдашкевича Петра, вол. изъ Могилевской сем.,
и 73. Игумановича Ефрема, вол. изъ Призренской сем. (по снисхожденію къ нему, какъ иностранному уроженцу).

2) Студенту Харьковской духовной семинаріи Гавріилу *Грузову* отказать въ пріемѣ по недостаточной подготовленности его къ слушанію академическихъ лекцій.

3) Изъ принятыхъ въ Академію значащихся въ спискѣ подъ №№ 1—10 и 12—31 зачислить на казенныя стипендіи, съ выдачею таковыхъ семейнымъ священнослужителямъ, пожелавшимъ помѣститься на частныхъ квартирахъ,—на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 20 ноября 1906 года за № 12983,—на руки помѣсячно; студенту Виктору *Троицкому* (№ 11) предоставить полную (въ 220 р.) стипендію имени

діакона С. Ѳ. Каптерева, согласно § 2 положенія о ней; а остальнымъ предоставить содержаться на свои средства.— 4) Всѣхъ студентовъ, за исключеніемъ священнослужителей, имѣющихъ при себѣ семейства, и студента Сергѣя *Богоявленскаго*, родители котораго имѣютъ постоянное жительство въ Сергіевскомъ Посадѣ,—помѣстить въ зданіяхъ Академіи.— 5) Предоставить академической инспекціи собрать со студентовъ, принятыхъ въ составъ I курса, собственноручныя заявленія о томъ, какой (первой или второй) группы предметы и какой изъ древнихъ и новыхъ языковъ они желаютъ избрать для спеціальнаго изученія въ теченіи академическаго курса.—6) Представить, установленнымъ порядкомъ, Святѣйшему Синоду свѣдѣнія о составѣ новаго (LXVII) академическаго курса, съ приложеніемъ: а) списка студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, державшихъ повѣрочныя испытанія въ Академіи, съ обозначеніемъ достоинства ихъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, и б) копій донесеній экзаменаціонныхъ коммисій.

II. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Ректора Владимірской духовной семинаріи, отъ 12 августа за № 1114:

„Долгомъ почитаю ходатайствовать предъ Вашимъ Преосвященствомъ за студента нашей Владимірской семинаріи *Сахарова Сергѣя*, назначеннаго Правленіемъ Семинаріи для поступленія въ составъ 1-го курса Вашей Московской Духовной Академіи. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время Сахаровъ болѣетъ (тифомъ) и по приблизительному разсчету пользующаго его врача онъ не можетъ явиться въ Академію для сдачи вступительныхъ экзаменовъ ранѣе 1 октября. Въ виду этого и утруждаю Ваше Преосвященство покорнѣйшею просьбою: оставить для Сахарова свободною одну казенную стипендію и предоставить ему возможность держать вступительные экзамены въ Академію непосредственно по выздоровленіи. Беру на себя смѣлость увѣрить Ваше Преосвященство, что студентъ Сахаровъ по его успѣхамъ, поведенію и направленію вполнѣ заслуживаетъ этого снисхожденія: при очень хорошихъ способностяхъ, примѣрномъ усердіи и прилежаніи, при отличныхъ успѣхахъ онъ окончилъ курсъ первымъ студентомъ нашей Семинаріи. За все

время обученія въ Семинаріи онъ отличался прекраснымъ поведеніемъ, никогда и никакихъ нарушеній школьной дисциплины онъ не допускалъ,—былъ тихъ, скроменъ, почтителенъ и деликатенъ,—отличался искреннею религіозностью и вполнѣ церковнымъ направленіемъ. За послѣдніе два года обученія въ Семинаріи во всѣ воскресные и праздничные дни Сахаровъ неопустительно посѣщалъ всѣ архіерейскія службы, участвуя въ нихъ въ качествѣ рипидоносца, а часто исполнялъ обязанности и иподіакона,—въ теченіи же послѣдняго 1907—8 учебнаго года онъ состоялъ въ центрѣ нашего семинарскаго „проповѣдническаго кружка" и, какъ лучшій его представитель, произносилъ церковныя поученія въ Владимірскомъ Каѳедральномъ Соборѣ и въ Крестовой церкви Архіерейскаго дома".

Опредѣлили: По вниманію къ болѣзненному состоянію студента Владимірской духовной семинаріи Сергѣя Сахарова, воспрепятствовавшему ему своевременно явиться къ пріемнымъ испытаніямъ, и ходатайству о немъ О. Ректора семинаріи,—допустить *Сахарова* къ сдачѣ пріемныхъ испытаній въ октябрѣ мѣсяцѣ текущаго 1908 года, но безъ права зачисленія за нимъ казенной стипендіи, такъ какъ послѣднія распредѣлены уже Совѣтомъ Академіи по конкурсу между державшими повѣрочныя испытанія въ назначенный срокъ.

III. Разсуждали:—*о назначеніи студентамъ сочиненій на наступившій 1908—1909 учебный годъ.*

Справка: §§ 123—126 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: 1) Назначить студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

а) по библейской исторіи } Для студентовъ обѣихъ группъ
б) по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ } Для студентовъ обѣихъ группъ
в) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ (для студентовъ первой группы) и новой гражданской исторіи (для студентовъ второй группы).

Во II курсѣ:

а) по патристикѣ — для студентовъ обѣихъ группъ.
б) по русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы (для студен-

товъ первой группы) и русской гражданской исторіи (для студентовъ второй группы).

в) по психологіи—для студентовъ обѣихъ группъ.

Въ III курсѣ:

а) по русской церковной исторіи б) по церковному праву в) по церковной археологіи и литургикѣ.	Для студентовъ обѣихъ группъ.

2) Предоставить г.г. наставникамъ Академіи избрать темы для семестровыхъ сочиненій студентовъ первыхъ трехъ курсовъ и представить ихъ на утвержденіе Преосвященнаго Ректора Академіи.

3) Для написанія сочиненій студентамъ I, II и III курсовъ назначить слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—съ 15 сентября по 1 ноября; для второго—съ 3 ноября по 20 декабря 1908 года и для третьяго—съ 10 января по 10 марта 1909 г.

4) Предложить студентамъ IV курса избрать темы для кандидатскихъ сочиненій изъ числа данныхъ наставниками Академіи и утвержденныхъ Преосвященнымъ Ректоромъ. Срокомъ подачи кандидатскихъ сочиненій назначить время съ 15 по 30 апрѣля 1909 года.

5) Согласно §§ 12—13 „Правилъ объ обязанностяхъ учащихся въ Московской Духовной Академіи“ требовать, чтобы всѣ студенты представляли свои сочиненія аккуратно къ опредѣленнымъ срокамъ Инспектору Академіи, который, помѣтивъ время подачи, безотлагательно имѣетъ передавать ихъ тому или другому преподавателю; студенты же первыхъ трехъ курсовъ, не подавшіе сочиненій къ сроку,—немедленно представляли въ Совѣтъ Академіи объясненіе причинъ несвоевременной подачи.

6) Для студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ назначить по одной проповѣди. Росписаніе проповѣдей имѣетъ быть дано Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи.

7) О назначеніи сочиненій сообщить наставникамъ Академіи и объявить студентамъ.

IV. *О распредѣленіи лекцій и учебныхъ часовъ въ Академіи на 1908—1909 учебный годъ.*

Справка: §§ 118—120 и 81 лит. *а* п. 2 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: Распредѣлить лекціи и учебные часы въ Академіи на 1908—1909 учебный годъ по слѣдующей таблицѣ:

Распредѣленіе лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1908—1909 учебный годъ.

		Первый курсъ.	
дни.	часы.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10		
	10—11	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	11—12	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	12—1	Еврейскій	языкъ
	1—2	Еврейскій	языкъ
Вторникъ	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	11—12	Введеніе въ кругъ	богословскихъ наукъ
	12—1	Библейская	исторія
	1—2	Библейская	исторія
Среда	9—10	Новые	языки
	10—11	Новые	языки
	11—12	Древніе	языки
	12—1	Библейская	исторія
	1—2	Библейская	исторія
Четвергъ	9—10	Новые	языки
	10—11	Новые	языки
	11—12	Греческій	языкъ
	12—1	Мета	физика
	1—2	Мета	физика
Пятница	9—10	Мета	физика
	10—11	Мета	физика
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	Теорія слов. и исторія ин. литер.	. . . . .
	1—2	Теорія слов. и исторія ин. литер.	Новая гражд. исторія
Суббота	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	Теорія слов. и исторія ин. литер.	Новая гражд. исторія
	11—12	Теорія слов. и исторія ин. литер.	Древняя гражд. исторія
	12—1	. . . . .	Древняя гражд. исторія
	1—2	. . . . .	. . . . .

Распредѣленіе лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1908—1909 учебный годъ.

		Второй курсъ.	
ДНИ.	ЧАСЫ.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10	Библейская	археологія
	10—11	Библейская	археологія
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	Русск. и церк.-славянск. языки.	Русская гражд. исторія
	1—2	Русск. и церк.-славянск. языки.	Русская гражд. исторія
Вторникъ	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	Русск. и церк.-славянск. языки.	. . . . .
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	Психо	логія
	1—2	Психо	логія
Среда	9—10	Латинскій	языкъ
	10—11	Психо	логія
	11—12	Психо	логія
	12—1	Патри	стика
	1—2	Патри	стика
Четвергъ	9—10	Священное Писаніе	Ветхаго Завѣта
	10—11	Патри	стика
	11—12	Патри	стика
	12—1	Греческій	языкъ
	1—2	Исторія	философіи
Пятница	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	Общая церков	ная исторія
	12—1	Общая церков	ная исторія
	1—2	. . . . .	. . . . .
Суббота	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	Исторія	философіи
	11—12	Общая церков	ная исторія
	12—1	Общая церков	ная исторія
	1—2	Священное Писаніе	Ветхаго Завѣта

Распредѣленіе лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1908—1909 учебный годъ.

		Третій курсъ.	
дни.	часы.	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10	Церковная археологія и литургика	
	10—11	Церковная археологія и литургика	
	11—12	Русская церковная исторія	
	12—1	Русская церковная исторія	
	1—2	. . . . .	. . . . .
Вторникъ	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	Русская церковная исторія	
	11—12	Русская церковная исторія	
	12—1	Церковная археологія и литургика	
	1—2	Церковная археологія и литургика	
Среда	9—10	Церковное право	
	10—11	Церковное право	
	11—12	Исторія русскаго раскола	
	12—1	Исторія русскаго раскола	
	1—2	Древніе языки	
Четвергъ	9—10	Священное Писаніе	Ветхаго Завѣта
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	Исторія русскаго раскола	
	12—1	Исторія русскаго раскола	
	1—2	. . . . .	. . . . .
Пятница	9—10	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	10—11	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	11—12	Педагогика	
	12—1	Педагогика	
	1—2	Исторія западныхъ исповѣданій	
Суббота	9—10	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	10—11	Священное Писаніе	Новаго Завѣта
	11—12	Исторія западныхъ исповѣданій	
	12—1	Исторія западныхъ исповѣданій	
	1—2	Священное Писаніе	Ветхаго Завѣта

Распредѣленіе лекцій въ Московской Духовной Академіи на 1908—1909 учебный годъ.

		Четвертый курсъ.	
Дни.	Часы	I.	II.
Понедѣльникъ	9—10	Церковная археологія и литургика	
	10—11	Церковная археологія и литургика	
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	. . . . .	Русск. гражд. исторія
	1—2	. . . . .	Русск. гражд. исторія
Вторникъ	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	Церковная археологія и литургика	
	1—2	Церковная археологія и литургика	
Среда	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	Пастырское богословіе	
	12—1	Пастырское богословіе	
	1—2	. . . . .	. . . . .
Четвергъ	9—10	Священное Писаніе	Ветхаго Завѣта
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	. . . . .	. . . . .
	1—2	. . . . .	. . . . .
Пятница	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	. . . . .	. . . . .
	12—1	Догматическое богословіе	
	1—2	Догматическое богословіе	
Суббота	9—10	. . . . .	. . . . .
	10—11	. . . . .	. . . . .
	11—12	Догматическое богословіе	
	12—1	Догматическое богословіе	
	1—2	Священное Писаніе	Ветхаго Завѣта

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопресвященства: „1908 г. Окт. 2. Смотрѣно“.

6 сентября 1908 года.

№ 13.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: ординарный профессоръ А. А. Спасскій и доцентъ А. П. Орловъ.

Слушали: I. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *12 іюня с. г. № 11*: „1908 г. Авг. 26. По ст. I. И. д. доцента Академіи священникъ Димитрій Рождественскій перемѣщается съ занимаемой имъ каѳедры гомилетики и исторіи проповѣдничества на каѳедру Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта. Прочее смотрѣно и утверждается“.

Справка: 1) Въ ст. II, III, IV и V означеннаго журнала изложены были опредѣленія Совѣта Академіи о приглашеніи на вакантныя въ Академіи каѳедры: а) *исторіи философіи*—кандидата Академіи выпуска текущаго 1908 года, окончившаго университетскій курсъ, Павла *Флоренскаго*; б) *новой гражданской исторіи* — экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Александра *Савина*; в) *латинскаго языка и его словесности*—сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Академіи выпуска 1907 года Сергѣя *Знаменскаго* и г) *русской гражданской исторіи*—приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета Михаила *Богословскаго*.—2) Кандидаты *Флоренскій* и *Знаменскій* изъявили согласіе занять предложенныя имъ каѳедры и въ непродолжительномъ времени имѣютъ прочесть въ присутствіи Совѣта установленныя § 50 академическаго устава пробныя лекціи.

Опредѣлили: 1) О перемѣщеніи и. д. доцента Академіи священника Димитрія *Рождественскаго* на каѳедру Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта внести въ формулярный о службѣ его списокъ.—2) Прочее принять къ свѣдѣнію.

II. Письмо на имя Преосвященнаго Ректора Академіи г. экстраординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Александра Николаевича *Савина*:

„Обращаюсь къ Вашему Преосвященству съ почтительной просьбой—передать Совѣту Московской Духовной Академіи мою глубокую благодарность за ту честь, которую Совѣту было угодно оказать мнѣ предложеніемъ занять каѳедру новой гражданской исторіи. Къ сожалѣнію въ настоящемъ 1908—9 учебномъ году преподавательскія обязанности въ Московскомъ Университетѣ не позволяютъ мнѣ отдать Московской Духовной Академіи то время, которое необходимо для несенія лежащихъ на доцентѣ Академіи обязанностей. И почетное предложеніе Совѣта Академіи я могу принять лишь въ томъ случаѣ, если Совѣтъ Академіи найдетъ возможнымъ временно освободить меня отъ чтенія лекцій, съ тѣмъ, чтобы отсрочка длилась не болѣе двухъ лѣтъ и чтобы я приступилъ къ чтенію лекцій не позже осени 1910 года“.

Справка: 1) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 31 января 1908 года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, временное исполненіе преподавательскихъ обязанностей по каѳедрѣ *новой гражданской исторіи* поручено, съ 1 февраля 1908 года, бывшему (съ 1893 по 1895 г.) преподавателю этого предмета, нынѣ ординарному профессору Академіи по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскому*.—2) По § 60 устава духовныхъ академій: „Одинъ преподаватель не можетъ занимать двухъ каѳедръ, кромѣ крайнихъ случаевъ и никакъ не далѣе одного года. За исполненіе должности преподавателя по вакантной каѳедрѣ онъ получаетъ, по усмотрѣнію Совѣта, съ разрѣшенія Преосвященнаго, вознагражденіе въ размѣрѣ, не превышающемъ жалованья доцента.“

Опредѣлили: 1) Увѣдомить профессора А. Н. Савина, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, признавалъ бы весьма желательнымъ замѣстить каѳедру новой гражданской исторіи штатнымъ преподавателемъ не позже начала будущаго

1909—1910 учебнаго года; окончательное же сужденіе по вопросу объ избраніи профессора А. Н. Савина на должность доцента Академіи, въ виду указанной имъ невозможности въ настоящее время приступить къ чтенію лекцій въ Академіи, отложить до будущаго учебнаго года.—2) Временное преподаваніе новой гражданской исторіи оставить за ординарнымъ профессоромъ Академіи *А. А. Спасскимъ*, испросивъ, по истеченіи годичнаго срока, установленнымъ порядкомъ, разрѣшеніе на то Святѣйшаго Синода.

III. Письмо на имя Преосвященнаго Ректора Академіи г. приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета Михаила Михаиловича *Богословскаго*:

„Въ отвѣтъ на сообщеніе Вашего Преосвященства объ избраніи меня Совѣтомъ Московской Духовной Академіи въ доценты по каѳедрѣ Русской гражданской исторіи имѣю честь просить Васъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи о моемъ согласіи занять означенную каѳедру на предложенныхъ мнѣ условіяхъ. Позволяю себѣ при этомъ обратиться къ Вашему Преосвященству съ покорнѣйшей просьбой передать Совѣту Академіи мою глубочайшую признательность за лестное для меня избраніе“.

Справка: 1) Г. приватъ-доцентъ Университета М. М. Богословскій, какъ видно изъ его послужного списка, окончилъ курсъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по историко-филологическому факультету, съ дипломомъ 1-й степени,—въ 1890 году и оставленъ былъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи на три года, безъ содержанія; въ число приватъ-доцентовъ Московскаго Университета по каѳедрѣ русской исторіи принятъ съ разрѣшенія Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, сообщеннаго въ предложеніи отъ 11 мая 1898 года, за № 11477; по надлежащемъ испытаніи въ Историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго Университета и послѣ публичнаго защищенія написанной имъ диссертаціи подъ заглавіемъ: „Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719 г.“, Совѣтомъ Университета утвержденъ въ степени магистра русской исторіи—1902 года, декабря 2.—2) Отношеніемъ отъ 17 текущаго сентября за № 2410 Г. Ректоръ Императорскаго Московскаго Универ-

ситета увѣдомляетъ Совѣтъ Академіи, что препятствій къ ходатайству объ утвержденіи приватъ-доцента Университета М. М. Богословскаго въ должности доцента Академіи со стороны Университета не встрѣчается.—3) По § 48 устава духовныхъ академій—„Для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“.—4) По § 81 лит. *б* п. 4 устава избраніе кандидатовъ на должность доцента значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи приватъ-доцента Императорскаго Московскаго Университета, магистра русской исторіи, Михаила Богословскаго въ должности доцента академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Сент. 28. По ст. Ш. Доцентъ Московскаго Университета Михаилъ Богословскій утверждается въ должности доцента Академіи по каѳедрѣ Русской Гражданской Исторіи. Прочее смотрѣно“.

6 сентября 1908 года.

№ 14.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—профессоръ А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: ординарный профессоръ А. А. Спасскій и доцентъ А. И. Орловъ.

Слушали: I. Сообщенную Правленіемъ Академіи копію сданнаго Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Іюня 3. Въ Правленіе Московской Дух. Академіи“—указа на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 мая за № 6432:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 апрѣля сего года за № 159, по ходатайству ректора Московской духовной академіи объ утвержденіи инспектора сей академіи, магистра богословія, Александра *Шостьина* исправляющимъ должность ординарнаго профессора, на освободившуюся за выходомъ въ отставку заслуженнаго ординарнаго профессора Николая Заозерскаго вакансію. Приказали: Въ виду изъясненныхъ въ представленіи соображеній и въ удовлетвореніе ходатайства Вашего Преосвященства, удостоить инспектора Московской духовной академіи экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ пастырскаго богословія и педагогики, магистра богословія, Александра Шостьина званія исправляющаго должность ординарнаго профессора академіи, съ назначеніемъ ему дополнительнаго по должности ординарнаго профессора оклада содержанія на счетъ суммы, остающейся свободной отъ вакантной въ академіи должности ординарнаго профессора; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Іюня 23. Въ Совѣтъ М. Дух. Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 20 іюня за № 7399:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) Представленія Преосвященнаго Митрополита С.Петербургскаго, отъ 22 Апрѣля сего года за № 384—3695, Вашего Преосвященства, отъ 15 Февраля сего года за № 70, и временно-управляющаго Казанской епархіей епископа Чистопольскаго, отъ 9 того же Апрѣля за № 1861, о командированіи Совѣтами духовныхъ академій С.Петербургской, Московской и Казанской делегатами на XIV археологическій съѣздъ, имѣющій быть въ Черниговѣ въ Августѣ сего года, отъ Петербургской академіи 4 профессоровъ, отъ Московской 2 и Казанской 1, съ назначеніемъ означеннымъ делегатамъ путевого пособія изъ средствъ Святѣйшаго Синода и 2) отзывъ Хозяйственнаго Управленія отъ 25 Мая сего года за № 13899, по содержанію сихъ представленій. Приказали: Обсудивъ означенныя представленія и принимая во вниманіе крайнюю

ограниченность Синодальныхъ средствъ на духовно-учебную часть, которыхъ едва достаетъ на покрытіе штатныхъ расходовъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній, Святѣйшій Синодъ, согласно отзыву Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: предложить Совѣтамъ духовныхъ академій командировать делегатами на Черниговскій археологическій съѣздъ лишь по одному представителю отъ академіи, съ назначеніемъ таковымъ делегатамъ путевого пособія изъ Синодальныхъ средствъ по 150 руб. каждому изъ прогоннаго кредита по духовно-учебному капиталу; въ случаѣ же признанія Совѣтами академій желательнымъ командировать на съѣздъ бо́льшее число представителей, на путевое пособіе имъ академическіе Совѣты должны изыскать мѣстныя средства, о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Справка: Въ качествѣ делегата отъ Московской Духовной Академіи, принималъ участіе въ засѣданіяхъ XIV Археологическаго Съѣзда въ г. Черниговѣ ординарный профессоръ Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцовъ*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Авг. 4. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 1 августа за № 9128:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27 Іюня сего года за № 281, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о продленіи исправляющему должность доцента академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи кандидату богословія *Евгенію Воронцову* срока полученія имъ магистерской степени до 15 Іюня 1909 года. Приказали: Принимая во вниманіе, что исправляющимъ должность доцента Московской духовной академіи Евгеніемъ Воронцовымъ въ настоящее время уже представлена, въ рукописномъ видѣ, на соисканіе степени магистра богословія диссертація подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи ветхозавѣтной Библіи (Домасоретская и масоретская Библія, какъ манускриптъ)", причемъ печатаніе ея оказалось затруднительнымъ для типографій

по причинѣ значительнаго присутствія въ ней восточныхъ текстовъ, а также имѣя въ виду, что трудъ Воронцова отличается исключительною спеціальностью, требующею не мало времени для его рецензіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: продлить Воронцову назначенный для полученія имъ степени магистра богословія срокъ до 15 Іюня 1909 года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить (и объявленъ) исправляющему должность доцента Академіи Е. А. Воронцову.

IV. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Авг. 20. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 18 августа за № 9870:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 19 минувшаго Іюля за № 309, съ приложеніемъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода выработаннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи проэкта положенія *о капиталѣ титулярнаго совѣтника Ивана Алексѣевича Покровскаго.* II, по справкѣ, приказали: Представленный проэктъ положенія о капиталѣ титулярнаго совѣтника Ивана Алексѣевича Покровскаго утвердить съ тѣмъ, чтобы пар. 3 положенія былъ изложенъ, согласно волѣ жертвователя, въ слѣдующей редакціи: „Проценты съ сего капитала за первые два года употребляются на вознагражденіе преподавателя декламаціи, приглашаемаго ректоромъ академіи, съ согласія академическаго Совѣта, для чтенія студентамъ, кои того добровольно пожелаютъ, лекцій и для практическихъ упражненій съ ними въ ораторскомъ искусствѣ въ лѣтнее или какое-либо другое каникулярное время и въ часы, свободные отъ учебныхъ занятій" [1]); о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

б) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Авг. 28. Въ Совѣтъ Московской Духовной

---

[1]) Положеніе съ вышеозначеннымъ измѣненіемъ § 3 утверждено опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 4/16 Августа 1908 года за № 5179.

Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 26 августа за № 10302:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 19 минувшаго Іюля за № 310, объ учрежденіи при Московской духовной академіи *преміи имени покойнаго ординарнаго профессора академіи Ивана Корсунскаго* на собранный бывшими слушателями и почитателями покойнаго капиталъ, заключающійся нынѣ въ $4^1/_2$ % свидѣтельствахъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка на сумму 1300 р., съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала были выдаваемы за лучшее кандидатское сочиненіе по одному изъ тѣхъ предметовъ, къ области которыхъ относятся составленные профессоромъ Корсунскимъ научные труды, и объ утвержденіи выработаннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи проекта положенія о сей преміи. Приказали: 1) Учредить при Московской духовной академіи премію имени покойнаго ординарнаго профессора названной академіи Ивана Корсунскаго на изложенныхъ выше основаніяхъ и 2) представленный проектъ положенія о сей преміи утвердить [1]); о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

V. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Авг. 25. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 21 августа за № 10065:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Исполняющимъ обязанности Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 12 сего Августа, журналъ Учебнаго Комитета за № 432, по представленію Вашего Преосвященства о командированіи въ Константинополь для занятій въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ на 1908—9 учебный годъ окончившаго въ текущемъ году курсъ Московской духовной академіи кандидата богословія *Николая Махаева*. Приказали: Согласно

[1]) Положеніе о преміи имени Корсунскаго утверждено опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ $^4/_{20}$ Августа 1908 г. за № 5256.

представленію Вашего Преосвященства и заключенію Учебнаго Комитета, командировать въ Константинополь для занятій въ Русскомъ Археологическомъ Институтѣ на 1908—9 учебный годъ окончившаго въ текущемъ году курсъ Московской духовной академіи кандидата богословія Николая Махаева, съ отпускомъ ему пособія изъ духовно-учебнаго капитала въ размѣрѣ 800 рублей, считая срокъ командировки съ 15 августа 1908 года по 15 августа 1909 года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить кандидату Махаеву и выдать ему установленный билетъ для полученія заграничнаго паспорта.

VI. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 10 іюня, № 6: „1908 г. Іюня 27. Смотрѣно".

б) 10 іюня, № 7: „1908 г. Іюля 4. Смотрѣно".

в) 11 іюня, № 8: „1908 г. Іюня 27. Смотрѣно".

г) 11 іюня, № 9: „1908 г. Іюля 19. Смотрѣно и утверждается".

д) 11 іюня, № 10: „1908 г. Іюня 27. Возвратить".

Справка: Въ послѣднемъ журналѣ (№ 10) изложено было ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи исправляющаго должность доцента Академіи *А. П. Орлова*, удостоеннаго Совѣтомъ ученой степени магистра богословія, въ должности доцента Академіи по занимаемой имъ каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій.

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.—2) Принимая резолюцію Его Высокопреосвященства на журналѣ собранія Совѣта Академіи 11 іюня 1908 года, № 10, въ утвердительномъ смыслѣ,—считать магистра богословія Анатолія *Орлова* утвержденнымъ въ должности доцента Академіи съ 27 іюня 1908 года, о чемъ и внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

VII. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на отношеніи Г. Товарища Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода (по Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ) отъ 20 іюля за № 1380, о неимѣніи препятствій къ перемѣщенію помощника инспектора Рязанской духовной

семинаріи Николая *Шафранова* на должность помощника секретаря Академіи: „1908 г. Іюля 24. Г. Шафрановъ опредѣляется помощникомъ Секретаря Совѣта и Правленія Московской Дух. Академіи, о чемъ и увѣдомить Товарища Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода“.

Справка: 1) Объ опредѣленіи кандидата Шафранова на должность помощника секретаря сообщено Совѣтомъ Академіи Учебному Комитету при Святѣйшимъ Синодѣ и Правленію Рязанской духовной семинаріи отношеніями отъ 2 августа с/г. за №№ 350 и 351.

Опредѣлили: О перемѣщеніи кандидата Шафранова на службу при Академіи внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

VIII. Отношеніе Г. Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета отъ 9 іюля за № 967:

„Предполагая ходатайствовать къ награжденію исп. долж. экстраординарнаго профессора С.-Петербургскаго Университета Статскаго Совѣтника Ивана Дмитріевича *Андреева* орденомъ Св. Станислава 2-й степени, въ виду состоянія его ранѣе экстраординарнымъ профессоромъ Московской Духовной Академіи, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи увѣдомить, не встрѣчается ли съ его стороны какихъ-либо препятствій къ означенному ходатайству“.

Опредѣлили: Сообщить (и сообщено) Г. Ректору Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, что препятствій къ вышеизложенному ходатайству со стороны Совѣта Академіи не встрѣчается.

IX. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Г. Ректора Императорскаго Московскаго Университета, отъ 8 іюля за № 2030:

„Вслѣдствіе отзыва отъ 14 іюня 1098 г., за № 280, имѣю честь увѣдомить Ваше Преосвященство, что съ разрѣшенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, сообщеннаго въ предложеніи отъ 2-го іюля с. г. за № 17869, экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи Павелъ *Соколовъ* принятъ въ число приватъ-доцентовъ Императорскаго Московскаго Университета по каѳедрѣ философіи“.

Опредѣлили: О принятіи экстраординарнаго профессора Академіи П. П. Соколова въ число приватъ-доцентовъ Императорскаго Московскаго Университета внести въ формулярный о службѣ его списокъ.

X. а) Отчеты профессорскихъ стипендіатовъ Академіи выпуска 1907 года—Владиміра *Страхова*, Александра *Туберовскаго* и Владиміра *Семидалова*—объ ихъ занятіяхъ въ теченіи 1907—1908 учебнаго года.

б) Отзывъ объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Владиміра Страхова заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова*:

„Занятія г. Страхова, какъ видно изъ представленнаго имъ отчета, представляютъ дальнѣйшую разработку предмета его кандидатскаго сочиненія—„введеніе во Второе Посланіе Ап. Павла къ Ѳессалоникійцамъ“, сосредоточиваясь на толкованіи посланія. Для сей цѣли авторъ трудился надъ изученіемъ какъ спеціально-экзегетической литературы Второго Посланія къ Ѳессалоникійцамъ, такъ и общихъ ко всему Новому Завѣту пособій по филологіи и текстологіи. Представленный стипендіатомъ списокъ изучавшихся имъ пособій и, въ особенности, тетрадь съ матеріалами по толкованію посланія удостовѣряютъ въ томъ, что г. Страховъ не мало и серьезно трудился надъ изученіемъ Новаго Завѣта вообще и Второго Посланія Ап. Павла къ Ѳессалоникійцамъ въ частности. Правда однакожъ требуетъ отмѣтить нѣкоторыя крупныя упущенія въ пользованіи пособіями общаго характера. По греческой текстологіи Ветхаго Завѣта г. Страховъ ограничился изданіемъ Тишендорфа, не ознакомившись хотя и съ болѣе старымъ, но научно болѣе цѣннымъ изданіемъ Hilmes—Parsons'a и съ новѣйшимъ изданіемъ Swete, не говоря уже о спеціальныхъ изданіяхъ отдѣльныхъ кодексовъ, Оригеновыхъ Гекзаплъ — Фильда, переводныхъ съ LXX текстовъ—Италійскаго и др. и всей спеціальной литературой по тексту LXX. А по Новому Завѣту г. Страхову неизвѣстно новѣйшее изданіе Westcott — Hort'a. Изъ филологическихъ пособій опущены лексиконы—словари Svicer'a, Liddel—Scott'a, синонимика Schmidt'a, труды Deissmann'a и др. По текстологіи

г. Страховъ опустилъ Gregory, Textkritik des Neuen Testaments и Soden'a Die Schriften des Neuen Testaments, не говорю уже о переводныхъ текстахъ—италійскомъ, сирскомъ, коптскомъ и др. Намѣреніе г. Страхова въ будущемъ посвятить себя изученію славянскаго текста заслуживаетъ, конечно, полнаго одобренія. А теперь его рѣчь объ этомъ возбуждаетъ недоумѣнія. Онъ говоритъ, что посвятилъ стипендіатскій годъ *собиранію* (?) славянскихъ рукописей Новаго Завѣта. Но эти рукописи уже почти всѣ собраны и даже in magna parte описаны, въ частности упоминаемыя имъ рукописи Московской Синодальной библіотеки. Можетъ быть эта странность объясняется молчаніемъ (и незнаніемъ?) г. Страхова о трудахъ Преосв. Амфилохія и проф. Воскресенскаго, имѣющихъ ближайшее и прямое отношеніе къ изученію славянскаго текста Новаго Завѣта, и форсированнымъ указаніемъ на работы проф. Евсѣева, не имѣющихъ къ Новому Завѣту прямого отношенія. Повидимому г. Страхову неизвѣстны полные переводы на Русскій языкъ толкованій св. Ефрема Сирина и блаж. Ѳеодорита на посланія Ап. Павла. Но эти, какъ и другіе, частные дефекты навѣрно будутъ выполнены и преизбыточно покрыты трудами г. Страхова надъ дальнѣйшимъ изученіемъ избраннаго имъ для своей магистерской диссертаціи предмета".

в) Отзывъ объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Александра Туберовскаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ догматическаго богословія *А. Д. Бѣляева*:

„Г. Туберовскій въ теченіе стипендіатскаго года занимался переработкой своего кандидатскаго сочиненія въ магистерское. Онъ съузилъ тему своего сочиненія. Существенной необходимости въ этомъ я не видѣлъ. Но далъ ему свое согласіе на это, имѣя въ виду свойственную ему наклонность исчерпывать тему до дна. Эта наклонность есть признакъ настоящаго ученаго работника; но при наличности ея лучше брать темы не широкія.

Добросовѣстно, искренно, скромно, не преувеличивая, г. Туберовскій описываетъ въ своемъ отчетѣ процессъ своей работы и достигнутые имъ результаты. Онъ подготовилъ всю черновую работу для сочиненія, началъ писать и самое

сочиненіе. Къ сожалѣнію окончить сочиненіе въ теченіе года ему помѣшала тяжкая и продолжительная болѣзнь его одинокаго отца, требовавшая ухода со стороны сына, и его собственное дважды повторившееся нездоровье.“

г) Отзывъ объ отчетѣ сверхштатнаго профессорскаго стипендіата Владиміра Семидалова экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ *Н. Г. Городенскаго*:

„Отчетъ г. Семидалова показываетъ, что онъ занимался въ продолженіи стипендіатскаго года обработкою своего кандидатскаго сочиненія и использовалъ находившееся въ его распоряженіи время вполнѣ цѣлесообразно“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Прошеніе преподавателя Кіевской духовной семинаріи Александра *Волнина*:

„Представляя при семъ въ двухъ экземплярахъ свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Мессія по изображенію пророка Исаіи. Опытъ библейско-богословскаго и критико-экзегетическаго изслѣдованія пророчествъ Исаіи о лицѣ Мессіи. Кіевъ, 1908 г.“, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его въ качествѣ диссертаціи на соисканіе степени магистра богословія и дать дѣлу законное движеніе“.

Справка: 1) Г. Волнинъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1897 году со степенью кандидата богословія и съ правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія.—2) § 81 лит. *а* п. 6 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: Магистерскую диссертацію преподавателя Кіевской духовной семинаріи Александра Волнина передать для разсмотрѣнія и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи *Е. А. Воронцову*.

XII. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ вышеупомянутой магистерской диссертаціи онъ назначаетъ члена Совѣта — экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ библейской исторіи *А. И. Покровскаго*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношенія:

а) Настоятельницы Троице-Одигитріевскаго женскаго монастыря (Зосимовой Пустыни) Игуменіи Софіи, отъ 14 августа за № 67, съ препровожденіемъ рукописи основателя обители—старца схимонаха Зосимы (Верховскаго) „О благодатныхъ дѣйствіяхъ молитвы сердечной", бывшихъ съ подвижникомъ Василискомъ и рукописной же копіи оной съ примѣчаніями.

б) С.-Петербургской Духовной Консисторіи отъ 10 іюня за № 9373, съ препровожденіемъ дѣла 1893 года за № 53 о собращеніи нѣкоторыхъ лицъ изъ православіи въ расколъ.

в) Управленія Императорской Публичной Библіотеки, отъ 11 августа за № 1164, съ препровожденіемъ двухъ рукописей за №№ 74 (Тріодь Болгарской редакціи) и 102 (Тріодь Орбельская).

Справка: Всѣ поименованныя рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

г) Настоятеля Троицкаго-Данилова монастыря, Владимірской епархіи, Архимандрита Митрофана, отъ 4 августа за № 89, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи, при отношеніи отъ 26 іюля за № 340, двухъ рукописныхъ житій Преподобнаго Даніила, Переславскаго Чудотворца.

д) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 7 августа за № 1729, съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи, при отношеніи отъ 26 іюля за № 344, рукописей Московской Синодальной Библіотеки за №№ 902, 926 и 953.

в) Г. Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Совѣтомъ Академіи, при отношеніи отъ 26 іюля за № 342, рукописи Типографской Библіотеки за № 410.

ж) Г. Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Оренбургскаго уѣзда, отъ 4 августа за № 1344, съ просьбою выслать для осмотра дѣло бывшей Оренбургской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда за 1892 г. (Арх. № 58105), вмѣстѣ съ двумя слѣдственными по означенному дѣлу производствами Судебныхъ Слѣдователей 1-го и 4-го участковъ Оренбургскаго уѣзда за №№ 14 и 69, присланное въ Академію при

отношеніи Г. Предсѣдателя Оренбургскаго Окружнаго Суда отъ 29 іюля 1906 года за № 1150.

Справка: Означенное дѣло препровождено г. Судебному Слѣдователю 1-го участка Оренбургскаго уѣзда при отношеніи Совѣта Академіи отъ 19 августа за № 386.

з) Г. Предсѣдателя Симбирскаго Окружнаго Суда, отъ 5-го августа за № 360, и Тамбовской Духовной Консисторіи, отъ 5 іюня за № 9734, съ просьбою поспѣшить возвращеніемъ архивныхъ дѣлъ о русскихъ сектантахъ, высланныхъ въ Академію для научныхъ занятій и. д. доцента Д. Г. Коновалова.

Справка: По просьбѣ и. д. доцента Коновалова, отъ имени Совѣта Академіи возбуждено, по принадлежности, ходатайство о продленіи ему срока пользованія означенными архивными дѣлами, въ виду крайней необходимости въ нихъ при окончаніи г. Коноваловымъ магистерской диссертаціи о русскомъ сектантствѣ.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIV. Прошеніе ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцова*:

„Долгъ имѣю просить Совѣтъ Академіи о пріобрѣтеніи для фундаментальной библіотеки слѣдующихъ изданій и книгъ:

Лихачева Н. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. Атласъ снимковъ въ двухъ частяхъ. С.-Петерб. 1906 г.

„Иконографія Господа Бога и Спаса нашего І. Христа". Т. 1 иконописнаго лицевого подлинника. Изданіе Высочайше учрежденнаго Комитета попечительства о русской иконописи.

Moklowski Kazimeerz, Sztuka Ludowa v. Polsce. Lwow. 1903.

Weber A., Die römische Katakomben. 3-e edition. Regensburg. 1906. Pr. 2 mr.

Marucchi H. Manuel d' Archéologie chrétienne. Rome. 1906.

Wilpert, Le pitture della Basilica primitiva di S. Clemente. Rome, 1906.

Въ виду дороговизны двухъ первыхъ капитальныхъ изданій имѣю честь предложить Совѣту Академіи возбудить ходатайство предъ издателями ихъ, не найдутъ-ли они возможнымъ пожертвовать свои изданія въ имѣющійся при Академіи церковно-археологическій музей, не располагающій

никакими средствами, но преслѣдующій учебныя цѣли. Въ случаѣ отказа со стороны издателей, можетъ быть, Совѣтъ Академіи найдетъ возможнымъ просить ихъ объ уступкѣ изданій на болѣе льготныхъ для академической библіотеки условіяхъ".

Опредѣлили: 1) Соглашаясь съ предложеніемъ профессора А. П. Голубцова, войти въ сношенія съ издателями двухъ первыхъ, указанныхъ имъ, капитальныхъ изданій относительно безплатной высылки послѣднихъ въ церковно-археологическій музей или объ уступкѣ ихъ на болѣе льготныхъ для академической библіотеки условіяхъ.—2) Поручить библіотекарю Академіи К. М. Попову выписать для академической библіотеки, по справкѣ съ ея наличностью, остальныя, означенныя въ прошеніи профессора А. П. Голубцова, изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

XV. Прошеніе ординарнаго профессора *А. П. Голубцова*:

„Заинтересовавшись въ бытность свою на археологическомъ съѣздѣ въ г. Черниговѣ древнею плащаницею („воздухомъ") Полтавскаго Епархіальнаго Древлехранилища, находившеюся на устроенной при съѣздѣ археологической выставкѣ, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ, епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, о высылкѣ названной плащаницы въ Академію для тщательнаго и научнаго ея изученія, срокомъ на три мѣсяца".

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ, Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, о высылкѣ въ Академію указанной въ прошеніи профессора А. П. Голубцова древней плащаницы на испрашиваемый имъ срокъ.

XVI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что болгарскій уроженецъ *іеромонахъ Панаретъ* (Наумовъ), по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 11 іюня с. г. принятый въ число студентовъ Академіи съ разрѣшеніемъ сдать послѣ лѣтнихъ каникулъ устныя испытанія по предметамъ, читаннымъ въ 1903—1904 учебномъ году на III курсѣ Ака-

деміи, сдалъ означенныя испытанія и получилъ слѣдующіе баллы: по гомилетекѣ и исторіи проповѣдничества—5, по Священному Писанію Новаго Завѣта, церковному праву, исторіи и разбору западныхъ исповѣданій и исторіи и обличенію русскаго раскола—4½, по педагогикѣ—4, по русской церковной исторіи—4— и греческому языку—3.

Опредѣлили: Болгарскаго уроженца іеромонаха Панарета (Наумова) зачислить въ списки студентовъ IV курса Академіи.

XVII. Прошеніе студента IV курса *Виктора Машковскаго:*

„Въ виду того, что Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ мнѣ было предоставлено право быть освобожденнымъ отъ экзаменовъ въ Московской Духовной Академіи по предметамъ небогословскимъ, пройденнымъ мною въ Университетскомъ Отдѣленіи Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи освободить меня отъ экзамена по Психологіи, во всемъ объемѣ входившей въ курсъ Уголовнаго Права, пройденный мною въ Императорскомъ Лицеѣ“.

Опредѣлили: Просьбу студента В. Машковскаго отклонить, обязавъ его прослушать курсъ лекцій по психологіи и сдать экзаменъ по этому предмету въ текущемъ 1908—1909 учебномъ году.

XVIII. Прошеніе принятаго въ число студентовъ II курса Московской Духовной Академіи бывшаго студента Кіевской Духовной Академіи *священника Александра Никольскаго*:

„Въ виду того, что въ Кіевской Академіи я не слушалъ лекцій по предметамъ—введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, логикѣ, метафизикѣ и новой гражданской исторіи, почтительнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ слушаніе лекцій по этимъ предметамъ въ нынѣшнемъ учебномъ году. Лекціи же по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, патрологіи, русской гражданской исторіи и исторіи философіи я слушалъ на I курсѣ Кіевской Академіи и въ маѣ мѣсяцѣ сего года, по этимъ предметамъ мною сданы экзамены. Поэтому покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи отъ слушанія лекцій и отъ экзаменовъ по этимъ предметамъ меня освободить“.

Справка: Изъ вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи священника А. Никольскаго, высланной Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи, видно, что онъ дѣйствительно на I курсѣ слушалъ лекціи и въ концѣ минувшаго 1907—1908 учебнаго года сдалъ испытанія, между прочимъ,—и по Священному Писанію Ветхаго Завѣта (баллъ—3), патристикѣ (4—), русской гражданской исторіи (3+) и исторіи философіи (4—).

Опредѣлили: Разрѣшить студенту II курса священнику Александру Никольскому слушать въ текущемъ 1908—1909 учебномъ году, вмѣстѣ съ студентами I курса, лекціи по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, метафизикѣ и логикѣ и новой гражданской исторіи, освободивъ его отъ сдачи новыхъ устныхъ испытаній по предметамъ, выслушаннымъ имъ въ минувшемъ году въ Кіевской Духовной Академіи.

XIX. Прошенія принятыхъ Совѣтомъ Академіи въ текущемъ году, послѣ повѣрочныхъ испытаній, въ составъ I-го академическаго курса вольнослушателей Академіи: Алексѣя *Орлова* и священниковъ Димитрія *Лебедева* и Іакова *Горохова*, въ коемъ, указывая, что въ минувшемъ 1907—1908 учебномъ году они, наравнѣ съ дѣйствительными студентами, слушали лекціи по всѣмъ предметамъ I курса и представляли г.г. профессорамъ Академіи назначенныя студентамъ I курса письменныя работы, просятъ Совѣтъ Академіи разрѣшить имъ нынѣ же сдать устныя испытанія по выслушаннымъ предметамъ и зачесть представленныя письменныя работы,—для зачисленія въ студенты II курса Академіи.

Опредѣлили: 1) Разрѣшить студентамъ Алексѣю Орлову и священникамъ Димитрію Лебедеву и Іакову Горохову, дѣйствительно усердно посѣщавшимъ въ минувшемъ 1907—1908 учебномъ году академическія лекціи и представлявшимъ, хотя и неоффиціально, письменныя работы наравнѣ съ дѣйствительными студентами I курса,—сдать нынѣ же переводныя испытанія по предметамъ этого курса, послѣ чего и имѣть сужденіе о зачисленіи ихъ въ списки студентовъ II курса Академіи.—2) Временно, впредь до выясненія результатовъ означенныхъ переводныхъ испытаній, дозволить студентамъ Орлову и священникамъ Лебедеву и Горохову слушать лекціи и представлять семестровыя сочиненія наравнѣ съ студентами настоящаго II курса Академіи.

XX. Прошеніе бывшаго студента III курса Академіи, нынѣ *священника* села Краснополя, Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губерніи, *Александра Литвиненко* объ обратномъ принятіи его въ число студентовъ Академіи.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 сентября минувшего 1907 года студентъ III курса Александръ Литвиненко уволенъ былъ изъ Академіи по прошенію, для поступленія на приходское мѣсто священника въ Херсонскую епархію.

Опредѣлили: Священника Александра Литвиненко принять обратно въ число своекоштныхъ студентовъ III курса Академіи.

XXI. Прошеніе бывшаго студента I курса Академіи *Николая Вершинскаго*:

„Представляя при семъ медицинское свидѣтельство о моемъ дѣйствительно—болѣзненномъ состояніи въ теченіи минувшаго учебнаго года, благодаря которому я не могъ вполнѣ удовлетворительно выполнить всѣхъ моихъ студенческихъ обязанностей, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи принять меня снова въ число студентовъ Академіи, оставивши на второй годъ на томъ же курсѣ. Теперь за лѣто я настолько поправился, что могу съ успѣхомъ продолжать свое дальнѣйшее богословское образованіе“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня сего года студентъ I курса Николай Вершинскій уволенъ былъ изъ Академіи по малоуспѣшности.

Опредѣлили: Бывшаго студента Николая Вершинскаго принять обратно въ Академію, съ оставленіемъ въ томъ же первомъ курсѣ на второй годъ.

XXII. а) Прошеніе бывшаго студента III курса Казанской Духовной Академіи *Петра Бурова*:

„Уволившись по прошенію вслѣдствіе болѣзни изъ Казанской Духовной Академіи я, по совѣту врача, нынѣшнимъ лѣтомъ занялся кумысолѣченіемъ и поправился настолько, что, по освидѣтельствованіи меня врачемъ, могу не въ ущербъ здоровью окончить академическій курсъ, но въ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, нежели Казанскія, каковыми и являются, по мнѣнію врача, Московскія.

А посему покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи допустить меня до переходныхъ испытаній на четвертый курсъ и, если окажусь достойнымъ, зачислить меня студентомъ въ составъ названнаго курса—пансіонеромъ".

При семъ долгомъ считаю присовокупить, что документы мои находятся въ Тобольской Духовной Консисторіи, для пересылки которыхъ мною уже приняты мѣры".

б) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора—Преосвященнаго Ректора Казанской Духовной Академіи, отъ 28 августа за № 1153:

„На отношеніе Вашего Преосвященства отъ 24 сего августа за № 432 честь имѣю сообщить, что 7-го іюня сего года по поводу прошенія бывшаго студента III курса Казанской Академіи Петра Бурова объ отсрочкѣ ему, вслѣдствіе его болѣзни, переводныхъ испытаній до осени, состоялось слѣдующее постановленіе Совѣта Академій: „Студента III курса Бурова Петра, въ виду неоднократно обнаруженной имъ неаккуратности во взносѣ пансіонерной платы, въ виду его продолжительной болѣзни, не вполнѣ удовлетворительнаго поведенія, а также въ виду того, что въ семъ 1908 году онъ не сдавалъ переводныхъ испытаній ни по одному предмету, уволить изъ Академіи по прошенію, аттестовавъ поведеніе его весьма хорошимъ".

Опредѣлили: Просьбу бывшаго студента III курса Казанской Духовной Академіи Петра Бурова о принятіи его въ число студентовъ IV курса Московской Духовной Академіи—отклонить,—о чемъ и увѣдомить его чрезъ Канцелярію.

XXIII. Прошеніе окончившаго курсъ Императорскаго Московскаго Университета по историко-филологическому факультету съ дипломомъ I-й степени *Сергѣя Нарбекова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи зачислить меня въ число студентовъ означенной Академіи. При этомъ имѣю честь увѣдомить Совѣтъ Академіи, что мною подано въ Святѣйшій Синодъ прошеніе о разрѣшеніи мнѣ пройти академическій курсъ въ трехгодичный срокъ съ освобожденіемъ отъ изученія историческихъ и философскихъ наукъ, а также древнихъ языковъ.

При прошеніи прилагаю необходимые документы".

Справка: „Дополнительныхъ правилъ о пріемѣ въ студенты Академіи“ § 5: „Лица, кончившія съ успѣхомъ полный университетскій курсъ, если они будутъ имѣть право жить на квартирѣ (§ 113, прим.), принимаются Совѣтомъ безъ экзамена и сверхъ нормы. При желаніи же занять стипендію или поступить въ академическое общежитіе, подвергаются конкурсному испытанію наравнѣ съ прочими“.

Опредѣлили: Окончившаго университетскій курсъ Сергѣя Нарбекова принять въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи, съ разрѣшеніемъ жить на частной квартирѣ у матери его,—имѣющей постоянное пребываніе въ Сергіевскомъ Посадѣ.

XXIV. а) Прошеніе окончившаго университетскій курсъ Сергѣя *Нарбекова* на имя Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

„Желая получить высшее богословское образованіе въ Московской Духовной Академіи, вступивъ въ число студентовъ ея съ начала предстоящаго 1908—1909-го учебнаго года, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство исходатайствовать мнѣ предъ Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшеніе пройти курсъ богословскихъ наукъ въ означенной Академіи въ трехгодичный срокъ, съ освобожденіемъ меня отъ изученія древнихъ языковъ, а также историческихъ и философскихъ наукъ. При этомъ имѣю честь добавить, что всѣ предметы перваго курса (за исключеніемъ еврейскаго языка) въ означенной Академіи прослушаны мною въ бытность мою тамъ вольнослушателемъ въ 1902—1903-мъ учебномъ году.

При прошеніи прилагаю засвидѣтельствованную копію съ временнаго свидѣтельства объ окончаніи Университета“.

б) Сданное Его Высокопреосвященствомъ отношеніе Г. Исполняющаго обязанности Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 7 іюля за № 5661:

„Имѣю честь препроводить при семъ на Ваше Архипастырское благоусмотрѣніе прошеніе окончившаго курсъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ Сергѣя Нарбекова о разрѣшеніи ему пройти курсъ богословскихъ наукъ въ Московской духовной академіи въ трехгодичный срокъ,

съ освожденіемъ его отъ изученія древнихъ языковъ, а также историческихъ и философскихъ наукъ".

в) На семъ отношеніи резолюція Его Высокопреосвященства за № 3084: „1908 г. Іюля 18. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на разсмотрѣніе и постановленіе."

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 19 октября 1906 года за № 11559, по прошенію студента I курса Московской Духовной Академіи *Виктора Машковскаго*, поступившаго въ Академію по окончаніи университетскаго отдѣленія Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, о сокращеніи ему академическаго курса ученія на одинъ годъ,—постановлено было: „Принимая во вниманіе, что студентъ Московской духовной академіи Викторъ Машковскій окончилъ курсъ ученія на университетскомъ отдѣленіи Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая и имѣетъ такимъ образомъ дипломъ высшаго учебнаго заведенія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи включить Машковскаго нынѣ же въ число студентовъ II курса Академіи, съ освобожденіемъ его отъ изученія въ академіи тѣхъ небогословскихъ предметовъ, кои онъ изучалъ въ лицеѣ, и съ предоставленіемъ ему сдать испытанія по богословскимъ предметамъ I курса академіи вмѣстѣ съ переходными экзаменами изъ II на III курсъ".—2) По выслушаніи сего указа въ собраніи 27 октября 1906 года, Совѣтъ Академіи просилъ ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ „о предоставленіи на будущее время Совѣту Академіи, согласно п. 4 временныхъ правилъ, установленныхъ опредѣленіями Святѣйшаго Синода отъ 26 ноября 1905 года за № 6081 и 25 января 1906 года за № 459, права сокращать, по его усмотрѣнію, для лицъ, поступающихъ въ Академію по окончаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній, срокъ прохожденія ими академическаго курса наукъ, съ освобожденіемъ сихъ лицъ отъ изученія въ Академіи тѣхъ небогословскихъ предметовъ, по коимъ имѣются отмѣтки въ представляемыхъ ими дипломахъ и аттестатахъ".—3) Но Святѣйшій Синодъ, „принимая во вниманіе, что временными правилами Совѣтамъ духовныхъ академій предоставляется, между прочимъ, самостоятельное разрѣшеніе учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ лишь въ пре-

дѣлахъ, установленныхъ закономъ, уставъ же академическій не предусматриваетъ прохожденія академическаго курса образованія въ сокращенное, сравнительно съ общеустановленнымъ четырехлѣтнимъ срокомъ, время, что можетъ быть разрѣшаемо только въ видѣ изъятія высшею духовно-учебной властью", указомъ отъ 19 декабря 1906 года за 14101 постановилъ: „ходатайство это отклонить, предоставивъ Совѣтамъ духовныхъ академій, въ случаяхъ желанія лицами, поступившими въ академіи по окончаніи образованія въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, пройти академическій курсъ въ сокращенный срокъ, входить каждый разъ съ особыми по сему предмету, въ установленномъ порядкѣ, ходатайствами въ Святѣйшій Синодъ".

Опредѣлили: Почтительнѣйше представить Его Высокопреосвященству, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, находитъ вполнѣ возможнымъ и справедливымъ разрѣшить принятому въ составъ I академическаго курса студенту *Сергѣю Нарбекову* пройти курсъ богословскихъ наукъ въ Академіи въ трехгодичный срокъ, съ зачисленіемъ его нынѣ же въ списки студентовъ II курса и освобожденіемъ отъ изученія древнихъ и новыхъ языковъ, а также историческихъ и философскихъ наукъ, отмѣтки по которымъ имѣются въ его университетскомъ дипломѣ.

XXV. Прошенія студентовъ Академіи:

а) IV курса—*іеромонаха Панарета*, болгарскаго уроженца:

„Въ виду общей слабости моего здоровья для меня затруднительно жить въ интернатѣ Академіи, а потому имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство о разрѣшеніи мнѣ перейти на частную квартиру".

б) IV курса—*Георгія Георгіевича*, сербскаго уроженца:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ въ текущемъ учебномъ году жить на квартирѣ".

в) II курса—*Николая Сомова*:

„Покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство позволить мнѣ жить въ наступающемъ учебномъ году на квартирѣ, потому что мать моя переселилась въ Сергіевъ посадъ на постоянное жительство".

Справка:—1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 апрѣля 1887 года за № 1377 Совѣту Академіи дозволено разрѣшать студентамъ—иностранцамъ жить внѣ Академіи, на частныхъ квартирахъ.—2) Устава духовныхъ академій § 113, примѣч.: „Внѣ зданій академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей“.

Опредѣлили: Разрѣшить студентамъ—іеромонаху Панарету, Георгію Георгіевичу и Николаю Сомову жить внѣ академическаго общежитія, на частныхъ квартирахъ“.

XXVI. а) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что дѣйствительный студентъ Академіи выпуска текущаго 1908 года *Иннокентій Масюковъ* сдалъ послѣ лѣтнихъ каникулъ новое устное испытаніе по нравственному богословію и получилъ балъ 4+.

б) Отзывъ экстраординарнаго профессора А. И. Покровскаго о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Бабакова Николая* на тему: „Библейскій профетизмъ и языческая мантика:

„Господствующая въ настоящее время библейско-критическая школа, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей (Wellhausen, Stade, Smith, Maybaum, Davidson etc), во главу угла всѣхъ своихъ построеній ставитъ, какъ извѣстно, вопросъ о „еврейскомъ профетизмѣ“, на который она смотритъ, какъ на прямой продуктъ языческой мантики. Ясно, что съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса о взаимоотношеніи библейскаго профетизма и языческой мантики стоитъ или падаетъ и самый вопросъ объ общемъ характерѣ всей Израильской религіи и ея исторіи. „Если пророчество—изъ язычества, то и мозаизмъ—изъ политеизма.

Критически разсмотрѣть постановку этого вопроса въ новѣйшей библейско-отрицательной литературѣ и дать посильное положительное рѣшеніе его, на почвѣ библейскихъ данныхъ, и поставилъ своей задачей г. Бабаковъ, съ которой онъ, къ чести его, справился вполнѣ удовлетворительно.

Передъ г. Бабаковымъ стояла соблазнительная дилемма: или пойти старой, традиціонно-ортодоксальной апологетической дорогой, вырывающей непроходимую пропасть между языческой мантикой и библейскимъ профетизмомъ, или же

послѣдовать по новымъ и моднымъ широкимъ путямъ критическаго эволюціонизма, уничтожающимъ всякое различіе профетизма отъ мантики и выводящимъ первое изъ второго. Но онъ не избралъ ни того, ни другаго готоваго пути, а пробивалъ свою собственную тропу, дающую и на нашъ взглядъ наиболѣе удачное рѣшеніе постановленной проблемы.

Нѣкоторая оригинальность взглядовъ г. Бабакова состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ далъ новое, болѣе широкое и научно-историческое истолкованіе терминовъ „мантика" и „профетизмъ", или точнѣе—„небіизмъ", какъ его изначальный, еврейскій эквивалентъ. Въ мантикѣ онъ видитъ далеко не одно грубое шарлатанство, сознательный обманъ или безсознательное заблужденіе, но также и извѣстную степень естественно-религіозной интуиціи, томленіе человѣческой души религіозной жаждой и посильную попытку удовлетворить ее. Съ этой точки зрѣнія, авторъ получаетъ возможность говорить объ „этической дивинаціи" Сократа, о высокихъ прозрѣніяхъ Платона и Аристотеля и о замѣчательныхъ прорицаніяхъ Сивиллъ.

Точно также и на библейско-пророческое служеніе онъ не смотритъ, какъ на что-то совершенно исключительное, какъ на какое-то „чудо исторіи", по отношенію къ которому совершенно неприложимы были бы никакіе естественные критеріи и оцѣнки. Твердо устанавливая высокое превосходство библейскаго профетизма предъ всѣми аналогичными формами и признавая тѣмъ самымъ наличность въ немъ основнаго, супранатуральнаго фактора, г. Бабаковъ допускаетъ также „видное участіе и другаго, естественно-натуральнаго фактора, въ видѣ значительнаго элемента „стихійной воодушевленности" пророковъ и въ формѣ той исторической эволюціи еврейскаго профетизма, слѣды которой сохранились и въ Библіи".

Смотря съ этой широкой и просвѣщенной точки зрѣнія на взаимоотношеніе мантики и профетизма, г. Бабаковъ считаетъ вполнѣ естественнымъ допустить, что и еврейскій народъ пережилъ свою эпоху мантики, прежде чѣмъ достигъ относительныхъ высотъ ветхозавѣтнаго профетизма. Еврейская мантика была какъ бы пережиткомъ религіозно-младенческаго состоянія Израиля, подобно тому, какъ у нашихъ

предковъ—славянъ еще долгое время и послѣ принятія христіанства продолжала существовать вѣра въ заговоры и волшебства.

Затѣмъ, древне-еврейская мантика, по мѣрѣ естественнаго роста чистой монотеистической религіи Ягве, постепенно принуждена была блѣднѣть въ сознаніи народа или даже и вовсе исчезать. Впрочемъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ предплѣнныхъ періодовъ Израильской исторіи мы снова наблюдаемъ возрожденіе мантики, но на этотъ разъ, уже не собственнаго, а заимствованнаго происхожденія, какъ неизбѣжный продуктъ того религіознаго синкретизма, который характеризуетъ собой эту эпоху религіозно-нравственнаго упадка.

Но рядомъ съ этимъ помутнѣніемъ религіознаго сознанія и возвратомъ къ искусственной мантикѣ, лучшіе представители Еврейской націи, ея богоизбранные пророки и религіозные вожди, явились глашатаями чистаго и возвышеннаго „этическаго монотеизма",—этого кульминаціоннаго пункта всей исторіи ветхозавѣтнаго профетизма.

Сочиненіе г. Бабакова написано по ясному, строго и логически развитому плану. Оно основано на хорошемъ знаніи библейскаго текста, нерѣдко съ серьезнымъ филологическимъ анализомъ подлинныхъ еврейскихъ терминовъ, и свидѣтельствуетъ о широкой освѣдомленности автора съ лучшей, въ томъ числѣ и новѣйшей (насколько удалось автору ее достать) литературой вопроса. Г. Бабаковъ достаточно знаетъ три древнихъ языка (еврейскій, греческій, латинскій) и свободно владѣетъ тремя новыми (нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ), такъ что ему были открыты всѣ сокровища западной научной литературы. Но онъ нисколько не утратилъ черезъ это своей самостоятельности и не явился подголоскомъ чужихъ мнѣній.

Въ особенности обстоятельно и сильно написаны авторомъ двѣ послѣднихъ главы его сочиненія, въ которыхъ онъ даетъ положительное рѣшеніе вопроса. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе его подробный филологическій экскурсъ о терминѣ נבראי (220—263 стр.) и его интересные трактаты о „пророческихъ школахъ" (285—303) и „ложныхъ пророкахъ" (338—358 с.).

Въ раннѣйшей, историко-критической части сочиненія

нельзя не отмѣтить съ особенной похвалой сильную и остроумную критику эволюціонизма Stade (73 с.), вѣрное опредѣленіе главныхъ, характерныхъ недостатковъ Maybaum'a (104 стр., 195 стр.) и правильное пониманіе основного *πρῶτον ψεύδος* всего эволюціонно-натуралистическаго міровоззрѣнія на исторію библейскаго профетизма (circulus vitiosus).

Ко всему этому надо прибавить прекрасный литературный стиль сочиненія, по мѣстамъ возвышающійся до поэтическаго одушевленія (252 стр., 288 стр.). Такъ что нѣкоторыя, несовсѣмъ удачныя фразы (106 стр., 140 стр.) или отдѣльныя выраженія (218 стр. 357 стр. 373 стр.) являются положительно единичными досадными исключеніями.

При всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствахъ, сочиненіе г. Бабакова не свободно и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Одни изъ этихъ недостатковъ, какъ напр. неполнота въ изученіи литературы вопроса и въ особенности незнакомство съ нѣкоторыми журнальными статьями, почти не зависѣли отъ автора и не могутъ быть поставлены ему въ вину. Но существуютъ въ сочиненіи г. Бабакова и нѣкоторые такіе дефекты, отвѣтственность за которые падаетъ на него самого.

Такимъ крупнымъ дефектомъ сочиненія г. Бабакова слѣдуетъ признать нѣкоторую колебательность и неустойчивость его во взглядѣ на еврейскую мантику, или, точнѣе, даже смѣшеніе двухъ видовъ этой мантики—древнѣйшаго (доягвестическаго) и позднѣйшаго (синкретическаго). Въ первыхъ главахъ своего сочиненія авторъ все время говоритъ, собственно, о первомъ, древнѣйшемъ періодѣ еврейской мантики—объ ея самобытно-натуралистическихъ формахъ. Но большинство библейскихъ цитатъ, на которыхъ онъ строитъ свое описаніе этихъ формъ, принадлежитъ къ безспорно позднѣйшей эпохѣ, свидѣтельствующей о вторичной, синкретической формѣ этой мантики (Книги Царствъ, Пророки, Второзаконіе). Правда, авторъ, повидимому, вынужденъ прибѣгать къ такому позаимствованію матеріала изъ другого періода за отсутствіемъ сколько-нибудь подходящихъ цитатъ изъ древнѣйшихъ библейскихъ книгъ. Авторъ не скрываетъ этого печальнаго обстоятельства и не разъ на него сѣтуетъ (52 стр. 76 стр. 134 стр. 148); но это, разумѣется, еще не давало

ему правъ черпать матеріалъ изъ позднѣйшихъ эпохъ и относить его къ древнѣйшимъ временамъ.

Другимъ, еще менѣе понятнымъ недостаткомъ личныхъ взглядовъ автора является то непостижимое упорство, съ какимъ онъ отстаиваетъ исключительную самобытность древнееврейской мантики и рѣшительно отрицаетъ какія бы то ни было постороннія вліянія на нее. Полемизируя съ проф. С. Песоцкимъ, авторъ неоднократно утверждаетъ, что „евреямъ не было никакой нужды дѣлать заимствованія тѣхъ или иныхъ формъ древней мантики у другихъ народовъ“, такъ какъ до нихъ они легко могли додуматься и сами (66 стр.). А между тѣмъ, въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, но въ полное согласіе съ исторической истиной, онъ нѣсколькими страницами выше принужденъ былъ говорить о культурныхъ вліяніяхъ на евреевъ со стороны различныхъ окружающихъ ихъ народностей (Египтянъ, Халдеевъ, Ассировавил., Финикіянъ—47 стр. и слѣд.).

Но всѣ эти и нѣкоторые другіе, болѣе мелкіе недочеты сочиненія г. Бабакова нисколько не умаляютъ собой крупныхъ научныхъ и литературныхъ достоинствъ его работы, вполнѣ заслуживающей не только кандидатской, но при условіи нѣкотораго пополненія и переработки, даже и магистерской степени“.

в) Отзывъ Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьина о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Витальскаго Александра* на тему: „Вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи въ русской литературѣ послѣдняго полустолѣтія“:

„Послѣ довольно-длиннаго алфавитнаго перечня пособій и литературы по указанному вопросу (стр. 5—15) г. Витальскій разсуждаетъ во введеніи о чрезвычайной трудности педагогическихъ вопросовъ вообще и вопроса о классическомъ и реальномъ образованіи въ частности, а также намѣчаетъ задачу и планъ своего изслѣдованія (стр. 17—28). Въ гл. I стр. (29—144) предварительно дѣлается краткій обзоръ исторіи гимназій до 1849 г., а затѣмъ подробнѣе говорится о реформѣ 1852 г. и излагаются взгляды тогдашнихъ защитниковъ классицизма — Грановскаго, Пирогова, Робера—съ одной стороны, и противниковъ его—Погодина, Ушинскаго, Водовозова и Писарева—съ другой.

Въ гл. II (стр. 145—285) говорится о подготовительныхъ работахъ къ уставу 1864 г. и объ этомъ самомъ уставѣ, также разсматриваются сужденія Каткова (о классическомъ и реальномъ образованіи) и его противниковъ—Стасюлевича и Антоновича.

Гл. III (стр. 289—464) заключаетъ въ себѣ исторію Толстовской реформы 1871 г., при чемъ указываются мысли не только русскихъ тогдашнихъ поборниковъ классицизма и противниковъ его, но и отзывы иностранныхъ педагоговъ (германскихъ и французскихъ) относительно нашей учебной реформы.

Въ гл. IV (стр. 465—600), сказавъ о реформѣ 1890 г., авторъ подходитъ къ нашимъ временамъ и дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о работахъ въ министерствѣ Боголѣпова, Ванновскаго, Зенгера и Глазова.

Наконецъ, заключительная гл. V (стр. 601—736) содержитъ въ себѣ общія критическія замѣчанія касательно литературы о классическомъ и реальномъ образованіи съ попыткою собственнаго, принципіальнаго рѣшенія этого вопроса.

Уже этотъ очеркъ содержанія разсматриваемаго сочиненія показываетъ, какъ много пришлось потрудиться его автору. Онъ внимательно проштудировалъ очень обширную литературу, заключающуюся не только въ спеціальныхъ трудахъ, но и во множествѣ періодическихъ изданій, даже въ газетахъ. Все это онъ продумалъ и изложилъ въ надлежащемъ порядкѣ, хотя и не во всѣхъ отдѣлахъ съ достаточной полнотою.—Критическія сужденія автора отличаются здравою осторожностью и основательностью, а собственныя симпатіи его склоняются рѣшительно на сторону классицизма.

Въ общемъ трудъ г. Витальскаго долженъ быть признанъ очень удовлетворительнымъ для кандидатской степени".

г) Отзывъ ординарнаго профессора А. И. Введенскаго о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Соколова Виталія* на тему: „Анархизмъ. Критика теоретическихъ и нравственныхъ предпосылокъ анархизма съ точки зрѣнія христіанскаго міропониманія":

„Въ предѣлахъ поставленной темы, авторъ весьма хорошо выполнилъ первую часть своей задачи: тонко и съ большою освѣдомленностію въ литературѣ вопроса, онъ вскрылъ теоре-

тическія и нравственныя предпосылки анархизма, скрѣпивъ всѣ существенныя положенія точными цитатами. Эта часть сочиненія выполнена настолько хорошо, что не остается желать бо́льшаго. — Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать о второй части сочиненія—критической. Она несравненно менее удовлетворяетъ рецензента. Причина этого заключается, прежде всего, въ невыдержанности, а можетъ быть и принципіальной неясности для самого автора, плана его сочиненія. Намѣтивъ въ историко-аналитической части три типа анархизма, изъ которыхъ мы первый назвали бы,—у автора этихъ терминовъ нѣтъ: у него типы отмѣчены именами теоретиковъ,—анархизмомъ зоологическимъ (Марксъ Штирнеръ, котораго можно свести къ Гобсу), второй анархизмомъ сантиментальнымъ (Крапоткинъ и его школа), третій анархизмомъ псевдо-христіанскимъ (Толстой), авторъ долженъ былъ бы и въ критикѣ выдержать эти три типа, подвергнувъ тщательному разбору спеціальныя предпосылки каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Тогда въ рядѣ послѣдовательныхъ переходовъ, онъ исчерпалъ-бы всю сферу вопроса и довелъ-бы дѣло критики до конца, все время существенно удерживаясь при этомъ на почвѣ христіанскаго міропониманія. Но онъ почему-то принялъ въ критическомъ отдѣлѣ иной порядокъ: далъ сначала,—суммарно, не выдѣляя типовъ анархизма,—его „имманентную критику“ (сравнительно бо́льшій отдѣлъ, стр. 283—366) и затѣмъ уже подвергъ анархизмъ оцѣнкѣ „съ точки зрѣнія христіанскаго міропониманія“ (сравнительно кратко, стр. 367—390). Правда, и при такомъ распорядкѣ вопросовъ, имъ высказано противъ анархизма много дѣльнаго, мѣткаго и принципіальнаго: самопротиворѣчіе анархическихъ доктринъ становится для читателя совершенно очевиднымъ. Но эти замѣчанія высказаны имъ не планомѣрно, и потому вопросъ остался, въ сущности, далеко неисчерпаннымъ. Это—во-первыхъ. Во-вторыхъ, вполнѣ твердый и рѣшительный въ „имманентной критикѣ“, авторъ обнаруживаетъ нѣкоторую робость мысли,—правда, исходящую, повидимому, изъ хорошаго источника, именно изъ опасенія, какъ бы не оказаться въ отношеніи къ теоретикамъ анархизма несправедливымъ, — когда переходитъ къ критикѣ его съ точки зрѣнія „христіанскаго міропониманія“. Онъ ищетъ теперь „относительной правды“ анархизма и на-

ходитъ ее „въ его тенденціи (?) указать въ личности человѣческой предметъ особенной цѣнности“ (стр. 369),—хотя самъ же, далѣе, ясно и убѣдительно доказываетъ, что и въ этомъ отношеніи анархизмъ и христіанство антиподы. Наконецъ, въ третьихъ, на критической части сочиненія лежитъ ясная печать спѣшности и, безъ сомнѣнія, этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется то обстоятельство, что многое, намѣченное въ концѣ сочиненія тематически, не разъяснено и не мотивировано съ надлежащею полнотою и обстоятельностью.—О несовершенствѣ критической части сочиненія, конечно, приходится пожалѣть. Но, принимая во вниманіе, что 1) историко-аналитическая часть труда выполнена авторомъ вполнѣ хорошо, что 2) вскрытыя имъ теоретическія и нравственныя предпосылки анархизма, своими очевидными несообразностями, обличаютъ уже и сами себя, даже и безъ всякихъ дополнительныхъ поясненій; что 3) принципіальная точка зрѣнія на вопросъ высказана вполнѣ опредѣленно, хотя и не развита съ надлежащею полнотою,—считаю справедливымъ признать автора рецензируемаго сочиненія достойнымъ степени кандидата богословія“.

Справка: 1) Студенты—Иннокентій Масюковъ, Николай Бабаковъ, Александръ Витальскій и Виталій Соколовъ окончили академическій курсъ въ текущемъ 1908-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія: Масюковъ—по сдачѣ новаго устнаго испытанія по нравственному богословію, Бабаковъ, Витальскій и Соколовъ—по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій.— 2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса дѣйствительные студенты Николай Бабаковъ и Виталій Соколовъ имѣютъ баллъ не менѣе $4^1/_2$—3) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 г. за № 1058 „присужденіе званія дѣйствительнаго студента и степени кандидата“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Дѣйствительныхъ студентовъ Академіи выпуска текущаго 1908 года—Иннокентія *Масюкова*, Николая *Бабакова*, Александра *Витальскаго* и Виталія *Соколова* утвердить въ степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ *Бабакову* и *Соколову* права при исканіи степени магистра не

держать новаго устнаго испытанія, и выдать имъ дипломы на означенную степень.

XXVII. а) Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что изъ 8-ми студентовъ IV курса, которымъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня текущаго года, сдача устныхъ испытаній по нѣкоторымъ предметамъ IV курса, представленіе проповѣди за IV курсъ и семестроваго сочиненія за III курсъ по Священному Писанію Новаго Завѣта отсрочены были, вслѣдствіе ихъ болѣзни, на послѣ-каникулярное время, 7 студентовъ: *Дубенскій* Александръ, священникъ *Козловъ* Іоаннъ, *Ланге* Филиппъ, священникъ *Ремизовъ* Николай, *Троицкій* Петръ, *Успенскій* Василій и *Хадзараговъ* Петръ—исполнили свой долгъ и имѣютъ въ настоящее время удовлетворительные баллы по всѣмъ предметамъ академическаго курса и письменнымъ работамъ; трое изъ нихъ—*Дубенскій* Александръ, священникъ *Ремизовъ* Николай и *Хадзараговъ* Петръ представили также и сочиненія на степень кандидата богословія.—8-й же студентъ—*Бѣликовъ* Василій и до сего времени не сдалъ устнаго испытанія по нравственному богословію и не представилъ: семестроваго сочиненія за III курсъ по Священному Писанію Новаго Завѣта, проповѣди за IV курсъ и кандидатскаго сочиненія.

б) Отзывъ исправляющаго должность доцента Академіи Е. А. Воронцова о сочиненіи студента *Дубенскаго* Александра на тему: „Брачный вопросъ въ еврейскомъ законодательствѣ (по Библіи и мишнѣ)“:

„Сочиненіе г. Дубенскаго состоитъ изъ краткаго предисловія и четырехъ главъ. Въ предисловіи авторъ сообщаетъ объ источникахъ для своего изслѣдованія, въ первой главѣ даетъ понятіе о сущности, характерѣ и цѣли еврейскаго брака, во второй главѣ трактуетъ о запрещенныхъ бракахъ вообще, въ третьей главѣ описываетъ институтъ левирата, въ четвертой говоритъ о самомъ бракозаключеніи (обрученіи и бракосочетаніи). Главы о правовыхъ отношеніяхъ супруговъ и о разводѣ, намѣчаемыя темою сочиненія, остались необработанными. Сочиненіе г. Дубенскаго основывается на тщательномъ изученіи обоихъ первоисточниковъ: Библіи и мишны, казуистика въ этой работѣ получила надлежащее мѣсто и должное освѣщеніе, только напрасно авторъ не-

рѣдко отвлекается отъ археологическаго изслѣдованія извѣстныхъ явленій и формъ древне-еврейскаго быта въ область общихъ юридическихъ разсужденій. Для рецензента наибольшій интересъ представляла послѣдняя глава сочиненія, гдѣ описываются обычаи бракозаключенія; здѣсь бо́льшее знакомство съ Ядъ хазака Маймонида и съ Шульханъ арухъ (особенно въ отдѣлахъ: Орагъ хаимъ и Іорэ—деа) содѣйствовало бы уразумѣнію частичныхъ обмолвокъ Библіи и мишны по брачному вопросу, равно общіе этнографическіе экскурсы могли бы углубить изысканія автора, но и сдѣланнаго имъ вполнѣ достаточно для присужденія ему кандидатской степени за опытъ семитологической монографіи".

в) Отзывъ исправляющаго должность доцента Академіи И. М. Громогласова о сочиненіи студента *священника Ремизова Николая* на тему: „Вѣротерпимость и изувѣрныя секты":

„Необыкновенно обширное сочиненіе свящ. Н. Ремизова (1218—LIX стр.) посвящено рѣшенію вопроса о примѣненіи началъ вѣротерпимости къ русскимъ изувѣрнымъ сектамъ (хлыстамъ, скопцамъ, малеванцамъ, бѣгунамъ, нѣтовцамъ и др.). Оно раздѣляется на три части. Первая разсматриваетъ положеніе изувѣрныхъ сектъ въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ, въ связи съ вопросомъ о вѣротерпимости. Вторая содержитъ критическій обзоръ возраженій (политико-соціальныхъ, этико-юридическихъ, психіатрическихъ и современно-практическихъ) противъ вѣротерпимости изувѣрныхъ сектъ. Наконецъ, третья представляетъ попытку начертанія „лучшихъ законодательныхъ нормъ въ отношеніи къ изувѣрнымъ сектамъ".

Авторъ не претендуетъ на оригинальность и новизну въ разработкѣ своей темы. Онъ самъ говоритъ, что „въ основѣ принципіальнаго рѣшенія вопроса ему предносились взгляды проф. Рейснера, Познышева, частію Бобрищева-Пушкина" (Введеніе, с. LVI). Но онъ добросовѣстно и съ рѣдкимъ усердіемъ изучалъ обширную и разнородную литературу своего предмета: книги и статьи о вѣротерпимости, преступленіяхъ противъ вѣры, законодательные документы, касающіеся русскихъ изувѣрныхъ сектъ, и спеціальную литературу о нихъ. Кромѣ того, авторомъ использованы четыре судебныхъ дѣла о сектантахъ (одно о скопцахъ и три о

хлыстахъ). Опираясь на обширный матеріалъ, извлеченный изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, о. Ремизовъ представилъ въ своемъ сочиненіи серьезное и обстоятельное изслѣдованіе по вопросу о вѣротерпимости въ отношеніи къ русскимъ изувѣрнымъ сектамъ, *изслѣдованіе, вполнѣ заслуживающее степени кандидата богословія.*

Въ такомъ полномъ объемѣ и съ такой обстоятельностью означенный вопросъ еще не подвергался обсужденію въ нашей литературѣ.

Отрицательную сторону сочиненія о. Ремизова составляютъ: чрезмѣрное многословіе, обиліе повтореній, огромныхъ выдержекъ изъ разныхъ источниковъ, длинныхъ, подчасъ крайне неуклюжихъ періодовъ и неудачныхъ выраженій, въ родѣ слѣдующихъ: „кликушество въ общемъ нормальномъ психическомъ состояніи русскаго народа есть, пожалуй, первая *идентичная* (?), иногда эндемическая въ странѣ, *физико - психіатрическая* (нервно - патологическая) форма“ (стр. 899), или: „онѣ (т. е. русскія изувѣрныя секты), по нашему крайнему разумѣнію, въ силу своего несчастнаго *въ большинствѣ случаевъ параноическаго состоянія,* должны бы пользоваться вѣротерпимостью предпочтительнѣе другихъ сектъ“ (с. 987. ср. с. 984: „онѣ, какъ параноическое явленіе“) или еще: „задачи нравственнаго исправленія сводятся къ такому нравственно-воспитательному воздѣйствію, которое, не утрачивая для изувѣрныхъ сектъ значенія невыгоднаго послѣдствія, возвышало бы нравственный уровень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія“ (с. 262). Нѣкоторые изъ указанныхъ недостатковъ, напр., повторенія, въ значительной мѣрѣ объясняются самымъ методомъ работы—односторонне—полемическимъ. Распредѣляя свой матеріалъ въ видѣ опроверженій на существующія или только возможныя возраженія противъ защищаемой точки зрѣнія, авторъ неизбѣжно долженъ былъ повторяться, такъ какъ одни и тѣ же доводы оказались опровергающими различныя возраженія (ср., напр., его неоднократныя разсужденія о вліяніи преслѣдованій на живучесть изувѣрныхъ сектъ и возникновеніе среди нихъ взрывовъ массоваго фанатизма, стр. 630, 658, 943 и др.).

Отмѣченные недостатки характеризуютъ сочиненіе о. Ремизова, главнымъ образомъ, съ внѣшней стороны и, раз-

умѣется, нисколько не колеблютъ высказаннаго мною заключенія о томъ, что авторъ вполнѣ достоинъ степени кандидата богословія".—

г) Отзывъ исправляющаго должность доцента Академіи И. М. Громогласова о сочиненіи студента *Хадзарагова Петра* на тему: „Культурно-бытовой разладъ въ русскомъ обществѣ XVII в. и его отраженіе въ старообрядческомъ расколѣ въ первоначальный періодъ его существованія":

„Разсматриваемое сочиненіе на тему, не совсѣмъ удачно стилистически переиначенную авторомъ, состоитъ изъ введенія и шести неравныхъ по объему главъ, содержаніе которыхъ указано въ подробныхъ конспектахъ, помѣщенныхъ въ началѣ каждой главы. Это обстоятельство избавляетъ рецензента отъ необходимости передавать содержаніе названной работы и позволяетъ прямо перейти къ указанію его отрицательныхъ и положительныхъ качествъ.

Къ числу первыхъ нужно отнести не совсѣмъ удачную погоню за полнотой освѣщенія изслѣдуемаго вопроса, заставившую г. Хадзарагова думать о заполненіи такихъ отдѣловъ, для которыхъ его источники не давали достаточнаго содержанія. Въ результатѣ иногда получалось или привлеченіе къ дѣлу фактовъ и указаній, принадлежащихъ другой, болѣе поздней эпохѣ жизни старообрядческаго раскола (особ. въ гл. III), или довольно натянутое истолкованіе ихъ (см., напр., стр. 270), или—наконецъ—замѣна фактическихъ данныхъ общими разсужденіями. Послѣднія иногда стремятся получить, безъ всякой нужды въ этомъ, характеръ откликовъ на современность. Довольно замѣтно даетъ себя чувствовать по мѣстамъ и то обстоятельство, что авторъ не вполнѣ свободно владѣетъ русскою литературною рѣчью.

Но на ряду съ указанными дефектами въ сочиненіи замѣтно выступаютъ и положительныя качества: основательное знакомство автора со всѣми главными, относящимися къ его темѣ, первоисточниками, равно какъ и съ существующей ученой литературой, имѣющей своимъ предметомъ разработку первоначальной исторіи старообрядчества,—вдумчивое отношеніе къ взятому для изслѣдованія вопросу, мало разработанному его предшественниками, и въ общемъ—правильное его освѣщеніе. Если принять во вниманіе, сверхъ

того, и особыя трудности, обусловленныя нерусскимъ происхожденіемъ автора, то нельзя не отозваться съ одобреніемъ о его довольно обширной работѣ. Считаю г. Хадзарагова достойнымъ искомой степени".

Справка: Студенты Дубенскій Александръ и священникъ Ремизовъ Николай въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года академическаго курса имѣютъ баллъ не менѣе $4^1/_2$.

Опредѣлили: 1) Окончившихъ полный академическій курсъ студентовъ—*Дубенскаго* Александра, *священника Ремизова* Николая и *Хадзарагова* Петра утвердить въ степени *кандидата богословія*, съ предоставленіемъ *Дубенскому* и священнику *Ремизову* права на полученіе степени магистра богословія безъ новаго устнаго испытанія.—2) Студентовъ—*священника Козлова* Іоанна, *Ланге* Филиппа, *Троицкаго* Петра и *Успенскаго* Василія — утвердить въ званіи *дѣйствительнаго студента Академіи*, съ предоставленіемъ имъ права на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительныхъ кандидатскихъ сочиненій.—3) О священникахъ Николаѣ *Ремизовѣ* и Іоаннѣ *Козловѣ* доставить, установленнымъ порядкомъ, Святѣйшему Синоду свѣдѣнія, требуемыя Синодальнымъ опредѣленіемъ отъ $\frac{8\ \text{марта}}{11\ \text{апрѣля}}$ 1892 года за № 590. Таковыя же свѣдѣнія о прочихъ воспитанникахъ сообщить Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ. — 4) Студента *Бѣликова* Василія оставить безъ присужденія ему ученой степени или званія.

XXVIII. Прошеніе окончившаго нынѣ академическій курсъ кандидата богословія *Петра Хадзарагова*:

„Имѣю честь заявить Совѣту Академіи, что въ документы мои вкралась ошибка, состоящая въ томъ, что фамилія моя обозначена въ нихъ не точно: *Хадзараговъ* вмѣсто правильной *Хадзаровъ*. Эта ошибка въ моей метрикѣ произошла вслѣдствіе незнанія осетинскаго языка приходскимъ священникомъ, выдавшимъ мнѣ ее. Частица: „аг"—соотвѣтствуетъ русскому суффиксу—овъ, поэтому можно выкинуть частицу „аг" изъ моей фамиліи. Корень слова въ моей фамиліи хадзар, присоединивъ къ нему суффиксъ: овъ, получается Хадзаровъ, т. е. фамилія, настоящая, которую носятъ мои родные и однофамильцы.

Въ виду сказаннаго, имѣю честь просить Совѣтъ Академіи объ исправленіи моей фамиліи на выдаваемомъ мнѣ дипломѣ".

Справка: Во всѣхъ, хранящихся при дѣлахъ Совѣта Академіи, документахъ просителя, начиная съ метрическаго свидѣтельства объ его рожденіи и крещеніи, фамилія его пишется—Хадзараговъ.

Опредѣлили: Просьбу кандидата Петра Хадзарагова отклонить, предоставивъ ему обратиться съ оною въ мѣстную Духовную Консисторію.

XXIX. Прошенія: а) священника Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, Дмитріевской слободы Андрея *Аменицкаго*, б) священника Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, села Старокорсаковскаго Майдана Дмитрія *Дружинина* и в) бывшаго воспитанника 5-го класса Самарской духовной семинаріи Сергѣя *Орлова*—о принятіи ихъ въ число вольныхъ слушателей академическимъ лекцій.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737 вновь подтверждено было, что „допускаемыя, на основаніи § 115 устава духовныхъ академій, по усмотрѣнію Епархіальнаго Преосвященнаго, къ слушанію академическихъ лекцій постороннія лица правомъ подвергаться переходнымъ испытаніямъ и подавать сочиненія на соисканіе ученой степени или званія не пользуются". — 2) § 115 устава духовныхъ академій (въ новой редакціи, установленной опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058): „Сверхъ студентовъ могутъ быть допускаемы къ слушанію академическихъ лекцій и постороннія лица, по усмотрѣнію Совѣта".

Опредѣлили: 1) Всѣхъ поименованныхъ въ докладной части настоящей статьи журнала лицъ допустить къ слушанію академическихъ лекцій, безъ предоставленія, однако, имъ какихъ-либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.—2) Просителей увѣдомить о настоящемъ постановленіи Совѣта, вмѣнивъ въ обязанность лицамъ священнаго сана, не озаботившимся испрошеніемъ предварительнаго разрѣшенія на поступленіе въ число вольнослушателей Академіи со стороны мѣстнаго епархіальнаго начальства,—представить таковое по прибытіи въ Академію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Окт. 12. Читалъ и со всѣми постановленіями Совѣта согласенъ“.

10 сентября 1908 года.

№ 15.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, С. П. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій, экстраординарный профессоръ Н. Г. Городенскій и доцентъ А. П. Орловъ.

Въ собраніи семъ окончившій въ 1904 году курсъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету (съ дипломомъ 1-й степени) и кандидатъ Московской Духовной Академіи выпуска текущаго 1908 года Павелъ *Флоренскій* прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 12 іюня текущаго 1908 года, двѣ пробныя лекціи по *исторіи философіи*, одну на тему по собственному избранію: „Общечеловѣческіе корни идеализма“, другую—по назначенію Совѣта Академіи: „Космологическія антиноміи Канта“.—Обѣ лекціи, прочитанныя кандидатомъ Павломъ Флоренскимъ, признаны были Совѣтомъ Академіи удовлетворительными.

Справка: 1) По § 81 лит. *б.* п. 4 устава духовныхъ академій избраніе кандидатовъ на должность доцента значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.—2) По § 48 того же устава „для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“.—3) Согласно § 55 академическаго устава лицамъ, опредѣляемымъ на вакантныя каѳедры съ званіемъ исправляющихъ должность доцентовъ, до окончательнаго утвержденія въ степени магистра, срокъ для полу-

ченія ими сей степени назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи кандидата богословія Павла Флоренскаго исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи.—2) Объявить кандидату Флоренскому, что для опредѣленія на должность доцента по означенной каѳедрѣ онъ долженъ получить степень магистра богословія не позже двухъ лѣтъ со дня утвержденія настоящаго журнала Его Высокопреосвященствомъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Сент. 23. Г. Флоренскій утверждается исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи“.—

23 сентября 1908 года.

№ 16.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, И. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и доцентъ А. П. Орловъ.

Въ собраніи семъ сверхштатный профессорскій стипендіатъ Академіи выпуска минувшаго 1907 года, кандидатъ богословія, Сергѣй *Знаменскій* прочиталъ, согласно опредѣленію Совѣта Академіи отъ 12 іюня текущаго 1908 года, двѣ пробныя лекціи по *латинскому языку и его словесности*, одну на тему по назначенію Совѣта Академіи: „Метаморфозы Овидія“, другую—по собственному избранію: „Изъ области латинской семасіологіи (Семасіологическія судьбы слова sacramentum)“. Обѣ лекціи, прочитанныя профессор-

скимъ стипендіатомъ Сергѣемъ Знаменскимъ, признаны были Совѣтомъ Академіи удовлетворительными.

Справка: Устава духовныхъ академій §§ 81 (лит. *б*, п. 4) 48 и 55.

Опредѣлили: 1) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи профессорскаго стипендіата, кандидата богословія, Сергѣя Знаменскаго исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ латинскаго языка и его словесности.—2) Объявить кандидату Знаменскому, что для опредѣленія на должность доцента по означенной каѳедрѣ онъ долженъ получить степень магистра богословія не позже двухъ лѣтъ со дня утвержденія настоящаго журнала Его Высокопреосвященствомъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Сент. 29. Г. Знаменскій утверждается исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ Латинскаго языка и его Словесности".

23 сентября 1908 года.

№ 17.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры: П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій. Отсутствовалъ—доцентъ А. П. Орловъ.

Слушали: I. Заявленіе Преосвященнаго Ректора о томъ, что—

а) *Изъ 16 студентовъ I курса*, которымъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня сего года, разрѣшено было сдать устныя испытанія или представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ,—14 воспользовались означеннымъ разрѣшеніемъ и получили какъ на устныхъ испы-

таніяхъ, такъ и на письменныхъ работахъ удовлетворительные баллы; студентъ *Соколовъ Николай* не представилъ семестроваго сочиненія по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ и проповѣди и обращается въ Совѣтъ Академіи съ прошеніемъ о разрѣшеніи ему представить означенныя письменныя работы въ теченіи 1908—1909 учебнаго года, съ условнымъ переводомъ на слѣдующій курсъ; студентъ *священникъ Степановъ Александръ*, не сдавшій въ маѣ мѣсяцѣ устнаго испытанія по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ,—до сего времени въ Академію не явился и никакихъ объясненій относительно причинъ своей неявки не представилъ.

б) Изъ 30 студентовъ II курса, получившихъ таковое же разрѣшеніе, воспользовались послѣднимъ 27 человѣкъ; студенты *Архангельскій Владиміръ и Вышеславовъ Дмитрій* не сдали устнаго испытанія по русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы (баллъ по этому предмету въ текущемъ году не принимался во вниманіе при составленіи разряднаго списка студентовъ II курса, за отсутствіемъ соотвѣтствующаго спеціальнаго предмета у студентовъ II группы) и обращаются въ Совѣтъ Академіи съ просьбою о разрѣшеніи имъ сдать означенное устное испытаніе въ концѣ 1908—1909 учебнаго года; студентъ, сербскій уроженецъ, *архимандритъ Михаилъ*, не сдавшій, по болѣзни, устныхъ испытаній по двумъ предметамъ II курса—гомилетикѣ и исторіи проповѣдничества, русскому и церковно-славянскому языкамъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы и не представившій семестроваго сочиненія по общей церковной исторіи, проситъ, для исполненія этихъ обязанностей, трехнедѣльной отсрочки.

в) Изъ 55 студентовъ III курса, составленіе разряднаго списка которыхъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 іюня сего 1908 года, отложено было до настоящаго собранія, лишь одинъ студентъ—*Сухановъ Александръ* не явился, по болѣзни, послѣ каникулъ къ сдачѣ устныхъ испытаній, не представилъ также и письменныхъ работъ и проситъ Совѣтъ Академіи оставить его въ томъ же курсѣ на второй годъ.

Справка: 1) По § 81 лит. *а* п. п. 4—5 устава духовныхъ академій „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же курсѣ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 16/26 ноября 1877 года, № 1738—1) Всѣ студенты духовныхъ академій послѣ лѣтнихъ, рождественскихъ и пасхальныхъ вакацій обязаны возвращаться въ Академію непремѣнно въ назначенный начальствомъ срокъ, возвращая при семъ Инспектору отпускной билетъ съ подписью родителей или попечителей о времени отправленія ихъ изъ дому. 2) Неявившійся въ Академію болѣе недѣли послѣ назначеннаго срока и не представившій уважительнаго, по мнѣнію академическаго Совѣта, свидѣтельства о законной причинѣ своей неявки, считается выбывшимъ изъ академіи и отъ усмотрѣнія Совѣта зависитъ вновь принять его въ Академію или отказать въ пріемѣ“.

Опредѣлили: 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство сочиненій, устныхъ отвѣтовъ и поведенія студентовъ I, II и III курсовъ Академіи, перевести ихъ въ слѣдующіе курсы (по вновь составленнымъ разряднымъ спискамъ) *въ такомъ порядкѣ*:

а) *во* II *курсъ*—студентовъ I курса: 1) Успенскаго Дмитрія, Сперанскаго Алексѣя, Протасова Николая, Смирнова Ивана, 5) священника Виноградова Николая, священника Медвѣдкова Пантелеимона, Скворцова Владиміра, Филипповскаго Бориса, Ильинскаго Владиміра, 10) діакона Смирнова Іоанна, Ястремскаго Николая, Четверухина Илью, Покровскаго Александра, священника Струминскаго Мартина, 15) Гіацинтова Василія, Кочетова Сергѣя, Пикалова Константина, священника Лаврова Тихона, Давидовича Владиміра, 20) Малышева Николая, Парія Андрея, Садковскаго Сергѣя, Семенова Михаила, Сидоровскаго Николая, 25) Житникова Сергѣя, Семеновскаго Николая, Сомова Николая, Мурашева Алексѣя, Плѣшанова Павла, 30) Вавресюка Ивана, священника Борисова Василія, священника Новикова Константина, Корнѣевича Іустина, Владиславлева Владиміра, 35) Каширенинова Владиміра, Венустова Александра, священника Невскаго Петра, Шума Андрея, Лебедева Александра, 40) священника

Миловскаго Николая, священника Колесниченко Іоанна, Толгскаго Николая, священника Кудржинскаго Антонія, Богоявленскаго Гавріила, 45) Купріянова Николая, діакона Смородина Валентина, Меліоранскаго Ивана, іеромонаха Николая (Могилевскаго), священника Орлова Сергія, 50) Труфанова Максимиліана, Павловскаго Ивана, Гиляревскаго Андрея, Дубчука Владиміра и 54) Соколова Виктора.

б) въ III курсъ—студентовъ II курса: 1) Горскаго Александра, священника Соколова Василія, Троицкаго Владиміра, священника Добронравова Георгія, 5) священника Синадскаго Евгенія, священника Платонова Веніамина, священника Вьюкова Алексія, Мальгинова Бориса, Мусатова Николая, 10) Фортунатова Василія, Яхонтова Александра, Щукина Николая, Городецкаго Ѳедора, Александровскаго Василія, 15) Успенскаго Николая, Волкова Андрея, Ватутина Михаила, Рубинскаго Сергѣя, Доброхотова Алексѣя, 20) Рождественскаго Евгенія, Вышеславова Димитрія (съ разрѣшешеніемъ сдать экзаменъ по русскому языку въ концѣ 1908—1909 учебнаго года), Троицкаго Алексѣя, священника Князева Александра, священника Соболева Алексія, 25) Бѣляева Михаила, Архангельскаго Владиміра (съ разрѣшеніемъ ему сдать экзаменъ по русскому языку въ концѣ 1908—1909 учебнаго года), Благовѣщенскаго Сергѣя, Лимачева Василія, Ставицкаго Виталія, 30) Харитонова Сергѣя, Даниленко Прохора, священника Покровскаго Ѳеодора, Панова Павла, Сахарова Николая, 35) Ефимова Ѳедора, Рождественскаго Леонида, Казанскаго Платона, діакона Попова Николая, Ржепика Мирона, 40) Соколова Петра, священника Баронова Николая, Ковригина Михаила, Ѳомина Николая, Бабакова Александра, 45) Дмитревскаго Леонида, Уарова Петра, Смирнова Петра, Счастнева Михаила, Фаворитова Павла, 50) Воинова Сергѣя, Вязовскаго Василія, Йллювіева Павла, Попова Николая, Воскресенскаго Василія, 55) Баржицкаго Михаила, Преображенскаго Виктора, Іовлева Александра и 58) Никонова Алексѣя.

в) въ IV курсъ—студентовъ III курса: 1) Кудрявцева Николая, Виноградова Василія, Калишевича Евстафія, Добротворцева Бориса, 5) Поспѣлова Ивана, Тихомирова Василія, Соколова Александра, Назарьева Николая, священника Ва-

сильева Іоанна, 10) Звѣздинскаго Николая, Наумова-Сергіева Сергѣя, Тріодина Александра, Соловьева Сергѣя, Чубарова Михаила, 15) Рождественскаго Григорія, Заслоновскаго Стефана, Звѣрева Александра, Соловьева Владиміра, Нечаева Николая, 20) іеродіакона Христофора (Либермана), Соколова Владиміра, Концевича Николая, Щетинина Александра, Протопопова Николая, 25) Аѳонскаго Ѳедора, Макова Василія, Вѣщезерскаго Ардаліона, діакона Красновскаго Ипполита, Смирнова Дмитрія, 30) Скворцова Николая, Черкасова Владиміра, Пятницкаго Владиміра, Введенскаго Александра, Новицкаго Макарія, 35) Околовича Николая, Ярославцева Петра, Попова Петра, Самарянова Александра, Левитова Алексѣя, 40) Шурупова Сергѣя, Теплова Василія, Попова Павла, Занкевича Аркадія, Ключева Алексѣя, 45) Сѣдова Стефана, Лебедева Сергѣя, Севастьянова Павла, Снѣгирева Александра, Попова Алексѣя, 50) Давыдова Алексѣя, Трунева Николая, Георгіевича Георгія, боснійскаго уроженца, и (*внѣ списка*) Машковскаго Виктора и священника Веселовскаго Николая.

2) Студентовъ: I курса—*Соколова Николая* и II курса *архимандрита Михаила* также перевести въ слѣдующіе курсы, подъ условіемъ исполненія лежащихъ на нихъ обязанностей: Соколовымъ -- къ концу 1908—1909 учебнаго года, а архимандритомъ Михаиломъ — къ 15 октября сего 1908 года.

3) Студента III курса *Суханова Александра* оставить, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй годъ.

4) Студента I курса *священника Степанова Александра* считать выбывшимъ изъ Академіи.

II. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что бывшіе вольнослушатели, нынѣ студенты I курса Академіи: Алексѣй *Орловъ* и священники Іаковъ *Гороховъ* и Димитрій *Лебедевъ*, которымъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 6 сентября с/г. разрѣшено было сдать устныя испытанія по предметамъ I курса, выслушаннымъ ими въ минувшемъ 1907—1908 учебномъ году, сдали означенныя испытанія и получили по всѣмъ предметамъ удовлетворительные баллы.

Опредѣлили: Студентовъ—Алексѣя Орлова и священни-

ковъ Іакова Горохова и Димитрія Лебедева зачислить въ списки студентовъ II курса Академіи.

III. Заявленіе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи дочери покойнаго О. Протоіерея Московскаго Придворнаго Архангельскаго Собора Валентина Николаевича Амфитеатрова—*Вѣры Валентиновны Амфитеатровой*:

„Представляя при семъ четыре свидѣтельства Государственной 4% ренты (за № $\frac{80}{с\ 36}$—въ 5000 р.; за № $\frac{1122}{с.\ 188}$—въ 500 р.; за № $\frac{4008}{с.\ 225}$—въ 200 р. и за № $\frac{4163}{с.\ 140}$—въ 100 р.) на номинальную сумму *пять тысячъ восемьсотъ рублей (5800 р.)*, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени покойнаго отца моего—Протоіерея Московскаго Придворнаго Архангельскаго Собора Валентина Амфитеатрова—для одного изъ бѣднѣйшихъ студентовъ Академіи, безъ различія сословій.

Если ходатайство это будетъ удовлетворено,—покорнѣйше прошу извѣщать меня: кто будетъ пользоваться учреждаемой стипендіей и какого рода дѣятельность (въ духовномъ или свѣтскомъ званіи) намѣренъ избрать стипендіатъ по окончаніи академическаго курса“.

Опредѣлили: 1) Приложенныя къ заявленію свидѣтельства Государственной 4% ренты на сумму 5800 рублей передать (и переданы) въ Правленіе Академіи для присоединенія къ неприкосновенному капиталу оной.—2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи стипендіи имени *покойнаго о. протоіерея* Московскаго Придворнаго Архангельскаго Собора *Валентина Николаевича Амфитеатрова*.—3) Представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода слѣдующій проэктъ положенія объ означенной стипендіи:

§ 1.

На проценты съ капитала, пожертвованнаго г-жею Вѣрою Валентиновною Амфитеатровою и заключающагося въ четырехъ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты на сумму *пять тысячъ восемьсотъ рублей (5800 р.)*, учреждается при Московской Духовной Академіи стипендія имени покойнаго

отца ея—*протоіерея* Московскаго Придворнаго Архангельскаго собора *Валентина Николаевича Амфитеатрова.*

§ 2.

Капиталъ этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими ея капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Стипендія назначается Совѣтомъ Академіи на четыре года одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ Академіи безъ различія сословій.

§ 4.

Если стипендія освободится прежде окончанія стипендіатомъ полнаго академическаго курса (вслѣдствіе, напримѣръ, смерти стипендіата или увольненія его изъ Академіи), то она назначается порядкомъ, указаннымъ въ § 3.

§ 5.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IV. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 4 сентября за № 1096:

„Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣетъ честь съ благодарностью возвратить при семъ рукопись фундаментальной библіотеки Московской Духовной Академіи за № 142 (Псалтирь Митрополита Кипріана), присланную, при отношеніи Совѣта Московской Академіи отъ 7 іюля текущаго года за № 315, для научныхъ занятій и. д. доцента И. А. Карабинова“.

Опредѣлили: Возвращенную рукопись сдать (и сдана) въ фундаментальную академическую библіотеку.

V. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи *г. врача Дмитрія Александровича Александровскаго:*

„Желая прослушать курсы по Св. Писанію В. и Н. Завѣтовъ и др. предметамъ, я просилъ бы Ваше Преосвященство допустить къ слушанію сихъ предметовъ на правахъ вольнослушателя“.

Справка: 1) § 115 устава духовныхъ академій (въ новой редакціи). — 2) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737.

Опредѣлили: Допустить г. врача Д. А. Александровскаго къ слушанію академическихъ лекцій, безъ предоставленія, однако, ему какихъ-либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Окт. 29. Читано".

1 октября 1908 года.

№ 18.

Присутствовали: Высокопреосвященный Димитрій, Архіепископъ Херсонскій и Одесскій, Преосвященный Ректоръ Академіи Евдокимъ, Епископъ Волоколамскій, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, и члены Совѣта Академіи: заслуженные ординарные профессоры: А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры: А. П. Голубцовъ, А. И. Введенскій, С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессоры: И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій и доцентъ А. П. Орловъ.—Отсутствовалъ экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ.

Въ собраніи этомъ, въ день воспоминанія объ основаніи Московской Духовной Академіи, происходилъ, на основаніи § 91 устава духовныхъ академій, торжественный актъ, на которомъ *Преосвященнымъ Ректоромъ Академіи Епископомъ Евдокимомъ*, преподающимъ гомилетику и исторію проповѣдничества, произнесена была составленная имъ, по порученію Совѣта, рѣчь на тему: „Изъ исторіи слова" и прочитанъ былъ секретаремъ Совѣта отчетъ о состояніи Московской Духовной Академіи въ 1907—1908 учебномъ году.

Опредѣлили: Представить о совершеніи акта Его Высокопреосвященству съ приложеніемъ напечатаннаго отчета о состояніи Академіи за 1907—1908 учебный годъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвящен-

ства: „1908 г. Нояб. 3. Читано. Отчетъ представить (и нынѣ же представляется) въ Св. Синодъ“.

15 октября 1908 года.

№ 19.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры А. П. Голубцовъ и С. С. Глаголевъ, экстраординарные профессоры И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій и доцентъ А. П. Орловъ.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарные профессоры А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и Н. Г. Городенскій.

Слушали: Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола, кандидата богословія, *И. М. Громогласова* подъ заглавіемъ: „Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Выпускъ I. Введеніе.—Опредѣленіе брака въ 48 гл. Кормчей (Градск. Зак. гр. 4, гл. 1)“.—Сергіевъ Посадъ, 1908 г., представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго*:

„Представленный г. Громогласовымъ ученый трудъ на соисканіе степени магистра богословія представляетъ собою первый выпускъ изслѣдованія *„объ опредѣленіяхъ брака въ кормчей“*, а это послѣднее въ свою очередь начальный отдѣлъ обширнаго труда—*„правовой исторіи заключенія брака на православномъ востокѣ“*, надъ которой давно трудится почтенный авторъ и которая—по его заявленію—уже близка къ концу (стр. 1).

Это авторское заявленіе имѣетъ въ глазахъ рецензента то значеніе, что вполнѣ объясняетъ вопросъ—почему авторъ нашелъ необходимымъ предпослать своему выпуску введеніе *общаго* характера, а не *спеціально* относящагося *къ этому* вы-

пуску. Теперь ясно, что предлежащая книга есть лишь фрагментъ громадной работы, скоро имѣющей увидѣть свѣтъ, хотя она могла бы быть выпущена въ качествѣ законченнаго цѣлаго подъ заглавіемъ: „комментарій къ модестиновой формулѣ опредѣленія брака“.

Задача *введенія*—намѣтить тѣ принципіальныя положенія, которыя, будучи строго-научно обоснованы, дали бы возможность разрѣшить слѣдующіе вопросы великой научной и практической важности: а) что составляетъ въ юридическомъ смыслѣ бракозаключительную форму? б) что въ различныхъ формальностяхъ, обрядахъ, церемоніяхъ, которыми обычно и по закону обставляется заключеніе брака, должно быть признаваемо необходимымъ, существеннымъ и что—случайнымъ, не имѣющимъ юридическаго значенія? в) гдѣ, въ чемъ находить основаніе, критерій для сужденія объ этого рода случайномъ и существенномъ?

1) Исходнымъ пунктомъ для автора служитъ тотъ, повсюду наблюдаемый фактъ, что начальный моментъ человѣческаго брака обставляется *различными* формальностями, обрядами, церемоніями: чемъ обусловливается различіе этихъ формъ?—Оно обусловливается различіемъ тѣхъ воззрѣній на сущность брака, какія существуютъ въ данной средѣ, на данной ступени культурнаго развитія. Такъ въ совершенно дикомъ состояніи человѣчества, когда не было индивидуальнаго брака, а были только групповые, не наблюдается и никакихъ формальностей, предшествующихъ фактическому вступленію въ половую связь: дѣло здѣсь обходится more ferarum. Это—эпоха матріархальной семьи (стр. 5). Появленіе формъ бракозаключенія начинается на дальнѣйшей стадіи развитія, когда „гетеризмъ“, или безпорядочные групповые браки должны были уступить мѣсто индивидуальнымъ сожитіямъ. Въ этой стадіи формъ полового общенія взаимныя отношенія вступающихъ въ него могли опредѣляться лишь общими чертами первобытнаго общественнаго строя: исключительнымъ господствомъ физической силы и полнымъ порабощеніемъ слабаго. При такихъ условіяхъ бракъ, очевидно, не могъ быть союзомъ двухъ человѣческихъ личностей и положеніе жены необходимо получало характеръ рабской подчиненности; это не подруга своего мужа, а безусловно покорная раба суровой власти хозяина. Къ этой стадіи раз-

витія и пріурочиваются слѣдующія формы бракозаключенія: *умычка*, *покупка* невѣсты у родственниковъ, *фактическое сожительство*. (Указаніе этихъ элементовъ въ формахъ римскаго бракозаключительнаго права: confarreatio, coëmptio, usus, стр. 14—20). На смѣну этихъ формъ правовой геній Рима въ высшей стадіи развитія выработалъ свободный бракъ съ его принципомъ: consensus facit nuptias.

2) Эти свѣдѣнія, по мнѣнію автора, уясняютъ намъ правильное понятіе *о формѣ заключенія брака*. Подъ этимъ названіемъ *можетъ быть подразумѣваема* вся совокупность обрядовыхъ дѣйствій, практикуемыхъ въ данномъ обществѣ въ силу обычая или требованій положительнаго права; но въ болѣе точномъ и правильномъ словоупотребленіи формою бракозаключенія *долженъ быть названъ лишь* тотъ *спеціальный актъ*, который, будучи внѣшнимъ условнымъ показателемъ момента возникновенія брака, какъ правомѣрнаго отношенія, въ то же самое время по своему внутреннему значенію указывалъ бы на существенный характеръ этого отношенія и былъ его реальнымъ началомъ (стр. 22). Какъ скоро существо брака понято извѣстнымъ образомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ этомъ понятіи уже опредѣлены *и существенные элементы* бракозаключительной формы. Эти элементы входятъ въ жизнь вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ пониманіемъ природы брачныхъ отношеній и отнюдь не изобрѣтаются произвольно, а лишь констатируются и фиксируются положительнымъ правомъ, превращаясь так. образ. изъ бытовыхъ обычаевъ въ юридическія установленія... На ряду съ ними народныя вѣрованія и бытъ вносятъ въ ритуалъ бракозаключенія не мало другихъ осложняющихъ подробностей въ родѣ различныхъ торжественныхъ обрядовъ и церемоній. По своему смыслу и характеру они могутъ болѣе или менѣе отвѣчать данному пониманію природы брачнаго союза, но могутъ не имѣть и никакого внутренняго соотношенія съ нимъ, въ особенности когда являются только остаткомъ прошлаго, отголоскомъ уже исчезающихъ понятій и взглядовъ.

3) Отсюда—говоритъ авторъ—уже не трудно опредѣлить точнѣе тѣсную связь между изслѣдованіями церковно-правового воззрѣнія на бракъ и христіанскимъ законодательствомъ о способѣ его установленія: приступать къ разра-

боткѣ исторіи христіанскаго бракозаключительнаго права безъ предварительнаго выясненія взглядовъ на сущность брачнаго союза невозможно (стр. 25). Но не менѣе важно значеніе основныхъ воззрѣній на бракъ и для критической оцѣнки нынѣ дѣйствующаго бракозаключительнаго права и практики въ цѣляхъ уясненія того, на сколько обязательно неизмѣнное сохраненіе ихъ въ будущемъ (стр. 26): должны ли они оставаться неизмѣнными и въ настоящее время при совершающемся переворотѣ нашего государственнаго и общественнаго строя вѣроисповѣдныхъ отношеній и т. д., или же должны подвергнуться пересмотру и исправленію? Но въ рѣшеніи этихъ вопросовъ, больше чѣмъ какихъ-либо другихъ, необходимо помнить, что руководящія сужденія должны исходить не изъ сомнительныхъ соображеній практическаго удобства, или имѣющихъ очень условную цѣнность ссылокъ на прошлое, а изъ основныхъ началъ христіанскаго бракозаключительнаго права (стр. 27).

Итакъ, научно-теоретическая разработка церковно-правового воззрѣнія на бракъ является базисомъ для принципіальнаго рѣшенія вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія (стр. 29).

Но гдѣ искать церковно-правового опредѣленія сущности брака, какъ краеугольнаго камня, на коемъ зиждется вѣковое зданіе христіанскаго бракозаключительнаго права? Для изслѣдователя - канониста вопросъ разрѣшается легко: въ основныхъ источникахъ нашего церковнаго права имѣются два опредѣленія понятія брака: а) въ 48 гл. и въ 50-й гл. Кормчей книги. Къ изученію ихъ и должна быть направлена ученая работа.

Таково содержаніе введенія.

Если оно ясно и опредѣленно характеризуетъ автора, какъ догматиста—теоретика права, установляющаго руководящія принципы, методъ и планъ изслѣдованія и рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ бракозаключительнаго права: то слѣдующее за тѣмъ непосредственно изслѣдованіе юридическаго понятія о бракѣ, даннаго въ 48 гл. Кормчей книги, не менѣе ясно и отчетливо характеризуетъ его какъ глубокаго аналитика памятниковъ права, какъ церковнаго, такъ и древнеримскаго.

По своему происхожденію оно принадлежитъ еще языче-

скому періоду римскаго гражданскаго права, отмѣчая ту завершительную стадію, какой успѣла достигнуть идея брачнаго союза въ своемъ естественно-историческомъ развитіи. Эта принадлежность нехристіанскому правосознанію не помѣшала ей однакоже перейти въ христіанское право — гражданское и церковное и прочно удержаться здѣсь. Принятое сперва въ Юстиніановы Дигесты опредѣленіе Модестина не только повторяется потомъ въ оффиціальныхъ кодексахъ и частныхъ систематическихъ сборникахъ византійскаго гражданскаго права, но проникаетъ и въ знаменитый приписываемый патріарху Фотію номоканонъ въ качествѣ „наилучшаго опредѣленія брака *(τὰ μάλιστα τὸν γάμον ὁριζόμενος)*, и такимъ образомъ формально становится церковнымъ, каноническимъ. Но оставивъ безъ перемѣны словесную формулу, христіанское государство и церковь внесли многое свое въ ея реальное содержаніе путемъ преобразованія соотвѣтствующихъ нормъ положительнаго права, стараясь привести ихъ въ большее соотвѣтствіе съ этическими основами брака. „Для нашей цѣли—гов. авторъ—важно не только установить *первоначальный точный смыслъ* даннаго опредѣленія, но и отмѣтить послѣдующій ростъ выражаемыхъ имъ идей“ (стр. 38).

Какъ же выполняется авторомъ эта задача?

Внѣшнее строеніе историко-экзегетической работы автора таково: такъ какъ цѣлое опредѣленіе Модестина состоитъ изъ трехъ частей, а именно: Nuptiae sunt: 1) conjunctio maris et feminae; 2) consortium omnis vitae и 3) divini et humani juris communicatio,—то и изслѣдованіе автора дѣлится соотвѣтственно сему на три отдѣла, изъ коихъ каждый и разсматриваетъ соотвѣтствующую часть опредѣленія (первый отдѣлъ 39—86; второй 87—148; третій 149—185). Затѣмъ каждый изъ этихъ отдѣловъ содержитъ двоякое освѣщеніе комментируемаго текста: сначала раскрываются стороны брачной жизни, обнимаемыя опредѣленіемъ, съ точки зрѣнія древняго римскаго права и быта, затѣмъ предлагается освѣщеніе тѣхъ же сторонъ съ христіанской точки зрѣнія, именно на основаніи Св. Писанія, святоотеческой литературы, каноническаго права, законодательства византійскихъ императоровъ и средневѣковыхъ византійскихъ схоліастовъ номоканона.

Внутренняя качественная сторона комментарія опредѣляется слѣдующими чертами:

1) *Полнотою и широтою* объясненія и раскрытія понятій и соотвѣтствующихъ имъ терминовъ текста. Напр., выясняя терминъ Nuptiae=бракъ, авторъ не ограничивается тщательнымъ филологическимъ объясненіемъ только одного этого термина, но сопоставляетъ его съ синонимическими—matrimonium justum и non justum matrimonium, legitimum matrimonium. Далѣе входитъ въ обстоятельное изложеніе соотношенія этихъ понятій къ понятію concubinatus и относящимися сюда понятіями paelex (греч. *Παλλάκη)* concubina. При этомъ авторъ не ограничивается только филологическимъ объясненіемъ занимающихъ его терминовъ, но въ большинствѣ сопровождаетъ его указаніемъ историческаго процесса, пережитаго юридическимъ институтомъ въ теченіи болѣе или менѣе продолжительной эпохи, такъ что по мѣстамъ его комментаріи представляютъ цѣлые экскурсы въ сферу исторіи римскаго и каноническаго права. Другой примѣръ: выяснивъ, что выраженіемъ conjunctio maris et feminae обозначается не одно грубо-половое общеніе, но и психофизическій союзъ, какъ достойное человѣческаго брака отношеніе, комментаторъ въ самой грамматич. формѣ единств. числа m*aris*, fem*inae* находитъ достаточный поводъ указать на моногамическую тенденцію формулы и излагаетъ въ сжатомъ видѣ цѣлую эволюцію, пережитую въ римскомъ правѣ институтомъ конкубината. А затѣмъ, раскрывая христіанское ученіе о бракѣ, входитъ въ подробное изложеніе отношенія церкви ко второму, третьему браку и многобрачію.

Благодаря этой широкой постановкѣ, комментаріи почтеннаго автора отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, что затрогиваютъ почти всѣ главнѣйшіе отдѣлы брачнаго права.

2) *Ясностію, юридическою точностію и основательностію.* Это характерное свойство комментаріевъ автора въ особенности заслуживаетъ быть отмѣченнымъ въ обращеніи автора съ источниками древне-римскаго права. Обращаемъ вниманіе на эту особенность ученаго труда г. Громогласова не съ цѣлью умалить его ученую освѣдомленность въ сферѣ каноническаго права и патристической, а потому, что послѣдняя для него вполнѣ естественна, какъ воспитанника духовной школы, между тѣмъ какъ его глубокое проникновеніе въ духъ и букву римскаго гражданскаго права—всецѣло

плодъ его личнаго подвига самообразованія, ученаго таланта и энергіи, вызывающій искреннее удивленіе. Въ чемъ же проявляется отмѣчаемое нами свойство комментаріевъ г. Громогласова?—Въ томъ, что онъ употребляетъ всюду усилія не на то только, чтобы съ полною ясностью раскрыть комментируемыя понятія филологически, логически, исторически, но въ самыхъ же источникахъ права подыскать параллели комментируемому мѣсту, *параллели какъ для отдѣльныхъ терминовъ, такъ и для ихъ грамматическихъ сочетаній.* Короче выражаясь, онъ старается объяснить отдѣльныя слова и фразы закона изъ самаго закона; отдѣльныя части права какъ бы заставляетъ объяснить само право. Это верхъ интерпретаціи—юридической техники, достигаемый только продолжительнымъ и глубокимъ изученіемъ подлинныхъ памятниковъ права. Эти параллели авторъ указываетъ въ царскихъ законахъ, институтахъ Гая, Дигестахъ, конституціяхъ императоровъ. Пользуясь этимъ методомъ толкованія права изъ самаго права, онъ далъ напр. такое мастерское ясное и точное объясненіе доселѣ довольно туманно объяснявшейся третьей части модестиновой формулы, что эти страницы его диссертаціи (154 и слѣд.) несомнѣнно признаетъ блестящими и спеціалистъ пандектнаго права.

3) *Широкою эрудиціею.* На рецензента производитъ пріятное впечатлѣніе не столько громадная и пестрая цитація, которою наполнены нижніе этажи разсматриваемой книги, сколько личное отношеніе автора къ его ученымъ друзьямъ и противникамъ. Намъ не удалось подмѣтить ни тѣни компилятивности, тенденціозности, или предпочтенія одной фракціи ученыхъ—другой. Къ цитируемымъ чужимъ трудамъ авторъ относится съ полною объективностью и, отмѣчая свое личное положительное или отрицательное отношеніе къ разсматриваемому мнѣнію, всюду выдерживаетъ спокойный серьезный тонъ, не раболѣпствуя предъ авторитетами науки и не унижая малыхъ сихъ въ ней. Съ однимъ превозмогающимъ интересомъ истины авторъ усердно и искусно выдвигаетъ на видъ все лучшее, что онъ нашелъ въ своихъ источникахъ, такъ что его книгу, небольшую по объему, но вѣскую по содержанію, нельзя выразительнѣе характеризовать, какъ назвавъ слиткомъ золота, изъ котораго внутреннимъ процессомъ научной критики выплавлены всѣ отбросы.

4) *Тщательною внѣшнею отдѣлкою.* Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующія черты учено-литературнаго произведенія г. Громогласова: а) сжатый, точный языкъ и строгій стиль. Отдѣльное положеніе, цѣлый періодъ представляютъ собою какъ бы формулы, въ которыхъ продумано каждое слово. Все, что требуется для широкаго объясненія сжатыхъ формулъ, переносится въ нижній этажъ страницы, набранный мелкимъ шрифтомъ. Эта манера изложенія значительно облегчаетъ читателю возможность слѣдить за теченіемъ мысли автора, не отвлекаясь никакими сторонними эпизодическими вставками. б) Тщательная, точная, вполнѣ упорядоченная цитація. По большей части авторъ даетъ не голыя цитаты, а текстуальныя, причемъ тщательно отмѣчаетъ мѣсто и годъ изданія, томъ, главу, страницу. Патристическіе и каноническіе источники, греческіе и римскіе, всюду цитируются только по патрологіи Миня. Вообще, если ранѣе мы назвали книгу г. Громогласова золотымъ слиткомъ, то теперь должны добавить, что этотъ слитокъ—весьма тщательно отшлифованный.

Таковы свойства, отмѣченныя мною въ книгѣ г. Громогласова.

Если внѣшній незначительный объемъ ея и особенно собственное заявленіе автора, что это только подготовительная работа къ обширному труду, скоро имѣющему явиться на свѣтъ Божій, могутъ произвести на поверхностный взглядъ не дов. благопріятное впечатлѣніе для автора, то внимательное проникновеніе въ ея мастерское построеніе, богатое содержаніе и отчетливое изложеніе неотразимо убѣждаютъ въ томъ, что она вышла изъ мастерской усерднаго и опытнаго спеціалиста так. наз. брачнаго права, къ которому долженъ отнестись не иначе какъ съ глубокимъ уваженіемъ и мужъ, въ наукѣ посѣдѣвшій.

Дарованіе почтенному автору степени магистра богословія представляется поэтому не только достойною наградою за представленный трудъ, но и прямо необходимостью: ибо отсутствіе такого титула на имени автора послѣ представленнаго имъ труда свидѣтельствовало бы о недостаткѣ вниманія высокой ученой корпораціи къ талантливымъ и усерднымъ дѣятелямъ науки.

Что касается въ частности интересовъ спеціально науки

православнаго церковнаго права, то трудъ г. Громогласова представляетъ то выдающееся явленіе, что въ ней обнаруживается основательное знаніе авторомъ права каноническаго и гражданскаго: сочетаніе весьма желательное, но рѣдко встрѣчающееся. По номенклатурѣ западно-европейской науки авторъ такой книги непремѣнно Doctor juris utriusque".

б) Бывшаго экстраординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ новой гражданской исторіи, нынѣ и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ исторіи церкви *И. Д. Андреева*:

„Сочиненіе И. М. Громогласова состоитъ изъ введенія и трехъ главъ. Во введеніи авторъ говоритъ о связи между воззрѣніями на бракъ и способами его установленія. Эти способы привлекаютъ вниманіе автора потому, что теперь на очереди пересмотръ нашего брачнаго законодательства. Въ своемъ сочиненіи авторъ предлагаетъ подготовительную работу; выясняетъ воззрѣнія на бракъ христіанской древности. Въ этихъ видахъ онъ даетъ анализъ опредѣленія брака въ 48 гл. Кормчей. Опредѣленіе это есть переводъ бракоопредѣлительной формулы Модестина. Въ первой главѣ (35—86) авторъ комментируетъ слова этой формулы: бракъ—conjunctio maris et feminae; во второй (87—148) слова: бракъ—consortium omnis vitae; и въ третьей (149—185)—бракъ—divini et humani juris communicatio. На стр. 185—196 предлагаются общіе выводы изъ анализа. Стр. 197—210 содержатъ перечень источниковъ и пособій.

Какъ не спеціалистъ, я не беру на себя смѣлости указать мѣсто изслѣдованія И. М. Громогласова среди другихъ работъ, имѣющихъ отношеніе къ тому же вопросу. Это дѣло моего опытнаго товарища. Я могу цѣнить работу только со стороны ея внѣшняго снаряженія. Здѣсь она производитъ прекрасное впечатлѣніе. Чувствуется, что предъ вами лежитъ не ученый лепетъ, а произведеніе опытнаго мастера. Не будучи самъ юристомъ, я всегда завидовалъ умѣнью хорошихъ юристовъ писать такъ, что ни одна фраза не можетъ быть ни пропущена, ни вставлена, ни измѣнена безъ искаженія мысли автора. Безъ сомнѣнія тутъ сказывается дисциплинирующая роль изученія источниковъ римскаго права—

этого воплощенія краткости, силы и красоты слова. При чтеніи книги И. М. Громогласова я наслаждался этой манерой писательства въ высокой степени. Отсюда сравнительно небольшая по объему диссертація даетъ очень много по содержанію. При невзыскательной манерѣ изложенія этого содержанія достаточно бы съ излишкомъ на рыхлый томъ въ 1000 страницъ. Хотѣлось бы думать, что бережное обращеніе И. М. Громогласова съ терпѣніемъ читателя научитъ нѣкоторыхъ нынѣшнихъ сочинителей той простой истинѣ, что не во многописательствѣ спасеніе науки.

Что касается обстановки источниковъ и пособій и надежности аргументаціи развиваемыхъ авторомъ положеній, то читатель закрываетъ книгу съ полнымъ удовлетвореніемъ. Добрая половина содержанія книги отодвинута въ очень сложныя примѣчанія, изъ коихъ многія представляютъ превосходные экскурсы, имѣющіе значеніе сами по себѣ. Это выдѣленіе изъ текста грузныхъ справокъ и разъисканій дѣлаетъ содержаніе книги совершенно прозрачнымъ и удивительно облегчаетъ усвоеніе ея главныхъ положеній.

Диссертація разсчитана на тѣсный кругъ спеціалистовъ. Но такъ какъ она даетъ подготовительную работу для рѣшенія жгучаго вопроса современности, то ей можно обѣщать широкое распространеніе.

Среди магистерскихъ богословскихъ диссертацій изслѣдованіе И. М. Громогласова безъ сомнѣнія займетъ видное мѣсто и выдѣлится какъ произведеніе зрѣлаго работника.

Степени магистра богословія авторъ, разумѣется, достоинъ".

Справка: Требуемыя § 32 Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени и опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 30 мая 1900 года 60 экземпляровъ напечатанной диссертаціи и. д. доцента И. М. Громогласовымъ Преосвященному Ректору представлены и розданы членамъ академической корпораціи.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола И. М. Громогласова къ защищенію его диссертаціи на степень магистра богословія.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаціи назначить сверхштнаго заслуженнаго ординарнаго профессора по каѳедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго* и и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета по

каѳедрѣ исторіи церкви *И. Д. Андреева* (изъявившаго на то свое согласіе).—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквіума и пригласить къ участію въ немъ постороннихъ лицъ.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Окт. 29. Смотрѣно".

15 октября 1908 года.

№ 21.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ и С. С. Глаголевъ, экстраординарные профессоры И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій и доцентъ А. П. Орловъ.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарные профессоры А. П. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и Н. Г. Городенскій.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Сент. 27. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 22 сентября за № 11604:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 19 іюля сего года за № 312, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ отсрочкѣ исправляющему должность доцента въ сей академіи *Николаю Туницкому* представленія магистерскаго сочиненія на одинъ годъ, до конца 1908—9 учебнаго года. Приказали: Принимая во вниманіе, что исправляющій должность доцента Московской духовной академіи по каѳедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) Николай Туницкій не могъ представить магистерскаго сочиненія въ назначенный ему срокъ до конца 1907—8 учебнаго года, по

причинѣ перенесенной имъ въ томъ году тяжелой болѣзни, Святѣйшій Синодъ, согласно изъясненному представленію, опредѣляетъ: продлить Туницкому срокъ для полученія имъ магистерской степени еще на одинъ годъ, т. е. до конца 1908—1909 учебнаго года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода объявить (и объявленъ) и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкому.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1908 г. Сент. 30. Въ Совѣтъ Московской Дух. Академіи"—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 30 сентября за № 12051:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: прошеніе сербскаго подданнаго священника Димитрія Поповича, получившаго разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Синода держать вступительные экзамены въ С.-Петербургской духовной академіи, о дозволеніи ему поступить, вмѣсто названной академіи, на тѣхъ же основаніяхъ, въ Московскую академію. И, по справкѣ, приказали: Разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи допустить *сербскаго священника Димитрія Поповича* въ текущемъ учебномъ году къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ число студентовъ академіи, съ назначеніемъ ему, въ случаѣ поступленія въ академію, стипендіи изъ Синодальныхъ средствъ въ установленномъ размѣрѣ на счетъ духовно-учебнаго капитала; о чемъ и послать указы Преосвященному Митрополиту С.-Петербургскому и Вашему Преосвященству".

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

III. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 5 сентября, № 12: „1908 г. Окт. 2. Смотрѣно".

б) 6 сентября, № 13: „1908 г. Сент. 28. По ст. III. Доцентъ Московскаго Университета Михаилъ Богословскій утверждается въ должности доцента Академіи по каѳедрѣ Русской Гражданской Исторіи. Прочее смотрѣно".

в) 6 сентября, № 14: 1908 г. Окт. 12. Читалъ и со всѣми постановленіями Совѣта согласенъ".

г) 10 сентября, № 15: „1908 г. Сент. 23. Г. Флоренскій ут-

верждается исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи".

д) 23 сентября, № 16: „1908 г. Сент. 29. Г. Знаменскій утверждается исправляющимъ должность доцента Академіи по каѳедрѣ Латинскаго языка и его Словесности".

Справка: Журналомъ отъ 6 сентября с/г. за № 14-мъ (ст. XXIV) Совѣтъ Академіи представлялъ Его Высокопреосвященству, что онъ „съ своей стороны, находитъ вполнѣ возможнымъ и справедливымъ разрѣшить принятому въ составъ I академическаго курса студенту *Сергѣю Нарбекову* пройти курсъ богословскихъ наукъ въ Академіи въ трехгодичный срокъ съ зачисленіемъ его нынѣ же въ списки студентовъ II курса и освобожденіемъ отъ изученія древнихъ и новыхъ языковъ, а также историческихъ и философскихъ наукъ, отмѣтки по которымъ имѣются въ его университетскомъ дипломѣ".

Опредѣлили: 1) Резолюціи Его Высокопреосвященства сообщить (и сообщены) лицамъ, коихъ онѣ касаются, и Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.— 2) Студента *Сергѣя Нарбекова* зачислить въ списки студентовъ II курса Академіи.

IV. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ *въ сентябрѣ* мѣсяцѣ текущаго 1908 года, изъ которой видно, что—*а) по болѣзни:* и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ опустилъ 8 лекцій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи; *б) по нахожденію въ отпускѣ:* доцентъ А. П. Орловъ—8 лекцій.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертаціи преподавателя Суздальскаго духовнаго училища Евгенія *Воскресенскаго* („Религіозно-нравственныя, историческія и политическія воззрѣнія древнерусскихъ лѣтописцевъ. Опытъ изложенія") онъ назначаетъ члена Совѣта—доцента по каѳедрѣ

русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго;* разсмотрѣніе же магистерской диссертаціи преподавателя Лебединской мужской гимназіи Николая *Гальковскаго* („Борьба христіанства съ язычествомъ въ древней Руси.—Историко-литературное изслѣдованіе") поручаетъ, согласно постановленію Совѣта,—исправляющему должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громогласову.*

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. а) Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 4 октября за № 2162:

„Учебный Комитетъ имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Московской духовной академіи, для свѣдѣнія, копію циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 13 іюня сего года за № 14454, *относительно провѣрки подлинности документовъ о среднемъ образованіи* лицъ, обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ".

б) Копію циркулярнаго предложенія Министерства Народнаго Просвѣщенія Попечителямъ Учебныхъ Округовъ, отъ 13 іюня с. г. за № 14454:

„Предпринятой Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія провѣркой подлинности документовъ о среднемъ образованіи лицъ, обучающихся нынѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ его вѣдомства, установлено, что нѣкоторыми лицами, при прошеніяхъ о пріемѣ въ названныя учебныя заведенія, были представлены подложные аттестаты и свидѣтельства зрѣлости или же подложныя удостовѣренія другихъ высшихъ учебныхъ заведеній о пребываніи въ числѣ студентовъ. Пока обнаружено, что подложные документы о среднемъ образованіи были изготовлены отъ имени слѣдующихъ мужскихъ гимназій: Виленской 1-й, Варшавской 2-ой и 6-ой, Лодзинской, Петроковской, Кіево-Печерской, Тифлисскихъ 1-ой и 3-ей, Кутаисской, Харьковской 3-ей, а подложныя удостовѣренія отъ имени Варшавскаго университета. При этомъ подложными документами объ образованіи пользовались для зачисленія какъ въ студенты, такъ и въ слушатели фармацевтическихъ курсовъ.

Въ виду сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство предложить Начальству подвѣдомственныхъ

Вамъ высшихъ учебныхъ заведеній безотлагательно приступить къ провѣркѣ указанныхъ выше документовъ объ образованіи всѣхъ лицъ, обучающихся въ данномъ высшемъ учебномъ заведеніи, съ такимъ разсчетомъ, чтобы означенная провѣрка была закончена къ началу наступающаго учебнаго года.

За симъ, въ цѣляхъ преграждения на будущее время доступа въ высшія учебныя заведенія лицъ съ подложными документами, высшимъ учебнымъ заведеніямъ надлежитъ всякій разъ производить провѣрку документовъ объ образованіи всѣхъ вновь поступающихъ.

Для облегченія провѣрки прошу Васъ предписать среднимъ учебнымъ заведеніямъ ввѣреннаго Вамъ учебнаго округа составить списки всѣхъ лицъ, коимъ отъ даннаго учебнаго заведенія были выданы раньше, за время съ 1903 по 1908 годъ включительно, аттестаты или свидѣтельства зрѣлости, а также иныя удостовѣренія объ образованіи. Противъ каждаго лица должны быть проставлены въ спискѣ мысяцъ, число и № выданнаго документа. Означенные списки за подписью Директора и съ приложеніемъ печати средняго учебнаго заведенія должны быть въ возможно скорѣйшемъ времени и во всякомъ случаѣ не позднѣе 1 іюля текущаго года высланы въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, Попечителямъ учебныхъ округовъ и непосредственно въ высшія учебныя заведенія. На будущее время такіе списки за одинъ истекшій учебный годъ должны быть ежегодно изготовляемы и разсылаемы къ 1 іюля.

Въ свою очередь по окончаніи пріема въ высшія учебныя заведенія всѣмъ лицамъ, принятымъ въ студенты и посторонніе слушатели, составляются печатные списки съ распредѣленіемъ по факультетамъ, отдѣленіямъ и курсамъ, съ точными данными о полученномъ среднемъ образованіи. Эти списки представляются въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а также Попечителямъ учебныхъ округовъ.

Въ случаѣ перевода студента изъ одного высшаго учебнаго заведенія въ другое документы не выдаются студенту на руки, а пересылаются непосредственно Начальству второго учебнаго заведенія.

При увольненіи изъ числа студентовъ въ увольнительномъ свидѣтельствѣ прописываются свѣдѣнія о среднемъ образо-

ваніи, на основаніи коего данное лицо было принято въ высшее учебное заведеніе. При пріемѣ же лицъ, уволенныхъ изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно состоящихъ на службѣ, надлежитъ требовать представленія подлинныхъ документовъ о среднемъ образованіи.

Отъ каждаго вновь поступающаго въ высшее учебное заведеніе должно требовать представленія собственноручно написанныхъ копій съ его документовъ, каковыя ни въ какомъ случаѣ обратно не выдаются.

Къ изложенному считаю нужнымъ присовокупить, что въ случаѣ обнаруженія подложности документовъ Начальство высшаго учебнаго заведенія немедленно должно передавать дѣло на распоряженіе судебной власти, съ доведеніемъ о каждомъ случаѣ до свѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. а) Отношенія Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 29 и 30 сентября за № 1453 и 1454, съ препровожденіемъ, для научныхъ занятій студентовъ Академіи Сергѣя Харитонова и Виктора Преображенскаго, двухъ рукописей Лаврской библіотеки подъ заглавіемъ „Измарагдъ" (№ 204) и „Книга Степенная Царскаго Родословія".

Справка: Означенныя рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библіотеку.

б) Отношеніе Тамбовской Духовной Консисторіи отъ 2 октября за № 18057 съ увѣдомленіемъ, что со стороны Тамбовскаго Епархіальнаго Начальства не имѣется препятствій продлить и. д. доцента Академіи Д. Г. Коновалову срокъ пользованія рукописями о Тамбовскихъ хлыстахъ еще на два мѣсяца.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отзывъ доцента Академіи А. П. Орлова о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи выпуска текущаго 1908 года *Ланге Филиппа* на тему: „Нѣмецкій гуманизмъ въ его отношеніи къ реформаціи":

„Незначительное по объему (343 стр. довольно разгонистаго письма) сочиненіе г. Ланге посвящено въ высшей сте-

ненія интересному и сложному вопросу объ идейно-историческомъ взаимоотношеніи двухъ крупнѣйшихъ теченій культурной жизни Германіи въ началѣ 16 вѣка,—гуманизма и реформаціи, или,—точнѣе,—гуманизма и доктрины Лютера, поскольку авторъ въ своей работѣ совершенно не затрогиваетъ другихъ представителей реформаціи (Цвингли, Меланхтона, Карлштадта и др.). Предметъ своей темы авторъ раскрываетъ со слѣдующихъ сторонъ: въ первой главѣ своего сочиненія онъ трактуетъ объ общихъ религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ нѣмецкихъ гуманистовъ и характеризуетъ религіозную систему протестантства; во второй главѣ выясняетъ воззрѣнія гуманистовъ и Лютера на Христа и историческое христіанство; въ 3-й главѣ характеризуетъ нравственное ученіе гуманистовъ и Лютера; въ 4-й главѣ трактуетъ объ отношеніи гуманистовъ и Лютера къ вопросу о реформѣ церкви, и, наконецъ, въ 5-й главѣ говоритъ объ историческомъ значеніи нѣмецкаго гуманизма и реформаціи. Если указанная схема сочиненія г. Ланге свидѣтельствуетъ о достаточной широтѣ его содержанія, то нельзя сказать, чтобы выполненіе ея у автора отличалось желательной полнотой. Религіозно-философскія воззрѣнія гуманистовъ обрисованы авторомъ довольно бѣгло, большею частію путемъ мозаической комбинаціи отрывочныхъ тирадъ и изреченій гуманистическихъ мыслителей. Такой характеръ изложенія у г. Ланге обусловливался въ значительной степени независѣвшею отъ его воли недоступностью для него первоисточниковъ его темы, заставлявшею его брать матеріалъ для своей работы изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Правда, для характеристики лютеранской доктрины авторъ имѣлъ полную возможность пользоваться подлинными сочиненіями Лютера,—и это непосредственное знакомство его съ ними, думается, указало бы ему на болѣе тѣсное сродство между взглядами Лютера и гуманистическими идеями, чѣмъ то, какое авторъ отмѣтилъ въ своей настоящей работѣ. Не смотря на отмѣченные недостатки, работа г. Ланге носитъ на себѣ отпечатокъ внимательнаго, вдумчиваго отношенія автора къ своему дѣлу, обнаруживаетъ въ немъ умѣнье разбираться въ сложномъ историческомъ матеріалѣ, и поэтому даетъ автору полное право на степень кандидата богословія".

Справка: Опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 6 сентября

с. г. студентъ IV курса Филиппъ Ланге утвержденъ былъ въ званіи дѣйствительнаго студента Академіи, съ правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.

Опредѣлили: Дѣйствительнаго студента Филиппа *Ланге* утвердить въ степени кандидата богословія, выдать ему установленный дипломъ на означенную степень и сообщить о настоящемъ постановленіи Совѣта Учебному Комитету при Святѣйшемъ Синодѣ.

IX. Отношеніе Херсонской Духовной Консисторіи отъ 18 сентября за № 17204 съ препровожденіемъ документовъ принятаго обратно въ число студентовъ III курса Академіи *священника* Херсонской епархіи *Александра Литвиненко.*

Опредѣлили: Документы священника Литвиненко хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

X. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что студентъ Владимірской духовной семинаріи *Сергѣй Сахаровъ*, которому, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 5 сентября с. г., разрѣшено было, въ виду болѣзни, воспрепятствовавшей ему своевременно явиться въ академію, — сдать *пріемныя* испытанія въ теченіи октября мѣсяца, воспользовался означеннымъ рѣшеніемъ и получилъ слѣдующіе баллы:

а) *на устныхъ испытаніяхъ*: по Священному Писанію Ветхаго Завѣта—4, Священному Писанію Новаго Завѣта—4½, догматическому богословію—4, общей церковной исторіи—3 и греческому языку—3½;

б) *на письменныхъ работахъ*: по основному богословію—5—, психологіи—4— и на поученіи—3½.

Опредѣлили: Студента Владимірской духовной семинаріи *Сергѣя Сахарова* принять въ число своекоштныхъ студентовъ I курса Академіи, съ разрѣшеніемъ жить на частной квартирѣ вмѣстѣ съ его матерью, переселившеюся на постоянное жительство въ Сергіевскій Посадъ.

XI. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента I курса *Ильи Кудряшева*:

„Опредѣляясь во священника въ Тульскую Епархію, я прошу Ваше Преосвященство уволить меня изъ Академіи

согласно сему прошенію съ удостовѣреніемъ о зачисленіи меня въ число студентовъ I-го курса означенной Академіи".

Опредѣлили: Уволить Илью Кудряшева, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ I курса Академіи.

XII. Собственноручныя показанія студентовъ I курса о желаніи ихъ избрать для спеціальнаго изученія въ теченіи академическаго курса предметы первой (словесной) или второй (исторической) группы, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ.—По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

	Предметы первой группы:	*Изъ языковъ:*
1)	Свящ. Авдашкевичъ Петръ.	лат. франц.
	Алексѣевъ Павелъ.	лат. франц.
	Брянцевъ Леонидъ.	лат. нѣм.
	Вершинскій Николай	лат. нѣм.
5)	Виноградовъ Михаилъ	лат. нѣм.
	Голованенко Сергѣй	греч. нѣм.
	Грацинскій Иванъ	греч. франц.
	Даниловскій Александръ	лат. нѣм.
	Свящ. Добровольскій Василій.	лат. нѣм.
10)	Ивановскій Семенъ.	лат. нѣм.
	Ивановъ Константинъ.	лат. нѣм.
	Игумановичъ Ефремъ, сербск. урож. . .	лат. франц.
	Изюмовъ Иванъ	лат. нѣм.
	Свящ. Ильинскій Михаилъ	лат. нѣм.
15)	Ильинскій Николай	лат. нѣм.
	Свящ. Іовановичъ Савва, серб. урож. .	греч. франц.
	Свящ. Лебедевъ Константинъ.	греч. нѣм.
	Марковъ Иванъ.	греч. нѣм.
	Свящ. Михальчукъ Евстаѳій.	лат. нѣм.
20)	Свящ. Надеждинъ Александръ.	лат. нѣм.
	Носовъ Константинъ	лат. нѣм.
	Орловъ Василій.	греч. франц.
	Перехвальскій Валентинъ.	греч. франц.
	Петропавловскій Василій.	лат. нѣм.
25)	Ремовъ Николай.	греч. англ.
	Рудневъ Николай.	лат. нѣм.
	Рязановскій Сергѣй.	лат. нѣм.

Рязановскій Ѳедоръ. . . . . лат. франц.
Свящ. Смирновъ Порфирій. . . . . греч. нѣм.
30) Соболевъ Владиміръ. . . . . лат. франц.
Сперанскій Михаилъ. . . . . лат. нѣм.
Титовъ Алексѣй. . . . . лат. нѣм.
Троицкій Викторъ. . . . . лат. франц.
Успенскій Александръ. . . . . лат. франц.
35) Успенскій Иванъ. . . . . лат. нѣм.
Чайкинъ Георгій. . . . . лат. нѣм.
37) Чернышевъ Иванъ. . . . . лат. нѣм.

Предметы второй группы: *Изъ языковъ:*

1) Свящ. Андреевскій Александръ. . . . . лат. нѣм.
Свящ. Архангельскій Леонидъ . . . . лат. нѣм.
Свящ. Безсоновъ Николай. . . . . лат. нѣм.
Богоявленскій Сергѣй. . . . . греч. англ.
5) Введенскій Иванъ . . . . . лат. нѣм.
Свящ. Владимірскій Алексѣй. . . . . греч. нѣм.
Епифановичъ Григорій. . . . . лат. нѣм.
Свящ. Ефремовъ Михаилъ. . . . . лат. англ.
Свящ. Ивановъ Александръ. . . . . лат. нѣм.
10) Свящ. Коноваловъ Іосифъ. . . . . греч. англ.
Курганскій Михаилъ. . . . . лат. нѣм.
Левкоевъ Николай. . . . . греч. нѣм.
Свящ. Лукьяновъ Михаилъ. . . . . лат. нѣм.
Любимовъ Ѳедоръ. . . . . лат. нѣм.
15) Свящ. Люстрицкій Михаилъ . . . . . лат. нѣм.
Максимовъ Александръ. . . . . лат. нѣм.
Марковъ Владиміръ. . . . . лат. англ.
Мацкевичъ Іосифъ. . . . . лат. нѣм.
Мигулинъ Александръ . . . . . лат. нѣм.
20) Муратовъ Василій. . . . . лат. нѣм.
Никольскій Василій. . . . . лат. нѣм.
Новгородскій Павелъ. . . . . лат. нѣм.
Свящ. Овсянниковъ Григорій. . . . . лат. нѣм.
Писовъ Стефанъ . . . . . лат. англ.
25) Прилуцкій Сергѣй. . . . . лат. англ.
Прокоповичъ Борисъ. . . . . лат. нѣм.
Реутовъ Валентинъ . . . . . лат. нѣм.
Сахаровъ Сергѣй. . . . . греч. нѣм.

Свящ. Соколовъ Алексѣй . . . . . лат. нѣм.
30) Соловьевъ Иванъ . . . . . лат. нѣм.
Степановъ Андрей. . . . . лат. нѣм.
Телятьевъ Валеріанъ. . . . . греч. нѣм.
Тихомировъ Павелъ . . . . . лат, англ.
Уметскій Петръ. . . . . лат. нѣм.
35) Хотовицкій Александръ. . . . . лат. нѣм.
36) Яхонтовъ Дмитрій. . . . . лат. нѣм.

Опредѣлили: Утвердивъ распредѣленіе студентовъ по группамъ и классамъ древнихъ и новыхъ языковъ, собственноручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XIII. Заявленіе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи принятаго по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 27 марта с. г. (съ начала 1908—1909 учебнаго года) въ число вольныхъ слушателей академическихъ лекцій бывшаго благочиннаго монастырей 1-го округа Нижегородской епархіи *архимандрита Іереміи* о томъ, что вслѣдствіе болѣзни глазъ, угрожающей полною потерею зрѣнія, онъ не имѣетъ возможности отдаться научнымъ занятіямъ и долженъ оставить Академію.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Нояб. 10. Смотрѣно“.

23 октября 1908 года.

№ 22.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій и доцентъ А. П. Орловъ.—Отсутствовали: ординарные профессоры А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ и доцентъ М. М. Богословскій.

Въ собраніи семъ исправляющій должность доцента Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола, кандидатъ богословія, *И. М. Громогласовъ* защищалъ представленную имъ на соисканіе степени магистра богословія диссертацію подъ заглавіемъ: „Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Выпускъ I. Введеніе.—Опредѣленіе брака въ 48 гл. Кормчей (Градск. Зак. гр. 4, гл. I). Сергіевъ Посадъ, 1908 г.".

Оффиціальными оппонентами были: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскій* и и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета по каѳедрѣ исторіи церкви *И. Д. Андреевъ*.

По окончаніи коллоквіума, Ректоръ Академіи Епископъ Евдокимъ, собравъ голоса, объявилъ, что Совѣтъ единогласно призналъ защиту магистрантомъ его диссертаціи удовлетворительною.

Справка: 1) По § 136 устава духовныхъ академій: „Кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ имъ стороннихъ лицъ (коллоквіумѣ)."—2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „удостоеніе степени магистра и доктора" отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.—3) По указу Святѣйшаго Синода отъ 23 сентября 1906 года за № 10251 Совѣтамъ Академіи поручено: „доносить чрезъ мѣстныхъ Преосвященныхъ о всѣхъ удостоиваемыхъ ими высшихъ ученыхъ богословскихъ степеней лицахъ Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ требующихся по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19—30 апрѣля 1900 г. за № 1557, 10 экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертацій.

Опредѣлили: 1) Исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола, кандидата богословія, Илью Громогласова, вслѣдствіе признанной Совѣтомъ удовлетворительности какъ представленной имъ диссертаціи, такъ и ея защиты,—утвердить въ ученой степени магистра богословія и выдать ему установленный

дипломъ на означенную степень.—2) Просить Его Высокопреосвященство донести о семъ Святѣйшему Синоду съ приложеніемъ десяти экземпляровъ диссертаціи магистра богословія И. М. Громогласова.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1908 г. Нояб. 10. Читано. Донесеніе объ утвержденіи г. Громогласова въ степени магистра богословія нынѣ же направляется въ Св. Синодъ“.

19 декабря 1908 года.

№ 24.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, заслуженные ординарные профессоры—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ, ординарные профессоры—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ, экстраординарные профессоры—И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. П. Покровскій и доцентъ А. П. Орловъ.—Отсутствовали: сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, ординарные профессоры А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ, экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и доцентъ М. М. Богословскій.

Слушали: I. Сообщенный (въ копіи) Правленіемъ Академіи указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 13 ноября 1908 года за № 14579:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 29 октября сего года за № 470, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ учрежденіи при академіи *стипендіи имени покойнаго протоіерея Московскаго Придворнаго Архангельскаго собора Валентина Амфитеатрова* и объ утвержденіи составленнаго Совѣтомъ проэкта положенія о стипендіи. Приказали: 1) Учредить при Московской духовной академіи стипендію имени покойнаго протоіерея Московскаго Придворнаго Архангельскаго собора Валентина Николаевича Амфитеатрова на проценты съ пожертвованнаго дочерью его Вѣрою Амфитеатровою ка-

питала, заключающагося въ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты на сумму въ *пять тысячъ восемьсотъ руб.* и 2) представленный проэктъ положенія о названной стипендіи утвердить; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ".

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію и руководству.

II. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 23 сентября, № 17: „1908 г. Окт. 29. Читано".

б) 1 октября, № 18: „1908 г. Нояб. 3. Читано. Отчетъ представить (и нынѣ же представляется) въ Св. Синодъ".

в) 15 октября, № 19: „1908 г. Окт. 29. Смотрѣно".

г) 15 октября, № 20: „1908 г. Окт. 29. Читано".

д) 15 октября, № 21: „1908 г. Нояб. 10. Смотрѣно".

е) 23 октября, № 22: „1908 г. Нояб. 10. Читано. Донесеніе объ утвержденіи г. Громогласова въ степени магистра богословія нынѣ же направляется въ Св. Синодъ".

ж) 24 октября, № 23: „1908 г. Нояб. 19. Донесеніе Св. Синоду сдѣлано".

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.

III. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ текущаго года, изъ коихъ видно, что:

1) *въ октябрѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни*: ординарные профессоры А. И. Введенскій и С. С. Глаголевъ, экстраординарные профессоры П. П. Соколовъ и С. И. Смирновъ и и. д. доцента Е. А. Воронцовъ опустили по 4 лекціи; и. д. доцента П. А. Флоренскій—2 лекціи; и. д. доцента Н. Л. Туницкій и свящ. Д. В. Рождественскій—по 1-ой лекціи; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: и д. доцента и лекторъ французскаго языка Д. Г. Коноваловъ—4 лекціи.

2) *въ ноябрѣ* мѣсяцѣ—*а) по болѣзни:* экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ опустилъ 12 лекцій; ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ и и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ—по 8 лекцій; экстраординарные профессоры И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій—по 4 лекціи; и. д. доцента С. П. Знаменскій—3 лекціи; Инспекторъ Академіи—

и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостьинъ, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій, заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ и и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи и и. д. доцента П. А. Флоренскій—1 лекцію; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: ординарный профессоръ А. А. Спасскій—9 лекцій, и. д. доцента и лекторъ французскаго языка Д. Г. Коноваловъ—4 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомости внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VI. Донесеніе коммиссіи (въ составѣ: ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго* и экстраординарныхъ профессоровъ *П. В. Попова* и *С. И. Смирнова*), ревизовавшей кассу, приходо-расходныя книги и другіе документы редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и разсматривавшей отчетъ редакціи по изданію журнала и святоотеческихъ твореній за 1907-й годъ:

„Честь имѣемъ донести Совѣту Академіи, что, во исполненіе возложеннаго на насъ Совѣтомъ порученія отъ 11 іюня текущаго года, мы произвели ревизію кассы и приходо-расходныхъ книгъ редакціи „Богословскаго Вѣстника“ и нашли слѣдующее:

1. Всѣ процентныя бумаги редакціи, равно какъ наличныя деньги, которыя должны быть по отчету, находятся въ цѣлости.

2. Отчетъ за 1907 годъ составленъ редакціей согласно съ приходо-расходными книгами.

3. Приходо-расходныя, кассовыя и вспомогательныя книги редакціи найдены нами въ порядкѣ и исправности: всѣ листы, шнуры и печати въ цѣлости.

4. Записи въ нихъ прихода и расхода ведены чисто, безъ помарокъ, а гдѣ таковыя встрѣчаются, тамъ онѣ оговорены по надлежащему; страничные итоги и транспорты показаны правильно.

5. На всѣ расходы, произведенные редакціей, имѣются счета, росписки и другіе оправдательные документы“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 20 ноября за № 1853:

„Императорское Московское Археологическое Общество, получивъ отъ Господина Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 14 октября за № 27064 разрѣшеніе собрать въ Москвѣ съ 3-го по 6 января наступающаго 1909 года Предварительный Комитетъ для выработки Правилъ и выбора мѣста для XV Археологическаго Съѣзда, который по принятому порядку долженъ состояться въ 1911 году, имѣетъ честь покорнѣйше просить Московскую Духовную Академію командировать въ Москву къ указанному времени представителей отъ Академіи“.

Опредѣлили: Представителемъ отъ Академіи въ Предварительный Комитетъ по устройству XV Археологическаго Съѣзда назначить ординарнаго профессора по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцова*, изъявившаго на то свое согласіе, о чемъ и увѣдомить Императорское Московское Археологическое Общество.

VI. Отношеніе Костромской губернской ученой архивной коммиссіи отъ 21 октября за № 260:

„Согласно постановленію 3-го областного историко-археологическаго съѣзда, въ будущемъ 1909 году, съ 21 по 30 іюня, имѣетъ быть въ г. Костромѣ 4-й областной археологическій съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Новгородской и Ростовско-Суздальской областей и представителей архивныхъ коммиссій Имперіи.

Препровождая при семъ 5 экземпляровъ утвержденной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ программы предстоящаго съѣзда, Костромская архивная Коммиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить Московскую Духовную Академію принять участіе въ съѣздѣ и командировать своихъ представителей.

Весьма желательно, чтобы командируемыя на съѣздъ лица заблаговременно сообщили Организаціонному Комитету по устройству съѣзда темы рефератовъ, которые они намѣрены предложить вниманію съѣзда, а также увѣдомили о тѣхъ вопросахъ по археологіи и этнографіи края и архивовѣдѣнію, которые, по ихъ мнѣнію, необходимо разсмотрѣть на предстоящемъ съѣздѣ.

Ко времени съѣзда предположено устроить въ г. Костромѣ археологическую и этнографическую выставку. Въ

виду этого, Костромская архивная коммиссія покорнѣйше проситъ оказать ей содѣйствіе и въ этомъ дѣлѣ и, заблаговременно намѣтивъ для выставки наиболѣе интересные изъ находящихся въ музеѣ учрежденія предметовъ старины, списки таковыхъ выслать въ архивную коммиссію для внесенія въ каталогъ выставки, а за мѣсяцъ до съѣзда—и самые предметы, а также привлечь къ выставкѣ мѣстныхъ любителей старины—коллекціонеровъ, которые могли бы доставить на выставку находящіяся у нихъ древности, или, по крайней мѣрѣ, дать объ этихъ лицахъ нужныя свѣдѣнія коммиссіи на предметъ приглашенія ихъ со стороны послѣдней къ участію въ выставкѣ.

На выставку желательно было бы собрать: старинныя иконы, старопечатныя книги, грамоты, рукописи, картины, письма, портреты и фотографіи замѣчательныхъ мѣстныхъ уроженцевъ и общественныхъ дѣятелей, карты, гравюры, планы, коллекціи старинныхъ монетъ, медалей, жетоновъ, стариннаго оружія, предметы домашней утвари, одежды и проч.“

Опредѣлили: 1) Депутатами отъ Академіи на 4-й областной археологическій съѣздъ въ г. Костромѣ, имѣющій быть 21—30 іюня будущаго 1909 года, назначить ординарнаго профессора по каѳедрѣ церковной археологіи и литургики, Статскаго Совѣтника, *А. П. Голубцова* и экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ русской церковной исторіи, Коллежскаго Совѣтника, *С. И. Смирнова*, изъявшихъ на то свое согласіе,—о чемъ и увѣдомить Костромскую архивную коммиссію. 2) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ профессорамъ А. П. Голубцову и С. И. Смирнову пособія изъ имѣющихся въ распоряженіи Святѣйшаго Синода суммъ на путевые расходы и содержаніе въ г. Костромѣ въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду.

VII. Прошеніе исправляющаго должность доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи *П. А. Флоренскаго*:

„Въ виду нѣкоторой особенности (по формѣ) предполагаемой мною магистерской диссертаціи, заранѣе обращаюсь къ Совѣту Московской Духовной Академіи съ покорнѣйшею просьбою высказать свое принципіальное согласіе на допу-

стимость задуманной мною работы въ качествѣ сочиненія на ученую степень. Работа эта предполагается въ видѣ перевода на русскій языкъ богословско-философскихъ твореній неоплатоника Ямвлиха, при чемъ переводъ будетъ сопровождаться вступительною статьею о философіи названнаго мыслителя, подстрочными примѣчаніями и рядомъ экзегетическихъ и историко-философскихъ экскурсовъ, а также приложеніемъ параллельныхъ мѣстъ изъ другихъ мыслителей той же школы. Какъ приблизительный образецъ того, что мнѣ хотѣлось бы сдѣлать, могу указать французскій переводъ Плотиновыхъ *Эннеадъ*, исполненный Буйэ.

Прошеніе свое могу мотивировать слѣдующими доводами.

1. Въ то время какъ иностранная философская литература изобилуетъ прекрасными и, притомъ, комментированными переводами древнихъ мыслителей, русская—пустуетъ. Полагаю, что не будетъ преувеличеніемъ сказать, что едвали не всякій, занимавшійся исторіей мысли, не разъ былъ вынужденъ тратить много силъ на переводы сочиненій, которыя составляли лишь побочныя источники его изслѣдованія. Наличность же сноснаго перевода сдѣлала бы его работу болѣе сосредоточенной и потому болѣе цѣлесообразной. Нельзя забывать и того, что Академія не даетъ спеціальнаго филологическаго образованія, такъ что чтеніе греческихъ и латинскихъ подлинниковъ *для большинства* бываетъ всегда нѣсколько затруднительнымъ.

2. Переводъ твореній значительнаго мыслителя, даже при минимальной добросовѣстности, съ которою онъ сработанъ, всегда является вкладомъ въ родную письменность, тогда какъ систематическое изслѣдованіе вопроса, если оно не открываетъ горизонтовъ безусловно новыхъ,—для всякаго серьезнаго читателя всегда бываетъ лишь поводомъ къ прямому обращенію къ подлинникамъ и, слѣдовательно, имѣетъ цѣнность лишь вторичную.

3. Ямвлихъ, какъ мыслитель религіозный по преимуществу и, притомъ, подводящій итоги античному религіозному сознанію, конечно, представляетъ двойной интересъ для насъ, призванныхъ къ изученію именно богословскихъ вопросовъ.

4. Ямвлихъ былъ не только философомъ — богословомъ, но и до извѣстной степени математикомъ. Полагаю, что вник-

нуть въ это своеобразное сплетеніе темъ математики и мистики является для меня нѣкоторымъ долгомъ,—чтобы было использовано мое математическое образованіе.

5. Наконецъ, я могу указать на прецедентъ: въ Казанской Духовной Академіи уже былъ поданъ переводъ Оригенова творенія „О началахъ“ въ качествѣ магистерской диссертаціи“.

Опредѣлили: Признавая основательность мотивовъ, руководившихъ и. д. доцента Академіи П. А. Флоренскимъ при выборѣ имъ новой темы для магистерской диссертаціи, разрѣшить ему представить на соисканіе степени магистра богословія переводъ на русскій языкъ богословско-философскихъ твореній неоплатоника Ямвлиха, въ той научной постановкѣ, какая намѣчена въ его прошеніи.

VIII. Прошеніе профессорскаго стипендіата Академіи *Петра Нечаева*:

„Приступивъ къ переработкѣ своего кандидатскаго сочиненія (тема: „Германъ Ульрици. Историко-критическая монографія“) въ магистерскую диссертацію, имѣю честь просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи дозволить мнѣ провести конецъ стипендіатскаго года за-границей, въ Германіи, какъ для продолженія богословско-философскаго образованія вообще, такъ, въ частности, и для расширенія круга моихъ философскихъ познаній въ области данной темы“.

Справка: По § 17 устава духовныхъ академій отпускъ должностныхъ лицъ Академіи въ учебное время на срокъ болѣе 14 дней, но не свыше четырехъ мѣсяцевъ, зависитъ отъ Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи профессорскому стипендіату Петру Нечаеву отпуска за границу на срокъ четырехъ мѣсяцевъ (съ 15 января по 15 мая 1909 года), съ правомъ пользоваться тѣмъ окладомъ содержанія, который назначенъ ему, какъ профессорскому стипендіату.

IX. а) Представленіе библіотекаря Академіи *К. М. Попова*:

„На основаніи 53-го § инструкціи библіотекарю, имѣю честь представить отчетъ по библіотекѣ за 1907--1908 академическій годъ.

I. Въ 1907—1908 академическомъ году библіотека пополнилась 1264 названіями книгъ и журналовъ въ 4425 томахъ и тетрадяхъ. Изъ нихъ 778 названій въ 1152 томахъ и тетрадяхъ пріобрѣтены покупкой, а 486 названій въ 3273 томахъ и тетрадяхъ поступили частью въ даръ отъ разныхъ учрежденій и лицъ, частью въ обмѣнъ на академическій журналъ, частью какъ присланныя въ редакцію академическаго журнала для отзыва и частью какъ академическія изданія и диссертаціи на ученыя степени. Въ отчетномъ году пріобрѣтенъ 38-й томъ Mansi, Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio, reimpression Welter, Parisiis, 1907, два экземпляра 132 марки. Изъ пожертвованій выдаются: а) высланныя Императорской Академіей Наукъ, по просьбѣ библіотекаря, недостававшія въ библіотекѣ изданія Академіи Наукъ (см. въ спискѣ пожертвованій № 8) на сумму 345 р. 30 к.; б) Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, томы XI—XII, съ альбомами, стоящія 52 р. 50 к.; в) поступившія отъ вольнослушателя Академіи Діакона С. Фрязинова русскія книги въ количествѣ 50 названій въ 52 томахъ.

II. Профессорамъ, преподавателямъ и служащимъ въ Академіи лицамъ въ отчетномъ году выдано 5902 названія книгъ и періодическихъ изданій въ 7146 томахъ и тетрадяхъ; въ это число не входятъ книги, о которыхъ наводились справки, какъ о взятыхъ. Требовательныхъ листковъ, по которымъ студенты получаютъ книги изъ библіотеки, въ отчетномъ году израсходовано 34299, и на каждаго студента за годъ приходилось 140 отдѣльныхъ требованій.

III. Условія работы для завѣдующаго библіотекой оставались въ отчетномъ году прежними. Все время поглощалось текущими дѣлами и потому печатаніе систематическаго каталога шло съ задержкою. Въ виду послѣдняго обстоятельства предоставлено было студентамъ и профессорамъ Академіи пользоваться въ помѣщеніи библіотеки систематическимъ каталогомъ въ рукописи, на картахъ.

IV. Въ отчетномъ году изъ разныхъ книгохранилищъ и учрежденій для профессоровъ и студентовъ въ академическую библіотеку было выписано Совѣтомъ Академіи нѣсколько рукописей и книгъ, именно: изъ Императорской Публичной Библіотеки 20 книгъ въ 24 томахъ и 14 рукопи-

сей; изъ библіотеки С.-Петербургскаго Университета 1 книга; изъ библіотеки Сербской Академіи Наукъ, чрезъ Императорскую Россійскую Миссію въ Сербіи, 1 рукопись; изъ библіотеки Антоніева Сійскаго монастыря, чрезъ Архангельскій Епархіальный Церковно-Археологическій Комитетъ, 1 рукопись; изъ библіотеки С.-Петербургской Духовной Академіи двѣ книги въ 4 томахъ и 2 рукописи; изъ библіотеки Кіево-печерской Лавры 1 рукопись; изъ библіотеки Троицкаго Данилова монастыря 2 рукописи; изъ библіотеки Вологодской Духовной Семинаріи 1 рукопись; изъ Московской Епархіальной Библіотеки 2 рукописи; изъ библіотеки Московской Синодальной Типографіи 1 рукопись; изъ библіотеки Свято-Троицкой Сергіевой Лавры 1 рукопись; изъ библіотеки Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музея 11 книгъ въ 35 томахъ; изъ библіотеки Казанской Духовной Академіи 1 рукопись; изъ библіотеки Гр. П. С. Уваровой 2 рукописи; изъ Московской Синодальной библіотеки 2 рукописи; изъ Духовныхъ Консисторій: а) Симбирской—1 дѣло; б) С.-Петербургской—1 дѣло и в) Туркестанской—2 дѣла; изъ Окружныхъ Судовъ: а) Воронежскаго—1 дѣло; б) Екатеринославскаго—3 дѣла; в) Казанскаго 1 дѣло; г) Самаркандскаго—1 дѣло; д) Симбирскаго—2 дѣла въ трехъ томахъ; е) Ташкентскаго—2 дѣла. Изъ академической библіотеки въ отчетномъ году было выслано 5 рукописей и 3 книги—въ Архивъ Св. Синода—1 рукопись въ 2 томахъ; въ Синодальную библіотеку — 1 книга; въ Псковскую Духовную Семинарію 2 книги; въ Кіевскую Духовную Академію 2 рукописи; въ Общество Любителей Древней Письменности—1 рукопись и въ С. — Петербургскую Д. Академію — 1 рукопись.

Съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора Академіи частью занимались, частью осматривали академическую библіотеку: Директоръ Императорскаго Московскаго Коммерческаго Училища Профессоръ Д. В. Цвѣтаевъ, Протоіерей В. Ф. Остроуховъ, Преподаватель 5-й Московской гимназіи А. Лебедевъ, Слушательница Археологическаго Института М. С. Боровкова, Докторъ славянской филологіи Берлинскаго Университета А. Круазэ ванъ-деръ—Копъ (A. C. Croiset van-der Kop.), Преподаватель Волынской Духовной Семинаріи Ѳ. С. Владимірскій; Преподаватель Лебединской классической

гимназіи Н. М. Гальковскій, Преподаватель Псковской Духовной Семинаріи Н. И. Серебрянскій.

б) Списокъ пожертвованій, поступившихъ въ фундаментальную академическую библіотеку въ 1907—1908 учебномъ году:

1) Отъ Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, книги: а) Желательныя церковныя реформы на предстоящемъ Всероссійскомъ помѣстномъ соборѣ. Харьковъ, 1907—въ двухъ экземплярахъ; б) Багрецовъ, Очеркъ архипастырской дѣятельности Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, во время управленія Казанскою епархіею. Харьковъ, 1905; в) 1—5 годы святительскаго служенія Арсенія на Харьковской епархіи. Харьковъ, 1904—1908; г) Сборникъ церковно-патріотическихъ поученій. Харьковъ, 1905; д) Собесѣдованія Архіепископа Арсенія на XX съѣздѣ духовенства Харьковской епархіи. Харьковъ, 1907; е) Торжественное празднованіе 25-лѣтія служенія Архіепископа Арсенія въ епископскомъ санѣ. Харьковъ, 1907; ж) Къ 25-лѣтію архіерейскаго служенія въ священномъ санѣ Архіепископа Арсенія, Харьковъ, 1908. з) Празднованіе 40-лѣтія священнослуженія Архіепископа Арсенія. Харьковъ, 1908; и) Къ 40-лѣтію служенія въ священномъ санѣ Архіепископа Арсенія. Харьковъ, 1908.

2) Отъ Димитрія, Архіепископа Казанскаго, книги: а) Яблоковъ, Село Болгары. Казань, 1905; б) Уставъ церковнаго историко-археологическаго общества Казанской епархіи. Казань, 1906; в) Открытіе церковнаго историко-археологическаго общества. Казань, 1907; г) Поминовеніе св. патріарха Гермогена въ Казани. Казань, 1907; д) Поминовеніе св. патріарха Гермогена и воспоминаніе о немъ въ Казани. Казань, 1907; е) Св. патріархъ Гермогенъ. Казань, 1907; ж) Яблоковъ, Г. Свіяжскъ. Казань, 1907.

3) Отъ Никанора, Епископа Пермскаго—брошюры: а) Какоринъ, Пермскій пѣснословецъ. Пермь, 1907; б) Св. Герасимъ, Питиримъ и Іона. Пермь, 1908; в) Анисимовъ, Гимны святителямъ Пермскимъ: Герасиму, Питириму и Іонѣ. Пермь, 1908; г) Пермское посланіе архипастыря. Пермь, 1908.

4) Изъ Архива Государственнаго Совѣта—Опись дѣлъ Архива, т. 1-й. Спб., 1908.

5) Изъ Государственной Думы—Стенографическій отчетъ

Государственной Думы. 3-й созывъ. Сессія 1. Засѣданія 1—84.

6) Изъ Канцеляріи Св. Синода—Журналы и протоколы засѣданій Предсоборнаго Присутствія, т. 1—4. Спб. 1906—1907.

7) Изъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ — а) Сводъ Законовъ, т. 1, ч. 2. Изд. 1907 г. Спб.—въ двухъ экземплярахъ; б) Циркуляръ по духовно-учебному вѣдомству, № 23. Спб., 1907—въ двухъ экземплярахъ; в) Карта епархій Православной Русской Церкви: аа) Европейская Россія и бб) Азіатская Россія. Спб., 1906.

8) Изъ Императорской Академіи Наукъ—а) Записки по физико-математическому отдѣленію 8-я серія томы I—X, въ 72 тетрадяхъ, и томы XVIII, 2—6; XX, 6—11; XXI, 1—2; XXII, 1—9; Спб. 1894—1908; б) Записки по историко-филологическому отдѣленію, 8-я серія, томы I—IV, въ 22 тетрадяхъ, и томы VIII, 5—8; IX, 1. Спб., 1895—1908; в) Извѣстія (Bulletin) Академіи Наукъ, 5 серія, томы IV—XXV, въ 103 томахъ. Спб., 1896—1906; г) Извѣстія (Bulletin) Академіи Наукъ, 6 серія, 1907 г., т. II, №№ 12—18; 1908 г., т. I, №№ 1—10; д) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. XII, кн. 1—4. Спб., 1907—1908; е) Сборникъ Академіи Наукъ, т. 82—83. Спб., 1907; ж) Ломоносовъ, Сочиненія, томы 1—4. Спб., 1891—1895, въ двухъ экземплярахъ; з) Письма и бумаги Императора Петра Великаго, т. 5. Спб., 1907; и) Буслаевъ, Сочиненія, т. 1. Спб., 1908; і) Пушкинъ, Сочиненія: Переписка, т. 2. Спб., 1908; к) Сборникъ статей посвященныхъ Ламанскому, 1—2. Спб., 1907—1908; л) Россія и Италія, 1: 1 и 2: 1. Спб., 1907—1908; м) семь разныхъ отчетовъ. Спб. 1907—1908.

9) Изъ Императорской Археологической Коммиссіи—а) Матеріалы по археологіи Россіи, № 32. Спб. 1907; б) Отчетъ Коммиссіи за 1904 г. Спб., 1907; в) Извѣстія Коммиссіи, вып. 20; 21, 1—2; 22, 1—2; 23 и 24. Спб., 1906—1907.

10) Изъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества—а) Труды 13 Археологическаго Съѣзда, т. 1. Москва, 1907; б) Древности, т. 21: 2. Москва, 1907; в) Древности Восточныя 3: 1. Москва, 1907; г) Правила 14-го Археологическаго Съѣзда въ Черниговѣ въ 1908 г. Москва, 1906, въ двухъ экземплярахъ.

11) Изъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества—Записки Отдѣленія русской и славянской археологіи т. 7, в. 2. Спб., 1907.

12) Изъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея—Отчетъ Музея за 1906 г. Москва, 1907.

13) Изъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—Чтенія въ Обществѣ 1907 г., кн. 2—4 и 1908 г., кн. 1—2.

14) Изъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества—а) Систематическій каталогъ библіотеки Общества т. 2. Спб., 1907; б) Дмитріевскій, Праздникъ Богоявленія на рѣкѣ Іордани. Спб., 1907; в) Дмитріевскій, Праздникъ Срѣтенія Господня. Спб., 1907; г) Дмитріевскій, Праздникъ Рождества Христова въ вертепѣ Виѳлеемскомъ. Спб., 1907; д) Сообщенія Общества 1907 и 1908.

15) Изъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III — а) Витте, Кириллъ и Меѳодій. Спб., 1908; б) Изданія Общества. Спб., 1908, въ двухъ экземплярахъ.

16) Изъ Коммиссіи по изученію памятниковъ церковной старины г. Москвы—Пещное дѣйство. Москва, 1907.

17) Изъ Церковно-Археологическаго Отдѣла Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія — а) Бѣляевъ, Московскій митрополитъ Филаретъ въ его литургической дѣятельности. Москва, 1908; б) Отчетъ Отдѣла за 1907 г. Москва, 1908.

18) Изъ Императорскаго Варшавскаго Университета—а) Давыдовъ, Учебникъ фармаціи, ч. II, в. 2. Варшава, 1908; б) Извѣстія 1907 г., в. 3—4.

19) Изъ Императорскаго Казанскаго Университета—а) Петровскій, Первые годы дѣятельности Копитаря. Казань, 1906; б) Бекъ, Къ физіологіи гладкихъ мускуловъ. Казань, 1907; в) Адамюкъ, Мѣстный амилоидъ глаза. Казань, 1907.

20) Изъ Императорскаго Московскаго Университета — Отчетъ за 1907 г., ч. 1. Москва, 1908.

21) Изъ Императорскаго Новороссійскаго Университета— а) Записки Университета, томы 108 — 110. Одесса, 1907—1908; и б) Журналы Совѣта за весеннее полугодіе 1907 г. Одесса, 1907.

22) Изъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета— а) Записки историко—филологическаго факультета, ч. 85—

87. Спб., 1907—1908; б) Обозрѣніе преподаванія на 1907—1908 г. Спб., 1907; в) Списокъ книгъ пріобрѣтенныхъ библіотекой Университета за 1904—1906 г. Спб. 1907; г) Отчетъ Университета за 1907 г. Спб., 1908.

23) Изъ Императорскаго Томскаго Университета—Извѣстія Университета, кн. 29. Томскъ, 1907.

24) Изъ Императорскаго Юрьевскаго Университета—а) Сборникъ Учено-Литературнаго Общества, т. XI — XII. Юрьевъ, 1907; б) Ученыя Записки 1907 г., №№ 4 — 9, и 1908 г., №№ 1—4.

25) Изъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ—Извѣстія Института, томы XI—XII, съ атласами. Софія, 1906—1907.

26) Изъ Восточнаго Института во Владивостокѣ—Извѣстія Института, томы XXI, XXII и XXVI: 1. Владивостокъ, 1907—1908.

27) Изъ Университета въ Черновцахъ (Czernowitz)—а) Verzeichnis der öffentl. Vorlesungen im Wintersemester 1907—1908 г. и in Sommersemester 1908; б) Personalstand im Studienjahre 1907—1908. Czernowitz; в) Die feierliche Inauguration f. d. 1907—1908. Czernowitz, 1907.

28) Изъ Казанской Духовной Академіи—а) Александровъ, Исторія еврейскихъ патріарховъ. Казань, 1901; б) Григорьевъ, Пророчества Исаіи. Казань, 1901 (1902); в) Керенскій, Школа Ричліанскаго богословія. Казань, 1903; г) Крестниковъ, Философъ Аристидъ. Казань, 1904; д) Годичный актъ 8 Ноября 1907 г. Казань, 1907.

29) Изъ Кіевской Духовной Академіи—а) Мищенко, Рѣчи Ап. Петра въ кн. Дѣяній. Кіевъ, 1907; б) Родниковъ, Первая книга Маккавеевъ. Кіевъ, 1907; в) Савинскій, Эсхаталогическая бесѣда Христа. Кіевъ, 1906: г) Знаменскій, Ученіе Іоанна Б. о лицѣ Христа. Кіевъ, 1907; д) Покровскій, Казанскій архіерейскій домъ. Казань, 1906, е) Покровскій, Средства и штаты великорусскихъ архіерейскихъ домовъ. Казань, 1907; ж) Шпачинскій, Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій. Кіевъ, 1907; з) Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Кіевской Д. Академіи за 1906—1907 г. Кіевъ, 1907; и) Рѣчь и отчетъ 1906—1907 г. Кіевъ, 1907.

30) Изъ С.-Петербургской Духовной Академіи — Описаніе

рукописей Спб. Д. Академіи. Софійская библіотека, в. II. Спб. 1907.

31) Изъ Управленія Виленскаго Учебнаго Округа—а) Отчетъ Виленской Публичной Библіотеки и Музея за 1907 г. Вильна, 1908; б) Отчетъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ за 1907 г. Вильна, 1908.

32) Изъ Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа—а) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, в. 37. Тифлисъ, 1907; б) Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго Учебнаго Округа за 1907 г. Тифлисъ, 1908.

33) Изъ Коммиссіи по международному обмѣну—а) Aulén, Reuterdahls teologiska askadning. Stockholm, 1907; б) Uppsala Universitets Arsskrift 1906—1907 и Skriften med anledning of Linnéfesten, 1—2. Uppsala, 1906—1907.

34) Изъ Омскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ за 1905—1906 г. Омскъ, 1907.

35) Изъ Ярославскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ за 1906—1907 г. Ярославль, 1908.

36) Изъ Крестовоздвиженскаго Трудового Братства—а) Неплюевъ, Сочиненія, 1—5. Спб., 1901—1908; б) Неплюевъ, Война или миръ? Спб., 1904; в) Неплюевъ, Открытое письмо къ учащейся молодежи. Спб., 1906; г) Неплюевъ, Партія мирнаго прогресса. Изданіе 4-е. Глуховъ, 1906; д) Неплюевъ, Воззваніе къ друзьямъ свободы и порядка. Спб., 1907; е) Неплюевъ, Ко всѣмъ вѣрующимъ. Спб., 1907; ж) Неплюевъ, 19-е Февраля и Крестовоздвиженская община. Спб., 1905; з) Неплюевъ, По поводу докладовъ „Война или миръ“ и „Вѣра и жизнь“. Спб., 1905; и) Неплюевъ, Вѣра и жизнь. Спб., 1905; і) Неплюевъ, Голосъ вѣрующаго міряпина. Спб., 1905; к) Письмо Трудового Братства къ жителямъ села Гремячки. Черниговъ, 1907; л) Неплюевъ, Путь вѣры. Сергіевъ Посадъ, 1907.

37) Отъ Епископа Евдокима, Ректора Академіи—его журналъ: „Христіанинъ“ 1907 г. №№ 9—12, и 1908 г. №№ 1—7; и двѣнадцать брошюръ—оттисковъ изъ журнала „Христіанинъ“.

38) Отъ почетнаго члена Академіи Академика Е. Е. Голу-

бинскаго—его брошюры: а) Къ вопросу о церковной реформѣ. Москва, 1906; б) По поводу перестроя В. Н. Ламанскимъ Исторіи Константина Философа. Спб., 1907; в) Херсонесскіе священномученики. Спб., 1907.

39) Отъ почетнаго члена Академіи профессора Московскаго Университета А. П. Лебедева—его брошюры: а) Въ защиту Филарета, митр. Московскаго, отъ нападокъ историка С. М. Соловьева. Москва, 1907, и б) Къ моей учено-литературной автобіографіи. Сергіевъ Посадъ, 1907, два экз.

40) Отъ Академическаго корпораціоннаго товарищества по выпискѣ журналовъ—журналы 1907 г.: а) Русское Богатство №№ 1—12; б) Былое №№ 1—8, 10; в) Трудовой Путь №№ 1—6, 8—12; г) Новый журналъ литературы, искусства и науки №№ 1—12; д) Современный Міръ №№ 1—12; е) Русская Мысль №№ 1—12; ж) Образованіе №№ 1—12.

41) Отъ и. д. доцента Академіи Е. А. Воронцова—Троицкій, Грамматика еврейскаго языка, изд. 2-е. Спб., 1908.

42) Отъ проф. Демидовскаго Лицея П. В. Гидулянова—его журналъ: Юридическая Библіографія 1907 г. №№ 2—4.

43) Отъ проф. Академіи С. С. Глаголева—его брошюра: Мистеріи на берегахъ Конго. Сергіевъ Посадъ, 1908.

44) Отъ проф. С.-Петербургской Духовной Академіи Н. Н. Глубоковскаго—его брошюра: Своеобразная защита Учебнаго Комитета. Спб., 1908.

45) Отъ и. д. доцента Академіи И. М. Громогласова—его брошюра: Новое изслѣдованіе о Московскомъ митрополитѣ Платонѣ. Москва, 1907.

46) Отъ профессора Московскаго Университета П. Новгородцева—его книга: Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. Москва, 1901.

47) Отъ проф. Академіи А. И. Покровскаго—его брошюра: Брандъ. Сергіевъ Посадъ, 1907.

48) Отъ В. К. Саблера—его книга: О мирной борьбѣ съ соціализмомъ, т. 2. Спб. 1908.

49) Отъ Академика А. И. Соболевскаго—его Новый сборникъ палеографическихъ снимковъ съ русскихъ рукописей XI—XVIII в. Спб., 1906.

50) Отъ и. д. доцента Академіи свящ. Д. В. Рождественскаго — его брошюры: а) Англійскій проповѣдникъ Сперджонъ. Сергіевъ Посадъ, 1908; б) Сатирическій эле-

ментъ въ бесѣдахъ Іоанна Златоуста. Сергіевъ Посадъ, 1908, два экз.

51) Отъ проф. Академіи С. П. Смирнова—а) изданное имъ Житіе преп. Даніила Переяславскаго. Москва, 1908, два экз. и б) книга Добронравова, Исторія Троицкаго Данилова монастыря. Сергіевъ Посадъ, 1908.

52) Отъ Хранителя Ольмюцкаго Музея Fr. Snopek'a—а) его книги: аа) List papeza Hadriana II. Olomouci, 1897; бб) O pravomocnosti sv. Cyrilla a Methodêje. U Praze, 1900; вв) Studie Cyrillo-methodêjské. V Brne, 1906; гг) Methodus Slavorum Apostolus. Pragae B., 1908; дд) Konstantin a Methodêj. Olomouci, 1908; и б) книга: Wilpert, Malby v drevní basilice Sv. Klimenta. Kromeriz, 1906.

53) Отъ А. А. Титова изъ Ростова—въ его переводѣ книга. Гиршбергъ, Марина Мнишекъ. Москва, 1908.

54) Отъ библіотекаря Казанской Духовной Академіи Ѳ. И. Троицкаго—его брошюра: Пасхальная вечеря и Нагорная бесѣда Христа. Изданіе 2-е. Казань, 1907.

55) Отъ и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкаго—книга: *Νιστσινσκη, Γραμματικη της ρωσσικης γλωσσης. Εν Οδησσῳ*, 1874.

56) Отъ Директора Императорскаго Коммерческаго Училища проф. Д. В. Цвѣтаева—его брошюра: Въ школѣ, 2. Москва, 1908.

57) Отъ Директора Румянцовскаго Музея Проф. И. В. Цвѣтаева брошюра: Музей изящныхъ искусствъ имени Импер. Александра III. Москва, 1908.

58) Отъ П. И. Щукина—его изданіе: Щуканскій сборникъ, 7. Москва 1907.

59) Отъ Архимандрита Хрисостома А. Пападопуло — его книги: а) *Ιστοριχαι μελεται. Εν Ιεροσολυμοις*, 1906; б) *Δοσιθεος πατρ. Ιεροσολυμων. Εν Ιεροσ.*, 1907; в) *Οι πατριαρχαι Ιεροσολυμων. Εν Ιεροσ.*, 1907.

60) Отъ свящ. С. В. Касаткина—книга: Архим. Николай, Историко-статист. описаніе Минской епархіи. Спб., 1864.

61) Отъ свящ. А. Попова—его книга: Латинская Іерусалимская патріархія эпохи крестоносцевъ, 1—2. Спб., 1903.

62) Отъ прот. С. Остроумова—его книга: Письма о православномъ благочестіи. Изданіе 2-е. Спб., 1907.

63) Отъ свящ. С. В. Страхова — его брошюры: а) Въ какомъ году правильнѣе праздновать 500-лѣтіе со дня преставленія преп. Саввы Сторожевскаго. Москва, 1907; б) Какъ

мы изучали догматику. Москва, 1906; в) 501-е „лѣто“ въ жизни Саввина Сторжевскаго монастыря. Москва, 1899.

64) Отъ Н. М. Боголюбова, Преподавателя Нижегородской Духовной Семинаріи—его брошюра: Твореніе и искупленіе. Н.-Новгородъ, 1906.

65) Отъ К. Е. Евсѣева. Преподавателя Витебской Духовной Семинаріи—его брошюра: Судьбы школьнаго просвѣщенія въ Сѣверо-Западной Руси. Витебскъ, 1908.

66) Отъ П. С. Горючко изъ Гаги—его брошюры: а) Боболуцкое духовное училище. Витебскъ, 1905; б) Документы къ исторіи Могилевской духовной семинаріи (1758—1810). Могилевъ, 1907; в) Дѣло Васильевскаго съ архіеп. Георгіемъ Конисскимъ. Спб. 1908.

67) Отъ А. Е. Крымскаго—его брошюра: Къ описанію арабскихъ рукописей. Москва, 1907.

68) Отъ А. Нечаева, Преподавателя Тамбовской Духовной Семинаріи—его брошюра: Бесѣда Христа съ Никодимомъ. Тамбовъ, 1907.

69) Отъ Й. П. Николина, Преподавателя Виѳанской Духовной Семинаріи — его брошюра: Что такое нравственность? Москва, 1908.

70) Отъ Н. И. Остроумова, Преподавателя Рязанской Духовной Семинаріи—его брошюра: Миссонерскій съѣздъ въ Н.-Новгородѣ въ 1907 г. Рязань, 1908.

71) Отъ Н. П. Попова, Библіотекаря Московской Синодальной Библіотеки—его книга: Рукописи Московской Синодальной Библіотеки, в. 1: Новоспасское собраніе. Москва, 1906.

72) Отъ А. Тихова, Преподавателя Нижегородской Духовной Семинаріи—его книги: а) Нижегородская Духовная Семинарія въ 1840—1851 г. Н.-Новгородъ, 1903; б) Краткая историческая записка Нижегородской Духовной Семинаріи. Н.-Новгородъ, 1905; в) Нижегородская дух. Семинарія въ 1818—1840 гг. Н.-Новгородъ, 1905.

73) Отъ студента LXIII к. Академіи И. Беневоленскаго—книги: а) Торжество Евангелія, 1—3. Спб., 1821; б) Страданія Христа, 1—2. Изд. 3-е. Москва, 1817—1818; в) Де-Саль, Руководство къ благочестивой жизни, 3. Москва, 1819.

74) Отъ студента LXVI к. Академіи В. Давидовича—литографированные курсы лекцій проф. А. И. Введенскаго и проф. А. И. Покровскаго. 1907—1908 г.

75) Отъ студента LXIV к. Академіи Н. Кудрявцева—его брошюра: Ученіе Златоуста о богатствѣ и его соціальный идеалъ. С. Посадъ, 1907.

76) Отъ студента LXIII курса И. Обновленскаго—а) Русскій Вѣстникъ 1857 г. 9 томъ въ кор. и кн. 5: 2 въ бум.; б) Библіотека для чтенія 1847 г. томы 83—85; в) Истина, кн. 51; и г) рукопись: Theologia Christiana Orthodoxa XVIII в.

77) Отъ студента LXV курса Вл. Троицкаго—Антоній Архіеп. Волынскій, Полное собраніе сочиненій, т. 4. Почаевъ, 1906.

78) Отъ студента LXIII курса П. Флоренскаго—въ его переводѣ книга: Зомъ, Церковный строй въ первые вѣка христіанства. Москва 1906.

79) Отъ вольнослушателя Академіи Діакона С. Фрязинова 50 названій книгъ въ 52 томахъ, и 1 рукопись новаго письма.

80) Отъ кандидата LXII курса В. Чистякова—его брошюры: а) Къ біографіи П. Я. Чаадаева. Спб., 1907; б) Новые матеріалы о Н. И. Надеждинѣ. Спб., 1908.

81) Съ почты, отъ разныхъ учрежденій и лицъ, получены слѣдующія книги и брошюры: а) Меліоранскій, О троичности. Спб., 1907; б) Меліоранскій, Теоретическая философія С. Н. Трубецкого. Москва, 1906; в) Степановъ, Новый стиль и православная пасхалія. Москва, 1907; г) Астровъ, По поводу книги Н. Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ". Москва, 1908; д) К. Благовѣрная княгиня Анна Кашинская, Ярославль, 1908. Два экз.; е) Православное Братство въ борьбѣ за вѣру Православную и Русскую народность. Книгоиздательство „Союза Русскихъ Людей", Москва, 1906; ж) Отчетъ Пекинской Духовной Миссіи за 1907 г. Пекинъ, 1908; з) По поводу отчета Пекинской Духовной Миссіи за 1907 г. Пекинъ, 1908.

82) Отъ библіотеки студентовъ Академіи—а) Лекціи по церковной исторіи проф. А. А. Спасскаго 1907—1908 г., литограф. курсъ; б) Конспектъ лекцій по патрологіи проф. И. В. Попова 1907—1908 г., литограф. курсъ; в) 40 названій Епархіальныхъ Вѣдомостей 1907 и 1908 г.

83) Получались въ даръ слѣдующія періодическія изданія въ 1907 и 1908 г.: 1) Allgemeine Bibliographie (190 и 1908 г.); 2) Monthly Gasette of current Literature (1907 и 1908 г.); 3) Wöchentliches Verzeichniss (1907 и 1908 г.); 4) Pareistizigo Latwe

eschu Wehstnesis (1907 и 1908 г.); 5) Српски Спон (1907 и 1908 г.); The Church Union Gazette (1907 г.); 7) Вѣстникъ „Народного Дома“ (1907 и 1908 г.); 8) Американскій Православный Вѣстникъ (1907 и 1908 г.); 9) Церковно-Общественная Жизнь (1907 г.); 10) Церковно-Общественная Мысль 1908 г. №№ 1—2; 11) Братскій Листокъ и Россіянинъ (1907 и 1908 г.); 12) Колоколъ (1908 г.); 13) Руководство для сельскихъ пастырей (1907 и 1908 г.); 14) Душеполезное Чтеніе (1907 г.); 15) Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата (1907 и 1908 г.); 16) Саратовскій Духовный Вѣстникъ (1907 и 1908 г.); 17) Нижегородскій Церковно-Общественный Вѣстникъ (1907 и 1908 г.); и Епархіальныя Вѣдомости: 18) Архангельскія (1907 и 1908 г.); 19) Благовѣщенскія (1907 и 1908 г.); 20) Волынскія (1907 и 1908 г.); 21) Екатеринбургскія (1907 и 1908 г.); 22) Кишиневскія (1907 г.); 23) Оренбургскія (1907 и 1908 г.); 24) Орловскія (1907 и 1908 г.); 25) Ставропольскія (1907 и 1908 г.); 26) Тверскія (1907 и 1908 г.); 27) Уфимскія (1907 и 1908 г.); 28) Якутскія (1907 и 1908 г.) и 29) Ярославскія (1907 и 1908 г.).

Справка: По § 52 инструкціи библіотекарю Академіи: „Ревизія библіотеки производится ежегодно двумя депутатами изъ наставниковъ Академіи, назначаемыми въ началѣ или концѣ каникулъ. Впрочемъ, Совѣтъ можетъ назначить и всякое другое время, необходимое, по его усмотрѣнію, для освидѣтельствованія“.

Опредѣлили: 1) Поручить произвести слѣдующую ревизію академической библіотеки экстраординарному профессору Академіи *П. П. Соколову* и доценту *А. П. Орлову*.—2) Жертвователямъ выразить отъ лица Совѣта Академіи глубокую благодарность.

X. Отношенія:

а) Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета, отъ 7 декабря за № 12654, съ возвращеніемъ принадлежащаго академической библіотекѣ списка Хроники Георгія Амартола (№ 8 (100), XIII в., на 273 л.л.), высланнаго въ Правленіе Университета при отношеніи Совѣта Академіи отъ 13 января 1904 года за № 12.

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 10 декабря за № 1958, съ увѣдомленіемъ о полученіи воз-

вращенной Совѣтомъ Академіи „Книги Степенной Царскаго Родословія (въ II частяхъ)“, принадлежащей Лаврской библіотекѣ.

в) Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 25 ноября за № 1672, съ увѣдомленіемъ о полученіи рукописи за № $\frac{2017}{51}$: „Возраженія противу „Пращицы Питирима“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XI. Отношенія:

а) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 13 октября и 11 ноября за №№ 1510 и 1670, при которыхъ препровождены, для научныхъ занятій г.г. профессоровъ и студентовъ Академіи, книги:

1. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣлу этнографіи, т. 8-й. СПБ. 1878.
2. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum II. (1903).
3. Erdbebenwarte. III. (1903—1905).
4. Maimbourg. Nistoires du schisme des Grecs. Paris. 1686.
5. Baxmann. Die Politik der Papste. B. II.
6. Hankii, M. De Scriptoribus rerum byzantinarum. Lipsiae. 1677.
7. Lammer, N. Der Papst Nikolaus I и
8. Журналъ „Revue des études juives за 1890 и 1891 г.г. (4 тома).

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 4 декабря за № 1934, съ препровожденіемъ, для той же цѣли, двухъ рукописей Лаврской библіотеки за №№ 9 и 144 (Іоанна Златоустаго и другихъ—поученія).

Справка: Вышеозначенныя книги, журналъ и рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную библіотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношенія:

а) Г. Ректора Императорскаго Юрьевскаго Университета, отъ 12 ноября за № 2693:

„Отъ имени Правленія Императорскаго Юрьевскаго Университета имѣю честь обратиться въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи съ покорнѣйшею просьбою о высылкѣ на три мѣсяца изъ библіотеки Московской Духовной Академіи славянской рукописи бывш. Св. Троицкія Сергіевы

Лавры, бумажной, отд. II, № 9 (13), описанной въ трудѣ архимандрита Леонида „Свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ“, вып. II, стр. 25—26.

Рукопись эта необходима ординарному профессору М. Н. Крашенинникову для изданія находящагося въ ней на лист. 564—575 поученія на память Св. Константина и Елены въ подготовляемомъ имъ къ печати собраніи житій Св. Константина и Елены“.

б) Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 27 ноября за № 1651:

„Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи выслать для научныхъ занятій студента IV курса Академіи свящ. Т. Лященко принадлежащую библіотекѣ Московской Академіи книгу подъ заглавіемъ: Tillemont, Mémoires pour servir a l'histoire ecclésiastique, t. XIV“.

в) Совѣта 2-го Кіевскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства, отъ 3 декабря за № 1045:

„Совѣтъ 2-го Кіевскаго Женскаго Училища духовнаго вѣдомства имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ выслать Совѣту Училища изъ библіотеки Московской Духовной Академіи на двухнедѣльный срокъ книгу—Букварь, изданный Поликарповымъ въ 1701 году,—значущуюся въ библіотекѣ Академіи по Библіографіи Ундольскаго и необходимую преподавателю училища Виктору Петровичу Родникову для составленія курса Исторіи Русской Педагогики для воспитанницъ педагогическаго класса“.

Опредѣлили: Выслать въ Правленіе Императорскаго Юрьевскаго Университета и въ Совѣты Кіевской Духовной Академіи и 2-го Кіевскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства означенныя въ отношеніяхъ рукопись и книги на испрашиваемые сроки.

XIII. Отношеніе Г. и. д. Предсѣдателя состоящаго при Кашинской Городской Управѣ Комитета по устройству предстоящихъ торжествъ открытаго чествованія Св. Мощей Благовѣрной Великой Княгини Анны Кашинской отъ 25 октября за № 52:

„Согласно своему постановленію отъ 18-го сего октября

1908 года, Комитетъ по устройству предстоящаго торжества открытаго чествованія мощей Св. Благовѣрной Великой Княгини Анны Кашинской обращается къ Вашему Преосвященству съ почтительнѣйшей просьбой оказать Комитету свое просвѣщенное содѣйствіе въ его заботахъ о составленіи церковной службы и житія Святой Княгини Анны и для сего прислать Комитету на трехмѣсячный срокъ хранящуюся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи подъ № 349 рукопись: „Житіе и подвиги Великія Княгини Инокини Анны, Кашинскія Чудотворицы".

По истеченіи указаннаго срока рукопись съ благодарностію будетъ отослана обратно, причемъ отвѣтственность за цѣлость и сохранность рукописи Комитетъ всецѣло принимаетъ на себя".

Опредѣлили: Увѣдомить Г. и. д. Предсѣдателя Комитета, что рукописи академической библіотеки высылаются лишь въ ученыя учрежденія, имѣющія особыя, спеціально приспособленныя помѣщенія для храненія и пользованія рукописями, и предложить ему, въ случаѣ крайней необходимости, поручить довѣренному лицу снять въ академической библіотекѣ копію или сдѣлать выписки изъ рукописи подъ № 349, тѣмъ болѣе, что она очень невелика по объему и написана четкимъ почеркомъ.

XIV. Отношенія: а) Самарскаго Окружнаго Суда, отъ 6 ноября за № 24839 и б) Г. Предсѣдателя Тамбовскаго Окружнаго Суда, отъ 18 ноября за № 1786, съ просьбой о возвращеніи дѣлъ о русскихъ сектантахъ, присланныхъ для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи *Д. Г. Коновалова.*

Справка: Д. Г. Коноваловъ просилъ продлить ему срокъ пользованія означенными дѣлами до февраля мѣсяца будущаго 1909 года, на что Г. Предсѣдатель Тамбовскаго Окружнаго Суда, отношеніемъ отъ 4 сего декабря за № 1843, уже и изъявилъ свое согласіе.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XV. Представленіе библіотекаря Академіи *К. М. Попова:* „Честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи выборъ и назначеніе къ выпискѣ въ библіотеку на будущій 1909 годъ періодическихъ изданій. Прилагаю спи-

сокъ періодическихъ изданій, получавшихся въ библіотеку въ 1908-мъ году".

Опредѣлили: Поручить библіотекарю Академіи К. М. Попову выписать для академической библіотеки на 1909-й годъ слѣдующія изданія:

А. Русскія:

1. Русскій Архивъ.
   Русскій Врачъ.
   Вѣстникъ Воспитанія.
   Вѣстникъ Европы.
5. Историческій Вѣстникъ.
   Правительственный Вѣстникъ.
   Русскій Филологическій Вѣстникъ.
   Филологическія Записки.
   Нива.
10. Русская Старина.
11. Русская Школа.

Б. Иностранныя:

12. Archiv für Geschichte der Philosophie.
    Archiv für katholisches Kirchenrecht.
    Archiv für Papyrusforschung.
15. Archiv für slavische Philologie.
    Archiv für systematische Philosophie.
    Archiv für gesamte Psychologie.
    Archives de Psychologie.
    Beitrage zur Förderung christlicher Theologie.
20. Beweis des Glaubens.
    Expositor.
    Jahrbuch des Vereins für wissenschaftliche Pädagogik.
    Jahresberichte über die Fortschrifte der klassischen Altertumswissenschaft.
    Jahresberichte für neuere deutsche Literaturgeschichte.
25. Journal de Psychologie.
    Journal of theological Studies.
    American Journal of religions psychology and education.
    Hibbert Journal.
    International Journal of ethics.
30. Kantstudien (mit Ergänzungcheften).
    Theologische Literaturzeitung.

Mind.
Monatschrift für Pastoraltheologie.
Natur und Offenbarung.
35. Oriens christianus.
Theologische Quartalschrift.
Theologisch—praktische Quartalschrift.
Revue de l'art chretien.
Revue biblique.
40. Revue des deux mondes.
Revue des études juives.
Revue d' histoire ecclesiastique.
Revue d' histoire litteraire de la France.
Revue de l'histoire des religions.
45. Revue de metaphysique et de morale.
Revue de l' orient chretien.
Revue philosophique.
Revue des questions scientifiques.
Revue scientifique.
50. Psychologische Studien.
Theologische Studien und Kritiken.
Expository Times.
Vierteljarschrift für wissenschaftliche Philosophie.
Zeitschrift für Assyriologie (mit Beiheften).
55. Zeitschrift für Kirchengeschichte.
Zeitschrift fur vergleichende Litteraturgeschichte.
Zeitschrift für Psychologie.
Zeitschrift für Religionspsychologie.
Zeitschrift für wissenschaftlihe Theologie.
60. Zeitschrift für alltestamentliche Wissenschaft (mit Beiheften).
Zeitschrift für neutestamentliche Wissenschaft.
Byzantinische Zeitschrift.
63. Deutshe Zeitschrift für Kirchenrecht.

XVI. Заявленіе и. д. доцента Академіи по каѳедрѣ исторіи философіи *П. А. Флоренскаго*:

„Въ виду того, что изученіе современной философіи ставитъ изслѣдователю непремѣннымъ условіемъ быть на высотѣ уровня современной математики и физико-математическихъ дисциплинъ или, въ крайнемъ случаѣ, хотя бы быть знакомымъ съ новѣйшими изслѣдованіями въ области этихъ

наукъ, я покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи обратить вниманіе на крайнюю необходимость нѣсколько пополнить въ сказанномъ отношеніи Академическую Библіотеку и выписать хоть одинъ математическій журналъ. Средства каѳедры по исторіи философіи не дозволяютъ выписать журнала на счетъ каѳедры, потому что ихъ мало даже на выписку собственно-философскихъ произведеній.

Какъ мѣру ближайшую я предложилъ бы Совѣту ходатайствовать предъ Московскимъ Математическимъ Обществомъ о безплатной высылкѣ въ Академію періодическаго органа Общества („Математическій Сборникъ"), а также о пожертвованіи въ Академическую Библіотеку „Математическаго Сборника" за старые годы".

Опредѣлили: Соглашаясь съ предложеніемъ и. д. доцента П. А. Флоренскаго, просить Г. Предсѣдателя Математическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ: не найдетъ ли онъ возможнымъ высылать въ Академію, безплатно, періодическій органъ Общества, а также пожертвовать въ академическую библіотеку „Математическій Сборникъ" за прежніе годы".

XVII. Отношеніе Г. и. д. Ректора Императорскаго Новороссійскаго Университета отъ 27 ноября за № 12167:

„Согласно заявленію орд. проф. П. Я. Борисова, Медицинскій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета возбудилъ ходатайство предъ Совѣтомъ университета по вопросу о пользованіи для научныхъ цѣлей книгами и журналами библіотекъ другихъ университетовъ и учрежденій.

Заслушавъ означенное ходатайство вмѣстѣ съ отзывомъ Библіотечной Коммиссіи, Совѣтъ Новороссійскаго университета постановилъ: „принять и утвердить выработанныя Коммиссіей правила для обмѣна изданій, книгъ и журналовъ, высылаемыхъ во временное пользованіе членовъ различныхъ ученыхъ учрежденій, главныя основанія коихъ сводятся къ слѣдующему:

а) Желающій получить книгу или журналъ изъ какого-либо учрежденія заявляетъ о своемъ желаніи библіотекарю этого учрежденія и указываетъ, откуда можетъ быть выписана требуемая книга;

б) Библіотекарь, получившій такое требованіе, представляетъ его Правленію съ ходатайствомъ о выпискѣ заказа изъ указаннаго учрежденія;

в) Правленіе этого учрежденія, получивъ просьбу о высылкѣ книги для временнаго пользованія, передаетъ таковую для исполненія своему библіотекарю;

г) Библіотекарь даннаго учрежденія, получивъ заказъ, послѣ наведенія справки о неимѣніи препятствій къ высылкѣ книги въ другой городъ у члена Библіотечной Коммиссіи по соотвѣтствующей спеціальности, передаетъ затребованныя книги или журналы Правленію своего учрежденія для отправки по назначенію;

Книги или журналы посылаются на срокъ не болѣе двухъ недѣль, не считая времени пересылки;

Пересылка рукописей и uniса производится съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія на основаніи существующихъ библіотечныхъ правилъ;

Въ случаѣ несвоевременнаго возвращенія книгъ или журналовъ, таковые считаются утраченными и пріобрѣтаются за счетъ лица, не возвратившаго книгу.

И кромѣ того Совѣтъ университета постановилъ войти въ сношеніе со всѣми высшими учебными заведеніями и другими учрежденіями Имперіи, владѣющими библіотеками, съ предложеніемъ вступить въ обмѣнъ печатными и письменными изданіями на вышеуказанныхъ началахъ.

Сообщая о таковомъ постановленіи Совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, имѣю честь просить о послѣдующемъ меня увѣдомить".

Опредѣлили: Увѣдомить Г. Ректора Императорскаго Новороссійскаго Университета, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 20 января—7 февраля 1907 года за № 314 лицамъ и учрежденіямъ духовнаго вѣдомства предложены къ исполненію особыя „Правила пересылки рукописей, книгъ и документовъ изъ одного учрежденія въ другое" (напечатаны въ № 9-мъ „Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ" за 1907-й годъ), которыми Совѣтъ Академіи и обязанъ руководствоваться.

XVIII. Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 25 ноября за № 9900:

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода имѣетъ честь, по ходатайству Старшаго Столоначальника Канцеляріи Надворнаго Совѣтника Филиппа *Виноградова*, покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи о доставленіи рукописнаго кандидатскаго сочиненія Виноградова подъ заглавіемъ: „Внѣшняя и внутренняя организація церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты и ихъ современное состояніе“ (каковое сочиненіе подано въ 1895 г.).

Къ сему Канцелярія считаетъ нужнымъ присовокупить, что Надворный Совѣтникъ Виноградовъ обязуется возвратить означенную рукопись черезъ три мѣсяца по полученіи ея“.

Опредѣлили: Выслать въ Канцелярію Оберъ - Прокурора Святѣйшаго Синода рукопись кандидатскаго сочиненія г. Виноградова на испрашиваемый трехмѣсячный срокъ.

XIX. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи студента I курса *Ивана Маркова:*

„Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Преосвященство оставить меня на второй годъ на первомъ курсѣ Академіи, такъ какъ я въ настоящее время, какъ это видно изъ прилагаемаго при семъ докторскаго свидѣтельства, страдаю нейрастеніей, требующею продолжительнаго лѣченія и полнаго воздержанія, до выздоровленія, отъ умственныхъ работъ“.

Опредѣлили: Оставить студента I курса Академіи Ивана Маркова, по болѣзни, въ томъ же курсѣ на второй (1909—1910) учебный годъ.

XX. Прошеніе студента II курса Академіи *Николая Соколова*:

„Не замѣчая улучшенія своего здоровья, прошу Совѣтъ профессоровъ Московской Духовной Академіи уволить меня изъ Академіи. Къ документамъ прошу приложить отзывъ о моемъ поведеніи въ Академіи и выслать ихъ Преосвященнѣйшему Евсевію, Викарію Ярославской епархіи“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 10 сентября 1908 года студентъ I курса Николай Соколовъ, не представившій, по болѣзни, семестроваго сочиненія по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ и проповѣди, переведенъ былъ во II курсъ условно, съ обязательствомъ представить означенныя письменныя работы къ концу

1908—1909 учебнаго года. 2) На свое содержаніе въ Академіи студентъ Соколовъ получалъ вспомоществованіе отъ Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры. 3) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „зачисленіе въ студенты академіи, увольненіе по прошеніямъ и исключеніе изъ академіи“ отнесены въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи“.

Опредѣлили: 1) Уволить Николая Соколова, согласно его прошенію, по болѣзни, изъ числа студентовъ I курса Академіи.—2) Постановленіе это сообщить Духовному Собору Свято-Троицкія Сергіевы Лавры съ просьбою избрать на мѣсто Соколова другого стипендіата изъ числа недостаточныхъ студентовъ II или I курса Академіи.

XXI. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что сербскій уроженецъ *священникъ Димитрій Поповичъ*, которому разрѣшено было указомъ Святѣйшаго Синода отъ 30 сентября 1908 года за № 12051 поступить, по сдачѣ установленныхъ испытаній, въ число студентовъ Московской Духовной Академіи, сдалъ, предъ особо для сего назначенными коммисіями изъ г.г. наставниковъ Академіи, испытанія по предметамъ, установленнымъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 2—22 марта 1904 года за № 1186 (за исключеніемъ испытанія по одному изъ древнихъ языковъ, отъ котораго освобожденъ, какъ иностранецъ) и получилъ слѣдующіе баллы: *а) на устныхъ испытаніяхъ*: по Священному Писанію Ветхаго Завѣта—3½, Священному Писанію Новаго Завѣта—4½, догматическому богословію—3½ и общей церковной исторіи—4; *б) на письменныхъ работахъ:* по основному богословію—3—, психологіи—3 и поученіе—3+.

Опредѣлили: Сербскаго уроженца священника Димитрія Поповича принять въ число студентовъ I курса Академіи, о чемъ и сообщить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ для ассигнованія на его содержаніе въ Академіи стипендіи изъ духовно-учебнаго капитала.

XXII. Прошенія на имя Преосвященнаго Ректора Академіи:

а) *священника* Могилевской епархіи, Оршанскаго уѣзда, Высочанской церкви *Михаила Свидерскаго:*

„Въ 1903 году я, непосредственно по окончаніи курса Ви-

тебской Духовной Семинаріи, поступилъ въ число студентовъ I-го курса Кіевской Духовной Академіи, но по случаю внезапной смерти отца, въ Октябрѣ мѣсяцѣ того же года, былъ принужденъ оставить Академію и для устройства осиротѣвшаго семейства и воспитанія братьевъ и сестеръ—занять священническое мѣсто моего отца.

Въ текущемъ году я закончилъ воспитаніе сиротъ и только мѣсяцъ тому назадъ устроилъ ихъ на мѣста службы. Послѣ сего лишь у меня явилась возможность продолжать прерванное высшее образованіе. Однако постигшая меня болѣзнь воспрепятствовала мнѣ своевременно ходатайствовать о принятіи меня въ Академію. Теперь же, хотя и пропущено начало учебнаго года, я не теряю надежды на милостивое снисхожденіе ко мнѣ и осмѣливаюсь почтительнѣйше просить Ваше Преосвященство принять меня безъ новыхъ испытаній въ настоящемъ учебномъ году въ число студентовъ I курса ввѣренной Вашему Преосвященству Академіи, въ которую мнѣ лучше поступить какъ по близости разстоянія ея отъ родныхъ, такъ и по сравнительной дешевизнѣ жизни въ Сергіевскомъ Посадѣ.—Семестровыя сочиненія обязуюсь представить въ срокъ назначенный Вашимъ Преосвященствомъ. При семъ прилагаю копію своего формулярнаго по службѣ списка, остальные же документы будутъ представлены мною по первому требованію".

б) Окончившаго курсъ Императорскаго Московскаго Университета, по юридическому факультету, *Владиміра Пятницкаго:*

„Имѣю честь просить Ваше Преосвященство принять меня въ число студентовъ Московской Духовной Академіи безъ экзамена, какъ окончившаго курсъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Необходимые документы будутъ мною представлены дополнительно":

Опредѣлили: Въ виду истеченія бо́льшей половины 1908—1909 учебнаго года, просьбы священника Свидерскаго и г. Пятницкаго о принятіи ихъ въ число студентовъ Академіи отклонить, предоставивъ просителямъ обратиться съ таковыми въ Совѣтъ Академіи въ началѣ слѣдующаго учебнаго года.

XXIII. Прошеніе *священника* Тамбовской губерніи, Елатомскаго уѣзда, села Савостьянова *Николая Черникова:*

„Представляя при семъ копію съ аттестата объ окончаніи мною курса Пензенской Духовной Семинаріи и удостовѣреніе благочиннаго 1-го Елатомскаго округа о моемъ бытіи въ священномъ санѣ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи зачислить меня въ текущемъ учебномъ году вольнослушателемъ. Документы обязуюсь доставить послѣ".

Опредѣлили: Увѣдомить просителя чрезъ академическую Канцелярію, что по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 14 декабря 1906 года пріемъ вольнослушателей производится лишь *съ начала* каждаго учебнаго года.

XXIV. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всѣхсвятскаго*:

„По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 31 января текущаго 1908 года ординарному профессору по каѳедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскому* поручено было съ 1 февраля, на основаніи § 60 устава духовныхъ академій, временное чтеніе лекцій по вакантной каѳедрѣ *новой гражданской исторіи.* 1-го февраля будущаго 1909 года истекаетъ опредѣленный въ этомъ параграфѣ академическаго устава годичный срокъ, далѣе котораго преподаватели Академіи не могутъ занимать одновременно двухъ каѳедръ.—Честь имѣю доложить о семъ Совѣту Академіи".

Опредѣлили: Принимая во вниманіе, что приглашенный, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 12 іюня 1908 года, на каѳедру новой гражданской исторіи экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго Университета А. Н. Савинъ заявилъ о невозможности для него начать чтеніе лекцій въ Академіи ранѣе будущаго учебнаго года, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи временному преподавателю новой гражданской исторіи — ординарному профессору Академіи А. А. Спасскому продолжить чтеніе лекцій по означенному предмету до конца текущаго 1908—1909 учебнаго года.

XXV. Сообщеніе *Правленія Академіи* о томъ, что 24 студента Академіи—своекоштныхъ и пользующихся неполными стипендіями—до сего времени не внесли сполна платы за

свое содержаніе въ академическомъ общежитіи въ текущемъ первомъ полугодіи 1908—1909 учебнаго года, при чемъ общая сумма недоимки достигаетъ 947 р. 50 к.

Справка: 1) § 151 устава духовныхъ академій: „Пансіонеры вносятъ годичную плату въ два срока: въ сентябрѣ и январѣ; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ академіи“.—2) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „исключеніе студентовъ изъ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Объявить студентамъ, не внесшимъ сполна платы за свое содержаніе въ текущемъ первомъ полугодіи 1908—1909 учебнаго года, что тѣ изъ нихъ, которые не покроютъ числящейся за ними недоимки къ 15-му января будущаго 1909 года,—будутъ уволены изъ Академіи.

XXVI. Разсуждали: *о назначеніи окончившимъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанникамъ Академіи премій:* а) протоіерея А. И. Невоструева въ 158 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія; б) протоіерея А. М. Иванцова-Платонова (двѣ преміи, по 160 р. каждая)—за лучшія кандидатскія сочиненія по церковной исторіи; в) покойнаго Архіепископа Казанскаго и Свіяжскаго Димитрія въ 76 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія, посвященныя преимущественно описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви; г) двухъ премій Митрополита Московскаго Макарія, по 97 рублей каждая,—за лучшія семестровыя сочиненія студентовъ Академіи, написанныя ими въ теченіи первыхъ трехъ курсовъ, и д) преміи протоіерея І. П. Орлова въ 32 рубля—за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей.

Справка: 1) Премія протоіерея А. И. Невоструева, согласно пункту 1-му правилъ относительно употребленія % съ пожертвованнаго имъ капитала, присуждается за то изъ кандидатскихъ сочиненій, которое въ этомъ году признано будетъ Совѣтомъ за лучшее.—2) Положенія о стипендіи и преміи имени протоіерея А. М. Иванцова-Платонова п. 10: „Остатки отъ процентовъ со всего стипендіальнаго капитала (сверхъ 220 рублей) выдаются въ одно изъ засѣданій сентябрской трети за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій по

предмету церковной исторіи, по постановленію Совѣта Академіи"; 3) Положенія о преміи Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, § 2: „Премія выдается черезъ два года, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви". 4) Правилъ о присужденіи премій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ, утвержденныхъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 января 1885 года за № 251, *а) п. 7-й* (въ новой редакціи, утвержденной указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня 1898 года за № 2946): „Третья и четвертая преміи назначаются по окончаніи студентами академическаго курса въ одно изъ засѣданій сентябрской трети тѣмъ изъ нихъ, которыми поданы были всѣ семестровыя сочиненія, назначенныя имъ въ теченіи трехъ первыхъ курсовъ, и изъ нихъ болѣе половины означено балломъ 5 и нѣтъ ни одного, имѣющаго баллъ ниже 4". *б) п. 8-й:* „Въ случаѣ, если окажется болѣе двухъ студентовъ одного курса, которыхъ сочиненія удовлетворяютъ изложеннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, преимущество отдается тѣмъ, у кого сумма балловъ на сочиненіяхъ больше; въ случаѣ же равенства преимущество отдается за сочиненія позднѣйшихъ курсовъ, предпочтительно предъ предшествующими". 5) Изъ окончившихъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанниковъ Академіи: а) лучшія семестровыя сочиненія за первые три курса представили: *Флоренскій Павелъ* (5+, 5+, 5; 5+; 5, 5, 5) и *Нечаевъ (Косташъ) Петръ* (5, 5, 5; 5; 5, 5, 5); а б) высшія отмѣтки на проповѣдяхъ имѣютъ: *Голощаповъ Сергѣй* (5—, 5, 5+) и *Флоренскій Павелъ* (5—, 5, 5).—6) Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058: „присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи" отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Премію протоіерея А. И. Невоструева въ 158 рублей назначить кандидату Академіи выпуска 1908 года *Павлу Флоренскому* за кандидатское сочиненіе на тему: „О религіозной истинѣ"; премію протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 рублей—кандидату того же выпуска *Ни-*

колаю Махаеву за сочиненіе на тему: „Литургическая дѣятельность Геннадія, архіеп. Новгородскаго"; премію Высокопреосвященнаго Архіепископа Димитрія въ 76 рублей—кандидату того же выпуска *священнику Николаю Шеметилло* за сочиненіе на тему: „Митрополитъ Литовскій Іосифъ Сѣмашко, какъ проповѣдникъ".—2) Присужденіе второй преміи имени протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 рублей—отложить до слѣдующаго года.—3) Двѣ преміи митрополита Московскаго Макарія за лучшія семестровыя сочиненія, по 97 рублей каждая, выдать кандидатамъ *Флоренскому Павлу* и *Нечаеву (Косташъ) Петру*, а премію протоіерея І. П. Орлова за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей, въ 32 руб., кандидату *Голощапову Сергѣю*,—о чемъ и сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

XXVII. *О выдачѣ изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго П. А. Мухановою, пособій членамъ академической корпораціи:*

Справка: По §§ 4—6 руководственныхъ правилъ при распредѣленіи пособій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго П. А. Мухановою: „Проценты съ другой части Мухановскаго капитала въ количествѣ 1187 рублей 50 копѣекъ (нынѣ, по обмѣнѣ 5% облигацій Московскаго Городского Кредитнаго Общества, въ которыхъ заключался означенный капиталъ, на свидѣтельства Государственной 4% ренты,—въ количествѣ 1000 рублей), назначенные на дополнительныя къ жалованію пособія членамъ академической корпораціи, каждогодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно не менѣе трехъ выдается семейнымъ и не менѣе одной безсемейнымъ лицамъ.—Право на пособіе получаютъ тѣ лица академической корпораціи, которыя прослужили не менѣе пяти лѣтъ, а при академіи не менѣе двухъ лѣтъ, причемъ включается сюда и годъ профессорскаго степендіатства.—Въ случаѣ какихъ-либо особенно тяжелыхъ обстоятельствъ или крайней нужды пособіе можетъ быть назначено или въ усиленномъ размѣрѣ (чрезъ соединеніе двухъ частей въ одну), или вторично, хотя бы лицо нуждающееся уже получило пособіе въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, а равно прослужившимъ и менѣе 5 лѣтъ".

Опредѣлили: 1) Изъ процентовъ съ капитала П. А. Мухановой, въ количествѣ 1000 рублей, выдать пособія слѣдующимъ лицамъ: ординарному профессору *А. И. Введенскому*, экстраординарнымъ профессорамъ *П. П. Соколову*, *И. В. Попову* и *А. И. Покровскому* и исправляющему должность доцента *Ѳ. М. Россейкину*, по равной суммѣ—200 рублей—каждому.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Янв. 21. По ст. VI и XXIV. Согласенъ ходатайствовать. По ст. VIII. Отпускъ стипендіату Петру Нечаеву на срокъ четырехъ мѣсяцевъ (съ 15 Января по 15 Мая) съ правомъ пользоваться за это время положеннымъ ему содержаніемъ разрѣшается. Прочее смотрѣно“.

2007088068